185

ЗАПИСКИ

МОСКОВСКАГО

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА,

Инв. № 14746

ИЗДАВАЕМЫЯ

подъ редакціей А. И. Успенскаго.

Томъ XV.

2

БИБЛІОТЕКА
Постоянной
ПОЛЯРНОЙ КОМИССІИ
Р. А. И.
Поступленіе № 660
Отдѣлъ № III
Номеръ Отдѣла 459

Печатня А.И.Снегиревой Москва.
1912.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савельевскій пер.
8457.

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

Печатано по постановленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института. 4 октября 1911 года.

Директоръ Института *Александръ Успенскій.*

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

I. **В. Н. Семенковичъ.** П. М. Ламартиньеръ. Путешествіе въ Сѣверныя страны (1653 г.). Переводъ и примѣчанія . . . . . 1-XXXIX+1-229.

II. **Н. Г. Высоцкій.** Слово о милости (по рукописи Кіево-Печерской Лавры № 145). . 1—100.

III. **Н. В. Чарыковъ.** Объ итальянской фрескѣ, изображающей Іоанна III и Софію Палеологъ. 1—5.

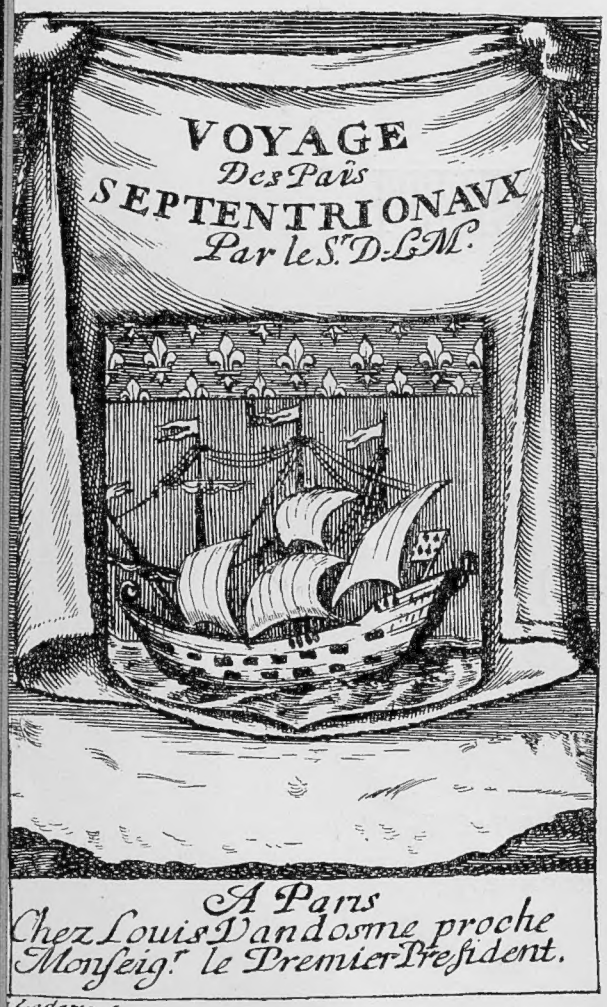
П. М. де-ЛАМАРТИНЬЕРЪ

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СѢВЕРНЫЯ СТРАНЫ

(1653 г.)

Переводъ и примѣчанія

В. Н. Семенковича.



VOYAGE
DES PAIS
SEPTENTRIONAVX.

Dans lequel ſe void les mœurs, maniere de vivre, & ſuperſtitions des Norweguiens, Lappons, Kiloppes, Borandiens, Syberiens, Samojedes, Zembliens, & Iſlandois, enrichi de pluſieurs figures.

Par le ſieur DE LA MARTINIERE,

A PARIS,
Chez LOUIS VENDOSME, Libraire, dans la court du Palais, proche l'Hoſtel de Mr le Premier Preſident, au Sacrifice d'Abraham. 1671.

AVEC PRIVILEGE DV ROY.

Факсимиле фронтисписа (налѣво) и заглавнаго листа (направо) перваго изданія (Парижъ 1671).

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

СѢВЕРНЫЯ СТРАНЫ,

ВЪ КОТОРОМЪ ОПИСАНЫ НРАВЫ, ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И СУЕВѢРІЯ НОРВЕЖЦЕВЪ, ЛАПЛАНДЦЕВЪ, КИЛОПОВЪ, БОРАНДАЙЦЕВЪ, СИБИРЯКОВЪ, САМОѢДОВЪ, НОВО-ЗЕМЕЛЬЦЕВЪ И ИСЛАНДЦЕВЪ, СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ.

Де-Ламартиньера.

Переводъ, объясненія и примѣчанія **В. Н. Семенковича,**

инженеръ-механика и ученаго археолога, почетнаго члена Московскаго Археологическаго Института и Международной Академіи Наукъ, Искусствъ и Литературы въ Тулузѣ.

Переводъ и печатаніе исполнены подъ наблюденіемъ **С. К. Кузнецова.**

Совѣтомъ Московскаго Археологическаго Института сочиненіе это удостоено золотой медали.

VOYAGE DES PAIS SEPTENTRIONAUX,

par **P.-M. de la Martinière**

Traduction de la première édition (Paris, 1671), avec articles éclaircissants (en russe et en français) et remarques faits par W. N. Semenkowitz, membre honoraire de l'Institut Archéologique de Moscou et de l'Académie Internationale des Arts, Sciences et Lettres de Toulouse.

Изданіе Московскаго Археологическаго Института.

инв. 2337 пк

Трудъ свой посвящаю

дорогому наставнику

Стефану Кировичу

Кузнецову.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе:

I. Пьеръ-Мартинъ де-Ламартиньеръ и его книга „Путешествіе въ сѣверныя страны“ I

II. Обзоръ свѣдѣній о сѣверо-востокѣ Россіи до Ламартиньера. XXI

III. Заключеніе XXXV

Глава I. Отправленіе автора изъ Копенгагена на кораблѣ Сѣверной Компаніи короля датскаго и прибытіе въ Христіанію, въ Норвегіи. 1

Примѣчанія 2

Глава II. Окрестности Христіаніи. Нравы и обычаи норвежскихъ крестьянъ. 3

Глава III. Охота на лосей; странное мнѣніе о цѣлебномъ свойствѣ ихъ ногъ. Норвежское дворянство и его вліяніе. . 4

Примѣчанія. 5

Глава IV. Отъѣздъ изъ Христіаніи: прибытіе въ Бергенъ въ Норвегіи и особенности этого города 7

Глава V. Отплытіе изъ Бергена и прибытіе въ Дронтгеймъ 7

Примѣчанія 8

Глава VI. Поѣздка на серебряно-мѣдные рудники короля датскаго 8

Глава VII. Мѣдные и серебряные рудники въ Норвегіи. 9

Глава VIII. Угощеніе, устроенное автору однимъ норвежскимъ крестьяниномъ, на пути съ рудниковъ въ Дронтгеймъ. 11

Глава IX. Отъѣздъ изъ Дронтгейма: какъ моряки вынуждены были „покупать“ вѣтеръ и объ опасностяхъ плаванія въ сѣверныхъ моряхъ. 11

Примѣчанія 12

Глава X. Избавленіе отъ опасности во время бури. . . 15

Примѣчаніе 16

Глава XI. Прибытіе въ Варангеръ, въ Датской Лапландіи. 16

Стр.

Глава XII. Обычаи, нравы, суевѣрія и костюмы жителей Датской Лапландіи 16

Примѣчаніе. 19

Глава XIII. Отъѣздъ автора изъ Варангера къ Мурманскому берегу 21

Примѣчаніе. 22

Глава XIV. Какъ ѣздятъ на сѣверныхъ оленяхъ въ Лапландіи; нравы этихъ животныхъ. 22

Глава XV. Прибытіе автора къ Мурманскому берегу; особенности этой страны 24

Примѣчаніе 24

Глава XVI. Путешествіе автора въ страну килоповъ и образъ ихъ жизни. 25

Примѣчанія 26

Глава XVII. Прибытіе автора въ Московитскую Лапландію; нравы и обычаи жителей. 27

Примѣчаніе 28

Глава XVIII. Пріѣздъ автора въ Колу; положеніе этого города, постройки и особенности его. 29

Примѣчанія. 29

Глава XIX. Обратный путь автора изъ Колы въ Варангеръ; забавныя похороны у московитскихъ лапландцевъ. 30

Примѣчанія 32

Глава XX. О рукодѣльѣ московитскихъ лапландокъ и о прочемъ. 35

Примѣчанія 36

Глава XXI. Встрѣча съ московитскимъ лапландцемъ, идущимъ на охоту. 36

Глава XXII. Возвращеніе въ Варангеръ; о ловкости, съ которою лапландцы бросаютъ дротикъ и стрѣляютъ изъ лука, и другія подробности 37

Примѣчанія 38

Глава XXIII. Отъѣздъ автора изъ Варангерскаго моря, дальнѣйшее плаваніе и прочія подробности. 39

Примѣчанія 40

Глава XXIV. Свиданіе съ датчанами, съ коими авторъ отправился въ путь изъ Даніи, которые были отброшены бурею, и разсказъ объ ихъ приключеніяхъ 44

Примѣчаніе 45

Глава XXV. О рѣшеніи, принятомъ датчанами, съ которыми находился авторъ, ѣхать торговать въ Борандай . . . 45

Стр.

Глава XXVI. Наружный видъ, покрой одежды, образъ жизни борандайцевъ и прочее 46

Примѣчаніе 47

Глава XXVII. Угощеніе, устроенное датчанами, съ коими находился авторъ, борандайцамъ, и его путешествіе въ Борандай. 48

Глава XXVIII. Продолженіе путешествія автора къ борандайцамъ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ борандайцевъ. . . 50

Глава XXIX. Встрѣча съ однимъ борандайскимъ господиномъ и его двумя слугами, возвращавшимися съ охоты, и ихъ одежды. 51

Примѣчанія 53

Глава XXX. Отъѣздъ автора изъ Вичоры въ Почору и о торговлѣ, которую вели его спутники. 54

Примѣчанія 56

Глава XXXI. Отъѣздъ автора изъ Почоры въ Сибирь; о встрѣчѣ съ пятью ссыльными, сосланными великимъ княземъ, объ ихъ несчастьяхъ и о прибытіи въ Пашингородъ . 56

Примѣчаніе 60

Глава XXXI[bis]. Пріемъ, оказанный воеводою Пашингорода датчанамъ, съ коими находился авторъ 60

Примѣчаніе 61

Глава XXXII. Торговля, которую вели спутники автора—датчане въ Пашингородѣ; положеніе этого города, нравы и одежды сибиряковъ и московитовъ 69

Глава XXXII[bis]. Отъѣздъ автора изъ Пашингорода въ обратный путь черезъ Самоѣссію на датскія суда; нравы, образъ жизни, одежда и другія особенности самоѣдовъ. 71

Примѣчанія 73

Глава XXXIII. Отъѣздъ автора изъ Борандая на Новую Землю; о встрѣчѣ съ толпой новоземельцевъ, покланяющихся солнцу, и о другихъ двухъ, покланяющихся деревянному идолу, называемому *фетицо*. 76

Примѣчанія 77

Глава XXXIV. О болѣзни, называемой скорбутъ, которою заболѣлъ авторъ и большая часть датчанъ, съ коими онъ находился 81

Примѣчанія 82

Глава XXXV. Объ охотѣ на морскую лошадь и о гибели двухъ матросовъ, которые были утоплены ударомъ хвоста подобной рыбы. 82

Примѣчанія 85

Стр.

Глава XXXVI. Смѣлость горныхъ медвѣдей на о. Вайгачѣ; поимка нѣсколькихъ птицъ, которыхъ датчане называютъ пингвинами. 87

Примѣчанія 89

Глава XXXVII. О новоземельцѣ, который опасался, что его захватятъ датчане, съ коими находился авторъ; о другомъ новоземельцѣ и новоземельской женщинѣ, захваченныхъ въ челнокѣ, и объ устройствѣ этого челнока. 90

Примѣчанія 91

Глава XXXVIII. Захватъ еще одного новоземельца и туземки; объ ихъ одеждѣ, вооруженіи и образѣ жизни. 92

Глава XXXIX. Отъѣздъ датчанъ, съ которыми былъ авторъ, съ Н. Земли въ Данію; о прибытіи ихъ въ Грёнландъ, объ охотѣ на кита и о томъ, какъ добываютъ изъ него жиръ. . 94

Примѣчаніе 94

Глава XL. Отплытіе изъ Грёнланда датчанъ, съ коими находился авторъ; о трехъ солнцахъ, которыя показались имъ на морѣ, и о бурѣ, вынудившей ихъ пристать къ берегамъ Исландіи. 95

Примѣчанія 96

Глава XLI. Прибытіе автора въ Киркебаръ; о его путешествіи на Геклу, объ опасности, которой онъ избѣжалъ; о чудныхъ свойствахъ двухъ фонтановъ, вытекающихъ изъ этой горы, и о прочемъ 96

Примѣчанія 99

Глава XLII. Жилища, образъ жизни, суевѣрія исландцевъ и проч. 100

Глава XLIII. Отправленіе датчанъ, съ коими былъ авторъ, отъ мыса Горн; о прибытіи ихъ въ Копенгагенъ и о поднесеніи (королю) пайщиками Компаніи двухъ роговъ морской лошади (нарвала), которые они приняли за рога единорога. 101

Глава XLIV. Заблужденіе на счетъ единорога (ликорна) и о свойствахъ его рога. 102

Примѣчаніе. 105

Глава XLV. Разсужденіе автора объ ошибкахъ географовъ въ обозначеніи мѣста Н. Земли и Грёнланда, и о тѣхъ, которые писали о Вайгачѣ и Самоѣссіи. 107

Примѣчанія. 111

Дополненія:

Къ стр. XVI Введенія. 117

Стр.

Къ главѣ IX. 117

Къ главѣ XXXV. 120

Прибавленіе: Переводъ разсказа лотарингскаго дворянина, помѣщеннаго въ амстердамскомъ изданіи (Э. Рожера) книги Ламартиньера.

Фронтисписъ этого изданія и заглавный листъ. . . . 121

Введеніе. 122

Глава XXVIII. Природныя свойства русскихъ. Презрѣніе ихъ къ наукамъ. Объ ихъ духовенствѣ. Объ ихъ богослуженіи и ихъ церквахъ. Какіе обряды соблюдаютъ они въ дѣлахъ вѣры. Часы ихъ молитвы. Ихъ крещеніе. Имена и жены священниковъ, одежда духовенства. Необычайная смерть нѣкоторыхъ отступниковъ иностранцевъ. 127

Примѣчаніе 129

Глава XXIX. О русской свадьбѣ. Церемоніи, соблюдаемыя причетникомъ относительно невѣсты. Эпиталама, распѣваемая молодыми людьми и дѣвушками. Наставленіе старой женщины новобрачнымъ. О брачной комнатѣ. Молодая снимаетъ сапоги съ молодого. Жестокости, совершаемыя русскими надъ своими женами. Условіе, которое дѣлаютъ родители невѣсты съ желающими жениться на ихъ дочеряхъ. Колдовство, употребляемое на свадьбахъ. Затворничество женщинъ. Наказанія, налагаемыя на тѣхъ, которые женятся во второй или третій разъ. О царевичѣ (*czaröide*). Какъ царь выбираетъ себѣ жену. Что произошло, когда онъ пожелалъ вступить въ бракъ. Родители царицы (*de l'impératrice*). О дѣтяхъ русскихъ. Когда ихъ отнимаютъ отъ груди. О постахъ и покаяніи. 130

Глава XXX. О патріархѣ, объ его митрѣ и его дворцѣ. Церемонія Вербнаго Воскресенія и Страстной Пятницы. Исторія одного деревенскаго жителя. Способъ взаимнаго привѣтствованія на Пасхѣ. Подарки патріарха дворянамъ и офицерамъ царскаго двора. Развлеченія русскихъ. Привѣтствія, которыми обмѣниваются между собою русскія женщины 136

Глава XXXI. Погребеніе. О томъ, какъ женщины обязаны оплакивать мужей. Что необходимо дѣлать въ самый моментъ чьей-либо смерти. Уходъ за покойниками. О томъ, что убитыхъ или замерзшихъ должно хоронить только у св. Ивана. О необычайныхъ кутежахъ, происходящихъ на масляной. Почему это происходитъ 139

Глава XXXII. Иконы. О способѣ обмѣнивать ихъ на Божьемъ рынкѣ. Объ уваженіи и почитаніи, оказываемомъ русскими

Стр.

иконамъ. Подарки, дѣлаемые русскими Николаямъ. Наказаніе, которому подвергалась одна женщина, позаимствовавшая изъ церкви часть сдѣланныхъ ею украшеній. Наказаніе еретиковъ. Распущенность монаховъ и монахинь. 141

Глава XXXIII. О музыкѣ. Исторія одного посла. Нищіе въ Россіи просятъ милостыню, распѣвая стихи. О барабанахъ. О трубахъ и охотничьихъ рожкахъ. О танцахъ. 142

Глава XXXIV. Черкасы (*Circassiens.*). Ихъ религія. Ихъ пьянство. Ихъ танцы. Ихъ управленіе. Колдовство—явленіе у нихъ обыкновенное. О казакахъ 143

Глава XXXV. Законъ и правительство у русскихъ. Способъ писать и откуда онъ заимствованъ. Названіе дьяковъ и секретарей. Объ особѣ государя, царствующаго въ настоящее время. Его характеръ. Сравненіе его съ предками. О томъ, что его имперія очень обѣднѣла и обезлюдѣла, вслѣдствіе набѣговъ татаръ 144

Глава XXXVI. Начало и развитіе Россійской Имперіи. Предки царя Михайловича. Характеръ Ивана Васильевича. Челобитная, поданная имъ одному дьяку. Его завоеванія. Чувства народа къ нему. Почему онъ наложилъ штрафъ на городъ Вологду. Отношеніе его къ женщинамъ, которыя насмѣхались надъ нимъ. Промахъ одного воеводы. Наказаніе другого воеводы за взятки. Иванъ былъ почитателемъ королевы Елизаветы. Пріемъ, сдѣланный имъ одному посланнику. Происшествіе съ кавалеромъ Жеромомъ Бозомъ. Сапожникъ подноситъ Васильевичу брюкву. Что онъ съ ней сдѣлалъ. Царь вступаетъ въ компанію съ ворами 147

Глава XXXVII. Происхожденіе слова царь. Гербы и титулы императора. Царь не выбираетъ себѣ жены за предѣлами своего государства. Его столъ, развлеченія и визиты. О царевичѣ. 150

Глава XXXVIII. Доходы царя, его привилегіи, торговля, запасы. Расходы по его двору и дворцу. О дворѣ. О боярахъ. Монастыри, монахи и монахини. Чиновники. 152

Глава XXXIX. О городѣ Москвѣ. О драгоцѣнностяхъ царя. Его одежды; одежды императрицы и придворныхъ дамъ. Какъ царица путешествуетъ. Мода и языкъ русскихъ: на сколько они отличаются отъ другихъ націй. Объ ихъ часахъ. . . . 154

Глава XL. Судебные порядки. Когда и какъ наказываютъ убійцу. Очень трудный вопросъ въ Россіи: какимъ образомъ совершать казнь? Наказанія для фальшивомонетчи-

Стр.

ковъ. Наказаніе одного человѣка, который хотѣлъ убить сову во дворцѣ императора. Ссылка для заговорщиковъ 157

Глава XLI. О Сибири и ея обитателяхъ. Тамбулъ—ея столица. О чаѣ и бур-діанѣ и ихъ свойствахъ. Куницы и какъ ихъ ловятъ. Чрезвычайный холодъ, бывающій въ Сибири. Чѣмъ тамъ кормятъ коровъ. О рѣкѣ Обп. Объ икрѣ. О самоѣдахъ. Пища людоѣдовъ. Ихъ санки. Ихъ охота. Ихъ одежда. Ихъ обычаи. Наблюденія, касающіяся сѣверныхъ народовъ. 158

Глава XLII (напеч. по недосмотру **LII**). О южной части Сибири. О пустынѣ, называемой степью. Страна бѣлокъ. О птицѣ, похожей на бекаса. О другой, похожей на сокола. И о третьей, которая величиной съ лебедя. Опровергнутая исторія растенія, называемаго барашекъ. 161

Глава XLIII. Краткое описаніе Татаріи. Ея столица. Дань, которую платятъ татары. Московиты платили дань крымскому хану. Переѣзды, которые татары совершаютъ въ одинъ день. Они ѣдятъ конское мясо и не употребляютъ ни хлѣба, ни соли. Они обладаютъ удивительнымъ зрѣніемъ и прекрасные наѣздники. Они смѣются надъ вѣрой русскихъ. О татарахъ-калмыкахъ 164

Глава XLIV. Невѣжество и идолопоклонство народа въ Россіи. Что онъ думаетъ о св. Николаѣ. Его природныя свойства. О полякахъ. Объ ихъ законахъ и короляхъ 165

Глава XLV. О сифилисѣ. О колтунѣ, или польской паршѣ. Почтеніе, которое имѣютъ къ ней поляки. Происхожденіе обычая пудрить волосы. Поляки исполняютъ заключенные ими договоры болѣе добросовѣстно, чѣмъ русскіе. Способъ взаимнаго привѣтствія. О томъ же у татаръ и черкесовъ. Сравненіе языковъ русскаго и польскаго. 167

Глава XLVI. О русскомъ дворѣ. Объ отцѣ нынѣ царствующаго царя. Графъ Вольмеръ проситъ въ супружество дочь царя Михаила. Смерть этого императора. Исторіи отца Бориса Ивановича (Морозова). Счастье Бориса. Его паденіе и возвышеніе вновь. Женитьба весьма поощряется въ Россіи. Нащокинъ — великій реформаторъ. Его мнѣнія касательно дѣйствій нѣкоторыхъ христіанскихъ государей. 168

Глава XLVII. Какъ евреи проникли ко двору царя. Богданъ Матвѣевичъ, любимецъ императора. Его любовныя похожденія. Ревность и смерть его жены. Фабрики, заведенныя царемъ. Онъ ежегодно выѣзжаетъ на дачу. Народъ никогда не присутствуетъ при его развлеченіяхъ. Что приключилось съ

Стр.

однимъ русскимъ капитаномъ, который намѣревался подать царю челобитную, когда тотъ былъ на дачѣ. Петръ Салтыковъ отставленъ отъ должностей и удаленъ отъ двора. Причина его немилости. Нащокинъ назначенъ на его мѣсто. Царь осматриваетъ столы своихъ чиновниковъ. Онъ повсюду имѣетъ шпіоновъ. Наказываютъ смертью того, кто разбалтываетъ о томъ, что дѣлается при дворѣ. О дѣтяхъ царя и кто имъ служитъ. 173

Глава XLVIII. О торговлѣ Россіи. Что произойдетъ, если персы тутъ будутъ торговать. Англійскія сукна не цѣнятся здѣсь. Что слѣдовало бы сдѣлать англичанамъ, чтобъ уменьшить вліяніе голландцевъ на царя и возстановить свое. О мирѣ, заключенномъ русскими съ Польшей 175

Примѣчаніе 177

Глава XLIX. О разныхъ сортахъ грибовъ, растущихъ въ Россіи, ихъ формахъ и качествахъ 177

1. Pierre-Martine de La Martinière et son livre: „Voyage aux pays du Nord“ 180

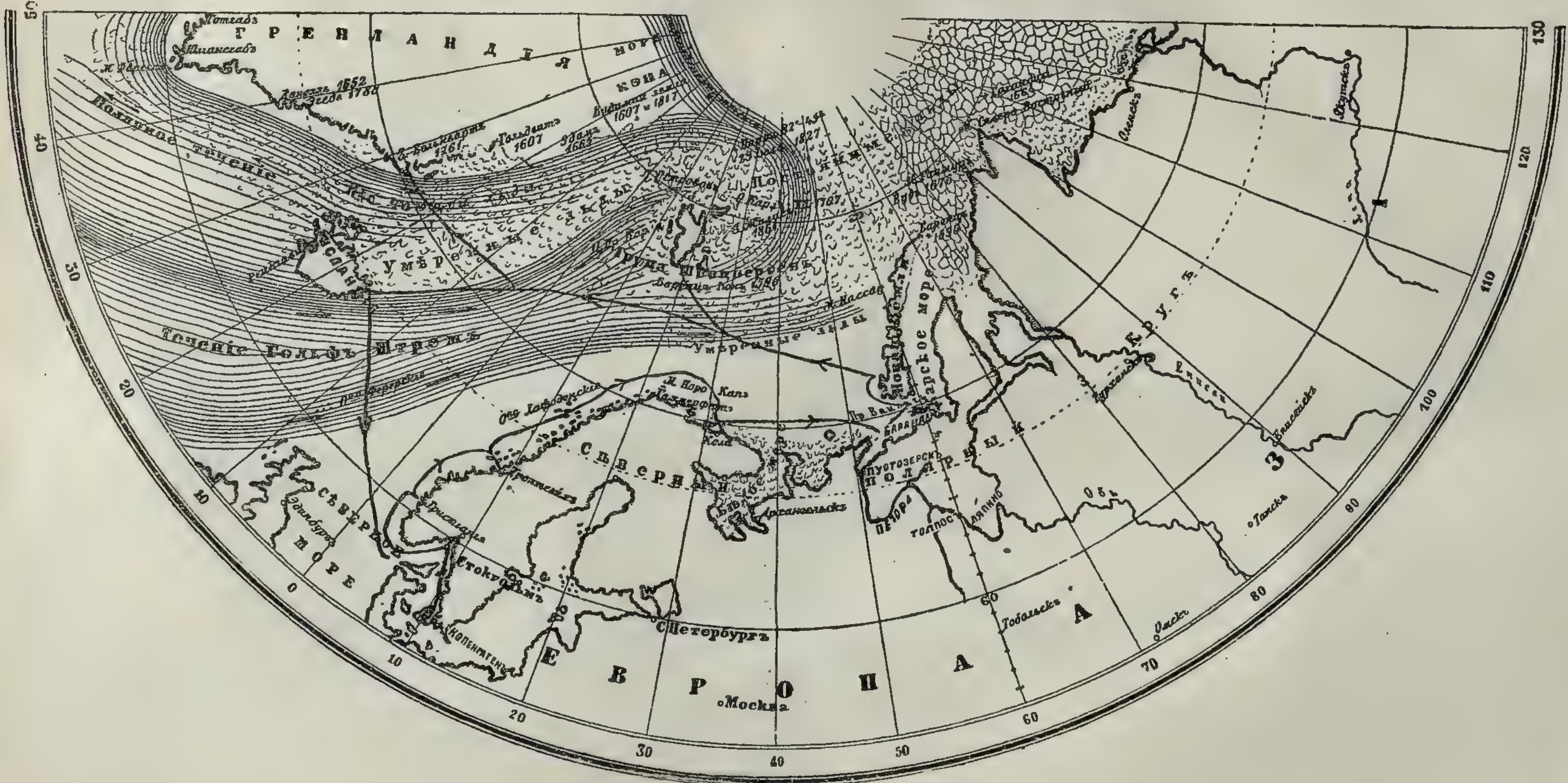
2. Résumé de ce que l'on savait du Nord-Est de la Russie avant La Martinière 200

3. Conclusion. 216

Указатель именъ, мѣстностей и предметовъ 221

Примѣчаніе: Въ виду того что на картѣ пути Ламартиньера, помѣщенной ниже, на страницѣ XL, названія мѣстъ вышли неясно,—перепечатываемъ ее на оборотѣ этой страницы.

КАРТА морского пути, совершеннаго датчанами въ 1653 г.



Путь Ламартиньера.

I. Пьеръ-Мартинъ де-Ламартиньеръ

и его книга

„Путешествіе въ сѣверныя страны".

Ламартиньеръ совершилъ одно изъ удачнѣйшихъ путешествій по сѣверу Европы въ половинѣ XVII столѣтія и въ частности посѣтилъ такія мѣста на сѣверѣ Россіи, гдѣ до него не ступала нога тогдашняго европейца.

Эта заслуга, или,—какъ склонны думать другіе,—это слѣпое счастье, во всякомъ случаѣ, должны быть отмѣчены въ историко-географической литературѣ нашей.

Между тѣмъ Ламартиньеръ и его книга, какъ увидимъ ниже, почти никому неизвѣстны, а кто и знаетъ про нихъ, тотъ относится къ нимъ или пристрастно, или съ чужихъ словъ сообщаетъ о нашемъ путешественникѣ и его трудѣ разныя небылицы.

Намъ стоило большого труда разыскать даже біографію Ламартиньера: въ русскихъ справочныхъ изданіяхъ ея нѣтъ нигдѣ, а изъ иностранныхъ мы ее нашли только во французской *Biographie Universelle*, и то очень краткую и написанную съ большими погрѣшностями. Между тѣмъ въ свое время Ламартиньеръ пользовался широкой популярностью, книга его выдержала множество изданій, была переведена на многіе иностранные языки, на нее ссылались такіе ученые, какъ Бюффонъ, Витсенъ и др.

Говоря о самой книгѣ нашего автора, мы попутно постараемся выяснить и причину такого отношенія къ Ламартиньеру, а теперь перейдемъ къ изложенію его біографіи.

„*Мартиньеръ* (Пьеръ-Мартинъ де-ла),—говоритъ его біографъ, *Eyriès*, во *Всеобщей Біографіи*,—хирургъ и путешественникъ, родился, какъ можно предполагать, въ Руанѣ. Онъ былъ очень счастливъ: всѣ его путешествія въ далекія и невѣдомыя страны кончались благополучно. Онъ былъ въ Азіи, на Западномъ берегу Африки, у Мавровъ на Берберахъ.

СССР

„Ламартиньеръ находился въ Копенгагенѣ въ то время, когда Сѣверная Торговая Компанія рѣшила предпринять путешествіе въ Норвегію и другія сѣверныя страны, убѣдясь въ огромныхъ выгодахъ, которыя представляли онѣ для торговли. Королю Фридриху III былъ представленъ въ этомъ смыслѣ докладъ, и онъ разрѣшилъ снарядить экспедицію изъ трехъ кораблей. Ламартиньеръ получилъ приглашеніе принять участіе въ этой экспедиціи, въ качествѣ хирурга. Отправились въ путь въ концѣ февраля 1653 г. Сначала посѣтили берега Норвегіи, Лапландіи и Сѣвера Россіи — до Новой Земли; потомъ совершили путь до Гренландіи и Исландіи и вернулись въ Копенгагенъ.

«Ламартиньеръ, по возвращеніи во Францію, продолжалъ заниматься хирургіей и умеръ около конца XVII столѣтія.

«Имъ написано:

1) *Traité de la maladie vénérienne, des ses causes et des accidents provenants du mercure* (Парижъ, 1664 г. Въ одномъ томѣ, въ 16⁰); второе изданіе той же книги вышло въ 1684 г., тоже въ одномъ томѣ, въ 16⁰. Тутъ авторъ смѣшалъ съ чисто медицинскими знаніями разныя астрологическія и кабалистическія бредни.

2) *Le prince des opérateurs*. Руанъ, 1664 г. Въ одномъ томѣ, въ 12⁰; второе изданіе 1668 г. Цѣль этой книги—показать разницу между оперативною и терапевтической медициной.

3) *Nouveau voyage vers le septentrion, où l'on représente le naturel, les coutumes et la religion des Norvégiens, des Lapons, des Kilopes, des Russiens, des Borandiens, des Sybériens, des Zembliens, des Samoïèdes, etc.* Парижъ, 1671 г. Въ одномъ томѣ, въ 12⁰, съ рисунками.

«Какъ видно изъ самаго заглавія книги, рѣчь идетъ о многихъ народахъ, которыхъ авторъ одинъ только и зналъ (*seul a connus*); основываясь на его свидѣтельствѣ, многіе знаменитые ученые, какъ Бюффонъ, говорили о томъ же предметѣ.

«Ламартиньеръ былъ первымъ французомъ, который составилъ описаніе морского путешествія вдоль сѣверныхъ береговъ Европы. Онъ очень легковѣренъ и разсказываетъ за достовѣрное исторію лапландскихъ кудесниковъ, которые продаютъ попутный вѣтеръ мореходамъ, давая имъ льняную веревку, длиною въ $1^1/_2$ фута, съ тремя узлами, которую надо привязать къ концу бизань-мачты и развязывать эти узлы послѣдовательно, чтобы получить желаемый вѣтеръ. Книга Ламартиньера наполнена такими извѣстіями. Едва ли можно найти въ ней нѣсколько дѣйствительно интересныхъ наблюденій, хотя авторъ спускался и подъ землю, и дѣлалъ экскурсіи по поверхности. Однако, таково влеченіе къ чудесному, въ

особенности если дѣло касается неизвѣстныхъ странъ, что это путешествіе много разъ перепечатывалось.

«Амстердамское изданіе 1708 г. содержитъ поправки собственныхъ именъ и двѣ новыхъ главы: первая—о пользѣ путешествій и вторая—о необходимости торговли. Тутъ также исправлены указанія автора на религію и нравы русскихъ. Рисунки очень плохи. Это неправдоподобное путешествіе было переведено по-англійски, по-голландски и два раза по-нѣмецки и очень часто излагалось въ извлеченіи въ разныхъ изданіяхъ". *E—s. (Eyriès).*

См. *Biographie Universelle, ancienne et moderne*, t. 27, pp. 328—329. Paris, chez Michaud. 1820.

Остановимся на этой, единственно намъ извѣстной біографіи нашего автора.

Прежде всего, бросается въ глаза слѣдующая странность: біографъ приводитъ подробно заглавіе главнаго труда Ламартиньера, труда, на которомъ и самъ *Eyriès* дольше всего останавливается.

Оказывается, что заглавіе это вовсе не соотвѣтствуетъ первымъ *тремъ* изданіямъ книги нашего автора (другихъ изданій, къ сожалѣнію, намъ не пришлось видѣть).

Вотъ точное заглавіе книги Ламартиньера, въ первыхъ ея трехъ изданіяхъ: *Voyage des pais septentrionaux. Dans lequel se void les moeurs, manière de vivre, et superstitions des Norweguiens, Lappons, Kiloppes, Borandiens, Syberiens, Samojedes, Zembliens et Islandois.*

Не показываетъ ли эта невѣрная передача заглавія, что біографъ (какъ и многіе другіе авторы, писавшіе о Ламартиньерѣ, что̀ увидимъ ниже) писалъ на основаніи какого-то позднѣйшаго изданія той же книги?

Дѣло въ томъ, что первое—самое рѣдкое—изданіе этого путешествія содержитъ только 201 страницу; уже третье изданіе, того же формата, распухло въ 292 страницы, а уважаемый мой учитель, Стефанъ Кировичъ Кузнецовъ, говорилъ мнѣ, что у него было *позднѣйшее* изданіе той же книги, еще болѣе объемистое, которое онъ кому-то подарилъ.

Что̀ прибавлено въ слѣдующихъ, извѣстныхъ намъ изданіяхъ этого путешествія, увидимъ ниже. Въ Амстердамскомъ (1708 г.) изданіи прибавлено, напр., цѣлыхъ двѣ главы, собственно, къ дѣлу не идущихъ,—о пользѣ путешествій и торговли. Такимъ же безполезнымъ балластомъ можно назвать и „Исторію мавровъ", которая, ввидѣ разговора съ однимъ изъ спутниковъ Ламартиньера—Омеромъ, вставлена въ третье изданіе и занимаетъ почти 100 страницъ.

При чемъ «Исторія мавровъ» въ путешествіи въ самую глушь сѣвера? Замѣтимъ, что и первое изданіе (1671 г.) появилось черезъ

18 лѣтъ послѣ совершенія Ламартиньеромъ самаго путешествія. Годъ смерти Ламартиньера точно неизвѣстенъ. Его біографъ относитъ ее къ концу XVII столѣтія. Но, прежде чѣмъ совершить свое путешествіе на сѣверъ въ 1653 г., Ламартиньеръ (какъ самъ говоритъ въ первомъ изданіи) совершилъ два, упомянутыхъ выше, путешествія по Африкѣ. Неизвѣстенъ и годъ его рожденія. Изъ того же обстоятельства, что прежде 1653 года онъ успѣлъ окончить курсъ наукъ и получить званіе хирурга (было даже, какъ увидимъ ниже, предположеніе пригласить его на должность къ московскому двору и предложеніе это дѣлалось ему его соотечественникомъ, французскимъ полковникомъ, задолго до ихъ встрѣчи во время путешествія Ламартиньера), и изъ того также, что самъ Ламартиньеръ упоминаетъ еще объ одномъ своемъ путешествіи, про которое ничего не говоритъ его біографъ (см. ниже), можно заключить, что въ 1653 году нашъ авторъ былъ, по крайней мѣрѣ, среднихъ лѣтъ. Если же это такъ, то едва ли онъ могъ дожить до конца столѣтія, будучи среднихъ лѣтъ въ срединѣ его.

Если это наше предположеніе вѣрно, то можно допустить, что послѣдующія изданія его книги были предприняты послѣ его смерти и что его издателями, въ цѣляхъ сдѣлать книгу болѣе „интересною", вставлялось все нужное и ненужное, лишь бы эти вставки могли заинтересовать современную публику.

Можно также предположить, что Ламартиньеръ продалъ свою книгу издателю, а тотъ уже отъ себя старался сдѣлать ее объемистѣе и интереснѣе.

Какъ бы тамъ ни было, мы препочитаемъ держаться перваго изданія. Въ этомъ же изданіи, предлагаемомъ ниже въ переводѣ, нѣтъ и помину о многихъ нелѣпостяхъ, которыя приписываются Ламартиньеру его критиками, а то, что есть нелѣпаго на нашъ современный взглядъ (напр., пресловутая торговля попутнымъ вѣтромъ, упоминаемая почти всѣми писавшими о Ламартиньерѣ), является продуктомъ глубокой вѣры не одного Ламартиньера, а многихъ другихъ, даже жившихъ чуть ли не въ XIX столѣтіи....

Напротивъ, мы должны быть благодарны Ламартиньеру за то, что онъ познакомилъ насъ съ такими суевѣріями: не имѣя для насъ значенія научной истины, онѣ крайне интересны въ этнографическомъ отношеніи.

Кромѣ *Eyriès*'а о Ламартиньерѣ писалъ *Аделунгъ*, котораго цитируютъ *Берхъ* (см. ниже), *Литке* и др.

Но это—совсѣмъ не біографіи нашего путешественника, а разборъ его сочиненія, надѣлавшаго въ свое время такого шуму.

Подробной же біографіи его, повторяю, намъ не удалось, къ сожалѣнію, отыскать, да едва ли она и существуетъ.

Чтобы кончить съ вышеприведенною біографіей, отмѣтимъ, что авторъ ея, кромѣ указанія на единственную „нелѣпость“— торгъ вѣтромъ,—не приводитъ иныхъ. Слѣдующіе авторы не такъ скромны и приписываютъ Ламартиньеру даже то, о чемъ онъ не только никогда не говорилъ, напр. „Китайскую Мавританію“, но и тѣ нелѣпости, противъ которыхъ онъ самъ горячо возстаетъ, напр. людоѣдство у самоѣдовъ. *Eyriès* далѣе упрекаетъ Ламартиньера за его трактатъ о венерической болѣзни, гдѣ тоже, будто бы, суевѣрій очень много. Мы этой книги не читали, но, судя по тому трезвому взгляду, который Ламартиньеръ высказываетъ въ своемъ путешествіи на многія другія суевѣрія (о ногахъ лося, о рогѣ единорога, о болѣзни скорбутъ и пр.), думаемъ, что и тутъ, можетъ быть, ему приписано то, противъ чего онъ-то именно и боролся въ то еще темное время.

Слѣдующимъ авторомъ, писавшимъ о Ламартиньерѣ, поставимъ *Берха*. Вотъ что онъ пишетъ въ своей книгѣ: «Хронологическая исторія путешествій».

„*Врачъ де-ла-Мартиньеръ*. 1653.

«Слѣдующее теперь баснословное путешествіе помѣщаю я здѣсь единственно для того, чтобы показать читателямъ, до какой степени простиралась ложь древнихъ странствователей. Чудесное путешествіе сіе вышло первый разъ въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1671, потомъ въ Гамбургѣ 1675, Амстердамѣ 1708, и наконецъ въ Лейпцигѣ въ 1711 году. Я почерпнулъ оное изъ Аделунга.

«Де-ла-Мартиньеръ отправился въ званіи врача въ 1653 году на одномъ изъ трехъ датскихъ кораблей, посланныхъ къ берегамъ Ледовитаго моря для торговли и открытій. Выступая за предѣлы полярнаго круга, говоритъ онъ, терпѣли мы два дня совершенное безвѣтріе, а посему и рѣшились послать на берегъ ялъ для покупки вѣтра у здѣшнихъ жителей (норвежцевъ), кои, какъ намъ извѣстно было, всѣ волшебники и распоряжаются вѣтрами по произволу. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхали къ намъ три жителя изъ одной деревни и за 10 талеровъ и за фунтъ табаку рѣшились удовлетворить желаніе наше. Они привязали къ нижнему парусу передней мачты кусокъ холста, длиною въ поларшина, который завязанъ былъ тремя узлами. Соверша сіе, поѣхали они обратно, пожелавъ намъ счастливаго пути. Штурманъ нашъ развязалъ немедленно первый узелъ, и вдругъ насталъ самый пріятнѣйшій вѣтеръ, который перенесъ насъ на тридцать миль по ту сторону Мальштрома.

«Де-ла-Мартиньеръ описываетъ Мальштромъ, говоря, что это самая ужаснѣйшая пучина, поглощающая всѣ вблизи идущіе корабли. Подобное мнѣніе имѣли о Мальштромѣ еще въ недавнихъ временахъ на флотѣ нашемъ. Имя *Malestrom*, *Moscoestrom* происходитъ изъ двухъ норвежскихъ словъ: *Mail*, *Mael* значитъ „временно", *strom*—„теченіе". Я имѣлъ случай разговаривать съ умнымъ норвежскимъ мореплавателемъ, который увѣрялъ меня, что иногда въ Мальштромѣ, образующемся изъ острововъ *Moskoe*, *Lofoden*, *Knat*, *Loefort* и *Ver*, бываетъ такъ тихо, что проходятъ лодки нагруженныя высоко сѣномъ. Послѣ жестокаго и продолжительнаго вѣтра бываетъ здѣсь очень сильное теченіе, ощутительное даже въ разстояніи 50 верстъ. Имя *Maelstrom*, означающее временное теченіе, служитъ доказательствомъ вышеписанному [1]).

«Простирая плаваніе около береговъ Норвегіи, развязали второй узелъ, и были приближены наставшимъ вѣтромъ къ высокимъ горамъ. Близъ оныхъ, говоритъ врачъ, началъ компасъ уклоняться на 6 линій; а по сему корабельщикъ нашъ, замкнувши оной, пошелъ къ сѣверу. Помянутыя горы, какъ мы узнали, содержали магнитъ, который и дѣйствовалъ на компасъ. Удалясь отъ сего опаснаго мѣста, развязали мы третій узелъ, и едва только сіе учинили, то настала жесточайшая буря, достойное наказаніе за то, что мы прибѣгнули къ волшебникамъ; буря продолжалась четыре дня, и по утишеніи оной, мы пришли въ Варгусъ.

„Датчане, находя, что въ семъ мѣстѣ не могутъ они продать своихъ товаровъ, послали шлюпку для осмотрѣнія Лапландскихъ береговъ и отысканія удобнѣйшаго мѣста. Посланные донесли, что въ губѣ Варангенъ [2]) можно хорошо стоять на якорѣ и сбыть грузъ. Перебравшись въ сію гавань, усмотрѣли, что въ кораблѣ есть очень большое поврежденіе, которое скоро исправить невозможно; а посему начальникъ судна, поруча сіе дѣло штурману, рѣшился самъ [3]) ѣхать съ товарами въ отдаленныя отъ моря селенія, и взялъ съ собою де-ла-Мартиньера и еще нѣсколько человѣкъ.

«Врачъ повѣствуетъ: „Отправясь изъ Варангіи, доѣхали мы скоро до малаго норвежскаго селенія, гдѣ намъ дали оленей; на

---

[1]) Ничего этого нѣтъ у Ламартиньера, и Берхъ, подобно Eyriès'у, приводитъ заглавіе какого-то позднѣйшаго изданія книги, а именно: *Nouveau Voyage vers les Septentrions, où l'on représerte le naturel...*, а дальше заглавіе продолжается, какъ въ первыхъ изданіяхъ книги Ламартиньера. В. С.

[2]) Губа сія находится недалеко отъ семи острововъ. *Примѣч. Берха.*

[3]) У Ламартиньера, ѣдетъ не „начальникъ" судна (капитанъ), а довѣренный компаніи. *В. С.*

нихъ и пріѣхали мы въ Колу. Городъ сей, продолжаетъ онъ, можно только назвать мѣстечкомъ. Жители, подобно всѣмъ прочимъ москвитянамъ, постоянны, честны, но такъ ревнивы, что запираютъ всегда женъ своихъ". Промѣнявъ здѣсь товаръ на мягкую рухлядь, воротились Датчане къ кораблю своему.

«Мая 25 вышли Датчане въ море и черезъ нѣсколько дней увидали Шпицбергенъ. Наставшій штормъ не позволилъ имъ продолжать плаваніе къ сѣверу, а посему и прибыли они 4 іюня къ берегамъ Борандіи (Borandien), гдѣ, взошедъ въ удобную гавань, нашли два своихъ корабля.

«Датскіе корабельщики рѣшились опять послать нѣсколько человѣкъ для продажи товаровъ въ отдаленныя селенія. Въ экспедицію эту былъ также назначенъ и врачъ, который говоритъ, что, увидя борандіанъ, онъ весьма удивился, ибо они еще гораздо менѣе (ростомъ) и толще лапландцевъ. Сначала поѣхали датчане въ Витцору (*Bitzora*), а потомъ на ладьяхъ въ Печору. Хотя дела-Мартиньеръ лжетъ на каждой фразѣ по нѣскольку разъ, но ладьи описаны у него очень хорошо и правдиво. При Печорѣ, говоритъ онъ, есть маленькій городъ, гдѣ мы накупили мѣховъ и пустились на оленяхъ въ Сибирь».

«Сибирь, говоритъ врачъ, есть большая низьменная провинція, простирающаяся до Китайской Мавританіи (?!), откуда привозятъ чай и бадьянъ». Первый пьютъ съ сахаромъ[1]), и онъ очень полезенъ противъ разныхъ болѣзней. «Ѣздившіе въ Сибирь, бываютъ 6 лѣтъ въ пути. Главный городъ называется *Tambul* (sic! Тобольскъ). Рѣка Обь, продолжаетъ де-ла-Мартиньеръ, еще не совершенно россіянамъ извѣстна. Въ ней находятся весьма большія бѣлуги, осетры и икра (*Fekra* [?!]), приготовляемая на армянскій манеръ. Полуночные берега Сибири называются Самоѣдіей, а жители оной самоѣдами, что на русскомъ языкѣ тоже значитъ, что людоѣды (?!). Народъ сей гораздо развитѣе итальянцевъ; женъ держитъ всегда въ заперти, а отходя съ ними на охоту, употребляетъ извѣстную машину, препятствующую имъ сдѣлаться невѣрными (?!).

«Читатель можетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ извѣстій такъ справедливы, какъ будто бы описаны были вѣрнѣй-

[1]) Въ Европѣ не употребляли еще въ сіе время чаю. Аббатъ *Рейналь* говоритъ, что въ Голландіи начали употреблять чай въ 1680 г., а въ Лондонѣ съ 1715 г. Г. *Кильбургеръ* говоритъ, что въ 1674 г. покупалъ онъ въ Москвѣ чай по 30 к. фунтъ, и что въ Россіи употребляютъ оный, какъ лѣкарство и предохранительное средство отъ пьянства.

См. *Кильбургера* извѣстіе о русской торговлѣ. *Примѣчаніе Берха.*

шимъ путешественникомъ (?!), но какъ увидимъ ниже, врачъ начинаетъ врать очень нагло.

«Мы отправились, продолжаетъ онъ, черезъ Рифейскія горы, отдѣляющія Борандію отъ Сибири, прибыли въ Папингородъ и купили у тамошняго губернатора множество мягкой рухляди». И врачъ говоритъ, что народъ сей гораздо просвѣщеннѣе лапландцевъ и самоѣдовъ: онъ ходитъ въ полусапожкахъ, подбитыхъ желѣзомъ и знаетъ употребленіе холста. Отсюда отправились датчане къ кораблю своему и пошли опять въ море. Датскіе корабли направили путь къ Н. Землѣ, видѣли здѣсь жителей и увели двоихъ съ собой. Потомъ были они у Шпицбергена, въ Вайгачскомъ проливѣ, и наконецъ прибыли обратно въ Копенгагенъ. Мудрено заключить, изъ какого побужденія могъ такъ лгать французскій лѣкарь! Ежели бы онъ писалъ только одну правду, то путешествіе его было бы гораздо любопытнѣе всѣхъ бывшихъ до него. Вѣроятно, что путешествіе сіе подало поводъ священнику *Молчанову* писать объ обитателяхъ Н. Земли и разныхъ селеніяхъ, кои новгородцы тутъ имѣли. Я не видѣлъ ни одной книги глупѣе, лживѣе и безтолковѣе, какъ Молчаново [1]) описаніе Архангельской губерніи, печатанное въ СПБ., въ 1813 г. (*Берхъ*, Хронологическая исторія путешествій, ч. I. СПБ. 1812 г., стр. 95—101)».

Приведя дословно отзывъ Берха, мы спросимъ у всякаго, кто возьметъ на себя трудъ прочесть прилагаемый переводъ: гдѣ видѣлъ Берхъ у Ламартиньера Китайскую Мавританію, какую-то машинку для гарантированія вѣрности женъ, городъ Тамбулъ, столицу Сибири и проч.? Не желая заподазривать самого Берха въ чудовищной лжи на Ламартиньера, намъ остается вернуться къ высказанному выше предположенію, что всѣ писавшіе о Ламартиньерѣ, и въ томъ числѣ Берхъ, писали со словъ другихъ, подлиннаго сочиненія Ламартиньера не видавши; впрочемъ, Берхъ прямо ссылается на Аделунга. Тѣ же авторы, которые имѣли въ рукахъ книгу нашего автора, вѣроятно, пользовались позднѣйшими изда-

[1]) Кстати сказать, познакомившись съ книгой *о. Молчанова*, мы вовсе не нашли ее такою плохой, какъ пишетъ объ ней Берхъ, а напротивъ нашли тамъ много очень дѣльнаго. Нашъ извѣстный путешественникъ на Сѣверъ—*Максимовъ* тоже очень часто цитируетъ Молчанова и относится къ его труду съ уваженіемъ. Неправъ Берхъ и въ своихъ обвиненіяхъ о. Молчанова относительно жителей Н. Земли: *Витсенъ*, который былъ такъ близокъ къ Петру, прямо пишетъ, въ своемъ сочиненіи *Сѣверо-Восточная Татарія*: „Россіяне хотѣли заложить на Новой Землѣ крѣпость, но это предположеніе не исполнилось“ (см. подробнѣе въ моей книгѣ—*Черноморецъ*, Сѣверъ Россіи, стр. 24), И, прибавимъ отъ себя, очень жаль, что не исполнилось это намѣреніе Петра. т. к. теперь тамъ хозяйничаютъ норвежцы... *В. С.*

ніями, за содержаніе которыхъ Ламартиньеръ,—въ то время покойный,—отвѣчать не могъ. Отмѣтимъ еще слѣдующее мѣсто, хорошо рисующее знанія самого Берха: онъ предлагаетъ вѣрить, „что нѣкоторыя изъ послѣднихъ извѣстій такъ справедливы, какъ будто бы описаны были вѣрнѣйшимъ путешественникомъ". Какія же это извѣстія? «Народъ сей (т. е. тогдашніе сибиряки) гораздо развитѣй итальянцевъ, женъ держитъ въ заперти..., ходитъ съ ними на охоту... и употребляетъ извѣстную машину, препятствующую имъ сдѣлаться невѣрными»... Не напоминаетъ ли это анекдота про солдата-инородца, который, возвратясь со службы, разсказывалъ своимъ землякамъ разную чепуху («вся земля кодилъ, всѣмъ розга давалъ»...), и они ему вѣрили. Когда же онъ сказалъ, что видѣлъ горы, на которыхъ снѣгъ не таетъ, хотя внизу, въ долинѣ, лѣто,—его слушать никто не сталъ: «Эка вретъ! Что, мы не знаемъ, что-ли, что на горахъ-то снѣгъ всегда раньше таетъ, чѣмъ на полѣ...»

Такъ и тутъ: когда Ламартиньеръ приводитъ дѣйствительно невѣрные факты, его одобряютъ, а когда онъ излагаетъ, напримѣръ, всеобщее и упорно державшееся мнѣніе о всемогуществѣ лапландскихъ кудесниковъ, на него сыплятся громы...

Впрочемъ, повторяю, Ламартиньеръ не говорилъ многаго изъ того, за что̀ его хвалятъ, какъ не говорилъ и того, за что̀ ругаютъ.

За Берхомъ по справедливости, надо непосредственно привести *Литке*.

Литке въ своемъ знаменитомъ *Четырекратномъ Путешествіи* (СПБ. 1828, ч. I, стр. 60—66), пишетъ о Ламартиньерѣ: „Компанія, учрежденная въ 1647 г. Фридрихомъ III, королемъ датскимъ, выслала въ 1653 г. три корабля для торговли на сѣверныхъ берегахъ Европы; на одномъ изъ сихъ кораблей де-ла-Мартиньеръ отправился въ званіи лѣкаря. Отплывъ изъ Копенгагена, останавливались они въ Христіаніи, Бергенѣ и Дронтгеймѣ. На полярномъ кругѣ встрѣтилъ ихъ штиль; но они избѣгли онаго, купивъ у прибрежныхъ жителей, которые всѣ слывутъ волшебниками, за 10 кронъ и 1 фунтъ табаку, въ трехъ узелкахъ вѣтру до мыса Рукселла. Вѣтеръ изъ перваго узелка сопроводилъ ихъ 30 лигъ за ужасный Мальштромъ, второй узелокъ снабдилъ ихъ онымъ до мыса Рукселла; отъ магнитныхъ горъ на семъ мысу компасъ ихъ пересталъ дѣйствовать, и они принуждены были двое сутокъ править съ *помощью одной только карты* [1]). Когда развязали третій

[1]) Литке (курсивъ его) повидимому, какъ морякъ, особенно возмущается именно этой „нелѣпостью". Но Литке или не читалъ Ламартиньера, или видѣлъ его плохое изданіе. Въ *первомъ* изданіи дѣло объяснено очень просто:

узелокъ, то настала столь ужасная буря, что казалось, будто небо хочетъ на нихъ обрушиться и наказать ихъ за то, что имѣли дѣло съ волшебниками. Корабль ихъ бросило на камень и проломило, и они съ великимъ трудомъ спаслись въ Вардгоусъ; а какъ тутъ починивать его было неудобно, то перешли въ Варангерское море, въ селеніе Варангеръ. Въ Вардгоусѣ датчане имѣли крѣпостцу и чиновника для сбора пошлинъ съ судовъ, идущихъ въ Архангельскъ или изъ Архангельска. Пока судно ихъ починивалось, ѣздили они для торговъ въ Мурманское море, землю килоповъ и Русскую Лапландію, и изъ Колы возвратились опять въ Варангеръ. Жители Мурманскаго моря, по увѣренію Ламартиньера, говорятъ инымъ языкомъ отъ варангерскихъ; килопы суть родъ лапландцевъ, болѣе другихъ дикіе. Всѣ они ѣздятъ на оленяхъ, которымъ нужно только шепнуть что-то на ухо, чтобы они стрѣлою понеслись, куда слѣдуетъ. Русскіе лопари, подобно самимъ россіянамъ, суть николаисты. Датскіе лопари хотя и лютеранской вѣры, но всѣ волшебники и держатъ домашнихъ діаволовъ въ видѣ черныхъ кошекъ. Въ Лапландіи вся дичина бѣлая; медвѣди, волки, лисицы, зайцы и даже вороны—бѣлы, какъ лебедь, имѣя только клювъ и лапы черныя. Описавъ все подобнымъ сему образомъ, г. Ламартиньеръ продолжаетъ къ востоку свой путь, на которомъ, какъ обыкновенно, сопровождаютъ его страшныя бури. 4 іюля усмотрѣны были къ востоку высокія горы, къ которымъ датчане хотѣли пристать, но штормъ заставилъ ихъ укрыться подъ берегомъ Борандая, гдѣ, по счастью, нашлась безопасная гавань, глубиною 12—13 саженъ. Тотчасъ послана была партія для отысканія жителей и заведенія съ ними торговли, состоявшая, между прочими, изъ двухъ человѣкъ, знавшихъ сѣверный и русскій языки и де ла Мартиньера. Они скоро нашли селеніе борандайцевъ, вступили съ ними въ торговлю и наняли у нихъ проводниковъ съ оленями до Сибири, за 2 пачки табаку и 4 пинты водки. Нѣсколько дней ѣхали они по Борандаю, скупали во всѣхъ селеніяхъ рухлядь и прибыли наконецъ въ мѣстечко Вичору. Отсюда отправили они мѣха на лодкѣ къ кораблю своему, а сами отправились на лодкѣ же въ Печору, городокъ, лежащій на берегу озера, одного съ нимъ названія, куда прибыли черезъ 15 часовъ. Отправя купленные тутъ мѣха по прежнему водою къ кораблю, поѣхали они на оленяхъ въ Сибирь. По дорогѣ настигли они пять человѣкъ, одѣтыхъ въ медвѣжьи шкуры, *à la Moskovite*. Это были ссыльные.

лоцманъ-датчанинъ *хорошо зналъ это мѣсто*, такъ какъ ходилъ тутъ съ голландцами, поэтому и могъ вести суда безъ компаса (см. главу IX нашего перевода).

В. С.

Между ними нашелся старый пріятель Ламартиньера, дворянинъ лотарингскій, русскій полковникъ, который, между тѣмъ какъ путешественники потчивали сихъ несчастныхъ, успѣлъ разсказать своему пріятелю все, что̀ онъ зналъ о Россіи. Достопримѣчательное описаніе сіе содержитъ 12 печатныхъ листовъ. Тутъ все есть. Исторія и статистика Россіи, нравы и обычаи россіянъ, религія и обряды, описаніе Сибири, Татаріи, народовъ, населяющихъ Россію; и даже грибамъ, въ Россіи растущимъ, посвящена особая глава. Этотъ эпизодъ приноситъ особенную честь плодовитому на выдумки воображенію г. Ламартиньера [1]).

«Простясь со ссыльными, продолжаетъ онъ свой путь, переправляется черезъ горы, отдѣляющія Борандай отъ Сибири, и черезъ 10 часовъ по отъѣздѣ изъ Печоры пріѣзжаетъ въ Папингородъ, лежащій на рѣкѣ того же имени. Посѣтя губернатора сего мѣста, накупя мѣховъ, и имѣя еще въ остаткѣ много табаку и денегъ, рѣшились датчане ѣхать къ кораблю черезъ Самоѣссію и должны были переправиться для сего черезъ Рифейскія горы. Наконецъ, скупя у самоѣдовъ всю рухлядь, возвратились они въ Борандай къ своимъ соотечественникамъ. Тотчасъ по пріѣздѣ ихъ, снялись они съ якоря и поплыли къ Новой Землѣ, куда прибыли на другой день. Тутъ нашли они жителей, поклоняющихся солнцу и идоламъ, называемымъ ими Фетицо. Новоземельцы, если бы они существовали, могли бы оскорбиться описаніемъ, которое имъ дѣлаетъ Ламартиньеръ, а еще болѣе изображеніями къ оному приложенными. Простоявъ у Новой Земли 16 дней, поплыли они къ проливу Вайгачу, чтобы черезъ оный пройти далѣе къ востоку; на дорогѣ промышляли моржей (которые у Ламартиньера изображены съ орлинымъ носомъ и рогомъ на головѣ); въ проливѣ остановили ихъ льды и вѣчно снѣгомъ покрытыя горы, называемыя *Патеностеръ*, и принудили возвратиться. Но прежде обратнаго выхода въ море, успѣли они захватить на берегу двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ новоземельскихъ. Отъ Н. Земли датчане пошли къ Гренландіи, потомъ въ Исландію, и наконецъ прибыли въ Копенгагенъ. Г. Ламартиньеръ заключаетъ книгу свою географическою диссертаціею, достойною всего предыдущаго. Онъ утверждаетъ, что Н. Земля соединяется съ Гренландіею, такъ что

---

[1]) Однако *Китайской Мавританіи*, приписанной ему Берхомъ, у него нѣтъ (см. *Хронол. Исторію*, ч. 1, стр. 99). Кажется, что авторъ перевелъ такимъ образомъ слова Аделунга: *Welche sich bis an die Mauern von Cataya erstrecket*, т. е. простирающаяся даже до стѣнъ Китая. Въ оригиналѣ: *„qui s'étend jusqu'aux murailles de Cataya“*. Прим. *Литке*.

еслибъ не препятствовали снѣга и морозы, то можно бы свободно изъ одной земли перейти въ другую; что проливъ Вайгачъ имѣетъ длины 35 нѣмецкихъ миль и загражденъ горами Патеностеръ, которыя Ламартиньеръ самъ видѣлъ и изъ которыхъ нижайшая имѣетъ высоты $^1/_2$ лиги, и что слѣдственно всѣ разсказы голландцевъ о плаваніи ихъ черезъ сей проливъ въ Татарское море суть басни; что тутъ царствуетъ вѣчная зима, подобно какъ въ землѣ Попугаевъ, что въ антарктическомъ полюсѣ вѣчное лѣто и пр. Вотъ путешествіе, которое въ свое время было въ немаломъ уваженіи и изъ котораго Бюффонъ почерпалъ свѣдѣнія свои о землянцахъ и борандайцахъ, а Витсенъ о Патеностерѣ, борандайцахъ, Папингородѣ, Вицорѣ и проч. [1]). Въ немъ встрѣчается такое странное смѣшеніе названій и вещей, и истины съ вымыслами, что наконецъ невозможно почти отличить одну отъ другой. Можно назвать это путешествіе сказкою, основанною на истинномъ происшествіи.

«Варангерское море, гдѣ датскіе корабли останавливались, есть извѣстный Варангскій заливъ (*Waranger fiord*). Селеніе Варангеръ, на сѣверномъ берегу онаго, находимъ мы на нѣкоторыхъ старинныхъ картахъ, но на новѣйшихъ его нѣтъ. Мнѣ кажется, что оно есть то же, что Вадсе, потому что сіе послѣднее селеніе есть единственное въ Варангскомъ заливѣ, имѣющее безопасную корабельную гавань.

«Мурманскимъ моремъ россіяне именуютъ часть Океана, омывающую берега Лапландіи. Г. Ламартиньеру разсудилось обратить оное въ часть сей послѣдней. Килопы его суть дикіе лопы, или дикіе лопари. Во многихъ старинныхъ книгахъ говорится о лопаряхъ или лопахъ, которыхъ россіяне будто бы называютъ дикими; изъ этого нѣмецкіе писатели сдѣлали *Dikillopen* [2]); а Ла-

---

[1]) *Histoire Naturelle de Buffon*, redigée par Sonnini. Paris, An VIII (1800), t. XX, p. 73 et seq. *Witsen's* Noord en Oost Tartarye, p.p. 901, 905, 927, 952, 953 и проч. Но противъ г. Молчанова, автора Описанія Архангельской губерніи, Ламартиньеръ не виноватъ, хотя это и полагаетъ г. Берхъ (*Хронолог. Ист.* Ч. 1, стр. 101). Г. Молчановъ все свое описаніе Новой Земли выписалъ, слово въ слово, изъ Извѣстій г. Крестинина (*Нов. Ежем. Сочин.*). Вообще, кажется мнѣ, приговоръ, сдѣланный г. Берхомъ этой книгѣ, слишкомъ строгимъ. Г. Молчановъ, собирая, гдѣ что могъ найти объ Архангельской губерніи, составилъ довольно плохую топографію и статистику, но вовсе не „глупую, лживую и безтолковую“ книгу.

Прим. *Литке*.

[2]) *Ioannis Schefferi, Lappland.* Frankfurt à. M. und Leipzig. 1677. p. 28,50.

Прим. *Литке*.

мартиньеръ, принявъ, вѣроятно *Di* за членъ, вывелъ своихъ киловъ

«Загадочный *Борандай* или *Борандей*, не сомнѣваюсь я принять за островъ *Варандей*, лежащій подъ Большеземельскимъ берегомъ, въ 68 ит. миляхъ къ О отъ устья рѣки Печоры. Г. Ламартиньеръ, который въ добавокъ къ страсти говорить неправду, былъ еще не морской человѣкъ, легко могъ названіе одного острова распространить на всю прилежащую землю и ея жителей. Его могли также ввести въ заблужденіе и карты того времени: на всѣхъ почти надпись, принадлежащая острову Варандею, *Bolsoy Boranday*, продолжена на матерой берегъ, такъ что и въ самомъ дѣлѣ не легко догадаться, что она относится къ острову. Итакъ, борандійцы его суть конечно ничто иное, какъ самоѣды и россіяне, выѣзжавшіе на промыслы къ острову Варандею. Онъ, правда, пишетъ, что въ Печору ѣхали они съ западнымъ вѣтромъ; слѣдственно корабли ихъ долженствовали бы находиться не къ востоку отъ сей рѣки; но это можетъ быть ошибка, произшедшая отъ одного источника съ прочими. Кажется, что въ путешествіи своемъ по Борандаю не удалялись они много отъ берега, поелику могли товары свои отправлять къ кораблямъ на лодкахъ. Городъ Печору г. Ламартиньеръ взялъ тоже съ картъ XVII вѣка, на коихъ на правомъ берегу Печоры, при большомъ озерѣ, показанъ городъ того же имени, который, повидимому, долженъ изображать Пустозерскій острогъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ находится и Папинъ или Папиновъ городъ, но только не въ Сибири, а близь рѣки Печоры. О семъ мѣстѣ упоминаютъ и нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ Герберштейнъ [1]); и потому можетъ статься, что и существовало въ то время какое-нибудь урочище сего имени; но теперь оно вовсе неизвѣстно. Жители Н. Земли, которыхъ датскіе мореплаватели, исполняя волю короля своего, везли съ торжествомъ въ отечество, были безъ сомнѣнія самоѣды; Фетицы—ихъ идолы, которыхъ, какъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, цѣлыя груды лежатъ на Болванскомъ Носу острова Вайгача; а поклоненіе солнцу—прикраса автора. Горы Патерностеръ суть или восточный берегъ Югорскаго Шара, или плодъ воображенія г. Ламартиньера".

Это—положительно лучшій отчетъ о книгѣ Ламартиньера.

Ошибки, которыя дѣлаетъ самъ Литке, будутъ нами указаны при переводѣ самаго путешествія Ламартиньера. Пока же скажемъ, нисколько не умаляя ученыхъ заслугъ Литке, что онъ самъ

[1]) *Haklayt*, p. 553. Прим. *Литке.*

очень виновенъ относительно Н. Земли: онъ, по слѣдамъ географа Блау, составившаго карту Н. Земли для атласа *Groeten Atlas*, указываетъ положеніе Н. Земли на цѣлыхъ 10 градусовъ восточнѣе, чѣмъ она лежитъ на самомъ дѣлѣ. Въ такую грубую ошибку Литке впалъ въ началѣ XIX вѣка, послѣ своихъ *четырехкратныхъ*, спеціальныхъ путешествій сюда, совершенныхъ имъ спокойно, научно снабженныхъ, съ широкими матеріальными средствами, въ сопровожденіи множества знающихъ техниковъ и пр.

Чего же, послѣ этого, онъ хочетъ отъ Ламартиньера? [1])

Ошибку Литке исправилъ академикъ К. М. Бэръ.

Въ этомъ отчетѣ мы также видимъ, что и Литке пользовался какимъ-то позднѣйшимъ изданіемъ, такъ какъ у него имѣются новыя свѣдѣнія, напр. *о грибахъ* (чего въ первыхъ изданіяхъ нѣтъ), которыя получилъ Ламартиньеръ отъ знакомаго полковника; эти свѣдѣнія будто бы напечатаны *на цѣлыхъ 12 печатныхъ листахъ*, тогда какъ вся книжка Ламартиньера, въ первыхъ изданіяхъ, по объему гораздо меньше.

Очевидно, изданіе, которымъ пользовался Литке, составляло томъ болѣе значительныхъ размѣровъ.

Опять-таки, не смѣя заподазривать добросовѣстности и этого автора, мы должны притти къ заключенію, что позднѣйшія изданія путешествія Ламартиньера разбухли чрезмѣрно, сравнительно съ первымъ, если одна только глава этой книги равнялась 12 печатнымъ листамъ (т. е. 192 стр.). Берхъ упоминаетъ даже объ изданіи 1711 года, лейпцигскомъ. Весьма вѣроятно, что это было какое-нибудь спекулятивное изданіе, контрафакція, которую выпустили заграничные издатели много лѣтъ спустя послѣ смерти Ламартиньера, пользуясь тѣмъ, что на книгу былъ спросъ [2]).

---

[1]) См. подробнѣй объ ошибкѣ Литке у Гельвальда, *Въ области вѣчнаго льда*, стр. 310—311.

[2]) Что это такъ, можно видѣть и изъ того, что ко времени появленія послѣдующихъ изданій книги Ламартиньера, могъ умереть нетолько самъ авторъ, но—уже навѣрное — умеръ и его *первый* издатель *Vendosme*. На экземплярѣ книги Ламартиньера, принадлежащемъ Московскому Историческому Музею (изъ Чертковской Библіотеки, № А. 22. 5/66), есть слѣдующая любопытная запись, неизвѣстно кѣмъ сдѣланная (можетъ быть рукою бывшаго библіотекаря П. И. Бартенева?): „2-ое изданіе 1676, тоже *Louis Vendosme*, снабжено „Королевской привилегіей“ отъ 5/III 1671 г., по которой всѣ права на печатаніе, продажу и распространеніе, въ какой хочетъ формѣ, сколько хочетъ разъ,—переданы *L. Vendosme* на 10 лѣтъ“. И далѣе: „видѣлъ экземпляръ этой книги у *Urbain*, на коей выставленъ 1682 г., у *Jean Ribou*, Paris; совершенно одинъ наборъ съ нашимъ, этимъ экземпляромъ. Перепечатаны титулъ и послѣднія страницы, начиная съ 318 до конца, и на послѣдней страницѣ прибавлено, что *privilège du*

Этими-то позднѣйшими и болѣе доступными изданіями и пользовались писавшіе о Ламартиньерѣ [1]).

Если это такъ, становится понятною та путаница, которая получилась, становится понятнымъ и то негодованіе, которое вызвалъ впослѣдствіи Ламартиньеръ своими якобы баснями.

Между тѣмъ, если судить по *первому* изданію его книги, Ламартиньеръ въ большей части этихъ басенъ рѣшительно невиновенъ.

Приведемъ еще одно, гораздо позднѣйшее, извѣстіе о Ламартиньерѣ и этимъ ограничимся: просматривая ихъ внимательно и сличая между собою, легко убѣдиться, что одинъ критикъ беретъ свои свѣдѣнія у другого, подчасъ не интересуясь вовсе заглянуть въ подлинникъ критикуемой книги.

Анонимный авторъ (приведенъ въ сборникѣ «У полюса». Спб. 1871), составлявшій притомъ свою статью по неизвѣстно какимъ „французскимъ источникамъ“ (какъ онъ пишетъ въ предисловіи), многаго не понялъ у Ламартиньера, приписалъ ему то, въ чемъ онъ нисколько не грѣшенъ, напр —какъ и Литке—введеніе въ заблужденіе Бюффона относительно исключительно бѣлаго цвѣта всего живущаго въ сѣверныхъ широтахъ, тогда какъ, напротивъ, Ламартиньеръ очень тщательно отмѣчаетъ всякіе цвѣта шкурокъ, оперенія и т. п.

Вотъ самая замѣтка этого автора:

„*ЛАМАРТИНЬЕРЪ (1653)*. Торговая компанія, учрежденная въ 1647 году датскимъ королемъ Фридерикомъ III, выслала въ 1653 году три корабля для торговли на сѣверныхъ берегахъ Европы. На одномъ изъ этихъ кораблей отправился, въ званіи лѣкаря, нѣкто де Ламартиньеръ, только благодаря описанію котораго извѣстно кое-что объ этомъ путешествіи. Выѣхавъ изъ Копенгагена, они плыли вдоль береговъ Швеціи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливались. На полярномъ кругу они встрѣтили штиль, но избѣгли его, какъ говоритъ Ламартиньеръ, купивъ у прибрежныхъ жителей, извѣстныхъ волшебниковъ, за 10 кронъ и фунтъ табаку, вѣтру въ трехъ узелкахъ, котораго имъ должно было хватить до мыса Русселя. Вѣтеръ изъ перваго узелка провелъ ихъ 30 миль за ужасный Мальштромъ; второй узелокъ снабдилъ ихъ вѣтромъ

---

roi передана *Jean'y Ribou*, вдовою *L. Vendosme*, въ 1671 г., слѣдовательно, непроданные оставшіеся экземпляры отъ 1676 г., получилъ право продавать *Ribou*“.

Итакъ, *имѣя право* распространять книгу въ *какой угодно* формѣ, издатели не стѣснялись, по смерти автора, прибавлять къ ней то, что̀ считали „интереснымъ“ для даннаго книжнаго рынка. *В. С.*

[1]) См. *Приложеніе*, въ концѣ книги.

до мыса Русселя. Ламартиньеръ говоритъ, что въ этомъ мѣстѣ компасъ ихъ пересталъ дѣйствовать отъ магнитныхъ горъ, такъ что въ продолженіи двухъ сутокъ имъ приходилось управлять кораблемъ только съ помощью карты. Когда они развязали третій волшебный узелокъ, то поднялась такая буря, что имъ казалось, будто небо хочетъ на нихъ обрушиться и наказать ихъ за то, что они имѣли дѣло съ волшебниками. Въ эту бурю корабль ихъ былъ выброшенъ на камень, и они едва спаслись на мысъ Вардхусъ. Пока судно ихъ чинилось, они ѣздили торговать съ сосѣдними народами. „Лапландцы", говоритъ Ламартиньеръ, „ѣздятъ на оленяхъ, которымъ нужно что-то шепнуть на ухо, и они понесутся стрѣлой, куда надобно. Лопари всѣ волшебники и держатъ домашнихъ дьяволовъ въ видѣ черныхъ кошекъ. Въ Лапландіи вся дичина бѣлая: медвѣди, волки, лисицы и даже вороны бѣлы, какъ лебедь [1]). Затѣмъ онъ описываетъ свое дальнѣйшее путешествіе на востокъ.

«Они прибыли въ Печору и, купивъ мѣха, отправили ихъ на корабль, а сами поѣхали на оленяхъ въ Сибирь. По дорогѣ настигли они пять человѣкъ, одѣтыхъ въ медвѣжьи шкуры „à la Moscovite". Это были ссыльные русскіе; въ числѣ ихъ Ламартиньеръ встрѣтилъ своего стараго знакомаго, какого-то русскаго полковника. Это заставляетъ подозрѣвать, что Ламартиньеръ составилъ свои описанія вѣроятно со словъ этого полковника и дополнилъ

---

[1]) *Замысловскій*, приведя извѣстіе *Фавра* о томъ, что „чрезмѣрный холодъ сѣвера, всегда производящій бѣлизну (*quod semper mater est albedinis*), какъ утверждаетъ философія" и слова *Миддендорфа* изъ Путешествія на Сѣверъ и Востокъ Сибири: „правда, что на крайнемъ сѣверѣ животныя почти всѣ безъ исключенія бѣлѣютъ на зиму... цвѣтъ животныхъ принаравливается къ господствующему цвѣту тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ водятся" (стр. 284), переходитъ къ извѣстіямъ самого Герберштейна, относительно измѣняемости этого цвѣта: „Разсказываютъ за чудо, говоритъ онъ, что животныя", привозимыя въ Водскую область, „какого бы рода онѣ ни были, перемѣняютъ свой цвѣтъ на бѣлый". См. стр. 301. Слѣдовательно, напрасно обвиняютъ одного Ламартиньера въ сообщеніи такихъ невѣрныхъ свѣдѣній, повлекшихъ за собою, будто бы, даже ошибку Бюффона: о томъ же самомъ писалось и до него, и послѣ него лицами, гораздо болѣе авторитетными. Замысловскій ссылается, по этому поводу, еще на Брема, говорящаго также о перемѣнѣ цвѣта шерсти у сѣверныхъ животныхъ (см. *Брем*ъ, 1,114).

Замѣтьте еще: Ламартиньеръ, во-первыхъ, никогда не говорилъ, что *всѣ* животныя на сѣверѣ бѣлыя; напротивъ, какъ видно изъ предлагаемаго перевода, онъ очень подробно различаетъ многіе цвѣта. А вотъ Герберштейнъ не только говоритъ о томъ, что на сѣверѣ всѣ животныя бѣлаго цвѣта, а приводитъ даже безъ опроверженія извѣстіе, что и *не*-бѣлыя животныя, какого бы рода они ни были, *становятся* бѣлыми.

ихъ собственной фантазіей. Описывая все подробнымъ образомъ, онъ наконецъ кончаетъ все географическою диссертаціей, достойною всего предыдущаго. Вообще это путешествіе можно причислить къ разряду путешествій барона Мюльгаузена, но здѣсь мы упомянули про него только потому что оно ввело въ заблужденіе многихъ честныхъ дѣятелей и въ томъ числѣ Бюффона»[1]).

Невольно скажешь: Дался имъ этотъ Бюффонъ!

Кстати сказать, мы просмотрѣли внимательно нѣсколько изданій Бюффона (къ сожалѣнію, не могли только достать изданія *Соннини*, на которое указываетъ Литке), и нигдѣ не встрѣтили ссылки на Ламартиньера. Почему же въ прегрѣшеніи хотя бы такого знаменитаго ученаго, какъ Бюффонъ (если оно имъ дѣйствительно сдѣлано), виноватъ именно Ламартиньеръ? Въ заключеніе еще одинъ образчикъ нѣмецкой добросовѣстности:

Гельвальдъ, говоря о датской экспедиціи, при которой былъ Ламартиньеръ, излагаетъ кратко ея путь и добытые ею результаты, безъ всякой критики.

Но, дальше, очевидно, подъ вліяніемъ все тѣхъ же факторовъ — незнанія подлиннаго путешествія и „слуховъ“ о лживости нашего автора,—самъ вдается въ область фантазій, непростительныхъ у такого ученаго современнаго географа.

Во-первыхъ, онъ пишетъ: „къ сожалѣнію, французъ Пьеръ Мартэнъ *Брюзенъ*-де-ла Мартиньеръ является недостойнымъ составителемъ отчета объ этой экспедиціи“.

Начать съ того, что *Брюзенъ*-де-ла-Мартиньеръ (*Antoine-Auguste Brusen* de la Martinière) совсѣмъ другое лицо и даже назывался Антуанъ-Августъ. Это былъ талантливый французскій компиляторъ, родившійся въ Дьэппѣ, въ 1662 г. и умершій, по однимъ свѣдѣніямъ—въ 1749 г., а по другимъ—въ 1757. Хорошая его біографія, съ перечисленіемъ всѣхъ его работъ, принадлежитъ Montigli, въ той же *Biographie Universelle*. Слѣдовательно, нашъ

---

[1]) *У ПОЛЮСА*. Путешествія къ сѣверному полюсу и въ полярныя страны съ 1380—1869 г. Съ французскаго, съ дополненіями по Шамиссо, Литке, Гартвигу, Миддендорфу, Врангелю, Мирчингу, Свенске, Сутерланду, Кену и др. Съ картою сѣв. полюса. СПБ. тип. Котомина. 1871 г. 391 стр. 8⁰. Кстати, мнѣ кажется, что этотъ авторъ просто списалъ свой строгій приговоръ у Литке и Бекмана; вотъ что читаемъ у послѣдняго:

„Долженъ упомянуть о путешествіи Ламартиньера, которое по содержанію своему хотя и принадлежитъ къ числу такихъ путешествій, какъ Мюльгаузеново и,т. п., слѣдственно мѣста здѣсь не заслуживало бы; но онъ не долженъ быть пройденъ молчаніемъ, потому что ввелъ въ заблужденіе многихъ писателей, въ томъ числѣ уважаемыхъ всѣми, каковы: Витсенъ, Бюффонъ, де-Брасъ и др.“ См. Beckman's *Litteratur der älteren Reisebeschreibungen*. I Band, p. 102--113. *B. C.*

авторъ совершилъ свое путешествіе за 10 лѣтъ до рожденія ни въ чемъ неповиннаго Брюзенъ де ла Мартиньера, котораго такъ осуждаетъ нѣмецкій современный географъ. Во-вторыхъ, указавъ, что Ламартиньеръ „былъ первымъ изъ французовъ, который напечаталъ отчетъ о полярной экспедиціи", *Гельвальдъ*, не указывая его ошибокъ и какихъ-либо неточностей, прямо выдаетъ ему установленный аттестатъ: „но его разсказъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ путешествій и приключеній, которыя описываетъ господинъ Мюльгаузенъ". (См. *Въ области вѣчнаго льда*, стр. 383).

Очевидно, и Гельвальду понравилось „красное словцо"—сравненіе Ламартиньера съ Мюльгаузеномъ,—и онъ спѣшитъ его употребить, вмѣсто того чтобы побезпокиться самому прочесть, что этотъ „французъ" написалъ...

Таковы свѣдѣнія о книгѣ Ламартиньера, которыя намъ удалось достать.

Это все разныя описанія путешествій.

Въ послѣднее время наука не ограничивается такими описаніями и простой критикой написаннаго тѣмъ или другимъ авторомъ.

Между предметами вѣдѣнія исторической географіи видное мѣсто занимаютъ исторія колонизаціи и разселенія народовъ, этнографія и построенная на нихъ исторія областей.

Ламартиньеръ, по мѣрѣ своихъ силъ, однимъ изъ первыхъ послужилъ дѣлу русской исторической географіи и, казалось бы, заслуга его не должна пройти незамѣченной.

Между тѣмъ,—и трудно объяснить, почему,—не смотря на многочисленныя изданія (до восьми) книги Ламартиньера и на доступность ея языка (французскій), она прошла положительно незамѣченной почти всѣми нашими современными учеными, отмѣчавшими подчасъ явленія гораздо менѣе значительныя въ области интересующей насъ науки.

Мы не беремся объяснить этого факта.

Можетъ быть, причина лежитъ въ томъ, что вообще до сихъ поръ историческая географія у насъ мало подвергалась научной разработкѣ, а ученые, взявшись за эту задачу, обратили преимущественное вниманіе на ближайшіе источники—на лѣтописи, писцовыя и переписныя книги, разнаго рода акты, грамоты, а изъ сказаній иностранцевъ и описаній путешествій стали изучать только важнѣйшія.

Какъ бы тамъ ни было, но, кромѣ указанныхъ ниже, въ русскихъ научныхъ трудахъ въ области исторической географіи имя Ламартиньера не встрѣчается.

Конечно, нельзя искать ничего о нашемъ авторѣ въ извѣстномъ трудѣ по географіи начальнаго періода исторіи—*Н. Барсова*, „Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи“ (Варшава. 1884. 2-ое изданіе).

Но не встрѣтить ничего въ капитальномъ трудѣ *Е. Е. Замысловскаго*, „Сигизмундъ Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія“ (СПБ. 1884) и въ трудахъ *С. М. Соловьева* очень обидно для памяти нашего автора...

Перечислимъ еще нѣсколько трудовъ по исторической географіи, въ которыхъ намъ не удалось встрѣтить имени Ламартиньера, въ надеждѣ, что кто-нибудь укажетъ намъ и такіе труды, гдѣ на него было обращено вниманіе.

Исторія колонизаціи изучалась Ѳирсовымъ, Перетятковичемъ („Поволжье въ XVI и началѣ XVII вв.“), Ядринцевымъ, Соколовскимъ, Скальковскимъ. Особенно близокъ по мѣсту изслѣдованія долженъ быть Ламартиньеру *Огородниковъ*, („Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большого Чертежа)“, и *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* („О колонизаціи велико-русскаго племени)“.

Н. Надеждинъ, впервые сдѣлавшій попытку дать общій очеркъ исторической нашей географіи („Опытъ исторической географіи русскаго міра“, въ Библіот. для Чтенія 1837 г., т. XXII) тоже не упоминаетъ о нашемъ авторѣ, а *И. Д. Бѣляевъ*, въ своемъ трудѣ „Географическія свѣдѣнія на Руси въ IX, X, XI и XII столѣтіяхъ“, не дошелъ еще до времени Ламартиньера.

Нѣтъ ничего и въ „Объясненіи“ къ Историческому учебному атласу *Е. Е. Замысловскаго*.

В. О. Ключевскій въ своемъ спеціальномъ сочиненіи *Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ* (Москва. 1866 г.), тоже ни слова не говоритъ о нашемъ авторѣ. Въ большомъ своемъ путешествіи *Шренкъ* не нашелъ ничего сказать про Ламартиньера, какъ слѣдующее:

„Этотъ островъ (Варандей) представляетъ Борандайскую землю лживаго *de la Martinière*'а, который, предпринявъ отсюда свое торговое путешествіе по тундрамъ самоѣдовъ, выдумалъ объ этомъ повѣсть, изъ которой нѣтъ никакой возможности узнать даже направленія пути, которому онъ слѣдовалъ“. И больше ничего!.. (См. *Путешествіе къ с.-востоку Европейской Россіи*. СПБ. 1855 г., стр. 462).

Изъ пользовавшихся трудовъ Ламартиньера укажемъ, на покойнаго *Н. Н. Харузина*.

Въ своей книгѣ *Русскіе Лопари*, которая должна служить, по нашему мнѣнію, настольной для всякаго, занимающагося вопро-

сомъ объ этомъ народѣ, онъ неоднократно и подробно цитируетъ Ламартиньера и многія его сообщенія подтверждаетъ извѣстіями другихъ путешественниковъ по Лапландіи. Такимъ образомъ, Харузинъ является чуть ли не единственнымъ современнымъ ученымъ, который „открылъ“ Ламартиньера и познакомилъ съ нимъ русскій ученый міръ не въ такомъ освѣщеніи, какъ дѣлали это Берхъ, Литке и пр. Какъ на примѣръ добросовѣстнаго и подробнаго цитированія Харузинымъ нашего автора, укажу на страницы 61, 123, 161, 320 и др. Жаль только, что, повидимому, Харузину не удалось достать перваго, самаго точнаго, по нашему мнѣнію, изданія книги Ламартиньера, а пришлось познакомиться съ нашимъ авторомъ лишь по изданію 1682 г., какъ это самъ авторъ указываетъ въ цитатахъ.

II. Обзоръ свѣдѣній о сѣверо-востокѣ Россіи до Ламартиньера.

Чтобы судить справедливо о какомъ-нибудь путешественникѣ, надо знать: что̀ знали о странахъ, которыя онъ описываетъ, его предшественники и современники?

Къ этому вопросу мы теперь и перейдемъ и посмотримъ, что̀ знали о сѣверо-востокѣ Россіи русскіе и иностранцы до времени Ламартиньера.

Какъ это ни странно, но европейцы начали знакомиться съ сѣверной частью своего собственнаго материка гораздо позднѣе, чѣмъ познакомились съ другими материками.

Если не считать смѣлыхъ промышленниковъ-поморовъ,—главнымъ образомъ норвежцевъ и русскихъ,—совершавшихъ свои плаванія вдоль и поперекъ родного Студенаго моря, то надо признать, что первымъ европейцемъ, посѣтившимъ нашъ сѣверъ въ 1553 г., былъ сэръ Гугъ Виллоуби.

Поморы, наши и норвежскіе, открывшіе не только множество земель и острововъ въ своемъ родномъ океанѣ, но (какъ это теперь доказано) и самую Америку, задолго до Колумба—не могутъ приниматься во вниманіе наукой географіи, такъ какъ открытія эти были по большей части случайныя, никѣмъ изъ нихъ не описаны, всѣми позабыты. Буря заносила того или другого смѣльчака на какой-нибудь дотолѣ неизвѣстный берегъ необъятнаго океана; смѣльчакъ только и думалъ, какъ бы ему вернуться здраву и невредиму на родину и тамъ, среди своихъ, разсказывалъ о перенесенныхъ имъ бѣдствіяхъ, смутно даже самъ помня: гдѣ онъ былъ и что видѣлъ?

Слагались саги, легенды, пѣсни; прославлялись подвиги отважныхъ мореходовъ, но точныхъ свѣдѣній неоткуда было достать, и нашъ сѣверъ до средины XVI столѣтія продолжалъ оставаться неизвѣстнымъ.

Конечно, свои ближайшіе берега промышленники прекрасно знали. Такъ, наши поморы знали и Новую Землю, и Грумантъ (Шпицбергенъ), и путь изъ Бѣлаго моря въ Карское и дальше,—до Оби и Енисея. Знали обо всемъ этомъ и въ Москвѣ, собирали въ новыхъ странахъ дани и пошлины, строили даже цѣлые города, какъ Мангазея, но всѣ эти знанія были далеки отъ всеобщаго распространенія, даже тщательно скрывались московскимъ правительствомъ, и за разглашеніе „путей“ грозило жестокое наказаніе.

Теперь, по архивнымъ даннымъ, можно возстановить довольно полную картину нашихъ знаній о сѣверѣ Россіи.

Но научное изученіе нашего сѣвера началось только *съ Виллоуби*. Онъ долженъ считаться первымъ, положившимъ основаніе научной географіи сѣвера Россіи.

Впрочемъ, еще въ 1495 г., англичане *Иванъ Каботъ* и сынъ его *Себастіанъ*, воспламененные извѣстіями объ открытіяхъ Колумба и поощряемые королемъ Генрихомъ VII, который даровалъ имъ привилегію на потомственное владѣніе всѣми землями, гдѣ они водрузятъ англійское знамя, какъ будто „открыли“ издавна нашу Н. Землю. Но это въ точности не доказано, такъ какъ Каботы отправились собственно на сѣверо-западъ отъ Англіи, а не на сѣверо-востокъ, гдѣ лежитъ Н. Земля. Цѣль ихъ путешествія была—открыть путь въ Индію. Отправившись на западъ, они какъ-то попали къ большой землѣ, названной ими *Prima-Vista*, описаніе которой очень подходитъ къ нашей Н. Землѣ. Потомъ они пристали къ американскому материку,—именно къ берегамъ Лабрадора,—даже еще на годъ раньше Колумба. Но все это, какъ видите, недалеко ушло отъ сагъ и легендъ и никакого—ни практическаго, ни научнаго—результата не дало.

Только въ 1549 г. *Себастіанъ Каботъ* составилъ проектъ новой экспедиціи для открытія пути въ Индію и теперь точно намѣтилъ его на востокъ.

Проектъ этотъ былъ въ 1552 г. принятъ, и составилось цѣлое общество купцовъ для его осуществленія. Было собрано 6000 фунтовъ стерлинговъ и снаряжено три корабля, а у каждаго корабля было въ распоряженіи по пинкѣ и по куттеру (небольшія парусныя суда), — слѣдовательно всего было девять судовъ.

Во главѣ экспедиціи былъ поставленъ сэръ *Гугъ Виллоуби*,—морякъ очень извѣстный и принадлежавшій къ извѣстному роду.

Надъ двумя другими кораблями начальствовали Ричардъ *Ченслеръ* и голландецъ Корнелій *Дуреутъ*. Экспедиція была прекрасно, по тому времени, оборудована.

Но около Вардё,—значитъ тамъ же, гдѣ, сто лѣтъ спустя, едва не погибъ и Ламартиньеръ съ товарищами,—буря разлучила корабли, и Виллоуби, съ двумя кораблями и всѣмъ экипажемъ, въ числѣ 70 человѣкъ, погибли отъ холода и голода въ пустынной и необитаемой части восточной Лапландіи. На слѣдующій годъ русскіе промышленники нашли въ Нокуевской губѣ два англійскихъ, богато нагруженныхъ корабля, съ трупами замерзшихъ людей. Капитанъ Виллоуби лежалъ въ каютѣ, держа въ рукахъ журналъ, въ которомъ, повидимому, не переставалъ писать, пока не лишился чувствъ. О страшной находкѣ прибрежные корелы донесли въ Москву, и царь Іоаннъ Грозный приказалъ холмогорскому воеводѣ взять корабли, сдѣлать опись всему, что въ нихъ найдется, а въ слѣдующемъ году все это было доставлено Ченслеру, прибывшему въ Россію уже въ качествѣ англійскаго посланника.

Ченслерово путешествіе и результаты его хорошо извѣстны, и потому мы на немъ не будемъ останавливаться. Укажемъ только, что отважный мореплаватель, достигшій столь существенныхъ результатовъ, какъ установленіе дружественныхъ торговыхъ сношеній между двумя такими странами, какъ Англія и Россія, въ смыслѣ обогащенія географическихъ знаній сдѣлалъ очень мало. Да это ему и въ вину ставить нельзя: будучи занесенъ бурей къ негостепріимнымъ берегамъ, спасшись почти чудомъ, онъ былъ доставленъ ко двору Ивана Грознаго и жилъ въ Москвѣ, окруженный почетомъ, но подъ бдительнымъ надзоромъ подозрительнаго царя. Обратно онъ тоже былъ отправленъ съ эскортомъ, съ почетомъ, но и „съ доглядкой“ за нимъ. Поэтому онъ могъ писать только о томъ, что ему хотѣли показать, да о томъ немногомъ, что ему удалось узнать изъ распросовъ окружающихъ его „приставовъ“. Сказанное относится въ особенности къ этнографіи, къ описанію быта и жизни русскихъ того времени: Ченслеръ могъ видѣть только то, что ему хотѣли показать.

Завязавъ сношенія съ московскимъ дворомъ и отправившись къ нему уже посломъ отъ смѣнившей короля Эдуарда королевы Маріи и ея мужа Филиппа, Ченслеръ не могъ продолжать начатаго Виллоуби дѣла—открытія пути въ Китай и Индію.

Эта задача была поручена тою же англійской компаніей Кабота другому выдающемуся мореплавателю, Этьену *Бургу*.

Компанія наняла небольшое судно, и Бургъ отправился въ путь 29 апрѣля 1556 г., а 2 іюня былъ уже подъ 70° 15′ сѣв. широты.

Черезъ нѣсколько дней онъ увидѣлъ Н. Землю, а 31 числа прибылъ на о. Вайгачъ, гдѣ встрѣтилъ много судовъ русскихъ

промышленниковъ. Отъ нихъ онъ узналъ, что живущій тутъ народъ называется *самоѣдами*, что они не имѣютъ домовъ и живутъ подъ палатками, сдѣланными изъ оленьихъ шкуръ. Проходя по острову, онъ видѣлъ большую кучу идоловъ (до 300 штукъ), изображающихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; ротъ и глаза многихъ изъ этихъ идоловъ, сдѣланныхъ весьма грубо, были окрашены кровью; нѣкоторые изъ идоловъ были ничто иное, какъ старая лодка, имѣющая 2 или 3 зарубки. Буругъ оставался тутъ до 25 августа, не имѣя возможности итти далѣе; 18 сентября онъ присталъ къ Холмогорамъ, гдѣ и перезимовалъ, а въ 1557 г. возвратился въ Англію. Такимъ образовъ, результаты, добытые Буругомъ, были очень незначительны. Отважный Ченслеръ, отправленный съ посольствомъ царя Іоанна къ англійскому двору, погибъ, не дойдя до Англіи, при кораблекрушеніи.

Изъ слѣдующихъ путешествій европейцевъ извѣстно о путешествіи Артура *Пета* и *Джакмана*. Оба въ 1580 г. вышли изъ Парвича въ Англіи и направились къ Вардё, гдѣ и пробыли до 1 іюля. Достигнувъ Вайгачскаго пролива и войдя въ него, они встрѣтили такую массу льда, что должны были возвратиться въ отечество. На возвратномъ пути Джакманъ пропалъ безъ вѣсти со своимъ кораблемъ, а Петъ благополучно возвратился.

Мы подошли теперь ко времени Вильяма *Баренца* (1594—1597 г.), такъ много сдѣлавшаго въ вопросѣ о познаніи нашихъ негостепріимныхъ сѣверныхъ береговъ.

Свергнувъ иго Испаніи, Нидерландскія провинціи захотѣли участвовать, въ свою очередь, въ выгодахъ торговли, которыя сулилъ загадочный Востокъ. Миддельбургскіе купцы, во главѣ съ Балтазаромъ Мушерономъ, энкгейзенскіе—съ помощью Генеральныхъ Штатовъ и принца Маврикія Нассаусскаго, и амстердамскіе, побуждаемые знаменитымъ космографомъ Планціемъ, снарядили три корабля для изслѣдованія нашего сѣвера и для нахожденія пути на Востокъ. Однимъ кораблемъ командовалъ *Баренцъ*, а другими Корнелій *Най* и Брандтъ *Ибрантъ*. Послѣдніе два должны были, по примѣру англичанъ, искать прохода между о. Вайгачемъ и материкомъ, а Баренцъ, по совѣту Планція[1]), долженъ былъ плыть сѣвернѣе Н. Земли.

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что современными учеными и путешественниками вполнѣ подтверждена мысль Планція о томъ, что Океанъ именно тутъ, около сѣверныхъ береговъ Н. Земли, удобнѣе всего проходимъ. Тутъ, какъ доказалъ Норденшильдъ, идетъ довольно интенсивная струя Гольфстрема, а льды скопляются въ южной части Карскаго моря, забивая какъ его, такъ и ведущіе въ него проходы. Вѣрность вывода Норденшильда доказалъ капитанъ нашего флота

Не имѣя возможности подробно изложить результаты этой интереснѣйшей экспедиціи, я ограничусь только перечисленіемъ тѣхъ открытій, которыя ею были сдѣланы.

Въ первое свое путешествіе Баренцъ узналъ западную часть Н. Земли, поднялся по берегу на сѣверъ, открылъ и наименовалъ много острововъ. Идя все на сѣверъ, Баренцъ обогнулъ о. Креста, мысъ Нассау и встрѣтилъ такое количество льдовъ, что конца имъ не было видно и съ вершины мачты. Возвратясь на югъ, онъ назвалъ мысъ, находящійся подъ 70 градусомъ, *Ледянымъ мысомъ*. Открывъ еще много мелкихъ острововъ, Баренцъ возвратился въ Амстердамъ.

На слѣдующій годъ принцъ Нассаусскій снарядилъ новую экспедицію, въ которой самымъ большимъ судномъ командовалъ Баренцъ, а начальникомъ всей экспедиціи былъ Яковъ *Гемскерке*.

Мореплаватели достигли Н. Земли и повернули на югъ, пытаясь пройти Вайгачскій проливъ, что̀ имъ, однако, не удалось (см. примѣч. I къ главѣ XXXXV). Баренцъ возвратился домой осенью того же года. Най и Исбрантъ, разставшись съ Баренцомъ, направились къ востоку, останавливались на многихъ островахъ и мысахъ, но не дошли на 40 лье до Вайгачскаго пролива. Впослѣдствіи Най былъ убитъ однимъ туземцемъ.

Не удовлетворенные этими результатами, голландцы снарядили новую экспедицію, съ Баренцомъ и Гемскерке во главѣ. Конецъ ея былъ самый печальный. Оставшись зимовать на Н. Землѣ, вслѣдствіе непроходимыхъ льдовъ и порчи корабля, голландцы потеряли значительную часть экипажа, и только 15 человѣкъ изъ него спаслось на двухъ маленькихъ лодкахъ и достигли Колы.

Въ числѣ погибшихъ былъ и Баренцъ.

Итакъ, негостепріимный островъ поглотилъ и самую дорогую жертву... Баренцъ по справедливости считался однимъ изъ самыхъ выдающихся, знающихъ и смѣлыхъ путешественниковъ.

Результатовъ, сколько-нибудь значительныхъ, эта экспедиція, вслѣдствіе перенесенныхъ бѣдствій, конечно, не могла дать.

Кочуя и носясь, по волѣ волнъ и льдовъ, у береговъ Н. Земли, путешественники ничего, кромѣ ея береговъ, не видали, и всѣ ихъ усилія были направлены лишь на спасеніе себя отъ голода, холода и нападенія голодныхъ бѣлыхъ медвѣдей. Описаніе этого несчастнаго предпріятія полно неподдѣльнаго трагизма и можно ска-

---

Варнекъ и недавно, въ экспедицію прошлаго года,—путешественникъ *Русановъ*, который является горячимъ проводникомъ направленія пути кораблей именно вокругъ сѣверной оконечности Н. Земли, а не черезъ Шары и Карское море.

зать, что примѣръ Баренца надолго отбилъ охоту у самыхъ смѣлыхъ мореплавателей пытаться узнать тайны Ледовитаго Океана.

Даже отважный Генрихъ *Гудзонъ* не рѣшился далеко итти въ этихъ широтахъ: въ свое первое путешествіе, въ 1607 г., онъ дошелъ только до Шпицбергена и, увидя сплошной ледъ на сѣверѣ, вернулся въ Англію. Въ слѣдующемъ году, дойдя до Н. Земли, онъ пытался проникнуть Вайгачскій проливъ и обогнуть Сѣверный мысъ, но, опять встрѣтивъ ледъ, вернулся въ Англію. Въ научномъ отношеніи обѣ эти экспедиціи не дали ровно ничего. Гудзона ждало безсмертіе въ другой части береговъ, омываемыхъ Ледовитымъ моремъ,—въ Америкѣ. Въ 1612 г. голландецъ *Янъ Корнельсонъ фонъ Горнъ* покушался, и тоже безуспѣшно, проникнуть на востокъ сѣвернѣе Н. Земли. Единственнымъ цѣннымъ результатомъ этого путешествія было утвержденіе Горна,—впослѣдствіи подтвердившееся,—что постоянно спирающіеся льды образуютъ между Н. Землей и Шпицбергеномъ непроходимую зону.

Можетъ быть, установленіе этой непроходимости льдовъ и явилось причиной ошибки Ламартиньера, полагавшаго, что тутъ не непроходимый только ледъ, а настоящій материкъ.

Здѣсь нельзя не отмѣтить слѣдующихъ путешествій начала XVII в., хотя имѣвшихъ чисто коммерческій характеръ и не проникавшихъ въ глубь нашего Сѣвернаго моря, но касавшихся, тѣмъ не менѣе, нашихъ водъ.

Стефанъ *Бенэтъ* (1603—1608) получилъ порученіе отъ Франсуа Шерри снарядить корабль и итти въ Лапландію, для продажи его груза, а потомъ, если будетъ возможность, попытаться найти таинственный путь на востокъ. Бенэтъ нашелъ только *Медвѣжій островъ* (уже ранѣе извѣстный намъ) и назвалъ его о. *Шерри*.

На слѣдующій годъ Бенэтъ былъ посланъ другимъ судохозяиномъ и пошелъ на тотъ же островъ. Въ 1605 г. опять былъ на о. Шерри. Въ 1608 г., помня выгоды, которыя промышленники тутъ получили, Бенэта снова послали на Шерри и съ нимъ поѣхалъ даже самъ судохозяинъ *Вильденъ*, который привезъ въ Англію двухъ первыхъ, никогда тамъ невиданныхъ, живыхъ моржей. Король и дворъ очень дивились этимъ животнымъ, очень смирнымъ и послушнымъ.

Все это имѣло неожиданный результатъ: компанія по торговлѣ съ Москвой не только объявила этотъ островъ своей собственностью, но захватила въ 1611 г. и сосѣдній Шпицбергенъ, прогнавъ оттуда промышлявшихъ китовъ испанцевъ, голландцевъ и французовъ. Въ этомъ захватѣ принималъ, между прочимъ, участіе и знаменитый *Баффинъ*. Оказывается, осторожные „моско-

виты" вовсе не были неправы, скрывая отъ иностранцевъ свои владѣнія и пути къ нимъ... Съ тѣхъ поръ иностранцы захватили Шпицбергенъ, почти истребили тутъ китовъ, а въ XIX вѣкѣ даже добились признанія „нейтральности" этого нашего исконнаго достоянія, извѣстнаго намъ съ незапамятныхъ временъ подъ именемъ Груманта.....

Вотъ и все, что было сдѣлано и что стало извѣстно объ этой части Ледовитаго Океана ко времени путешествія Ламартиньера.

Для характеристики степени знаній, которыми обладали современники Ламартиньера (и даже люди, жившіе гораздо позже его), позволимъ привести здѣсь выписку изъ сочиненія Гельвальда:

„Голландскіе китоловы тѣхъ временъ даже хвастались, будто они, преслѣдуя звѣря, проникали въ таинственную теперь еще для насъ глубь крайняго сѣвера и проходили поперекъ сѣвернаго полюса, или же кругомъ его. *Дэнь Барринтонъ* [1]), который въ 1773 году усиленно старался собрать все, до этого касающееся, упоминаетъ о шести подобныхъ случаяхъ. Первый случай относится къ нѣкоему *Далье*, который разсказывалъ д-ру Кампбелю, составителю описаній путешествій Гарриса, что онъ, пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, былъ на кораблѣ до 88 градуса сѣв. широты; будто тамъ было тепло, а льду не было. Второй случай какого-то голландца, который клялся г-ну Грею, что онъ былъ надъ 89° 30′ сѣв. шир., что Грей, въ свою очередь, разсказывалъ въ 1663 г. г-ну Ольденбургу. Третьимъ примѣромъ приводится разсказъ г-на Вэтлея, будто онъ самъ узналъ изъ устъ трехъ голландскихъ лоцмановъ, что они слышали о какомъ-то нидерландскомъ кораблѣ, достигшемъ 89° сѣв. шир. Въ-четвертыхъ, какой-то г. Ридъ разсказывалъ Баррингтону, что 15 лѣтъ тому назадъ нѣкто Гансъ *Дерикъ* говорилъ, что онъ и еще пять другихъ судовъ были подъ 86° сѣв. шир. Въ-пятыхъ, нѣкій капитанъ Гульденъ, по секрету, сообщилъ въ 1676 г. королю Англіи, что онъ слышалъ отъ двухъ голландскихъ штурмановъ, будто они 20 лѣтъ передъ тѣмъ были подъ 89°; къ этому они прибавили, что на обоихъ судахъ были ведены 4 дневника и что они не сходились только на 4 минуты. Шестой случай—самый нелѣпый, не смотря на то, что онъ подтверждается такимъ авторитетомъ какъ *Моксонъ*, гидрографъ ея великобританскаго величества. Двадцать два года передъ тѣмъ, какъ Моксонъ описываетъ этотъ случай, этотъ легковѣрный старецъ входилъ однажды въ Амстердамѣ въ трактиръ, чтобы под-

[1]) Очень серьезный и знающій изслѣдователь Сѣвера. Прим. *В. С.*

крѣпиться кружкою пива. Онъ сѣлъ къ столу, за которымъ уже сидѣли другіе гости. Въ это время входитъ еще кто-то, который въ числѣ гостей узналъ одного изъ своихъ пріятелей, матроса съ гренландской флотиліи, и спрашиваетъ его, вслѣдствіе чего онъ такъ скоро вернулся?—О! отвѣчаетъ тотъ, выпивая свою кружку пива,—мы были у сѣвернаго полюса и теперь оттуда вернулись. Это крайне удивило добродушнаго Моксона; онъ вступилъ съ этими людьми въ разговоръ, чтобы убѣдиться въ справедливости ихъ словъ. Матросъ-шутникъ увѣрялъ его, что они не только были у полюса, но еще на два градуса перешли его. Видимо, голландскіе матросы подшучивали надъ легковѣрнымъ иностранцемъ, такъ простодушно ихъ распрашивавшимъ. Они его увѣряли, что у полюса море совсѣмъ открытое, льду они вовсе не видали тамъ, и что тамъ такъ же тепло, какъ лѣтомъ въ Амстердамѣ. Такъ какъ матросы продолжали бесѣду между собою, то королевскій гидрографъ счелъ неприличнымъ мѣшать имъ своими распросами; но онъ повѣрилъ, что голландскій матросъ сообщилъ ему чистую правду, потому что онъ ему казался такимъ простымъ, честнымъ и скромнымъ человѣкомъ, который не могъ имѣть никакихъ дурныхъ намѣреній относительно его. Весь этотъ разговоръ Моксонъ записалъ и потомъ *опубликовалъ съ приложеніемъ карты* и съ добавленіемъ нѣсколькихъ доводовъ въ подтвержденіе истины этого трактирнаго разговора. Эта статья (Ioseph *Moxon*, *A brief discourse of a passage by the Nord Pole to Japon*. London, 1674, 4°.) нашла многихъ читателей, а въ 1687 году явилась вторымъ изданіемъ (*Markham-Gaidos*, стр. 63 и 55)". См. *Гельвальдъ*, op. cit., стр. 367—368.

Вполнѣ понятно, что Ламартиньеръ, въ общемъ обладавшій очень скептическимъ умомъ (припомнимъ его „разоблаченія" лѣчебныхъ силъ ногъ лося, рога единорога, причинъ скорбута, появленія душъ умершихъ у Исландіи, людоѣдства самоѣдовъ и пр., вопреки ученѣйшимъ увѣреніямъ современниковъ), могъ не повѣрить оказавшемуся впослѣдствіи истиннымъ извѣстію *голландца* Ная... Не видя отъ другихъ подтвержденія этого единственнаго тогда извѣстія о проходимости Югорскаго Шара, Ламартиньеръ отнесъ его къ разряду вышеуказанныхъ „голландскихъ" басенъ.

При такихъ условіяхъ и при столь скудныхъ и мало провѣренныхъ свѣдѣніяхъ, Ламартиньеръ,—къ тому же не спеціалистъ, не морякъ,—могъ вполнѣ добросовѣстно, во первыхъ—не вѣрить всѣмъ этимъ даннымъ, а, во вторыхъ—могъ впасть самъ въ ошибку: утверждать, что Вайгачъ, Н. Земля и другіе острова, вплоть до Гренландіи, образуютъ одинъ сплошной материкъ.

XXIX

Сдѣлавъ краткій обзоръ свѣдѣній о морскихъ путешествіяхъ въ эти широты, посмотримъ, что было извѣстно путешественникамъ со стороны суши.

О теперешней шведской и русской Лапландіи ко времени Ламартиньера и со стороны сухопутья было не больше извѣстій, чѣмъ съ моря. Въ русскихъ лѣтописяхъ, былинахъ и пѣсняхъ есть нѣкоторыя указанія, болѣе или менѣе легендарныя, на теперешнихъ лопарей и ихъ предковъ „сумь“.

Такъ, въ Уставѣ Ярослава „о мостахъ“, между прочимъ, упоминается „лопьская“ ста (17-ая); но проф. Владимірскій-Будановъ читаетъ ее „лоуская“. (См. объ этомъ подр. у *Н. Харузина*, «Русскіе лопари», стр. 17).

Не настаивая на этомъ, невполнѣ выясненномъ пунктѣ лѣтописныхъ извѣстій, мы только въ XIV в. находимъ вполнѣ точное извѣстіе у монаха *Лазаря*: „а живущіе тогда именовались около озера Онега лопляне и чудь, страшные сыроядцы близъ мѣста сего живяху... Многи скорби и біенія и раны претерпѣвъ отъ сихъ звѣреподобныхъ мужей. Многажды бивше и изгнаша мя отъ острова сего и хижу мою огню предаша. А сами окаянніи по наученію бѣсовскому подлежаху и мечты многи дѣяху. И сотвориша селитбу близъ мене съ женами и дѣтьми, и пакости многи творяху и глаголаху: Калугере, останися мѣста сего... и хотяху мя сыроядцы убити и тѣло мое въ ядь себѣ сотворити“... (*Харузинъ*, стр. 18).

Вотъ, значитъ, съ какихъ временъ идетъ слава о нашихъ инородцахъ, какъ объ людоѣдахъ.

Затѣтимъ только, что этотъ же благочестивый инокъ не только не былъ съѣденъ звѣроподобными лопарями, но, повидимому, самъ же ихъ и выжилъ съ насиженныхъ селитебъ: онъ далѣе про нихъ пишетъ: „отъидоша отъ мѣста сего въ предѣлы океана-моря“.

Къ этому же времени относится извѣстіе лѣтописи: „ходили новгородцы войною за море и рѣку Полную и взяша градъ Людеревъ сумскаго князя“ (1310 г.).

Впрочемъ, и то, что „сумь“ есть предки лопарей, нѣкоторыми изслѣдователями еще оспаривается.

Въ XV вѣкѣ въ предѣлахъ нынѣшняго Повѣнецкаго уѣзда указывается семь погостовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „лопскихъ“.

Въ новгородскихъ переписныхъ книгахъ 1500 и 1501 г.г. встрѣчается указаніе на то, что въ предѣлахъ теперешней Петербургской губерніи лопари оставили по себѣ память въ названіяхъ мѣстностей: въ городѣ Орѣшкѣ была „лопская сторона“, въ которой считалось 72 двора; упоминается погостъ на Лопцѣ и, наконецъ,—погостъ Егорьевскій-Лопскій.

Въ 1526 г. упоминается о лопаряхъ въ Кандалакской губѣ, въ 1530 г.—по рр. Кеми и Шуѣ, гдѣ теперь лопарей нѣтъ.

Въ 1590 г. указаны лопари въ волостяхъ Ковдѣ и Керети на Студеномъ морѣ. Въ концѣ же XVI в. имѣются указанія на лопарей между рр. Сумой и Нюхчей и около Выгозера.

Наконецъ, укажемъ на упоминаніе о лопаряхъ у Павла *Іовія* (см. прим. къ главѣ XI).

Шведы и норвежцы, безъ сомнѣнія такъ же, какъ и русскіе того времени, живя въ сосѣдствѣ съ лопарями, хорошо ихъ знали. Но, также какъ и въ русскихъ источникахъ, у нихъ записывалось объ лопаряхъ очень мало, знанія передавались устно, отъ одного къ другому, и касались больше указанія того или иного торговаго пути, или же административныхъ распорядковъ.

Отъ XVI вѣка дошло два извѣстія. Первое—*Даміанъ* и *Гоесъ* (*Damianus et Goës*), въ обращенной къ Папѣ Павлу III своей *Deploratio Lappianae gentis*, 1540 г., указываютъ, что „биркарли“ [1]) препятствуютъ распространенію христіанства между лапландцами.

Второе—Густавъ I, король шведскій, въ 1559 г. обратился къ лопарямъ съ посланіемъ, въ которомъ упрекаетъ ихъ, что многіе изъ нихъ еще не приняли христіанства.

Въ XVII в., при Карлѣ IX шведскомъ, свѣдѣній имѣется нѣсколько больше, такъ какъ этотъ король взялся настойчиво обращать лопарей въ христіанство и началъ постройку церквей въ Лапландіи.

Наконецъ, извѣстный *Шеффферъ*, впервые давшій (на латинскомъ языкѣ) довольно подробное и обстоятельное описаніе Лапландіи, выпустилъ свою книгу—*Lapponia, id est religionis Lapponum et gentis nova et verissima descriptio* (Francofurti. 1673. 4°). Французскій переводъ появился въ Парижѣ, въ 1678, т. е. оригиналъ вышелъ на два года позднѣе появленія въ печати книги Ламартиньера и черезъ 20 почти лѣтъ послѣ его путешествія.

Такимъ образомъ, очевидно, нашему автору негдѣ было достать свѣдѣній объ Лапландіи, а имѣющіяся написаны были на языкахъ шведскомъ и норвежскомъ, мало знакомыхъ въ остальной Европѣ, или на русскомъ, совсѣмъ почти неизвѣстномъ. А если бы Ламартиньеръ пользовался, напр., трудомъ *Магнуса* (*De gentibus septentrionalibus*), то было бы хуже, ибо эта книга есть сводъ всѣхъ чудовищныхъ извѣстій о дальнемъ Сѣверѣ.

Перейдемъ теперь къ другой части путешествія Ламартиньера,—къ сѣверо-востоку Евр. Россіи и Западу Сибири.

[1]) Кто были биркарли, сосѣди лопарей, сказать трудно, но скорѣе всего норвежскіе колонисты на лапландской территоріи.

Переходя къ вопросу о первыхъ историко-географическихъ свѣдѣніяхъ и картографическихъ работахъ, относящихся къ этой части путешествія Ламартиньера, мы прежде всего замѣтимъ, что западные европейцы познакомились съ этими окраинами довольно поздно.

Первыя путешествія съ Запада внутрь Азіи, извѣстныя намъ, относятся къ XIII вѣку и касаются только средней полосы нашихъ азіатскихъ владѣній. На венеціанской картѣ 1457 г. представлены разныя мѣстности средней Азіи и указанъ Алтай, но Сибирь изображена въ видѣ узкой ленты между Алтаемъ и Сѣвернымъ Океаномъ. Проводниками первыхъ свѣдѣній о Сибири были моряки, отправлявшіеся въ Ледовитый Океанъ, главнымъ образомъ — къ Архангельску, и путешественники, заѣзжавшіе въ Россію. Но свѣдѣнія, собранныя такимъ путемъ даже въ XVI вѣкѣ, были очень смутны; объ этомъ можно судить по двумъ сохранившимся отъ того времена картамъ. Первая изъ нихъ—данцигскаго сенатора Антона *Вида*, изданная въ 1555 г., была составлена гораздо ранѣе; еще до ея изданія появилась, въ 1544 г., небольшая копія съ нея, приложенная Мюнстеромъ къ его космографіи. На картѣ Вида р. Обь показана раздвоившейся въ своемъ теченіи (верхнемъ); на правой вѣтви ея обозначена „казацкая орда“ (т. е. киргизъ-кайсаки), на лѣвой, соотвѣтствующей Иртышу,—калмыцкая, а ниже соединенія этихъ двухъ вѣтвей показанъ значительный притокъ, на которомъ отмѣчены два города: сѣвернѣе *Сибирь* и южнѣе — другой, надо думать, *Чинги* (Тюмень или Чинги-Тура). Въ нижнемъ теченіи Оби изображены обдоры, поклоняющіеся Золотой Бабѣ, названіе которой написано латинскими буквами по-русски (*Slata baba*). Нѣсколько подробнѣе вторая карта—*Герберштейна*, появившаяся тоже около половины XVI в. На ней также представлена рѣка Обь, но уже вытекающая изъ обширнаго Китай-озера, и недалеко отъ истока ея показана китайская столица „Кумбалыкъ“; значительно ниже находится тотъ же безымянный притокъ Оби, на которомъ отмѣчено два города—*Тюмень* и другой, ближе къ Оби, названный *Еромомъ*; ниже лежитъ цѣлая система рѣки *Сосьвы* съ ея притокомъ *Сывой*, названною *Сибутомъ;* при сліяніи Сосьвы съ Обью обозначенъ *Обскій* городокъ; при устьѣ Оби опять фигурируютъ обдоры съ Золотой Бабой. Это, значитъ, какъ разъ тѣ мѣста (около Ляпина-городка), куда доѣхалъ и Ламартиньеръ[1]).

[1]) Мы не упоминаемъ здѣсь о картахъ, изданныхъ Герардомъ по „Большому Чертежу“ (1614), и другихъ, какъ до Сибири собственно не относящихся.

«То обстоятельство, говоритъ Ф. Н. Бѣлявскій (*Россія*, изд. Девріена, томъ III, стр. 203), что на этихъ картахъ подробнѣй и вѣрнѣе изображались сѣверная и средняя часть З. Сибири, указываетъ на то, что свѣдѣнія для нихъ почерпнуты въ Россіи. Очень скудны были въ это время на Западѣ свѣдѣнія о сибирскихъ обитателяхъ: едва ли не весь запасъ ихъ ограничивался знакомствомъ съ сохранившимся отъ XV в. новгородскимъ сказаніемъ „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ", которое содержитъ болѣе баснословныхъ разсказовъ „о самояди", непохожей на остальныхъ людей до полной потери всякаго человѣческаго образа, чѣмъ дѣйствительныхъ этнографическихъ чертъ сибирскихъ инородцевъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь есть нѣсколько указаній относительно быта самоѣдовъ, о питаніи ихъ сырымъ мясомъ оленей и рыбъ, описаніе ихъ наружности (плосковидны, носы малы), свѣдѣній о подвижности, ловкости, хорошей стрѣльбѣ, о способахъ шаманскаго лѣченія, о нѣмомъ торгѣ, о древней обработкѣ кожи, объ ѣздѣ на оленяхъ и собакахъ, о торговлѣ соболями и пр.»

Когда Россія покорила Сибирь, то рядомъ съ заселеніемъ края пошло и его изслѣдованіе; первыя попытки географическаго ознакомленія съ Сибирью, относящіяся еще къ XVI в., дѣлались одновременно и иностранцами, стремившимися черезъ Россію открыть путь въ Индію и Китай (путешествіе англичанина *Дженкинсона* 1558 г.), и русскими, еще въ 1567 году ходившими „провѣдывать государства" неизвѣстныхъ владѣтелей: таково хожденіе въ Китай атамановъ *Петрова* и *Ельчева*. Но ко всѣмъ попыткамъ иностранцевъ провѣдывать сибирскія дороги въ Москвѣ относились съ большимъ опасеніемъ и иностранныхъ гостей туда не допускали (подробнѣе см. въ моей книгѣ «*Сѣверъ Россіи*». М. 1894). Поэтому на Западѣ, до самаго конца XVII в., ограничивались только тѣми свѣдѣніями о Сибири, которыя можно было почерпнуть въ Москвѣ,—а мы знаемъ, что эти свѣдѣнія были и неточны сами по себѣ, и нарочно извращались кромѣ того.

Другимъ источникомъ ознакомленія Запада съ Сибирью были добываемые съ большимъ трудомъ переводы статейныхъ списковъ съ описаніемъ Сибири, доставлявшихся сибирскими служилыми людьми.

Такимъ путемъ собиралъ свѣдѣнія о Сибири голландецъ *Масса*, издавшій въ первой половинѣ XVII в. „Описаніе Сибирскихъ земель" и „Краткое описаніе путей въ Сибирь и ея городовъ".

Мы сами, повторяю, начали какъ слѣдуетъ узнавать Сибирь только въ XIX в., но даже теперь еще не все точно и вѣрно объ ней знаемъ. Для ясности дальнѣйшаго изложенія позволю себѣ

привести тутъ и краткій обзоръ литературы отъ первой половины XVII в. до XIX в., какъ нашей, такъ и иностранной.

Путемъ перевода статейныхъ списковъ была составлена книга *Витзена* „О сѣверной и восточной Татаріи“, вышедшая въ 1692 г.

Русское правительство впродолженіе XVII в. предприняло цѣлый рядъ полу-торговыхъ, полу-дипломатическихъ посылокъ казаковъ въ Китай и Монголію. Болѣе или менѣе цѣнные результаты для географическаго изученія Сибири—и то южной—дали сохранившіеся статейные списки о двухъ такихъ развѣдкахъ: *Петлина* (1620) и *Байкова* (1654) и описаніе путешествія въ Китай развѣдочной экспедиціи 1675 г., составленное ея руководителемъ *Спаѳаріемъ*. Но всѣ свѣдѣнія этихъ списковъ и описаній состояли по большей части изъ сухого перечня названій мѣстностей.

По средней и сѣверной Сибири имѣется за это время большой запасъ свѣдѣній. Важнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній являются лѣтописныя сказанія. Начало Сибирскаго лѣтописанія было положено еще въ 1622 г. архіепископомъ *Кипріаномъ*, собравшимъ и записавшимъ свѣдѣнія о походѣ Ермака. Эта лѣтопись сгорѣла, но свѣдѣнія изъ нея по частямъ вошли въ другія, сохранившіяся лѣтописи: дьяка Саввы *Есипова*, написавшаго въ 1634 г. свою лѣтопись съ какого-то „писанія прежняго“, и кунгурская—Семена *Ремезова* (1650—1700 г.).

Судя по тому, что въ послѣдней имѣется много указаній на чудеса и свѣдѣнія церковнаго характера, нужно полагать, что сюда вошла значительная доля записей архіепископа Кипріана. Въ Ремезовской лѣтописи вообще мало бытовыхъ чертъ и народныхъ преданій. Одною изъ древнѣйшихъ сибирскихъ лѣтописей считается Строгановская; она выгодно отличается отъ остальныхъ своей ясностью и логичностью, но зато въ ней сильно замѣтна фамильная тенденціозность. Извѣстна еще одна лѣтопись, написанная въ половинѣ XVIII в. тобольскимъ ямщикомъ *Черепановымъ*, бывшимъ для своего времени очень образованнымъ человѣкомъ и имѣвшимъ большую библіотеку. Существуетъ, по слухамъ, еще нѣсколько историческихъ рукописей, неизданныхъ до сихъ поръ. Всѣ вообще рукописныя сказанія о Сибири мало изслѣдованы критически. Недавно вышелъ сводъ сибирскихъ лѣтописей въ изд. Археографич. Коммиссіи.

Кромѣ того, много свѣдѣній о сѣверной половинѣ Сибири заключается и въ оставшихся отъ XVII в. картахъ, планахъ и описаніяхъ. Кромѣ изданной въ Амстердамѣ въ 1694 г. карты царевича Ѳедора Борисовича Годунова, дающей немногимъ больше свѣдѣній, чѣмъ извѣстная съ XVI в. карта Герберштейна, въ

„Книгѣ Большого Чертежа“ (извѣстная нынѣ редакція которой относится къ 1627 г.) находятся довольно подробныя и точныя маршрутныя свѣдѣнія и относительно З. Сибири: здѣсь пересчитаны не только болѣе значительныя рѣки, но и точно указано нѣсколько десятковъ инородческихъ „городковъ“, отъ большинства которыхъ теперь уже нѣтъ и слѣдовъ. Сюда же относится и цѣлый рядъ другихъ картъ и описаній входившихъ въ черту русскихъ владѣній частей Сибири, какъ напр. „Роспись сибирскимъ городамъ и острогамъ“, составленная около 1640 г., „Чертежъ всей Сибири“ (составл. въ 1668 г. или, вѣрнѣе, текстъ къ нему, отъ самаго же чертежа сохранилась только копія, спѣшно сдѣланная съ него шведомъ *Прютцемъ*), «Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирскаго царства» (1683) „Чертежная книга Сибири“ (1700) *Ремезова* и др.

Вмѣстѣ съ сохранившимися лѣтописными сказаніями эти чертежи и описанія имѣютъ болѣе историческій, чѣмъ географическій интересъ и даютъ сырой матеріалъ для научной разработки сибирской исторіи. Больше географическаго, а также и этнографическаго элемента содержатъ появившіяся около половины XVII в. „Описаніе Сибири“ Юрія *Крижанича* и „Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ“ Григорія *Новицкаго* (въ началѣ XVIII в.).

Совершенно новыя условія для изслѣдованія Сибири наступили со времени воцаренія Петра Великаго, когда въ Сибирь не только открылся широкій доступъ иностранцамъ, но и былъ снаряженъ на средства правительства цѣлый рядъ экспедицій. Еще въ 1692 г. царями Иваномъ и Петромъ были посланы въ Китай голландцы *Идесъ* и *Брандтъ*, издавшіе интересныя описанія своихъ путешествій. Нѣсколько позднѣе былъ снаряженъ, собственно уже для изслѣдованія Сибири, ученый *Мессершмидтъ*; онъ не успѣлъ обнародовать результатовъ своихъ семилѣтнихъ трудовъ, и ими отчасти воспользовался впослѣдствіи знаменитый *Палласъ*. Среди сотрудниковъ Мессершмидта былъ, между прочимъ, живший тогда въ Сибири въ качествѣ плѣнника, *Страленбергъ*, издавшій въ 1730 г. свое историко-географическое описаніе сѣверо-восточной части Европы и Азіи, съ прекрасною картою.

Другія библіографическія свѣдѣнія, преимущественно въ примѣненіи къ путешествію Ламартиньера, мы помѣщаемъ ниже, въ примѣчаніяхъ къ переводу.

Надо еще замѣтить, что и въ перечисленныхъ путешествіяхъ XVII и XVIII в.в. авторы многое писали со словъ другихъ, или по прежнимъ печатнымъ источникамъ, а сами не были во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя описываютъ. Въ особенности это надо сказать объ Идесѣ и Брандтѣ, а отчасти и о Палласѣ.

Заключеніе.

Цѣль предлагаемаго перевода *перваго* изданія книги Ламартиньера—познакомить читателя съ трудомъ путешественника, посѣтившаго сѣверъ Россіи въ началѣ второй половины XVII в.

Книга Ламартиньера, какъ мы видѣли, пользовалась большимъ успѣхомъ въ свое время, что̀ доказывается обиліемъ ея изданій на французскомъ языкѣ и многочисленными переводами ея на языки почти всѣхъ западно-европейскихъ народовъ.

Ее цитировали и на нее ссылались многіе писатели и ученые. Со временемъ книгу постигла странная судьба: одни ее позабыли, а другіе стали выдавать все въ ней написанное за ложь и выдумки.

Произошло это, по нашему мнѣнію, оттого, что писавшіе или не трудились ознакомиться съ подлинной работой Ламартиньера и говорили съ чужихъ словъ, или цитировали книгу по позднѣйшимъ изданіямъ, появившимся послѣ смерти автора.

Въ этихъ же позднѣйшихъ изданіяхъ—едва-ли по желанію Ламартиньера, а скорѣе безъ его вѣдома—появились цѣлыя новыя главы и многочисленныя вставки, которыя нисколько не улучшили собой, а только изуродовали первоначальное изданіе.

Ламартиньера начали упрекать не только въ сообщеніи ложныхъ свѣдѣній, но заподазривать даже и въ томъ: былъ ли онъ, на самомъ дѣлѣ, въ описываемыхъ имъ странахъ?

Одни предполагали, что все путешествіе составлено со словъ какого-то ссыльнаго; другіе,—даже единственный отысканный нами біографъ Ламартиньера *Eyriès*,—иронизировали, что народы, описанные авторомъ, видѣлъ только онъ одинъ (*seul a connus*).

Между тѣмъ, ознакомленіе съ книгой Ламартиньера въ ея первоначальной редакціи привело насъ къ убѣжденію, что многое изъ сообщаемаго авторомъ вовсе не выдумка, что, напротивъ, въ

немъ виденъ добросовѣстный наблюдатель, записывавшій подъ первымъ впечатлѣніемъ все, что̀ онъ видѣлъ въ продолженіе своей довольно быстрой поѣздки по описываемымъ странамъ.

Ламартиньеру иной разъ не доставало научныхъ знаній, даже въ объемѣ знаній его современниковъ. Отсюда—передача за достовѣрное нѣкоторыхъ суевѣрій (хотя и въ этомъ авторъ грѣшитъ не такъ ужъ часто, какъ его упрекаютъ), настойчивое увѣреніе читателя, что сѣверо-восточнаго прохода не существуетъ и нѣкоторыя другія погрѣшности противъ географіи.

Извиненіемъ Ламартиньеру можетъ служить, во-первыхъ, кратковременность самой поѣздки, полное незнакомство съ мѣстными языками и невозможность достать сколько-нибудь сноснаго переводчика; во-вторыхъ—отсутствіе въ тогдашней научной литературѣ почти всякихъ вѣрныхъ свѣдѣній о большинствѣ посѣщенныхъ Ламартиньеромъ мѣстъ (а многія мѣста онъ именно первый изъ европейцевъ и видѣлъ); въ-третьихъ, наконецъ, то, что многое изъ сказаннаго Ламартиньеромъ говорилось не только до него, но повторялось гораздо позже, а многое даже и теперь съ точностью научно не установлено.

Къ положительнымъ достоинствамъ книги Ламартиньера надо отнести, во-первыхъ, то, что онъ описывалъ,—просто и безхитростно,—жизнь глухихъ угловъ Европы того времени, описывалъ жизнь простого, а подъ часъ и дикаго человѣка. Такихъ описаній въ то время почти не было, и путешественники, при посѣщеніи малоизвѣстныхъ странъ, подъ бдительнымъ надзоромъ подозрительныхъ правительствъ, могли видѣть только то, что̀ имъ хотѣли показать. Такова, напр., судьба Герберштейна и Ченслера. Ламартиньеръ былъ предоставленъ, по счастію, самъ себѣ, и имъ никто не руководилъ, никто за нимъ не наблюдалъ. Поэтому книга его такъ интересна для этнографа.

Во-вторыхъ, что̀ касается приписываемой ему невѣрности передачи многихъ географическихъ названій народовъ и племенъ, которые онъ видѣлъ, то болѣе тщательный анализъ устанавливаетъ, напротивъ, его правоту: всѣ указанные имъ народы оказались на лицо, всѣ географическія названія—тоже. Намъ не удалось отыскать только двухъ мѣстъ: островка *Кильдомовія* и незначительнаго ручья *Борсагачъ*. Конечно, мы говоримъ только о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Ламартиньеръ дѣйствительно былъ самъ; географическія же его фантазіи, особенно въ концѣ книги, такъ и остаются фантазіями.

Помимо общаго интереса, который возбудила книга Ламартиньера,—что̀ доказывается, повторяю, ея многочисленными изда-

ніями и переводами,—нелишнимъ будетъ задаться вопросомъ: не имѣло ли это путешествіе какихъ-нибудь практическихъ результатовъ, кромѣ барышей, которые извлекла Компанія отъ своей мѣновой торговли?

Отвѣтить на этотъ вопросъ положительно заставляетъ насъ слѣдующее обстоятельство.

Извѣстно, что наши сосѣди—Польша, Ливонскій Орденъ и Швеція—дѣлали все возможное, чтобы воспрепятствовать нашему правительству завязать правильныя сношенія съ З. Европой, получать оттуда воинскіе припасы и нужныхъ мастеровъ. Данія этой политики не держалась.

Учредивъ Сѣверную Компанію, король Фридрихъ III, повидимому, не ограничился только знакомствомъ съ тѣми „диковинками", какія ему доставила экспедиція, въ которой былъ Ламартиньеръ.

Начали завязываться болѣе или менѣе прочныя отношенія, начался пріѣздъ датчанъ въ Россію. Мы имѣемъ прекрасныя „Записки Юста *Юля*", которыя извлекъ изъ Копенгагенскаго государственнаго архива и издалъ *Ю. Н. Щербачевъ* (М. 1900 г.). По этимъ запискамъ можно прослѣдить датско-русскія отношенія того времени.

Въ Актахъ Историческихъ и Письмахъ Петра Великаго (СПБ. 1887, т. I) находятся и другія данныя. Такъ, здѣсь (стр. 562—563), упоминается о какомъ-то *Бутманѣ, датскомъ факторѣ, датскомъ королевскомъ комисарѣ*. Оказывается, что этотъ Бутманъ не только завелъ правильную торговлю съ Россіей чрезъ Архангельскъ, но и устроилъ желѣзные заводы въ Кижскомъ погостѣ, на *Усть-рѣкѣ*, къ которымъ были приписаны кижскіе крестьяне. Бутманъ,—какъ его всюду называетъ Петръ,—былъ Андрей *Бутенантъ фонъ Розенбушъ* (или Розенбошъ), комисаръ датскаго короля.

Онъ прибылъ въ Россію въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича и, судя по фамиліи, могъ быть даже и французомъ (Бутенантъ де Розенбошъ), соотечественникомъ Ламартиньера. Онъ былъ близокъ къ иностранцамъ, окружавшимъ Петра: къ Виніусу, Вейде, Кривету, Брюсу, а также хорошо знакомъ съ передовыми сподвижниками Петра и его отца изъ русскихъ: съ Ромодановскимъ, Плещеевымъ, Стрѣшневымъ, Апраксинымъ, Головинымъ, Трубецкимъ, Куракинымъ, Репнинымъ, Бутурлинымъ, Матвѣевымъ, Головкинымъ. Петръ много и интимно съ нимъ переписывался, и Бутенантъ ему оказываетъ много услугъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на біографіи этого дѣятеля: мы только хотѣли

указать на интересный слѣдъ, который оставила по себѣ Сѣверная Компанія, экспедиція которой описана Ламартиньеромъ. Интересующіеся же Бутенантомъ подробнѣе найдутъ о немъ много любопытнаго въ прекрасной статьѣ проф. Всев. Өед. *Миллера*, въ «Вѣстникѣ Европы» за 1909 г. (кн. 10, стр. 680—698), гдѣ указана и библіографія по вопросу о Бутенантѣ. Укажемъ только, какъ на курьезъ, что дѣятельность Бутенанта на нашемъ сѣверѣ стала даже достояніемъ народной поэзіи, и объ немъ стали пѣть пѣсни и слагать былины, называя его *Бутманомъ Колыбановичемъ*.

Если, повторяю, и нельзя точно установить прямую связь между Ламартиньеромъ и Бутенантомъ, то едва ли можно сомнѣваться, что трудъ Ламартиньера, въ которомъ онъ довольно сочувственно описываетъ русскихъ и Россію, не могъ не повліять на общественное мнѣніе З. Европы, столь небогатой въ то время правдивыми описаніями нашего отечества. Уже много значило и то, что экспедиція эта доказала выгодность и безопасность торговли съ нами, возможность такой торговли; много значило и то, что Ламартиньеръ положительно опровергъ басни о *людоѣдствѣ* нашихъ инородцевъ, басни, которыя разсказывались даже и послѣ него... Экспедиція эта была *первая* датская и, нѣтъ сомнѣнія, что она-то и повела къ учрежденію оффиціальнаго комисаріата датскаго короля, а Бутенантъ былъ въ числѣ первыхъ комисаровъ.

„Легкомысленный французъ“,—какъ его называютъ его критики,—своей безхитростною книжкой, заинтересовавшей тогдашнюю читающую публику, можетъ быть, сдѣлалъ больше для сближенія З. Европы съ Россіей, чѣмъ иные многотомные ученые трактаты, публикѣ этой непонятные и недоступные...

Для насъ, русскихъ, эта книга представляетъ особый интересъ потому, что дѣло касается, по большей части, самыхъ глухихъ (даже еще и теперь) угловъ нашего отечества.

Ламартиньеръ побывалъ двѣсти пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ назадъ тамъ, гдѣ и теперь путешественники считаются единицами, описалъ такія мѣстности, которыя и по-сейчасъ почти не описаны.

Шутка сказать,—онъ „открылъ“ путь съ Печоры на Обь, тотъ путь, о которомъ мы и по сей день еще не договорились. Положимъ, путь этотъ задолго до Ламартиньера былъ извѣстенъ мѣстнымъ промышленникамъ, какъ извѣстенъ онъ теперь современнымъ. Но онъ первый его *описалъ*, первый не только изъ европейцевъ, но даже раньше русскихъ. Кстати, какъ разъ теперь возгорѣлась жестокая полемика именно объ этомъ пути: одни предлагаютъ искать дорогу къ богатствамъ Сибири морскимъ путемъ—чрезъ Карское море, около сѣверныхъ береговъ ея, а другіе до-

казываютъ необходимость разработать и провести хорошую дорогу именно по мѣстамъ, гдѣ ѣхалъ Ламартиньеръ, при чемъ доказывается возможность пользоваться тутъ и сухопутною перевозкой, и водяной, по системамъ соприкасающихся здѣсь большихъ рѣкъ—Печоры и Оби.

Переводъ книги Ламартиньера сдѣланъ по порученію и при постоянномъ содѣйствіи глубоко-уважаемаго учителя моего, Стефана Кировича Кузнецова, преподавателя Московскаго Археологическаго Института, какъ диссертаціонная работа.

Въ примѣчаніяхъ къ тексту я старался, по возможности, привести изъ существующей литературы объясненія того или иного темнаго или мало-понятнаго мѣста этого сочиненія.

Указаніемъ же литературы, а очень часто и снабженіемъ нужной книгой, я обязанъ тому же С. К. Кузнецову, за что и считаю долгомъ горячо благодарить его.

На приложенной картѣ схематично намѣченъ *морской* путь Ламартиньера. Точно указать этотъ путь, конечно, не представляется возможности, такъ какъ нашъ авторъ не даетъ нигдѣ широтъ и долготъ.

В. Н. Семенковичъ.

20 марта 1910.

КАРТА морского пути, совершеннаго датчанами въ 1653 г.

Путь Ламартиньера.

Путешествіе въ сѣверныя страны.

Глава I. *Отправленіе автора изъ Копенгагена на корабль Сѣверной Компаніи короля датскаго и прибытіе въ Христіанію, въ Норвегіи.*

Въ 1647 году Фридрихъ III, король Даніи, заботясь о развитіи торговли своей страны, учредилъ двѣ «Торговыхъ Компаніи» въ Копенгагенѣ, столицѣ своего королевства: одну—для Исландіи, другую—для сѣвера Европы (1). Участники послѣдней, разсчитавъ, что для нихъ торговля съ Норвегіей наиболѣе прибыльна, въ 1653 году, въ концѣ февраля, доложили королю о преимуществахъ, которыя могутъ получиться для него, если онъ поведетъ въ этомъ направленіи дѣло шире, чѣмъ онъ предполагалъ ранѣе.

Король склонился на эти доводы; тогда участники Компаніи рѣшили снарядить три корабля для путешествія на сѣверъ.

Находясь въ это время въ Копенгагенѣ и узнавъ, что король предписалъ участникамъ путешествія попутно предпринять и точныя изслѣдованія странъ, которыя они посѣтятъ, и доложить ему о диковинахъ, которыя они тамъ откроютъ, я рѣшилъ поступить хирургомъ на одинъ изъ этихъ кораблей, для чего и обратился съ просьбой къ своему знакомому, одному изъ главныхъ пайщиковъ Компаніи; онъ мнѣ это назначеніе устроилъ.

Запасшись всѣмъ необходимымъ, мы вышли изъ гавани черезъ шесть дней и въ ясную погоду, пользуясь попутнымъ юго-восточнымъ вѣтромъ, пошли въ *Каттегатъ* (называемый французами Trou du chat—„Кошачьей Щелью“),—проливъ, отдѣляющій Нѣмецкое Море отъ Балтійскаго (2). Этотъ проливъ, шириною въ 40 льё [считая отъ *Гельсинёра* до *Шагерорта* (3)], очень опасенъ для плаванія, вслѣдствіе встрѣчающихся тамъ подводныхъ камней.

Когда мы были на створѣ *Маэстранда*,—небольшого городка и морскаго порта, въ разстояніи 30 льё отъ Копенгагена,—съ сѣвера налетѣлъ вѣтеръ такой силы, что отбросилъ насъ назадъ льё на десять; это заставило насъ искать убѣжища и отойти въ сторону *Шлота*, гдѣ мы и отстоялись подъ стѣнами замка, который представляетъ собою необитаемыя развалины, давно оставленныя, хотя и занимаетъ очень выгодное положеніе на мысѣ.

Простоявъ тутъ на якорѣ цѣлыхъ два дня, на третій, передъ восходомъ солнца, мы дождались восточнаго вѣтра, который позволялъ намъ продолжать путь.

Мы не шли и четырехъ часовъ, какъ опять подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ столь сильный, что мы принуждены были оставить у Готтенборга берегъ (шведскій), у коего находились, и насъ понесло на ютландскій берегъ (датскій); а съ этой стороны было множество песчаныхъ банокъ, и намъ приходилось все время бросать лотъ. Порывомъ вѣтра насъ начало прижимать къ мѣсту, глубиной не болѣе $3^1/_2$ брасовъ [1]), гдѣ мы и стали бы неминуемо на мель, если бы нашъ лоцманъ, очень свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, не сдѣлалъ поворота и не привелъ корабля на вѣтеръ, который и отнесъ насъ черезъ полчаса на глубину въ 15 брасовъ; это заставило насъ итти на булиняхъ [2]), пока было можно, чтобы не быть отнесенными назадъ.

Отойдя около 2-хъ льё отъ банокъ, гдѣ мы думали сѣсть на мель, мы очутились въ водоворотѣ, попавъ въ который, мы стали, какъ будто на якорѣ, не смотря на дувшій вѣтеръ. Это заставило насъ уменьшить парусовъ и оставить только фокъ [3]), чтобы постараться выбраться изъ этого мѣста; въ такомъ опасномъ положеніи мы пробыли почти 12 часовъ, да пробыли бы и больше, еслибы не задулъ сильный юго-юго-западный вѣтеръ, который далъ намъ возможность поставить всѣ паруса и покинуть это опасное мѣсто, направившись въ сторону *Багуса*.

Идя благополучно нѣсколько дней и ночей, мы открыли въ 8 часовъ утра мысъ *Христіанзандъ*, съ небольшою деревенькой, извѣстной своей удобной гаванью, а на другой день, къ ночи, пришли въ *Христіанію*.

Примѣчанія.

1. *Фридрихъ III* (1609—1670), король датскій, былъ избранъ на престолъ въ 1648 г. До этого не предполагалось, что онъ займетъ престолъ Даніи, и Фридрихъ занималъ разныя мѣста внѣ

[1]) Морская сажень, въ 6 англійскихъ футъ. [2]) Лежать бейдевиндъ.
[3]) Парусъ фокъ-мачты.

своей родины. Датское дворянство, знавшее его автократическія тенденціи и имѣвшее, до восшествія его на престолъ, съ нимъ столкновенія (во время войны со Швеціей, когда онъ былъ назначенъ генералиссимусомъ и предсѣдателемъ военнаго совѣта), заставило его подписать при избраніи капитуляцію, ограничивавшую его права. Вступивъ на престолъ, Фридрихъ началъ съ дворянствомъ упорную борьбу за власть, въ которой, благодаря поддержкѣ средняго сословія, одержалъ побѣду: въ 1660 г. была уничтожена связывавшая его избирательная капитуляція, и король заставилъ присягнуть себѣ какъ наслѣдственному, а не избираемому монарху; въ 1661 г. сословія утвердили за нимъ неограниченную верховную власть, а въ 1665 г. „королевскимъ закономъ“ былъ завершенъ государственный переворотъ, что̀ и положило начало абсолютной монархіи въ Даніи.

Достигнувъ такихъ успѣховъ единственно съ помощію средняго сословія, Фридрихъ естественно долженъ былъ дѣлать ему многія уступки, давать привилегіи и пр. Этимъ же обстоятельствомъ можетъ быть объяснено и основаніе той привилегированной Компаніи, которая снарядила экспедицію въ сѣверныя страны и въ которой принялъ участіе Ламартиньеръ.

2. *Каттегатъ*—море между восточнымъ берегомъ Ютландіи и западнымъ берегомъ Швеціи, къ сѣверу отъ Датскихъ острововъ. На югѣ соединяется онъ съ Большимъ и Малымъ Бельтами и Зундомъ и чрезъ нихъ съ Балтійскимъ моремъ. Каттегатъ на западѣ мелокъ, къ востоку отъ острововъ *Лёзё* (Lösö) и *Анхальта* имѣетъ глубину до 50 метровъ. Берега его на западѣ и югѣ низменные, со стороны Швеціи—отвѣсные и скалистые; судоходство тутъ очень сильное, но несовсѣмъ безопасное. (См. Энц. Сл. Брокг. и Эфр., т. XIV, стр. 763.).

3. *Гельсинёръ* (Эльзенеръ, Гильзингеръ)—городъ на сѣверѣ Даніи; по преданію—родина принца Гамлета. Ближайшій городъ Швеціи, по ту сторону пролива—*Гельзинборгъ*.

Глава II. *Окрестности Христіаніи. Нравы и обычаи норвежскихъ крестьянъ.*

Ставъ на якорь въ гавани, мы высадились на берегъ, чтобы передать письма двумъ купцамъ, нашимъ компаньонамъ, которые, прочтя о нашемъ предпріятіи, обѣщающемъ увеличеніе выгодъ Компаніи, приняли насъ съ превеликою радостію.

Одинъ изъ этихъ купцовъ, узнавъ, что я иностранецъ и рекомендованъ однимъ изъ главныхъ пайщиковъ, чтобы доставить мнѣ

озможность видѣть все замѣчательное, поручилъ одному изъ своихъ служащихъ, говорившему по-французски, проводить меня на 2 или на 3 льё вглубь страны; мой провожатый на другой день рано утромъ привелъ лошадей для меня и для себя, и мы отправились въ *Висби*, большую деревню въ 3 льё отъ Христіаніи, расположенную между горами; постройки этого селенія состояли изъ низкихъ деревянныхъ домовъ, безо всякихъ желѣзныхъ скрѣпъ, безъ оконъ, съ однимъ лишь отверстіемъ въ крышѣ, чрезъ которое проникалъ свѣтъ, и были покрыты дерномъ.

Норвежскіе крестьяне простодушны и гостепріимны, всѣ рыболовы. Они ловятъ: сельдей, устрицъ, осетровъ, треску и др. рыбу, и это составляетъ главный предметъ торговли; рыба продается въ свѣжемъ, соленомъ и въ сушеномъ видѣ. Крестьяне находятся въ крѣпостной зависимости у дворянъ.

Женщины очень красивы, хотя и рыжеволосы, любятъ иностранцевъ и хорошія хозяйки. Онѣ прядутъ, ткутъ полотно для семьи, занимаются скотоводствомъ, которое не уступаетъ французскому. Тутъ множество дичи, какъ-то: лосей, оленей, козъ, кабановъ, сернъ, дикихъ козловъ, кроликовъ зайцевъ и разнообразнѣйшихъ пернатыхъ, а также выдръ, бобровъ, рысей и дикихъ кошекъ, различныхъ цвѣтовъ.

Вся Норвегія—страна гористая, неудобная для хлѣбопашества, и хлѣбъ идетъ изъ-за границы, на судахъ; въ замѣнъ этого она изобилуетъ пастбищами и лѣсами.

Глава III. *Охота на лосей; странное мнѣніе о цѣлебномъ свойствѣ ихъ ногъ. Норвежское дворянство и его вліяніе.*

Покинувъ Висби, чтобы возвратиться въ Христіанію, мы по дорогѣ встрѣтили дворянина, съ двумя слугами и собаками, который ѣхалъ на охоту. Узнавъ моего спутника, онъ предложилъ и намъ присоединиться къ нему, на что мы согласились. Пройдя около четверти льё, мы встрѣтили егеря этого господина, вмѣстѣ съ 10 или 12 крестьянами, которые провели насъ еще около трехъ четвертей льё, до большого, сильно поросшаго кустарникомъ лѣса, при входѣ въ который мы сдѣлали привалъ, поручивъ караулить лошадей одному изъ слугъ.

Охота уже была приготовлена загонщиками наканунѣ, и мы, удалившись отъ опушки лѣса на пистолетный выстрѣлъ, встрѣтили лося, который бѣжалъ передъ нами и вдругъ упалъ, не будучи никѣмъ подстрѣленъ. На вопросъ о причинѣ этого страннаго яв-

ленія, мнѣ объяснили, что лось, очевидно, страдалъ падучей болѣзнью, которая не рѣдкость между ними, поэтому лосей и называютъ „*elend*“, что значитъ „несчастный“ (1). Это животное было съ большую лошадь ростомъ, похоже на оленя, но тучнѣе и длиннѣе, на высокихъ ногахъ, съ широкимъ и раздвоеннымъ копытомъ, косматое, съ широкими рогами, какъ у лани, но не съ такими вѣтвистыми, какъ у оленя, и еслибы не его болѣзнь, намъ было бы много хлопотъ его свалить: въ этомъ я убѣдился немного позже, когда мы встрѣтили другого лося. Мы гонялись за нимъ безъ результата болѣе двухъ часовъ, и если бы и этотъ, какъ и первый, не оказался тоже съ падучей болѣзнью, отъ которой и палъ, мы едва ли бы его добыли: онъ убилъ передними ногами трехъ лучшихъ нашихъ собакъ. Эта потеря такъ огорчила дворянина, что онъ прекратилъ охоту. Приказавъ доставить добычу на подводѣ въ свой замокъ, дворянинъ пригласилъ меня къ себѣ. Его замокъ былъ выстроенъ въ древнемъ стилѣ, какъ и большинство дворянскихъ замковъ въ этой странѣ, и находился въ разстояніи льё отъ Висби.

Узнавъ отъ моего спутника, что я иностранецъ, изъ датской Компаніи, онъ принялъ меня очень радушно и даже предложилъ взять съ собою лѣвыя заднія ноги убитыхъ нами лосей, увѣряя, что это лучшее средство отъ падучей болѣзни. На это я возразилъ, смѣясь, что я сильно сомнѣваюсь въ цѣлебныхъ свойствахъ этихъ ногъ: животныя именно отъ этой болѣзни и погибли, хотя имѣли ноги всегда при себѣ. Дворянинъ, оцѣнивши мой отвѣтъ, разсмѣялся и сказалъ, что и ранѣе онъ давалъ многимъ лосиныя ноги отъ падучей, но это никакого полезнаго результата не имѣло. «Но,—присовокупилъ онъ,—таковъ народный предразсудокъ (2)».

На другой день послѣ завтрака, поблагодаривъ любезнаго хозяина, мы вернулись въ Христіанію.

Говоря въ предыдущей главѣ о норвежскихъ крестьянахъ, скажу теперь, что норвежскіе дворяне очень могущественны, богаты, вліятельны и совершенно самостоятельны въ ихъ владѣніяхъ, крестьянъ притѣсняютъ и считаются хорошими воинами на морѣ и на сушѣ; они охотно путешествуютъ.

Примѣчанія:

1. *Elant*, *Ellend*, *Elend*, *élan*; латинск.—*Alces*. Любопытно, что Ламартиньеръ употребляетъ мѣстное названіе *elend*, перешедшее и въ старинный французскій языкъ безъ измѣненія, а не современную ему форму *élan*, которая и теперь удержалась во французской рѣчи для обозначенія понятія „лось“. *Elend* — очень на-

поминаетъ наше древне-русское „*кленъ*“, „*єленъ*“ (олень), а это слово, безъ сомнѣнія, индо-германскаго корня. Такимъ образомъ, невольно является вопросъ: не называли ли древніе обитатели Европы *оленемъ* именно *лося*, а для животнаго, которое мы теперь называемъ оленемъ, не было ли другого названія? Это тѣмъ болѣе возможно, что на древнѣйшихъ рисункахъ (рѣзанныхъ на кости) *оленей* они представлены нѣсколько болѣе похожими именно на *лосей* [рога лопатой. См. *Мортилье*, Доисторическая жизнь. 1903 г., стр. 183]. Тогда бы получился выводъ, что первымъ и главнымъ спутникомъ и кормильцемъ первобытнаго человѣка былъ лось, а не олень. Любопытно также и упоминаніе Ламартиньера, что лосей называютъ *elend*, что значитъ по-нѣмецки „несчастный“. Строго говоря, здѣсь не можетъ быть рѣчи о какой-то «падучей болѣзни», свойственной лосю: скорѣе всего, бѣгая по обледенѣлому снѣгу, лось засѣкалъ себѣ ноги до крови и падалъ въ изнеможеніи. Это вполнѣ понятно, если мы примемъ во вниманіе, что охота на лосей производится чаще всего *по насту*, т. е. когда снѣгъ окрѣпнетъ и обледенѣетъ на поверхности.

2. Оказывается, что нашъ авторъ, котораго такъ сильно осуждаютъ за суевѣрія, опередилъ даже свой вѣкъ: онъ *не вѣритъ* и высмѣиваетъ предразсудокъ о копытахъ лося, а слишкомъ столѣтіе спустя, въ одной изъ самыхъ ученыхъ энциклопедій того времени, пресерьезно пишутъ: „Говорятъ, что лось подверженъ эпилепсіи и что онъ лѣчитъ себя самъ, засовывая свою лѣвую ногу въ ухо. *Особыя свойства лося*: Копыто лося часто рекомендуется медиками, какъ лѣкарство отъ эпилепсіи. Нѣкоторые предпочитаютъ копыто лѣвой ноги копыту правой, по вышеуказанной причинѣ; однако, опытъ и разсудокъ говорятъ, что всѣ копыта одинаково хороши, такъ какъ они дѣйствуютъ летучей солью, которую содержатъ тѣ и другія. Предписываютъ также принимать вовнутрь вытяжку изъ копытъ лося, отъ скрупула до драхмы“. (См. *Dictionnaire économique*, par M. de la Marre. Paris, chez Ganeau. 1767. Folio. Tome I, p. 880).

Замѣтимъ еще, что у самоѣдовъ, называющихъ оленя „выли“, есть богъ *элень, еляль*. Не есть ли это остатокъ древняго переживанія? *Завалишинъ* говоритъ, что *элень*—нѣчто вродѣ Меркурія, бога торговли. Празднество ему происходитъ всегда ночью, съ предварительнымъ заклинаніемъ шамана, и сопровождается сладострастными плясками, напоминающими древнія мистеріи (См. *Описаніе Западной Сибири*. М. 1862. Т. I, стр. 286). *Бѣлявскій* (см. ниже) этого бога называетъ „Еляль“ и также описываетъ обряды поклоненія ему (стр. 97).

Глава IV. *Отъѣздъ изъ Христіаніи: прибытіе въ Бергенъ въ Норвегіи и особенности этого города.*

Послѣ четырехъ или пятидневнаго пребыванія въ Христіаніи, мы распрощались съ купцами, участниками нашей Компаніи. Они выполнили наши заказы, пожелали намъ счастливаго путешествія, и мы пошли при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, который насъ сопровождалъ до *Стафангера*, гдѣ полный штиль заставилъ насъ остановиться и, не будучи въ состояніи продолжать пути, мы занимались рыбной ловлей, чтобы убить время.

Берегъ Норвегіи изобилуютъ всѣми сортами рыбы, и мы наловили ея такое количество, что намъ поневолѣ пришлось попоститься. Потерявъ такимъ образомъ пять дней, мы на шестой ночью получили хорошій юго-восточный вѣтеръ, который скоро и доставилъ насъ до *Бергена*, куда мы должны были зайти, чтобы сдать товары, назначенные для этого города.

Войдя въ гавань, которая считается одною изъ лучшихъ въ Европѣ, начали мы разгружаться, а я занялся осмотромъ города, который величиной съ *Абевиль* (во Франціи), раздѣляется на верхній и нижній; первый построенъ на скалахъ, а второй на берегу моря. Бергенъ славится торговлей; прежде здѣсь было архіепископство, но со времени реформаціи оно уничтожено, и дворецъ епископа отданъ тремъ ганзейскимъ городамъ, Гамбургу, Бремену и Любеку, для устройства въ немъ торговой конторы или магазина, получившаго привилегію датскаго короля.

Контора или магазинъ такъ и называется „монастырь“, а купцы—„монахами“, хотя они и не носятъ сутанъ, не соблюдаютъ уставовъ, но даютъ обѣтъ безбрачія; а если кто не можетъ его вынести и желаетъ жениться, тотъ навсегда долженъ покинуть монастырь и удалиться въ другое мѣсто, но можетъ совершать торговыя сдѣлки и вести переписку съ прежними сослуживцами; вся ихъ торговля ведется исключительно сельдями, устрицами и треской, этой круглой и сухой рыбой, столь распространенной во всей Московіи, Швеціи, Норвегіи, Польшѣ, Даніи, Германіи, Голландіи и другихъ сѣверныхъ странахъ.

Глава V. *Отплытіе изъ Бергена и прибытіе въ Дронтгеймъ.*

Не успѣли еще выгрузить всѣхъ товаровъ, назначенныхъ въ Бергенъ, какъ я вернулся на корабль, а черезъ полчаса слегка задулъ нужный намъ юго-западный вѣтеръ, и капитанъ приказалъ,

сниматься и итти въ *Дронтгеймъ* (1), куда мы имѣли грузъ хлѣба и масла, для передачи главному управляющему серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ.

Почти на половинѣ пути задулъ такой сильный вѣтеръ, что мы въ 15 или 16 часовъ пробѣжали до створа *Сторе*, а потомъ вдругъ мы заштилѣли.

Нѣтъ ничего болѣе скучнаго для моряка, какъ штиль, и не зная, чѣмъ заняться, мы опять принялись ловить рыбу и добыли огромное количество *Klippe Fisch*(2), большую часть которой принуждены были посолить; она намъ очень пригодилась впослѣдствіи.

Эта рыба,—родъ *зубатки*,—немного больше, чѣмъ та, что ловятъ и у Новой Земли; чтобы никогда не удаляться отъ скалъ, она держится всегда на глубинѣ, это и дало поводъ назвать ее *Klippe Fisch*,—„рыба скалъ“ по-нѣмецки.

Потерявъ изза штиля нѣсколько дней, мы, какъ только задулъ западо-юго-западный вѣтеръ, быстро пошли къ Дронтгейму, куда и прибыли черезъ три дня ночью.

Примѣчанія:

1) *Дронтгеймъ*, или, по мѣстному выговору, *Тронтгеймъ*,—одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Норвегіи, въ древности Nidrosia.

Прекрасное описаніе Норвегіи и друг. мѣстъ, посѣщенныхъ Ламартиньеромъ, даетъ *Карлъ Фохтъ*—„Путешествіе на Сѣверъ“ вдоль норвежскаго берега, на Нордкапъ, о-въ Янъ-Майенъ и Исландію. Спб. 1867 г.

2. Вѣроятно, извѣстная зубатка, иначе морской волкъ (*Anarrhichas*), изъ породы морскихъ собачекъ (*Blennidae*).

Глава VI. *Поѣздка на серебряно-мѣдные рудники короля датскаго.*

Высадившись, мы отправились къ управляющему рудниками, чтобы отдать ему корреспонденцію и просить поскорѣе взять грузъ хлѣба. Но онъ намъ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ у него нѣтъ въ городѣ ниодного помощника, которому онъ могъ бы поручить пріемку, и что ему надо послать на рудникъ, чтобы оттуда кого-нибудь прислали. Тогда я попросилъ капитана отпустить и меня съ посланнымъ, чтобы осмотрѣть рудникъ, на что онъ изъявилъ согласіе.

На другой день рано утромъ мы вдвоемъ отправились верхами и прибыли въ *Стекби*, большую деревню, въ 6 льё отъ Дронт-

гейма, гдѣ мы должны были остановиться, какъ потому, что начало темнѣть, хотя было всего 2 часа дня, такъ равно и потому, что приходилось ѣхать большимъ лѣсомъ, небезопаснымъ отъ нападенія медвѣдей, волковъ и рысей, которыхъ въ немъ множество.

На другой день утромъ, съ восходомъ солнца, мы оставили Стекби и прибыли на рудникъ ночью, гдѣ и устроились на ночлегъ въ печахъ. Согласно обычаю, намъ предложили табаку, водки и пива, и теперь предстояло намъ немножко покутить. Тутъ я встрѣтилъ одного служащаго, побывавшаго во Франціи съ какимъ-то дворяниномъ и недурно говорящаго по-французски, которому я разсказалъ, что любопытство завлекло меня сюда, и я попросилъ показать мнѣ рудники. Онъ обѣщалъ мнѣ исполнить это назавтра, и поболтавъ еще часа два, мы улеглись спать.

Глава VII. *Мѣдные и серебряные рудники въ Норвегіи.*

На другой день утромъ посланный и служащій поспѣшили уѣхать въ Дронтгеймъ, меня же оставили на попеченіе старшаго шахтера, который долженъ былъ на слѣдующій день также ѣхать въ городъ, и съ нимъ-то я и долженъ былъ возвратиться. Позавтракавъ всѣ втроемъ, мы со служащимъ, говорящимъ по-французски, и старшимъ шахтеромъ спустились въ шахту, чтобы осмотрѣть работы. Шагахъ въ 50 отъ печей, которыя были расположены на горѣ, находился спускъ въ шахту, надъ которымъ была устроена подъемная машина, приводимая въ движеніе двумя людьми, посредствомъ двухъ большихъ колесъ, вродѣ той, какія употребляются около Парижа для подъема камней и глины для кирпичей.

Мы помѣстились съ шахтеромъ въ деревянномъ ящикѣ, окованномъ желѣзными полосами и накрѣпко привязанномъ, въ которомъ и спустились въ рудникъ, глубиною въ 50 туазовъ [1]).

[1]) Туазъ—шести-футовая сажень.

Достигнувъ дна, я вообразилъ себя въ царствѣ Плутона, ничего не видя кругомъ, кромѣ огромныхъ пробоинъ въ стѣнахъ, искусственнаго свѣта и рудокоповъ, напоминающихъ чертей, одѣтыхъ въ черную кожу, имѣющихъ на головѣ короткую накидку,—вродѣ тѣхъ, что носятъ зимой наши священники,—кусокъ такой же кожи, ниспадающей отъ самаго носа до груди и передникъ, какъ представлено на рисункѣ.

Каждый рабочій работаетъ отдѣльно: одни отбиваютъ породу, другіе бьютъ шурфы, какъ для того, чтобы найти мѣдную жилу, такъ и для того, чтобы опредѣлить мѣсто, гдѣ угрожаетъ выступить вода, скрытая въ скалѣ, которая можетъ моментально залить рудникъ, если не принять предосторожностей.

Старшій шахтеръ, видя, что я пораженъ всѣмъ этимъ и что меня пробираетъ дрожь, позвонилъ въ колоколъ наверхъ, чтобы насъ подняли; это было исполнено быстро, и мы вернулись къ плавильнымъ печамъ, гдѣ насъ ждалъ служащій, приглашая обѣдать.

Послѣ обѣда онъ привелъ трехъ осѣдланныхъ лошадей, чтобы ѣхать на серебряный рудникъ, который находился въ 2 льё отъ мѣднаго, и мы, вмѣстѣ со старшимъ мастеромъ, по прибытіи туда, остановились въ домѣ управляющаго, который насъ принялъ съ удовольствіемъ, поднесъ по большому стакану водки, предварительно выпивъ за наше здоровье, а потомъ приказалъ подать намъ пива и табаку.

Потомъ мы пошли къ плавильнымъ печамъ, которыя отстоятъ на $^1/_4$ льё отъ дома. Тутъ, какъ и на мѣдномъ рудникѣ, множество рабочихъ: одни отбиваютъ породу, другіе отдѣляютъ руду, третьи ее плавятъ и, наконецъ, четвертые дѣлаютъ монету для короля датскаго.

Изъ плавильни мы пошли на самый рудникъ, который былъ сейчасъ же напротивъ, на очень высокой горѣ; я опустился съ шахтеромъ и увидалъ то же самое, что и въ шахтѣ мѣднаго рудника. Рудокопы одѣты точно также и работаютъ столько же времени: весной и осенью—3 часа утромъ и 3 часа послѣ обѣда, лѣтомъ же—4 часа утромъ и 5 послѣ обѣда; остальное время они веселятся, танцуя подъ звуки рожковъ, скрипокъ и другихъ инструментовъ, что я имѣлъ удовольствіе видѣть въ тотъ же вечеръ, когда возвратился на мѣдный рудникъ. Въ теченіи трехъ зимнихъ мѣсяцевъ они вовсе не работаютъ, но жалованье получаютъ, какъ бы и работая,—около 3 ливровъ въ день.

Осмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ серебряный рудникъ, мы возвратились въ домъ управляющаго, поужинали и легли спать, а утромъ, послѣ завтрака, я попрощался и вернулся на мѣдный

рудникъ, гдѣ, пообѣдавъ, простился со служащимъ, говорившимъ по-французски, и вмѣстѣ со старшимъ шахтеромъ вернулся въ Дронтгеймъ.

Глава VIII. *Угощеніе, устроенное автору однимъ норвежскимъ крестьяниномъ, на пути съ рудниковъ въ Дронтгеймъ.*

Не отъѣхали мы и двухъ съ половиною льё, какъ наступила ночь; это заставило насъ заѣхать въ деревню, къ знакомому нашего шахтера крестьянину. Онъ насъ принялъ очень хорошо для своего состоянія: на ужинъ подалъ двухъ фазановъ и зайца, убитыхъ часъ тому назадъ на охотѣ, которая разрѣшается всѣмъ въ этой странѣ, а также угощалъ табакомъ, пивомъ и водкой.

Послѣ ужина мы принялись курить и пить въ-запуски другъ передъ другомъ, и такъ провели почти всю ночь.

Крестьянинъ, видя что мастеръ, чтобы доставить ему честь и удовольствіе, окончательно напился, послѣдовалъ его примѣру.

Когда они очутились въ такомъ состояніи, имъ постлали постель посреди горницы и уложили ихъ спать, а я легъ около нихъ, въ ожиданіи утра.

Уже солнце взошло, а они все спали. Такъ какъ я хотѣлъ поспѣть до ночи въ Дронтгеймъ, а лошади были уже готовы и насъ ожидалъ завтракъ, то я ихъ разбудилъ; мы позавтракали, поблагодарили хозяина, тронулись въ путь и такъ скоро ѣхали, что поспѣли въ городъ за-свѣтло.

Глава IX. *Отъѣздъ изъ Дронтгейма: какъ моряки вынуждены были „покупать“ вѣтеръ и объ опасностяхъ плаванія въ сѣверныхъ моряхъ.*

Черезъ два дня, разгрузившись и запасшись провизіей, которую намъ долженъ былъ доставить главноуправляющій заводами, мы снялись съ якоря и вышли въ море съ попутнымъ вѣтромъ.

Мы шли нѣсколько дней вполнѣ благополучно, но на широтѣ сѣвернаго полярнаго круга, около берега, мы заштилѣли.

Зная, что жители этихъ мѣстъ, равно какъ и обитатели финскихъ шхеръ (*Finische Scher ou Mer de Finie*), всѣ колдуны и умѣютъ распоряжаться вѣтрами по своему усмотрѣнію, мы послали шлюпку къ ближайшей деревнѣ, чтобы „купить“ вѣтеръ. Мы обратились къ главному колдуну (nigromencien du lieu) и сказавъ, куда намъ надо итти, спросили, не можетъ ли онъ намъ дать вѣтеръ до Мурманскаго берега? Онъ отвѣтилъ, что не можетъ, такъ какъ его мо-

гущество распространяется только до мыса *Рукселла*, до котораго намъ еще очень далеко, а оттуда мы можемъ свободно итти до Нордкапа; ему предложили отправиться на судно, чтобы съ нимъ сторговаться. Онъ вмѣстѣ съ тремя товарищами сѣлъ на рыбачій челнокъ и прибылъ на корабль, гдѣ и сторговался дать намъ вѣтеръ за 10 кронъ (20 французскихъ ливровъ, и фунтъ табаку. Тогда онъ привязалъ къ концу паруса фокъ-мачты лоскутъ полотна, длиной въ треть локтя (1), шириной въ 4 пальца, на которомъ было три узла; затѣмъ онъ уѣхалъ въ своей лодкѣ (2).

Только-что онъ отвалилъ отъ борта, капитанъ развязалъ первый узелъ и этого было достаточно, чтобы подулъ самый пріятный западо-сѣверо-западный вѣтеръ, который несъ насъ и остальные корабли нашей Компаніи миль 30 за Мальштрёмъ, и намъ не нужно было развязывать другихъ узловъ.

Мальштрёмъ (3) — самый большой водоворотъ Норвежскаго моря, въ которомъ гибнетъ много судовъ, если подходятъ слишкомъ близко. Поэтому знающіе это мѣсто и вообще знакомые съ морскимъ путемъ идутъ на 8 или на 10 льё мористѣе, чтобы избѣжать множества подобныхъ скалъ и водоворотовъ, удаленныхъ отъ береговъ на 5, 6 и 7 льё.

Вѣтеръ началъ мѣняться и, желая поворотить на сѣверъ, капитанъ развязалъ второй узелъ; результатомъ было то, что мы получили опять попутный вѣтеръ до горъ, лежащихъ впереди Рукселла. Пройдя мысъ, мы замѣтили, что компасъ уклонился болѣе чѣмъ на шесть дѣленій; это указывало, что въ горахъ есть магнитъ, и не будь нашъ лоцманъ такъ опытенъ, мы могли бы сбиться съ курса.

Зная, что и другіе корабли находятся въ такомъ же положеніи, нашъ лоцманъ закрѣпилъ компасъ и съ салинга на гротѣ подалъ сигналъ слѣдовать за нами: это мѣсто было ему хорошо знакомо, такъ какъ онъ ходилъ тутъ съ голландцами, поэтому онъ и повелъ корабль только по картѣ.

Мы были въ такомъ затруднительномъ положеніи 2 дня и 2 ночи, послѣ чего, по удаленіи отъ горъ, компасъ сталъ показывать вѣрно: это означало, что мы приближаемся къ Нордкапу, а такъ какъ вѣтеръ снова измѣнился, капитанъ развязалъ третій узелъ.

Примѣчанія:

1. *Локоть* равняется 14 русскимъ вершк., или 1188,4 миллим.

2. Не будемъ очень строго относиться къ суевѣріямъ автора и вспомнимъ, что въ это время и на Западѣ ихъ было достаточно.

Что касается Россіи, то слава финновъ, лапландцевъ и корелъ, какъ колдуновъ, общеизвѣстна. Въ классическомъ трудѣ о нашемъ Сѣверѣ покойнаго *С. Максимова* («Годъ на Сѣверѣ») приводятся многочисленнѣйшіе примѣры этихъ суевѣрій. Такъ, на стр. 168, онъ пишетъ: „давно уже, и по русскимъ лѣтописямъ, чудское племя славилось волхвами, колдунами и чародѣями, которые сжигаемы были въ Новгородѣ, призываемы были и къ умиравшему Грозному царю, и живали при дворѣ Бориса", и приводитъ разные заговоры и примѣты. Напримѣръ, даже теперь еще, русскіе поморы, помолившись придорожнымъ крестамъ, которыхъ тутъ множество, „на слѣдующую ночь послѣ богомоленья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы, затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгарку, чтобы тянула повѣтріе, и тутъ же стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости" и т. д. Все это дѣлается, чтобы вызвать нужный вѣтеръ (см. стр. 220). Вообще,—всегда и вездѣ,—наиболѣе суевѣрны именно моряки. Хотя *Максимовъ* и говоритъ все это про суевѣрія нашихъ поморовъ и лопарей, но, какъ увидимъ дальше, тоже самое можно сказать и про тогдашнихъ финновъ и норвежцевъ.

Кстати, вотъ еще одна выдержка: „Въ каждой области Лапландіи есть непремѣнно своя колдунья; дьяволъ у нея постоянно подъ бокомъ и обязанъ повиноваться ея волѣ. Она предвидитъ будущее и можетъ призвать на человѣка всякое несчастіе. Она можетъ унестись въ пространство и заколдовать плывущіе подъ ней корабли". Замѣтьте,—это говоритъ *Диксонъ* въ концѣ XIX вѣка, а изъ дальнѣйшаго его изложенія не видно: есть ли это мнѣніе „лопаря", или самого „образованнаго мореплавателя"?...

Судя же по нѣкоторымъ дальнѣйшимъ его, Диксона, замѣчаніямъ,—напр., о томъ, что „неизвѣстно" — людоѣды ли самоѣды, или не людоѣды,—можно думать, что самъ этотъ образованный путешественникъ не прочь признать существованіе такихъ колдуній (см. *Свободная Россія*. Путевые очерки. СПБ. 1878, стр. 108).

Штурманъ *Ивановъ* описываетъ гаданье самоѣдскаго шамана Юрубея Таганича, который, колотя въ свой кудесъ, гадалъ Иванову объ его пути на Н. Землю (см. *Литке*, часть II, стр. 218—219).

Но самое интересное свидѣтельство по этому поводу даетъ *Шеффферъ*, бывшій епископомъ въ Швеціи и написавшій классическій трудъ о Лапландіи, безъ ссылокъ на который нѣтъ ниодного сколько-нибудь серьезнаго изслѣдованія этой страны. Шефферъ, „на основаніи своихъ наблюденій", а также со словъ ранѣе писавшихъ авторовъ (Циглера, Даміана и Гоеса, Петра Клаузія и Олая

Магнуса, общепризнанныхъ знатоковъ Лапландіи) пишетъ: „историки удостовѣряютъ, что лапландцы—очень знающіе и опасные чародѣи, настолько опытные въ магіи, что, къ удивленію всего міра, они могутъ останавливать корабли на всемъ ходу. Никогда не было и теперь нѣтъ на свѣтѣ болѣе удивительныхъ чародѣевъ, чѣмъ лапландцы“ (р. 90). Послѣ такого вступленія, Шефферъ описываетъ подробно, съ рисунками, всѣ виды извѣстныхъ въ его время волхвованій лапландцевъ и, наконецъ (р. 113 и сл.), переходитъ къ „покупкѣ вѣтра“:

„Главный инструментъ (послѣ барабана, или бубна, что по-русски называется *кудесъ*) есть веревка съ нѣсколькими узлами, посредствомъ которой они заставляютъ дуть вѣтеръ на морѣ,—искусство, которымъ они удивляютъ весь свѣтъ. Они продаютъ извѣстнымъ образомъ вѣтры и служатъ этимъ купцамъ, которыхъ удерживаетъ у ихъ береговъ непогода и противные вѣтры. Договорившись въ цѣнѣ и получивъ плату, они даютъ купцамъ взамѣнъ веревку съ тремя чудесными узлами, съ такимъ условіемъ, что если развяжутъ первый узелъ—поднимается попутный легкій вѣтерокъ, очень пріятный; если развяжутъ второй—вѣтеръ будетъ болѣе сильный, а если третій—задуетъ ураганъ“ и т. д., очень подробно и почти слово въ слово сходно съ тѣмъ, что говоритъ и Ламартиньеръ.

Ясно, что столь возмущавшія писавшихъ о Ламартиньерѣ (спустя два вѣка послѣ его смерти) его „басни“ объясняются просто и ясно духомъ того времени: тогда не только во всю эту магію вѣрили, но лишь незадолго передъ тѣмъ перестали сотнями сжигать „колдуній“. Замѣтимъ, что Ламартиньеръ выпустилъ первое изданіе своей книги въ 1671 г., а книга Шеффера (оригиналъ по-латыни, а переводы были сдѣланы на французскомъ въ 1678, нѣмецкомъ—въ одинъ годъ съ латинскимъ—и англійскомъ языкахъ), появилась немного позднѣе. Значитъ, ученый *епископъ* и очень добросовѣстный и вдумчивый писатель, какимъ былъ Шефферъ, всегда точно старавшійся провѣрять свои свѣдѣнія, навѣрно опровергъ бы „басни“ Ламартиньера, касающіяся столь подробно изученной Шеффером области. Онъ же этого не дѣлаетъ, очевидно потому, что такова была общая „вѣра“, начиная отъ простого матроса до доктора и кончая ученымъ епископомъ... (См.: *Histoire de la Laponie*, par Jean Scheffer. Paris. 1678. Pages 90—112). Шефферъ также описываетъ разныя „гаданія“ и суевѣрія, о которыхъ и Ламартиньеръ говоритъ, какъ увидимъ далѣе.

3. *Мальштрёмъ* или *Москёстрёмъ* (*Mosköström*)—водоворотъ, происходящій отъ столкновенія волны прилива съ волною отлива

между норвежскими островами Москёнесё и Вёрё (группа Лофотенскихъ), извѣстенъ съ давнихъ поръ представляемою имъ опасностію для судоходства, которая была особенно велика для прежнихъ, небольшихъ парусныхъ судовъ. Теперь для современныхъ, и въ особенности паровыхъ судовъ, плаваніе тутъ не представляетъ ничего опаснаго. Особенно сильно движеніе воды при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ; въ этомъ случаѣ суда и теперь избѣгаютъ Мальштрёмъ. Еще опаснѣе Сальтенсъ-Мальштрёмъ въ съуженномъ островами Годё и Стёмё входѣ въ *Сальтенфіордъ*, подъ 67°, 13′ с. ш., немного ниже города *Боде*.

Глава X. *Избавленіе отъ опасности во время бури.*

Тотчасъ задулъ сѣверо-сѣверо-западный вѣтеръ, столь сильный, что казалось небо хочетъ обрушиться на насъ и что Богъ хочетъ насъ наказать за то, что мы прибѣгли къ колдовству; нельзя было нести никакихъ парусовъ; казалось, мы были предоставлены на волю волнъ, которыя насъ такъ бросали, что мы ежеминутно ожидали пойти ко дну.

Хотя мы находились не далѣе 12 льё отъ берега, стараясь держаться мористѣе, мы опасались, что буря насъ отнесетъ; но мы ошиблись: на третій день, въ полдень, шквалъ понесъ насъ на скалу въ 30 льё отъ Нордкапа и въ 4 льё отъ берега. Со всѣхъ сторонъ неслись крики, мольбы, и мы думали, что насталъ нашъ послѣдній часъ. Я никогда не испытывалъ бо́льшаго страха и всѣ мы ждали, что наше судно разлетится на тысячу кусковъ. По счастію, волной насъ пронесло всего на пистолетный выстрѣлъ мимо скалы, безо всякаго иного вреда для корабля, кромѣ нѣсколькихъ оторванныхъ у киля и расколотыхъ досокъ; образовалась щель, и это заставило насъ прибѣгать время отъ времени къ выкачиванію воды изъ трюма.

На четвертый день вѣтеръ упалъ; мы очень безпокоились, не видя другихъ нашихъ кораблей и опасаясь, что они погибли. Все-таки мы продолжали путь, такъ какъ вѣтеръ былъ довольно благопріятенъ. Видя, что вода въ трюмѣ прибываетъ и уже трудно становится ее откачивать, мы стали подыскивать подходящую гавань, чтобы починиться и проконопатить корабль; но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ не было ничего, кромѣ скалъ, то мы вынуждены были итти еще два дня. На четвертый день утромъ мы находились близъ замка *Вардегузъ* (1), построеннаго датчанами; тутъ они держатъ таможеннаго комисара и гарнизонъ, чтобы собирать пошлину съ иностранцевъ, идущихъ въ Архангельскъ и обратно;

этотъ городъ расположенъ на Бѣломъ морѣ. Комисаръ узналъ по флагу, что мы датчане, свободно пропустилъ насъ и мы, отсалютовавъ крѣпости, вошли въ Варангерскій заливъ и бросили якорь въ виду города.

Примѣчаніе:

1. Иначе—*Вардё*, городъ при входѣ въ Варангерскій заливъ.

Глава XI. *Прибытіе въ Варангеръ, въ датской Лапландіи.*

Никто изъ насъ не зналъ этой мѣстности, казавшейся намъ дикой; поэтому, спустивъ шлюпку и не будучи увѣрены въ нашей безопасности, мы сѣли въ нее ввосьмеромъ, считая капитана, хорошо вооруженные, чтобы попытаться найти удобное мѣсто для стоянки и мастеровъ для починки нашихъ поврежденій.

Пройдя около $^1/_2$ льё, мы приблизились къ очень населенному городу, съ тремя прекраснѣйшими гаванями; это и есть Варангеръ, жители котораго, видя насъ столь вооруженными, очень удивлялись. Капитанъ, слыша, что они говорятъ на сѣверномъ нарѣчіи, которое онъ хорошо зналъ, просилъ ихъ пропустить насъ во внутреннюю гавань для починки корабля.

Узнавъ, что мы купцы, ѣдемъ на охоту за нарваломъ.[1])—*Walrus*, котораго французы называютъ „морская лошадь“,—обѣщали намъ полное содѣйствіе, а мы, ознакомившись съ удобствами гавани, вернулись на судно и, снявшись съ якоря, втянулись въ гавань. Затѣмъ выгрузили балластъ, которымъ служилъ простой песокъ, а также нѣсколько ящиковъ табаку и тюковъ полотна, которые мы взяли для продажи, если представится къ тому случай.

Разгрузившись, мы сложили табакъ и полотно въ амбаръ на берегу, который капитанъ и представитель отъ купечества заперли на замокъ.

Глава XII. *Обычаи, нравы, суевѣрія и костюмы жителей Датской Лапландіи.*

Чтобы еще болѣе подружиться съ жителями, которые были лапландцы, мы имъ подарили нѣсколько свертковъ табаку, который они съ такой радостію приняли, какъ еслибы мы имъ дали золота, а они, чтобы отблагодарить насъ, дали, что имѣли: сушеной рыбы,

[1]) См. главу XXXV.

которую они ѣдятъ вмѣсто хлѣба, мяса сѣвернаго оленя,—животнаго, только и водящагося въ этихъ широтахъ (1): въ Лапландіи, Борандаяхъ, Самоѣссіи, Сибири, на Уралѣ[1]) и другихъ дикихъ странахъ, которыхъ мы не знаемъ,—а также и свѣжей рыбы, сваренной безъ соли, которую одни изъ нихъ приготовляютъ съ рыбьимъ жиромъ, другіе съ кисловатой жидкостью, которая составляетъ ихъ питье.

Но такъ какъ никто изъ насъ не былъ охотникомъ до всего этого, то мы должны были довольствоваться своей провизіей, состоявшей изъ сухарей и солонины, чѣмъ мы, въ свою очередь, угощали ихъ; но и наши кушанья имъ не понравились, какъ и ихнія намъ; они пили только наше пиво и водку, но не съ такимъ удовольствіемъ, какъ они пьютъ свой напитокъ, который они варятъ изъ воды, можжевеловыхъ ягодъ и листьевъ растенія, вродѣ папоротника[2]), но которое выше и вѣтвистѣе; такого растенія я не видалъ ни въ одномъ гербаріи; они также приготовляютъ водку, перегоняя въ мѣдныхъ кубахъ тѣже самыя ягоды, которая производитъ тоже дѣйствіе, что и наша, и составляетъ у нихъ столь же обыкновенное питье, какъ у насъ вино.

Эти лапландцы, хотя и лютеране по религіи и имѣютъ пасторовъ, не перестаютъ знаться съ дьяволомъ, такъ какъ почти всѣ колдуны и столь суевѣрны, что если встрѣтятъ звѣря, который имъ подозрителенъ, они идутъ обратно и не выходятъ изъ дома цѣлый день; или, если во время рыбной ловли, забросивъ сѣти, вытащатъ только одну рыбу, считаютъ это дурнымъ предзнаменованіемъ и возвращаются домой, не продолжая лова.

Какъ мужчины, такъ и женщины—маленькаго роста, но сильны и ловки, имѣютъ широкое лицо, плоское, смуглое и курносое, но не въ такой степени, какъ другіе жители сѣвера; маленькіе, свиные глазки, вѣки сильно оттянуты къ вискамъ; они глуповаты, не цивилизованы и очень сладострастны, особенно женщины, отдающіяся первому встрѣчному, когда могутъ это сдѣлать безъ вѣдома своихъ мужей[3]).

Женщины одѣваются — однѣ въ грубое сукно, другія въ оленьи шкуры, шерстью вверхъ, имѣя такіе же чулки; башмаки

---

1) Въ текстѣ, очевидно, по ошибкѣ стоитъ *d'Ours* вм. *d'Oural*.

2) У Ламартиньера написано *fougère*; такого слова я не могъ отыскать; думаю, что тутъ ошибка и надо читать *fougère*, что значитъ родъ *папоротника*, который растетъ въ Ландахъ и на песчаныхъ почвахъ вообще. См. Dictionnaire complet de la langue française, par *Larousse*. 30-me édit. Paris. 1885, p. 339.

3) См. примѣч. къ главѣ XX.

изъ рыбьей кожи вмѣстѣ съ чешуей, но безъ ушковъ, которыя есть у сабо. Причесываются онѣ какъ жительницы Норвегіи, нося волосы въ двѣ косы, одна изъ которыхъ падаетъ на одно плечо, а другая на другое; на головѣ носятъ родъ чепчика изъ грубѣйшаго полотна, такого же, какъ и прочее ихъ бѣлье, причемъ нѣкоторыя обвязываютъ голову кускомъ мѣха, шириной въ 8 пальцевъ, вродѣ египтянокъ,—какъ видно на приложенномъ рисункѣ (1).

Что̀ касается мужчинъ, то все ихъ платье сдѣлано изъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, короткое, на подобіе камзола, спускающагося до средины ляжекъ; потомъ штаны и чулки изъ такой же кожи, мѣхомъ наружу, а сверху сапоги изъ рыбьей кожи, хотя и неуклюжіе, но столь хорошо сшитые, что незамѣтно швовъ. Многіе не носятъ сапогъ, а башмаки, какъ у женщинъ; на головѣ круглая шапка, вродѣ матросской, изъ оленьей кожи, шерстью вверхъ, опушенная внизу полосой лисьяго мѣха, у однихъ бѣлаго, у другихъ сѣраго цвѣта,—какъ видно на рисункѣ (2).

Жилище у нихъ такое же, какъ описано у крестьянъ около Христіаніи, со свѣтомъ только сверху.

Они не дѣлаютъ себѣ постелей для спанья,—равно какъ и другіе лапландцы, борандайцы, самоѣды, сибиряки, новоземельцы, исландцы и прочіе жители полярныхъ странъ, — располагаясь каждый вечеромъ посрединѣ жилища на землѣ, на медвѣжьихъ шкурахъ, на которыхъ и спятъ; хозяинъ, хозяйка, дѣти, слуги и служанки—всѣ вмѣстѣ, безо всякаго стѣсненія; утромъ, вставъ, они убираютъ шкуры на свое мѣсто.

Въ каждомъ домѣ есть большая черная кошка, которой они оказываютъ большой почетъ, разговариваютъ съ нею, какъ если бы это былъ человѣкъ, не дѣлаютъ ничего, не посовѣтовавшись съ ней, для чего каждый вечеръ выходятъ изъ хижины; они вѣрятъ, что кошка имъ оказываетъ помощь въ ихъ дѣлахъ, и берутъ ее съ собою на рыбную ловлю и на охоту.

Хотя по внѣшнему виду это—обыкновенная кошка, только страшная, — но я вѣрилъ и сейчасъ вѣрю, что это домашній дьяволъ (3).

Примѣчанія:

1. Сѣверный олень (*Rangifer tarandus*)—единственный представитель рода *Rangifer*, населяющаго, въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, сѣверъ Европы, Азіи и Америки. Наиболѣе характерная особенность этого вида—присутствіе роговъ у обоихъ половъ (см. Энц. Слов. Брокгауза и Эфрона, т. XXI, стр. 870 и сл., а на стр. 873 приведена обширная литература о сѣверномъ оленѣ).

Рыба и мясо являются главною пищей не только лопарей, самоѣдовъ и пр., но и зырянъ, народа гораздо болѣе развитого, даже до сего времени: „Рыба и мясо являлись главными, если не единственными, пищевыми продуктами, причемъ они употребляли въ пищу даже бѣличье мясо, отчего зырянъ иногда и называютъ, въ насмѣшку, „векшеѣдами". (См. *Энгельгардъ*, Русскій Сѣверъ, стр. 223).

2. Нелишнимъ будетъ замѣтитъ, что вопросъ о типѣ лопарей до сихъ поръ далеко не разработанъ. Вотъ, между прочимъ, что̀ мы находимъ въ лучшемъ изъ извѣстныхъ намъ описаній Лапландіи, въ трудѣ покойнаго *Н. Н. Харузина* „Русскіе Лопари": „*Реньяръ*, бывшій въ Лапландіи въ концѣ XVII вѣка (т. е. одновременно съ Ламартиньеромъ), такъ описываетъ ихъ внѣшность: эти люди созданы совершенно иначе, чѣмъ остальные. Ростъ самыхъ высокихъ изъ нихъ не превышаетъ трехъ локтей, и я не знаю лица, болѣе способнаго возбудить смѣхъ. У нихъ большая голова, широкое и плоское лицо, раздавленный носъ, маленькіе глаза, широкій ротъ и густая борода, которая спускается до живота..., ноги развинчены, руки длинныя, и вся эта маленькая машина двигается словно на рессорахъ" (*Regnard*. Voyage de Laponie, p. 35).

«*Георги* даетъ намъ совершенно другого рода описаніе лопаря. Росту они средняго; почти у всѣхъ у нихъ видъ плоскій, щеки необыкновенно запалыя, глаза темно-сѣрые, борода жидкая, волосы русые, густые, прямые, а цвѣтъ въ лицѣ отъ воздуха, дыма и неопрятности—изжелта-смуглый. Отъ суровой своей жизни бываютъ они сложеніемъ крѣпки, проворны и изгибчивы и притомъ и лѣности подвержены. (*Георги*, Описаніе народовъ. Т. I, стр. 3). Не утомляя читателя подробнымъ перечисленіемъ характеристикъ внѣшности лопаря, которыхъ столь же много, какъ и писавшихъ о лопаряхъ, позволяю себѣ привести слова покойнаго *А. И. Келлсіева*,

который слѣдующимъ образомъ суммируетъ всѣ разнорѣчивыя данныя о внѣшнемъ видѣ лопаря: „сопоставляя показанія..., я встрѣтилъ разнорѣчія даже въ подробностяхъ наружнаго вида лапландцевъ. Напримѣръ, говоря о ростѣ, *Мюллеръ* утверждаетъ, что лопари кажутся низкими только отъ сопоставленія съ высокорослыми русскими поморами и норвежцами. *Георги*—что они имѣютъ ростъ средній; *Линней*, *Пушкаревъ* и *Немировичъ-Данченко*—что они малорослы и, наконецъ, шведскій миссіонеръ *Лестадіусъ*,—что они пигмеи. Цвѣтъ кожи, по *Ацерби*,—темный, по Лестадіусу—желтый, по Немировичу-Данченко—мѣдно-красный. Волосы по Максимову—глянцевито-черные, щетинистые, неспособные улечься, по Линнею и Мюллеру—черные, по Семенову—темные, по Немировичу-Данченко—темнорусые, часто рыжіе, по Георги—русые, густые и прямые; Ацерби утверждаетъ, что у дѣтей головы брѣютъ и оттого волосы впослѣдствіи становятся вьющимися. Глаза по Немировичу—красные, по Георги—темносѣрые.

«Вышеприведенныя слова А. И. Кельсіева, говоритъ далѣе Н. Харузинъ, наглядно рисуютъ намъ то противорѣчіе, которое существуетъ у писателей въ показаніяхъ о внѣшности лопарей, причемъ приводимые имъ писатели и изслѣдователи далеко не составляютъ и половины всѣхъ, давшихъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ описаніе лопарей.

«Такое разнорѣчіе происходитъ, по мнѣнію Кельсіева: 1) отъ недоброкачественности наблюденій и 2) оттого, что 3000 человѣкъ, называемые лопарями, при одинаковости языка, имѣютъ по занимаемымъ ими мѣстностямъ совершенно разнообразную патологическую и физіологическую структуру и, вѣроятно, самое различное происхожденіе». (*Н. Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 56).

Я позволилъ себѣ привести такую длинную выписку, чтобы разъ навсегда установить тотъ взглядъ, что не слѣдуетъ безусловно и буквально принимать на вѣру тѣ или иныя описанія путешественниковъ, касающіяся наружности и пр. подчасъ мелькомъ видѣнныхъ ими народностей. Это, мнѣ кажется, будетъ справедливо не для однихъ лопарей, но и для дальнѣйшаго—для самоѣдовъ, сибиряковъ, ново-земельцевъ, а тѣмъ болѣе—для килоповъ, борандайцевъ и пр., которыхъ, кромѣ нашего автора, никто и не описывалъ. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ Ламартиньера обвинять и въ невѣрномъ описаніи того или иного народа; какъ видимъ, такія описанія—дѣло чисто субъективнаго взгляда того или другого путешественника: онъ видѣлъ такого лопаря или самоѣда, можетъ быть, цѣлую группу ихъ; описывая ихъ, онъ вовсе басни не сочинялъ, и другой путешественникъ, не видя того, кого

описывалъ первый, не имѣетъ права говорить, что первый — лжетъ.

3. *Н. Н. Харузинъ*, въ томъ же своемъ трудѣ, подробно останавливается на вѣрованіяхъ лапландцевъ и, между прочимъ, цитируетъ это мѣсто у нашего автора, приводя мнѣнія и другихъ современныхъ Ламартиньеру писателей о томъ, что такія кошки существовали, и что многіе вѣрили, будто это были именно черти въ образѣ кошекъ. Такъ, по вѣрованію лапландцевъ, „въ числѣ духовъ, которые служатъ лопарю, одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ слѣдуетъ отвести для такъ называемаго „*Смѣраккату*“. Далѣе, описывается способъ, которымъ лопарь получаетъ такового духа и, наконецъ, „Смѣраккату“ являются либо въ видѣ кошки, либо въ другомъ видѣ, по желанію лопаря (см. стр. 160 и др.).

Глава XIII. *Отъѣздъ автора изъ Варангера къ Мурманскому берегу* (1).

На другой день по прибытіи въ Варангеръ наше судно было совершенно выгружено, жители помогли намъ [вытащить и] перевернуть его (килевать), чтобы начать чинить; при этомъ капитанъ нашелъ болѣе серьезныя поврежденія, чѣмъ ожидалъ, и просилъ найти ему годный для исправленія лѣсъ; жители отправились и нарубили его на ближайшей горѣ.

Уполномоченный Компаніи, видя что пройдетъ долгое время, пока починятъ наше судно, рѣшилъ съѣздить вглубь страны, чтобы попытаться завязать мѣновой торгъ. Онъ выбралъ меня и еще двоихъ себѣ въ спутники, и на другой день утромъ, 12 марта, мы отправились, взявъ табаку и полотна для мѣны, сухарей и солонины и пригласили троихъ туземцевъ въ провожатые и чтобы нести товары и провизію до ближайшаго города или селенія, на что они согласились. Мы пошли черезъ лѣса, горы и долины, не встрѣчая живой души; часа въ четыре вечера мы увидали двухъ огромныхъ бѣлыхъ медвѣдей, которые начали на насъ наступать; мы были въ ужасѣ.

Проводники, видя нашъ испугъ, успокоили насъ, сказавъ, чтобы мы лишь держали наготовѣ наше оружіе, чтобы встрѣтить ихъ, когда они приблизятся; мы такъ и сдѣлали, перемѣнивши порохъ на по́лкахъ ружей; медвѣди, увидавъ ли блескъ оружія, или почуявъ порохъ, бросились бѣжать въ сторону съ такой быстротой, что мы ихъ тотчасъ же потеряли изъ виду. Черезъ часъ, спускаясь съ горы, мы увидали въ долинѣ около дюжины хижинъ, сильно удаленныхъ одна отъ другой, а немного поодаль—два стада

животныхъ, похожихъ на нашихъ оленей; проводники сказали, что это и есть сѣверные олени.

Мы прибыли въ деревню; проводники устроили насъ въ одной хижинѣ, чтобы мы отдохнули, такъ какъ мы очень утомились, какъ отъ переноски товара, такъ и отъ дороги, очень неудобной. Мы дали нашему хозяину немного табаку, который онъ схватилъ съ радостію, говоря, что болѣе 9 мѣсяцевъ онъ не видалъ столь щедраго подарка; чтобы отблагодарить насъ, онъ также предложилъ намъ своей водки, кусокъ оленины, вареной безъ соли, и сушеной рыбы; все это мы отдали проводникамъ, которые и начали угощаться, а мы, поужинавъ своей провизіей, расположились, по обычаю страны, спать на шкурахъ бѣлыхъ медвѣдей.

Примѣчаніе:

1. Ламартиньеру досталось отъ его критиковъ и за „Мурманское море“. Между тѣмъ, какъ видно изъ приложенныхъ къ главѣ XXIII картъ, такъ именно въ его время называлась часть Сѣвернаго Ледовитаго Океана тогдашними картографами. Да и въ самомъ дѣлѣ: не правильнѣе ли назвать часть этого Океана, прилегающую къ никогда почти незамерзающимъ берегамъ нашего теперешняго Мурманскаго берега—отдѣльнымъ моремъ, чтобы отличить эти мѣста отъ необъятнаго ледяного пространства? Это море, съ довольно интенсивно выраженнымъ Гольфстрёмомъ, конечно, рѣзко отличается отъ Ледовитаго Океана, а „Мурманскимъ“, т. е. Норвежскимъ, его можно назвать потому, что оно издревле было ареной подвиговъ безстрашныхъ мореходовъ—норвежцевъ (мурманъ).

Глава XIV. *Какъ ѣздятъ на сѣверныхъ оленяхъ въ Лапландіи; нравы этихъ животныхъ.*

Проснувшись на другой день, мы спросили нашего хозяина: нѣтъ ли у него чего-нибудь въ обмѣнъ на табакъ и полотно? Онъ предложилъ намъ шкуры волковъ, лисицъ и бѣлокъ и сказалъ, что и сосѣди тоже охотно промѣняютъ. Посмотрѣвъ мѣха, мы взяли также четыре полныхъ костюма изъ оленьяго мѣха, чтобы въ путешествіи предохранять себя отъ холода. Все это они намъ отдали за часть нашего табаку и полотна.

Такъ какъ они не имѣли ничего болѣе для мѣны съ нами, то мы попросили хозяина запречь оленей, чтобы отвезти насъ дальше. Онъ тотчасъ взялъ рожокъ и, выйдя изъ хижины, сталъ трубить, чтобы созвать оленей, которые и пришли, въ числѣ 14 или 15; шесть изъ нихъ онъ запрягъ въ шестеро саней, сдѣланныхъ въ

видѣ гондолы, поддерживаемой четырьмя подпорками (копылья), которыя укрѣплены въ деревянномъ брускѣ (полозъ), на два фута болѣе длинномъ, чѣмъ сани. Мы погрузили наши товары на одни сани и, отпустивъ двухъ проводниковъ, которымъ заплатили табакомъ, оставили одного,—именно того, который бывалъ въ Московской Лапландіи и который умѣлъ говорить тамошнимъ нарѣчіемъ, а также съ килопами,—чтобы онъ служилъ намъ и тамъ проводникомъ. Мы помѣстились каждый въ свои сани, одѣтые, какъ лапландцы, въ одежду, которую мы тутъ вымѣняли; кромѣ того каждаго изъ насъ покрыли медвѣжьей шкурой; потомъ насъ привязали оленьими ремнями къ задку саней и дали намъ по глотку водки; въ каждую руку намъ дали по палкѣ съ желѣзнымъ наконечникомъ, на случай, если намъ попадется какой-нибудь пень, сукъ или камень—чтобы отталкиваться и не перевернуться.

Приготовивъ все къ отправкѣ, хозяинъ, которому принадлежали всѣ олени, пошепталъ на ухо каждому изъ нихъ нѣсколько словъ, говоря имъ, какъ я полагаю, куда насъ надо отвезти,—и они понеслись съ такой быстротой, что мы думали, будто летимъ на чертяхъ; такъ они бѣжали черезъ горы и долины, безъ дорогъ, весь день, до 7 часовъ вечера, пока не добѣжали до деревни, довольно большой, но очень невзрачной, расположенной между горами, возлѣ большого озера, гдѣ они остановились почему-то какъ разъ у четвертой хижины и начали всѣ вмѣстѣ бить ногами по землѣ, что̀ и было услышано хозяиномъ и его слугами, которые вышли насъ развязать. Одинъ изъ слугъ принесъ небольшой жбанъ изъ можжевеловаго дерева, наполненный водкой, прежде чѣмъ мы сошли съ саней и успѣли притти въ себя, и далъ намъ выпить по полной чашкѣ, сдѣланной изъ того же дерева, такъ какъ проводникъ нашъ сказалъ, что мы сильно перепугались, будучи непривычны нестись на оленяхъ съ такой скоростью.

Эти олени, какъ самцы, такъ и самки, имѣютъ рога немного бо́льшіе, чѣмъ у нашихъ оленей и болѣе загнутые, развѣсистые,

но съ меньшимъ числомъ отростковъ; цвѣтъ—такой же, какъ и нашихъ; ростомъ они не больше, копыто у нихъ раздвоено, ноги толстыя, какъ у быковъ; питаются они только мохомъ, котораго въ этихъ странахъ изобиліе. Самки даютъ молоко, какъ коровы, изъ котораго дѣлаютъ очень хорошее масло и сыръ. Запрягаютъ ихъ въ пару постромокъ, которыя прикрѣплены къ санямъ ремнемъ изъ оленьей кожи,—почти такъ же, какъ мы запрягаемъ лошадей въ повозку,—и они бѣгутъ съ невѣроятной скоростью, везя васъ самостоятельно, никѣмъ неуправляемые, прямо туда, куда надо,—какъ видно на приложенномъ рисункѣ.

Глава XV. *Прибытіе автора къ Мурманскому берегу; особенности этой страны.*

Сойдя съ саней, мы вошли въ хижину, которая, какъ и всѣ другія, была очень невелика, низка, покрыта древесной корой и, какъ и въ Норвегіи, получала свѣтъ только сверху.

Здѣшніе лапландцы имѣли болѣе длинное платье, чѣмъ датскіе, также изъ оленьяго мѣха, шерстью вверхъ; женщины одѣваются въ тотъ же мѣхъ, косы заплетаютъ, какъ и тѣ, что мы раньше видѣли; шапки у нихъ круглыя, изъ оленьяго мѣха, шерстью вверхъ, какъ и на платьѣ.

Мы дали хозяину кусокъ отъ пачки табаку, длиною пальца въ два, который онъ принялъ съ большой радостью; дали также всѣмъ жителямъ этой деревушки по-немногу, чтобы быть въ бо́льшей увѣренности на счетъ нашей безопасности, такъ какъ они показались намъ болѣе дикими, чѣмъ тѣ, которыхъ мы видѣли раньше. Потомъ мы поужинали своей провизіей, а проводникъ ѣлъ сушеную рыбу и оленину безъ соли. Спросивъ его, сколько льё мы сдѣлали, мы получили отвѣтъ, что болѣе 30, что мы теперь находимся на Мурманскомъ Берегу (1) и что здѣшніе жители говорятъ на другомъ нарѣчіи, чѣмъ варангерскіе, которыхъ они не понимаютъ.

Поужинавъ, мы легли спать на медвѣжьихъ шкурахъ, по обычаю страны. Но сначала мы промѣняли свое платье на здѣшнее, такъ какъ оно было длиннѣе и кромѣ того вымѣняли на табакъ около сотни сѣрыхъ бѣлокъ.

Примѣчаніе:

1. У автора стоитъ „Mourmanskoimore“. Очевидно, онъ, по ошибкѣ, и материкъ называетъ „моремъ“. Тутъ любопытно упоминаніе, что мѣстные лопари отличались нѣсколько костюмомъ

отъ датскихъ, а главное,—что они говорили на другомъ языкѣ. Если авторъ (что тоже возможно) не принялъ ошибочно русскихъ, жившихъ здѣсь, за лапландцевъ, то значитъ, въ его время *не всѣ лапландцы*, какъ теперь (см. Кельсіева), *говорили однимъ языкомъ*, а это еще разъ послужило бы доказательствомъ ихъ неодинаковаго происхожденія и объяснило бы неодинаковость ихъ внѣшняго вида.

Глава XVI. *Путешествіе автора въ страну килоповъ и образъ ихъ жизни.*

На другой день, 14 мая, мы сказали чрезъ проводника хозяину, чтобы онъ намъ приготовилъ оленей для поѣздки дальше; когда они были запряжены, хозяинъ вмѣстѣ съ другими жителями деревни принесли водки, чтобы съ нами выпить на прощаніе.

Запрягши 6 оленей, на однихъ мы положили нашъ товаръ, сами помѣстились на остальныхъ; насъ устроили какъ описано выше; хозяинъ пошепталъ по обычаю въ уши оленей, и мы помчались, не повстрѣчавъ до двухъ часовъ по полудни никакого жилища; около трехъ часовъ дня мы очутились близь маленькой деревеньки въ 8 домовъ, построенной на высокой горѣ, подлѣ лѣса, гдѣ наши олени и остановились. Мы думали найти тутъ жителей, но, видя, что никто не выходитъ, мы пустили пастись оленей на мохъ, котораго здѣсь множество; мы поѣли сухарей и солонины, а толмачъ—сушеной рыбы и оленины, и выпили водки изъ запаса, который намъ дали лапландцы на послѣднемъ ночлегѣ.

Пробывъ тутъ около часу, мы приказали толмачу запрягать оленей, что онъ умѣлъ, какъ всякій лапландецъ. Ему стоило большого труда заставить ихъ отправиться отсюда,—мѣсто, по видимому, имъ понравилось. Переводчику пришлось продѣлывать съ ними странныя церемоніи: итти въ лѣсъ одному, возвращаться и шептать имъ въ уши,—и такъ раза четыре или пять,—послѣ чего они согласились двинуться, но бѣжали не столь быстро, какъ раньше.

Мы спросили проводника, почему никого не нашли мы въ деревнѣ? Онъ отвѣчалъ, что этому не надо удивляться, такъ какъ тутъ живутъ килопы, которые хотя и настоящіе лапландцы, но болѣе дикіе, чѣмъ остальные, что они очень часто мѣняютъ свое мѣстопребываніе, отъ иностранцевъ бѣгаютъ и существуютъ только охотой.

Въ дальнѣйшемъ пути, спустившись съ одной горы, около 9 часовъ вечера мы замѣтили четырехъ возвращавшихся на оле-

няхъ съ охоты килоповъ, которые, увидя насъ, поѣхали по другой дорогѣ; вскорѣ мы въѣхали въ большой лѣсъ, изъ котораго и доносился потомъ ихъ громкій крикъ и возгласы, но самихъ ихъ мы такъ и не видали.

Проѣхавъ этотъ лѣсъ и спускаясь съ горы, мы увидали внизу деревню, куда и привезли насъ олени, остановившись у той избушки, у которой имъ вздумалось; мы заночевали здѣсь, поужинавъ запасной провизіей.

Примѣчанія:

Павелъ Іовій, жившій въ Россіи при Василіѣ III, говоритъ: „на самомъ дальнемъ берегу океана живутъ лапландцы, народъ чрезвычайно дикій, подозрительный и до того трусливый, что одинъ слѣдъ чужестранца, или даже одинъ видъ корабля обращаетъ ихъ въ бѣгство".

Все-таки, килоповъ ставили въ упрекъ Ламартиньеру и обвиняли его въ томъ, что онъ ихъ выдумалъ.

Самое ясное и простое объясненіе названія килоповъ и правоты Ламартиньера даетъ *Шеффферъ*.

Въ прибавленіяхъ, въ концѣ книги (цитирую по французскому переводу), онъ говоритъ: „Лопарь, или Лопь, или *Дики Лопь* (*Loppes et Dikiloppes*). Это послѣднее имя обозначаетъ, по Герберштейну, на языкѣ московитовъ — дикихъ лапландцевъ; можетъ быть, при сокращеніи этого слова, ихъ называютъ также *Килопами* (*Kiloppes*)". Page 358.

Приведемъ, для ясности, и слова самого *Герберштейна*, на котораго ссылается Шеффферъ:

„Обогнувъ этотъ мысъ (Мотку), они приплыли въ страну Дикилоповъ (*Dikilopi*), то есть *дикихъ лопарей... Dein in Dikilopporum*, qui feri Loppi sunt, regionem... navigasse [R. M. C., 118 A (p. n. 176)]. Въ изданіи 1557 г.: die wilde Loppen, durch die Moscoviter Dikilopy genent rhumen".

Замысловскій по этому поводу говоритъ: „названіе Dikiloppi, записанное Герберштейномъ со словъ русскихъ пословъ, очевидно—тождественно съ названіемъ *Дикая Лопь* въ завѣщаніи великаго князя Ивана Васильевича (1504 г.): „даю ему (сыну Василію)... Корѣльскую землю всю... со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Корѣльской землѣ потягло, и съ Лопью съ лѣшею, и съ дикою Лопью". Для объясненія этого дѣленія Лопи на Лѣшую и Дикую, въ связи съ упоминаніемъ Герберштейна о послѣдней и съ замѣчаніемъ его о томъ, что лопари занимались не только охотою, но и рыболовствомъ, нельзя не имѣть въ виду современныя этнографиче-

скія наблюденія надъ этимъ племенемъ“ и т. д. (См. подробнѣе З. И.-Ф. Ф. И. Спб. У., т. XIII, 1884 г.: „Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи“, *Е. Замысловскаго*, стр. 109 и 110).

Кстати, Герберштейнъ въ странѣ Дикой Лопи помѣщаетъ какой-то городъ *Дронтъ* (см. объ этомъ подробнѣе тамъ же). Итакъ, относимые нѣкоторыми къ числу „басенъ“ Ламартиньера килопы оказались дѣйствительностью и даже должны быть поставлены въ несомнѣнную ему заслугу: онъ *первый* изъ европейцевъ видѣлъ ихъ и ихъ жилища въ натурѣ, а до него про нихъ писали только по слухамъ...

Глава XVII. *Прибытіе автора въ Московитскую Лапландію; нравы и обычаи жителей.*

Вставъ на другой день, мы спросили у толмача, сколько льё мы сдѣлали вчерашній день? Онъ отвѣчалъ, что по меньшей мѣрѣ сорокъ (которыя равняются приблизительно 160 такимъ, какими считаютъ отъ Парижа до Ліона; каждое здѣшнее льё такой же длины, какъ въ Германіи, а нѣмецкое льё равняется 4 такимъ, какими мѣряютъ около Парижа, ибо человѣкъ на конѣ, ѣдущій сколь возможно быстро, не сдѣлаетъ [1]) больше 5 такихъ льё); онъ сказалъ намъ также, что мы находимся теперь въ Московитской Лапландіи.

Выпивъ съ жителями водки и одаривъ ихъ табакомъ, мы приказали толмачу спросить, нѣтъ ли у нихъ чего-нибудь промѣнять? На это они отвѣчали, что у нихъ есть кой-какая пушнина, которую мы просили ихъ показать, что̀ они и исполнили. Это были шкурки лисицъ, бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ, и соболей, но не столь хорошаго цвѣта, какъ тѣ, что̀ ловятъ въ Борандаѣ, въ Самоѣссіи и Сибири; кромѣ того было нѣсколько сѣрыхъ бѣлокъ.

Товаръ намъ понравился, и мы вымѣняли его на табакъ.

Покончивъ обмѣнъ, мы начали угощаться съ жителями и замѣтили, что они здѣсь не такіе дикіе, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мы торговали, хотя очень грубы въ разговорѣ и очень нескромны; они позволяли себѣ передъ нами такія вещи, что мнѣ совѣстно передавать.

Становилось темно; желая ѣхать дальше и имѣя при себѣ еще нѣсколько свертковъ табаку и полотна, мы черезъ переводчика попросили у хозяина оленей; онъ далъ намъ, сколько потре-

[1]) Очевидно, въ теченіе часа. *В. С.*

бовалось; мы сѣли въ нарты и отправились около полудня. Мы быстро ѣхали до 6 часовъ вечера по ненаѣзженной и очень дурной дорогѣ, не встрѣчая никакого жилья. Черезъ полчаса, поднимаясь на одну гору, мы замѣтили на одномъ поворотѣ двѣ хижины подъ скалой, принадлежащія, какъ сказалъ нашъ толмачъ и проводникъ, двумъ килопамъ, которые и убѣжали вмѣстѣ съ женами, какъ только насъ замѣтили.

Мы проѣхали еще три часа, не видя никакого жилища; наконецъ, около одного холма мы увидали большую деревню, выстроенную на берегу рѣки, куда мы и прибыли въ 11 часовъ ночи и остановились посрединѣ деревни, куда оленямъ заблагоразсудилось насъ довезти. Тутъ насъ хорошо приняли; хозяинъ приказалъ развести большой огонь посреди хижины, принесъ намъ на ужинъ водки, сушеной рыбы и кусокъ оленьяго *соленаго* мяса (1). Это насъ очень удивило, такъ какъ, гдѣ бы мы ни ѣхали, жители не знали употребленія соли, а здѣшніе, оказывалось, имѣли о ней понятіе. Онъ далъ намъ также молока и соленаго масла, очень вкуснаго; но оно было бы еще вкуснѣе, если бы мы ѣли его съ хлѣбомъ, который въ это утро у насъ весь вышелъ, и намъ было бы плохо, если бы не произошло этой пріятной встрѣчи. А нашъ толмачъ и проводникъ довольствовался тѣмъ, что ѣлъ сушеную рыбу, такъ какъ онъ не могъ ѣсть ничего соленаго. Поужинавъ, мы легли спать на медвѣжьихъ шкурахъ, по обычаю страны.

Примѣчаніе:

1. Любопытно, что авторъ каждый разъ, какъ только попадаетъ въ сферу русскаго вліянія, отмѣчаетъ тутъ большую степень (сравнительно съ сосѣдними мѣстами) цивилизаціи.

Замѣтимъ, что нелюбовь инородцевъ къ соли, даже до сего времени, удостовѣрена многими наблюдателями. Такъ, г.г. *Лебедевъ* и *Норъ* пишутъ: „Хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли, и, прибавивъ къ тому порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Чукчи, какъ вообще всѣ кочевые народы, не употребляютъ и не любятъ соли“ (см. сборникъ «*Путевые Очерки*». СПБ. 1878, стр. 295).

Шеффферъ подтверждаетъ, что лапландцы въ его время не употребляли соли и хлѣба (см. *Histoire de Laponie*, p. 1). *Герберштейнъ* пишетъ: „хотя у лопарей нѣтъ хлѣба, соли и другихъ возбуждающихъ пряностей (gulae irritamentis), и они питаются только одной рыбой и дикими животными, однако, какъ утверждаютъ, они очень склонны къ сладострастію“ (см. *Замысловскій*, loco cit., стр. 412).

Относительно торговли *Шеффера* подтверждаетъ, что лопари преимущественно ведутъ мѣновую торговлю (подробнѣе см. у *Н. Харузина*, „Русскіе Лопари“, стр. 123 и др.).

Глава XVIII. *Пріѣздъ автора въ Колу; положеніе этого города, постройки и особенности его.*

Утромъ,—это было 16 мая,—ничѣмъ не торговавъ въ этой деревнѣ, мы переправились черезъ рѣку, которая шириной съ Сену (1).

На другой сторонѣ, въ прибрежной деревушкѣ, мы спросили въ лучшей хижинѣ оленей до *Колы* и, получивъ ихъ, прибыли туда около полудня.

Это—небольшой городокъ, скорѣе пригородъ, очень захолустный, построенный между горами, на берегу небольшой рѣчки, удаленный отъ Сѣвернаго моря приблизительно на 10 льё; на востокъ отъ города—огромные лѣса и пустыни, на западъ—Мурманское море, а на югъ очень высокія горы. Всѣ дома очень низенькіе, построены изъ дерева, крыши очень чисто сдѣланы изъ рыбьихъ костей (2); наверху, спереди, есть на крышѣ отверстіе, чрезъ которое и проникаетъ свѣтъ; здѣсь всего одна улица.

Жители, какъ всѣ московиты, сердиты, подозрительны и такъ ревнивы, что запираютъ своихъ женъ, чтобы иностранцы ихъ не видали (3). Нашъ хозяинъ взялъ все наше полотно, за которое далъ намъ 2 рысьихъ шкуры, покрытыя бѣлыми и черными пятнами, какъ у леопарда, 3 дюжины бѣлыхъ лисицъ, $^1/_2$ дюжины „*Vietfras*“ [1]), которыхъ мы называемъ россомахами (gloutons). Это животное похоже на барсука, но шерсть имѣетъ длиннѣе и грубѣе, цвѣтомъ темно-красную, а хвостъ—какъ у лисицы. Онъ далъ намъ также нѣсколько горностаевъ.

У насъ еще осталось нѣскольно локтей полотна, въ которыхъ хозяину не было нужды, и за нихъ онъ обязался дать намъ провизіи на обратный путь и оленей до деревни, гдѣ мы переѣзжали рѣку, и очень хорошо насъ угостилъ, по обычаю этой страны; поужинавъ, мы легли спать на медвѣжьихъ шкурахъ.

Примѣчанія:

1. Рѣка, о которой говоритъ здѣсь авторъ—*Тулома*, впадающая въ Кольскій заливъ; при сліяніи ея съ р. *Колой* расположенъ городъ *Кола*. Современныхъ намъ описаній г. Колы и ея уѣзда—

[1]) Ламартиньеръ дѣлаетъ здѣсь ошибку, называя такъ россомаху вмѣсто *Vielfrass*. *В. С.*

очень много. Укажу на Энгельгардта, С. Максимова, Немировича-Данченко. Для того чтобы судить о состояніи Колы, близкомъ ко времени посѣщенія ея нашимъ авторомъ, нелишнимъ будетъ привести здѣсь выписку изъ писцовой книги Алая Михалкова 116, 117 и 119 г.г. (1608—1611). Подлинная книга (*Кольскій Острогъ*; № 208, № общ. 300, № частн. 296) находится въ Моск. Арх. Мин-ва Юстиціи.

«И всего въ Коле в остроге и на обѣихъ посадехъ и за рекою за Колою посацкихъ и стрелецкихъ тяглыхъ и съ монастырскимъ 94 двора, а людей въ нихъ посацкихъ 150 человѣкъ, да 13 ч. стрельцовъ да бобылей, и с теми что в стрелецкой слободѣ 43 человѣка, да 6 мѣстъ дворовыхъ старыхъ и новыхъ, а оброку они платили прежъ сего въ государеву казну съ 71 двора безъ чети по 2 гривны з двора на годъ».

2. Относительно украшеній построекъ рыбьими костями, вѣрнѣе—костями морскихъ животныхъ, а также относительно употребленія этихъ костей на каркасы шалашей, надо замѣтить, что, при безлѣсьѣ крайняго Сѣвера, замѣна лѣса костью была очень распространена. Такъ, извѣстный Семенъ *Дежневъ*, открывшій проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки (названный, тѣмъ не менѣе, *Беринговымъ*, а не именемъ Дежнева), говоритъ: «на задней сторонѣ Чукотскаго Носа, близъ рѣчки *Становье*, мы видѣли родъ башни, построенной чукчами изъ китовыхъ костей» (*У Полюса*, стр. 116). Говоря про современныхъ *чукчей*, Гельвальдъ замѣчаетъ: „наружный видъ ихъ теперешнихъ жилищъ крайне некрасивъ; тѣмъ не менѣе, они являются, если позволено такъ выразиться, истиннымъ произведеніемъ искусства, будучи составлены изъ китовыхъ и моржевыхъ костей, чрезвычайно искусно между собою соединенныхъ“ (см. op. cit., стр. 463).

3. Отсюда, какъ видно, еще далеко до «поясовъ цѣломудрія», которые приписали ретивые критики нашему автору...

Замѣтимъ, что въ этомъ мѣстѣ находится одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ отзывовъ его, а дальше онъ объ русскихъ отзывается гораздо симпатичнѣе.

Глава XIX. *Обратный путь автора изъ Колы въ Варангеръ; забавныя похороны у московитскихъ лапландцевъ.*

Такъ какъ на завтра мы рѣшили выѣхать пораньше, то хозяинъ приготовилъ намъ обѣщанную провизію, которая состояла изъ сухарей, пряниковъ и оленьяго мяса, свареннаго въ соленой водѣ, и боченка водки. Когда наши товары были уложены, пришли два хозяйскіе сосѣда и предложили намъ промѣнять оставшійся

табакъ на шкуры; мы согласились, и намъ доставили мѣха. Это были: дюжина горностаевъ, 2 бѣлыхъ лисицы, 4 рыси, но не столь хорошія, какъ тѣ, что мы вымѣняли у нашего хозяина.

Сторговавшись, они передали намъ шкуры, мы—обѣщанный табакъ, а себѣ оставили только пять пачекъ, какъ для своего употребленія, такъ и для того, чтобы платить за оленей на обратномъ пути до Варангера; въ этихъ странахъ табакъ вездѣ болѣе необходимъ для путешественниковъ, чѣмъ деньги: лапландцы предпочитаютъ кусочекъ табачнаго листа, величиной въ палецъ, цѣлому экю. Поэтому короли датскій и шведскій и царь московскій обложили этотъ товаръ большою пошлиной, а на границахъ своихъ владѣній завели таможни, чтобы получать съ другихъ пошлину.

Мѣна наша была окончена, но намъ предстояло угощаться водкой съ нашими покупателями, и пиршество затянулось до 2 часовъ дня; наконецъ, мы попросили нашего хозяина запрягать, что онъ и исполнилъ. Въ однѣ сани онъ уложилъ товары и провизію, въ другія сѣли мы сами, попрощались со всѣми, выпили еще по большой порціи водки, и наши олени понеслись (какъ мнѣ казалось) еще быстрѣй, чѣмъ всѣ прежніе,—такъ скоро, что по истеченіи семи часовъ мы уже прибыли къ деревенькѣ на берегу большой рѣки, про которую я писалъ раньше. Переправившись, мы отправились ночевать къ тому же хозяину въ большую деревню, гдѣ ночевали два дня назадъ. Хозяинъ насъ принялъ съ радостью, разсчитавъ, что снова заработаетъ добрую толику (*lopin*) табаку, снабдивъ насъ оленями и нартами. Угостивъ каждаго изъ насъ прежде всего доброй чаркой своей водки, онъ предложилъ сейчасъ же и запрягать, но мы предпочли переночевать у него и ѣхать утромъ, не желая ѣхать весь этотъ день, зная, что предстоитъ еще очень длинный переѣздъ до слѣдующей большой деревни.

Выпивъ съ нами пару чарокъ своей водки, хозяинъ предложилъ намъ пойти съ нимъ посмотрѣть погребальную церемонію, совершаемую надъ его сосѣдомъ, умершимъ около четырехъ часовъ тому назадъ; мы, конечно, охотно согласились, желая посмотрѣть на особенности ихъ погребальнаго обряда.

Прибывъ въ жилище покойника, мы увидали, что шестеро изъ ближайшихъ друзей подняли его съ медвѣжьихъ шкуръ, на которыхъ онъ лежалъ, и положили въ деревянный гробъ, одѣвъ предварительно въ бѣлье; ему оставили открытымъ лицо и руки, въ одну изъ которыхъ вложили кошелекъ съ деньгами, чтобы заплатить за входъ въ рай, а въ другую—паспортъ, подписанный священникомъ, для передачи святому Петру при входѣ. Съ покойникомъ положили также маленькій боченокъ водки, немного

сушеной рыбы, оленьяго мяса, чтобы пить и ѣсть дорогой, которая довольно таки длинна. Затѣмъ они зажгли вокругъ гроба множество сосновыхъ факеловъ, плача, причитая и дѣлая множество странныхъ жестовъ.

Приготовивъ все такимъ образомъ, они стали обходить нѣсколько разъ вокругъ гроба процессіей, спрашивая покойника: отчего онъ умеръ? не обманула ли его жена, не нуждался ли онъ въ чемъ-нибудь, не голодалъ ли, не умеръ ли отъ жажды, не было ли у него неудачи на охотѣ или рыбной ловлѣ, не былъ ли онъ плохо одѣтъ? Всѣ плакали, прихрамывали и дѣлали другія тѣлодвиженія, какъ потерявшіе разсудокъ; священникъ былъ зрителемъ этихъ погребальныхъ церемоній, кропя, время отъ времени, святой водой покойника; тоже дѣлали плачущіе родные (1).

Я забылъ сказать, что, особенно почитая св. Николая и будучи, подобно всѣмъ московитамъ, *николаистами* по религіи (2), они кладутъ изображенія этого святого на покойника, вмѣсто распятія.

Это не тотъ епископъ Николай, котораго почитаютъ во Франціи, но одинъ изъ тѣхъ семи діаконовъ, которые упоминаются въ Дѣян. Апостоловъ. Изображеніе этого святого они облачаютъ въ длинную ризу съ пелериной, съ ниспадающей мантіей, и подпоясываютъ по таліи широкимъ поясомъ, съ посохомъ въ рукѣ,—какъ изображено на рисункѣ.

Примѣчанія:

1. *Харузинъ*, подробно цитируя по Ламартиньеру похоронный обрядъ у лопарей XVII вѣка, указываетъ, что приблизительно такъ описывался онъ и другими современными нашему автору путешественниками, а нѣкоторыя подробности обряда сохранялись даже и въ гораздо болѣе позднее время,—напримѣръ, причитанія, положеніе въ гробъ водки и пр. (см. стр. 319 и сл.).

2. Въ оправданіе этихъ нелѣпостей, съ нашей православной точки зрѣнія надо сказать, что повсемѣстное почитаніе на сѣверѣ св. Николая, предпочтительное передъ всѣми другими святыми—

общеизвѣстно. Даже въ настоящее время, какъ пишетъ *С. Максимовъ* про одну изъ поморскихъ церквей, «по обыкновенію всѣхъ здѣшнихъ церквей, она освящена также во имя св. Николая, какъ бы въ бо́льшее подкрѣпленіе народной поговорки, которая давно уже и справедливо гласитъ, что «отъ Холмогоръ до Колы—тридцать три Николы»» (*Годъ на Сѣверѣ*. 3-е изд., стр. 12).

Это почитаніе св. Николая существуетъ не только у лопарей. Самоѣды, другая значительная группа сѣверныхъ инородцевъ, тоже его почитали, даже еще въ языческое время: Архимандритъ *Веніаминъ* (просвѣтитель самоѣдовъ) между прочимъ замѣчаетъ, что особеннымъ почитаніемъ у самоѣдовъ издавна пользовался Николай Чудотворецъ. «Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ русскими, самоѣды еще *до принятія христіанства* усвоили себѣ нѣкоторыя христіанскія вѣрованія». Другой авторъ говоритъ: «Почитай великаго Николу и выполняй обѣтъ, какой далъ слугѣ божію Николѣ»—было у нихъ давно уже общимъ правиломъ». (*Энгельгардтъ*, Русскій Сѣверъ, стр. 237).

Другой примѣръ: „Я, говоритъ *Бѣлявскій*, примѣтилъ въ углу закоптѣлый образъ; всмотрѣвшись въ него прилежнѣе, я увидалъ, что это было распятіе. На вопросъ мой: какой это образъ? хозяинъ и бывшіе тутъ другіе инородцы, поговоривши между собою, отвѣчали: *Кола*, т. е. Никола, *Русскій Богъ*.—А вашъ гдѣ? спросилъ я. Они показали на него же. Болѣе я ничего не могъ узнать у сихъ дикарей“ (*Поѣздка къ Ледовитому морю*. М. 1833, стр. 48). Таковы результаты просвѣтительной дѣятельности нашего духовенства, даже черезъ два столѣтія послѣ Ламартиньера...

Герберштейнъ также обратилъ вниманіе на то, что изъ святыхъ русскіе «преимущественно чтятъ Николая Барскаго». Они, по его словамъ, «ежедневно разсказываютъ о многочисленныхъ чудесахъ св. Николая», и затѣмъ приводитъ одинъ изъ такихъ разсказовъ (см. *Замысловскаго*, стр. 372). У него же (стр. 371) приводится извѣстіе Матвѣя *Меховскаго*, на котораго часто ссылается Герберштейнъ: «церквей въ Новгородѣ въ честь святыхъ много: во имя одного св. Николая (котораго русскіе болѣе чтутъ, чѣмъ другихъ святыхъ) столько церквей, сколько дней въ году».

Что̀ касается приложеннаго рисунка, то не столько самый рисунокъ, сколько сопутствующій ему текстъ говоритъ скорѣе всего о рѣзномъ изображеніи св. Николы Можайскаго, которое всегда выставляется для поклоненія въ полномъ облаченіи, которое Ламартиньеръ описываетъ совсѣмъ невѣрно, скорѣе всего имѣя въ виду облаченіе католическаго прелата, каковой изображенъ и на гравюрѣ.

Вообще, на Западѣ и по сіе время относительно православной религіи пишутъ немало диковинъ. Тотъ же пресловутый *Диксонъ*, на котораго я неоднократно указываю въ своихъ примѣчаніяхъ, говоритъ о преимущественномъ почитаніи св. Николая на нашемъ сѣверѣ и кончаетъ слѣдующими словами: „низкій островъ направо отъ насъ называется островъ св. Николая, по имени смѣлаго епископа, ударившаго, какъ говоритъ преданіе, по щекѣ еретика Арія. Житія Святыхъ говорятъ, что онъ родился въ Ликіи, а жилъ въ Мирѣ, отсюда наименованіе Мирликійскаго; но не сохранилось ни строчки его писаній, а добродѣтели, приписываемыя ему, самыхъ противуположныхъ свойствъ“ и т. д. Странно, что Диксону неизвѣстно почитаніе св. Николая у католиковъ и лютеранъ и тотъ фактъ, что житіе его пріемлемо у нихъ въ той же редакціи что̀ и у насъ. Кажется, Диксонъ не особенно далеко ушелъ отъ Ламартиньера, хотя и тщится написать ученую книгу о Россіи, въ концѣ XIX в. (см. *Свободная Россія*. Путевые Очерки. 1878 г. СПБ., стр. 115).

Перечисляя количество церквей въ Москвѣ во времена царя Ѳедора Алексѣевича, *Кондратьевъ* говоритъ: „во всѣхъ *сорокахъ* Москвы было 943 церкви, въ томъ числѣ во имя св. Николая Чудотворца церквей соборныхъ, монастырскихъ, придѣльныхъ и домовыхъ 128“. (См. *И. К. Кондратьевъ*, Московскій Кремль. М. 1900, стр. 15).

При защитѣ мною настоящей диссертаціи, одинъ изъ оппонентовъ, пр. *Н. Н. Ардашевъ*, на основаніи превосходно знакомаго ему архивнаго матеріала, высказалъ такую мысль: «Защищать Ламартиньера противъ нападокъ на него за то, что онъ назвалъ тогдашнихъ русскихъ *николаистами*, даже и не надо: они, дѣйствительно, такъ высоко чтили св. Николая, что могли такъ называться. Они даже *никогда*,—за единичными исключеніями,—не давали при крещеніи имени *Николай*, почитая это для своихъ религіозныхъ чувствъ столь же неудобнымъ, какъ назвать ребенка „Богъ“, или „Спаситель“. Они даже избѣгали въ разговорѣ упоминать самое имя *Николай*,—все изъ того же крайняго почтенія къ Святителю».

Пользуюсь случаемъ принести Н. Н. Ардашеву глубокую благодарность за это цѣнное указаніе; отсюда видно, что хотя Ламартиньеръ формально и неправъ, назвавъ нашихъ предковъ *николаистами*, но по существу, видя повсемѣстное и глубокое почитаніе св. Николая, онъ былъ правъ, и опять-таки мы ему должны быть благодарны, что онъ записалъ эту черту народнаго вѣрованія того времени.

Глава XX. *О рукодѣліи московитскихъ лапландокъ и о прочемъ.*

Оглушенные шумомъ и наскучивъ смотрѣть на эти церемоніи, мы ушли изъ дома покойника и возвратились къ себѣ, гдѣ застали хозяйку, которая вышла изъ помѣщенія, куда ей приказалъ удалиться мужъ при нашемъ пріѣздѣ. Увидя насъ и думая, что и мужъ вернулся съ нами, она хотѣла было удалиться, но нашъ проводникъ сказалъ ей, что хозяинъ остался тамъ и не скоро вернется; она осталась, согласившись дать намъ, одному за другимъ, доказательство своего расположенія (1), потомъ сѣла съ нами и показала намъ чепчикъ, который она украшала мелкими оловянными пластинками, очень искусно пришивая ихъ съ помощью нитки.

Рукодѣлье лапландокъ заключается въ приготовленіи одежды для себя, мужей и дѣтей; всѣ одежды обшиты по краямъ оловомъ; чтобы сдѣлать его мягче, онѣ проводятъ его между зубовъ и раздѣляютъ на пластинки, столь же хорошо отполировывая ихъ, какъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера при помощи особаго инструмента. Лапландки исполняютъ свою работу не безъ граціи, а сами по себѣ онѣ недурны, хорошо сложены, пріятны въ обращеніи, но немного курносы; если бы не ревность мужей, гнѣва которыхъ боятся, онѣ охотно предавались бы разврату: вотъ причина, почему мужья запираютъ ихъ, лишь только появятся иностранцы.

Въ то время, какъ хозяинъ нашъ задержанъ былъ отданіемъ послѣдняго долга своему сосѣду, мы достали свою провизію, которою угостили и хозяйку; она взяла, попробовала и нашла вкуснымъ, особенно пряники, а также хлѣбнула два глотка нашей водки; потомъ она вернулась туда, откуда пришла, боясь, что мужъ застанетъ ее съ нами, что повлекло бы за собой побои и ругательства.

Когда хозяинъ вернулся, надо было выпить и съ нимъ и выкурить по трубкѣ; потомъ мы вмѣстѣ поужинали: онъ угостилъ насъ говядиной и соленымъ масломъ, которое мы ѣли съ хлѣбомъ, за исключеніемъ нашего проводника, который продолжалъ ѣсть сушеную рыбу и только съѣлъ кусокъ медвѣжатины, данный ему хозяиномъ, поджаривъ его предварительно на угляхъ.

Всѣ хижины сдѣланы здѣсь изъ дерева, какъ и повсемѣстно, покрыты дерномъ, но украшены какъ снаружи, такъ и внутри рыбьими костями. Поужинавъ, мы легли спать, по обыкновенію на медвѣжьихъ шкурахъ.

Примѣчанія:

1. Изъ старинныхъ писателей одни—какъ Шеффер̀ъ и Ацерби,—также указываютъ на развратъ лапландокъ; другіе это опровергаютъ (см. подробнѣе у *Н. Харузина*, Русскіе Лопари, стр. 61 и слѣд.). Кромѣ того надо имѣть въ виду, что очень многіе авторы свидѣтельствуютъ о сохранявшемся долгое время въ Лапландіи обычаѣ такъ называемаго „гостепріимнаго гетеризма"—угощенія чужестранца своей женой и пр. На этомъ вопросѣ подробно останавливается и *Н. Харузинъ* (см. стр. 241 и др.). Подобнымъ обычаемъ, даже послѣ его исчезновенія, можно объяснять нѣкоторую легкость нравовъ лапландокъ.

Другой путешественникъ конца XVII ст.—*Реньяръ*—пишетъ: „Лопари стремятся съ такой поспѣшностью найти себѣ въ жены дѣвушекъ, которыя лишились невинности, что даже предпочитаютъ ихъ, какъ бы онѣ ни были бѣдны, богатымъ, если послѣднія не лишены невинности... Однако, слѣдуетъ дѣлать различіе: чтобы онѣ пользовались успѣхомъ, необходимо, чтобы дѣвушка была лишена невинности отправляющимися зимой въ Лапландію иностранными купцами, а не лопаремъ... Они столь усердно изыскиваютъ такихъ дѣвушекъ, что когда пріѣзжаютъ зимой въ Торнео и находятъ дѣвушку беременной, они не только забываютъ свои выгоды и берутъ ее безъ приданаго, но даже покупаютъ ее у родителей" (см. *Regnard*, Voyage. Pag. 41 и 42). Этимъ обстоятельствомъ можно, разумѣется, объяснить смѣшанность типа лопарей: слишкомъ много у нихъ инородной крови. Извѣстно, что подобная легкость нравовъ до сихъ поръ сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у черемисъ и вотяковъ.

Глава XXI. *Встрѣча съ московитскимъ лапландцемъ, идущимъ на охоту.*

На другой день, рано утромъ 18 мая, нашъ хозяинъ приготовилъ сани; уложивъ свои товары на одни сани, сами мы сѣли въ другія и помчались съ такой же скоростью, какъ на оленяхъ изъ Колы, и проѣхали въ два часа болѣе 6 льё.

Проѣзжая между двумя гребнями горъ, замѣтили мы лапландца, идущаго на охоту, который насъ догналъ, скользя по снѣгу такъ же быстро, какъ мы ѣхали. Онъ почти не оставлялъ слѣдовъ на снѣжной равнинѣ, катясь на лыжахъ, сдѣланныхъ изъ деревянныхъ пластинъ, длиной футовъ въ $6^1/_2$, а шириной всего пальца въ 4, плоскихъ снизу и съ углубленіемъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ

нимъ прикрѣплялись ноги. Охотникъ былъ одѣтъ, какъ всѣ — въ оленій мѣхъ, шерстью вверхъ; шапка, рукавицы верхнее платье, штаны и самые сапоги были расшиты оловомъ; онъ былъ подпоясанъ оленьимъ ремнемъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ дротикъ, въ другой лукъ, а за спиной у него висѣлъ колчанъ, полный стрѣлъ; за нимъ бѣжала жирная черная кошка,—какъ вы видите на приложенномъ рисункѣ.

Глава XXII. *Возвращеніе въ Варангеръ; о ловкости, съ которою лапландцы бросаютъ дротикъ и стрѣляютъ изъ лука, и другія подробности.*

Охотникъ-лапландецъ провожалъ насъ около $^1/_2$ льё и отсталъ только при подъемѣ на одну гору, повернувши въ одну сторону, а мы въ другую.

Черезъ три дня, около 9 часовъ вечера, т. е. 21 мая, мы прибыли въ Варангеръ, проѣхавъ прежнею дорогой, пользуясь тѣми же удобствами и безъ всякихъ приключеній. Лапландцы, хотя и очень бѣдны, грубы и въ большинствѣ колдуны, однако очень вѣрны и ничуть не склонны къ воровству, что составляетъ ихъ главную добродѣтель. Они такъ ловки въ метаніи дротиковъ, что на 30 шаговъ попадаютъ въ серебряное экю и бросаютъ ихъ столь сильно, что могутъ пробить человѣка насквозь. Изъ лука они по желанію бьютъ звѣрей тоже безъ промаха. Они не идутъ въ военную службу, и когда короли датскій и шведскій или великій князь московскій желаютъ ихъ силой завербовать, они покидаютъ свои жилища и уходятъ въ лѣса. Они разводятъ домашнюю птицу, какъ-то: гусей, утокъ, куръ и пр., которыхъ кормятъ не можжевеловыми ягодами, но сѣменами какого-то растенія, а также рыбой (1).

Большинство лапландской дичины бѣлаго цвѣта, какъ то: медвѣди, волки, лисицы, зайцы и пр.; даже во́роны здѣсь бѣлесоватаго цвѣта, а у лебедя только черный клювъ и лапы.

Рыба, которую они въ сушеномъ видѣ употребляютъ вмѣсто хлѣба, очень жирна, длиной отъ 2 до 3 французскихъ локтей, безъ плавниковъ, за исключеніемъ большого; плавникъ этотъ очень вкусенъ, питателенъ и жиренъ, и его называютъ Raff.

Кромѣ того они имѣтъ множество сортовъ другой рыбы, которую ѣдятъ и вареною.

Они употребляютъ только мѣдную и деревянную посуду. Хотя они и не употребляютъ соли, которая имъ противна, однако они иногда варятъ мясо въ соленой морской водѣ.

Собаки ихъ такъ малы, что самая большая не болѣе фута длиной, высотой въ ладонь; шерсть длиной въ палецъ, грубая и всклокоченная, цвѣтомъ свѣтло-рыжая, уши стоячія, вродѣ волчьихъ, голова и морда, какъ у крысы; онѣ очень ловко ловятъ мышей, которыхъ пожираютъ, охотясь за ними, какъ наши кошки; за это лапландцы очень цѣнятъ своихъ собакъ, хотя онѣ очень безобразны, а хвостъ у нихъ завернутъ колечкомъ и похожъ на свиной, какъ вы видите на фиг. 1.

Здѣсь водится также одинъ видъ дикой птицы (2), свѣтло-сѣраго цвѣта, толстой и огромной, какъ баранъ; голова у нея круглая, какъ у кошки, глаза очень блестящіе, красные, клювъ орлиный, такъ же какъ и лапы съ когтями, при помощи коихъ она таскаетъ зайцевъ и прочую мелкую дичь, какъ видно на фигурѣ 2 приложеннаго рисунка.

Примѣчанія:

1. *С. Максимовъ* (op. cit., стр. 209) упоминаетъ, что и теперь „языки трески, также какъ и головы, часто сушатся на солнцѣ и идутъ потомъ, превращенные въ порошокъ, въ пойло домашнему скоту, особенно коровамъ“.

А. И. Энгельгардтъ говоритъ: „мѣстные жители не ѣдятъ кярча и пимагора, а сушатъ эти рыбы въ громадномъ количествѣ на солнцѣ и затѣмъ кормятъ ими зимою рогатый скотъ“ (см. *Русскій Сѣверъ*, стр. 26). Значитъ, рыбой кормятъ не только птицу, но и скотъ.

Упоминаемая тутъ рыба «Раффъ» есть *палтусъ* (*Hippoglossus vulgaris s. maximus*), породы *камбаловыхъ*. Дѣйствительно, у него плавниковъ, можно сказать, нѣтъ, такъ какъ спинной и заднепроходный соединены вмѣстѣ и очень большой длины; эти именно плавники, въ копченомъ видѣ, называются по-французски *raff*, на что и указываетъ авторъ. Сушеный палтусъ и теперь въ употребленіи въ Лапландіи.

2. Вѣроятно, рода *совы* (*Striges*); сова эта цвѣтомъ бѣлая, у поморовъ—*бѣлый филинъ* (*Nyctaea nivea*). Эта птица является одною изъ характернѣйшихъ для полярныхъ странъ и представляетъ рядъ приспособленій къ условіямъ жизни на дальнемъ сѣверѣ. Подробнѣе см. *Энц. Слов.* Брокгауза и Эфрона, т. XXX, стр. 684 и сл.

Энгельгардтъ пишетъ: „замѣчательно, что по всей скалѣ, рядомъ съ чайками и гагарами, сидѣли бѣлыя полярныя совы, рельефно выдѣляясь на темномъ фонѣ скалы бѣлыми точками; почти у каждой совы въ лапахъ находилась какая-нибудь птица, которую она нехотя ощипывала. Легкость добычи, обиліе и однообразіе пищи пріучили этихъ хищниковъ относиться апатично къ окружающей ихъ массѣ птицъ; съ своей стороны, послѣднія не обращали никакого вниманія на совъ и спокойно сидѣли въ гнѣздахъ. Онѣ, повидимому, инстинктивно чувствовали, что при громадномъ ихъ количествѣ вѣроятность для каждой быть съѣденной совою такъ ничтожна, что не стоитъ быть на сторожѣ“ (*Русск. Сѣверъ*, стр. 157—158).

Глава XXIII. *Отъѣздъ автора изъ Варангерскаго моря, дальнѣйшее плаваніе и прочія подробности.*

Въ тотъ же день, когда мы вернулись въ Варангеръ, капитанъ принялся смолить судно, а на другой день приказалъ его спустить и начать погрузку балласта.

Въ ожиданіи спуска, мы угощали жителей водкой и табакомъ, чтобы они намъ не только не препятствовали при отъѣздѣ, но чтобы устроили намъ попутный вѣтеръ. За это, сдается мнѣ, они были намъ благодарны, ибо черезъ 5 дней, 26 мая, подъ утро подулъ самый хорошій вѣтеръ, благопріятный для выхода изъ залива; это побудило насъ поднять якорь, и мы отправились въ путь около 7 часовъ вечера.

Такъ какъ вѣтеръ усиливался, то, боясь скалъ, которыя находятся при выходѣ въ открытое море, мы рѣшили укрыться за островомъ *Вардехузъ*. Комендантъ замка насъ замѣтилъ и, зная, кто мы такіе, прибылъ къ намъ на бортъ на шлюпкѣ; мы его уго-

стили, чѣмъ могли; затѣмъ, попрощавшись съ нами, онъ отправился восвояси.

На другой день, 27 мая, около часу ночи, только что показалось солнце, мы, пользуясь свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ, пошли въ открытое море, держа курсъ на сѣверо-сѣверо-востокъ.

Мы не шли и трехъ дней, какъ насталъ постоянный день, и солнце не спускалось за горизонтъ, свѣтя намъ постоянно, смотря по курсу, которымъ мы шли,—то спереди, то сзади, то сбоку.

Въ послѣдній день мая мы увидали горы *Шпицбергена;* вдругъ задулъ столь сильный сѣверный вѣтеръ, что въ морѣ не было возможности держаться, и намъ пришлось оставить горы на сѣверо-сѣверо-западѣ и измѣнить курсъ на восточно-юго-восточный, чтобы гдѣ-нибудь укрыться подъ защитой берега.

Мы лавировали такъ три дня, очень опасаясь пловучихъ льдовъ, которые, съ трескомъ ломаясь отъ бури, съ такой силой ударяли въ корму и бока нашего судна, что, казалось, оно вотъ-вотъ разлетится въ дребезги.

4 іюня, замѣтивъ на востокѣ высокія горы, мы стали на нихъ держать курсъ, чтобы тамъ отстояться подъ какимъ-нибудь мысомъ. Но усилившійся сѣверный вѣтеръ этого не позволилъ, и мы принуждены были итти въ сторону *Борандая* (1), который и замѣтили черезъ нѣсколько часовъ; мы зашли въ одну гавань, которую случайно открыли. Гавань была настолько удобна, что можно было укрыться отъ любого вѣтра; въ ней было 12 или 13 брассовъ глубины.

Мы еще не спустили якоря, какъ замѣтили тутъ два судна, стоящія на мушкетный выстрѣлъ отъ насъ, и узнали въ нихъ наши собственныя суда, съ которыми насъ разъединила буря и которыя мы считали уже погибшими. Мы чрезвычайно этому обрадовались и поспѣшили дать имъ сигналъ о нашемъ прибытіи тремя пушечными выстрѣлами и поднятіемъ на кормѣ большого флага.

Они, въ свою очередь, чтобы показать, до какой степени обрадовались встрѣчѣ съ нами, такъ какъ считали насъ погибшими во время бури, раздѣлившей насъ, отсалютовали пушечными выстрѣлами и разцвѣтились всѣми флагами, что сдѣлали и мы. Намъ хотѣлось поскорѣе свидѣться для бесѣды и спустить шлюпку, но волненіе этому мѣшало и заставило выжидать болѣе тихой погоды, которая наступила примѣрно черезъ сутки.

Примѣчанія:

1. Тутъ мы снова подошли къ пункту, наиболѣе осмѣиваемому критиками Ламартиньера: говорили, что онъ и *борандаевъ* выдумалъ.

Оказывается однако, что онъ и тутъ правъ... Приведемъ данныя, имѣющіяся въ литературѣ:

Островъ „Верендѣевскій" былъ издавна знакомъ русскимъ: тутъ проходилъ морской путь новгородцевъ въ знаменитую Мангазею.

Путь этотъ шелъ изъ устьевъ Двины «Колуемъ, на Канинъ носъ, на Тресковую, на два острова, что у *Верендѣевскихъ* мелей, на Мержевикъ, малыми рѣками и большимъ моремъ, на Югорскій Шаръ, на Карскую губу и на Мутную и Зеленую рѣки», которыя вели черезъ полуостровъ Ялмалъ въ Обскую губу (см. *Живописная Россія*, т. XII, ч. 1, стр. 323). О Мангазеѣ см. мою книгу: *Черноморецъ*, Сѣверъ Россіи. М. 1894.

Архимандритъ *Веніаминъ*, перечисляя рѣки, которыя текутъ по кочевьямъ Пустозерскихъ самоѣдовъ, говоритъ: „Въ Ледовитое море текутъ: Песчанка, Іевка, Черная, *Варандей* и т. д.". Всѣ онѣ берутъ начало въ Большеземельскомъ хребтѣ. (См. *Самоѣды Мезенскіе*, въ Вѣстникѣ И. Р. Г. О-ва, 1855, кн. 3, стр. 87, ст. архим. *Веніамина*).

Упоминаніе о Варандеѣ тѣмъ любопытно, что на самыхъ подробныхъ современныхъ картахъ (напр. на 10-верстной спеціальной картѣ Евр. Россіи, изд. Военно-Топогр. Отд. Главн. Штаба въ 1890 г.) такой рѣки нѣтъ, а противъ острова Варандея на сушѣ обозначена только пунктиромъ рѣчка *безъ названія*. Очевидно, это и есть р. *Варандей*, упоминаемая о. Веніаминомъ.

Островъ *Варандей*, проливъ, отдѣляющій его отъ материка и близь лежащіе острова описалъ впервые штурманъ *Ивановъ* (См. *Литке*, Четырехкратное Путешествіе, ч. II, стр. 221 и сл.). Значительно позднѣе на картѣ, приложенной къ изд. Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ книгѣ „Бесѣды о сѣверѣ Россіи" (Спб. 1867), мы находимъ *Поганченскую губу*, въ которую впадаетъ рч. *Черная*, а правѣе устья послѣдней—о-въ *Варандей*, узкій и длинный, тянущійся параллельно берегу.

Тутъ дѣло идетъ объ *островѣ Варандеѣ*, который хотя и созвученъ съ *Борандаемъ*, но, можетъ быть, не тожественъ?

Древніе географы однако знали подлинный *Борандай*.

Въ изслѣдованіи *А. Даниловскаго* (Картографическіе Матеріалы, выпускъ 1-ый: Карты Россіи 1614 г. СПБ. 1901) помѣщены двѣ карты: первая—Гесселя *Герритса*—посвящена царю Михаилу Ѳедоровичу, отпечатана въ Амстердамѣ, въ картографическомъ заведеніи Вильгельма Блау, по автографу царевича Ѳедора Борисовича Годунова, а вторая—*П. Дейріарда*.

Первая изъ нихъ—съ латинскими названіями, а вторая—съ русскими, переведенными полковникомъ Дейріардомъ.

Часть карты **Г. Геррита.**

Часть карты **П. Дейріарда.**

Часть карты **П. Дейріарда.**

Отсылая желающихъ подробно познакомиться съ этими любопытными нашими картами къ вышеуказанному труду г. Даниловскаго, скажу только, что карты эти, съ которыхъ я позволяю себѣ приложить частичныя копіи, заключаютъ въ себѣ какъ разъ тѣ географическія названія, за которыя такъ доставалось Ламартиньеру отъ его критиковъ: тутъ есть и *Большой Барандай* (Bolsoi Barandoi), и Мурманское Море, и городъ Печора (теперь Пустозерскъ) и Самоѣда, и Сибирія и пр.

Все находится на своихъ мѣстахъ, указанныхъ Ламартиньеромъ и только, конечно, не соотвѣтствуетъ нашимъ теперешнимъ знаніямъ относительно долготъ и широтъ мѣстъ, да и требовать отъ тогдашнихъ географовъ такой точности нельзя.

Въ частности, что̀ касается *Борандая*, надо замѣтить, что тогда этимъ именемъ назывался обширный полуостровъ, противулежащій теперешнему острову Варандею.

Очевидно, что Ламартиньеръ могъ называть и страну эту *Борандаемъ* и жителей ея *борандайцами*,—совершенно такъ же какъ мы теперь называемъ жителей Колы—*колянами*, а Мезени—*мезенцами*. Во всякомъ случаѣ, сохранивъ намъ древнее географическое названіе этой мѣстности, Ламартиньеръ оказалъ услугу нашей географіи, а названіе *Борандай*, данное имъ этой мѣстности, куда лучше, чѣмъ теперешнее „безъ названія“... Не мѣшало бы, при слѣдующихъ изданіяхъ нашихъ картъ возстановить это древнее названіе.

Глава XXIV. *Свиданіе съ датчанами, съ коими авторъ отправился въ путь изъ Даніи, которые были отброшены бурею, и разсказъ объ ихъ приключеніяхъ.*

Желаніе поскорѣй свидѣться съ нами и узнать, куда насъ забросила раздѣлившая насъ буря, побудило и тѣ два судна попытаться спустить по шлюпкѣ и итти къ намъ. Радость съ той и другой стороны при свиданіи была неописуема, такъ какъ каждый считалъ другого погибшимъ и не разсчитывалъ свидѣться на этомъ свѣтѣ.

Они намъ сказали, что вѣтеръ ихъ занесъ къ одному острову у Югорскаго Шара (aux côtes de Juhorski), и когда они хотѣли бросить якорь у этого острова, этого сдѣлать было нельзя, по причинѣ подводныхъ скалъ, открытыхъ ими съ помощью лота и которыя были покрыты водою всего на $2^1/_2$ браса; это ихъ заставило немедленно взять курсъ на четверть востокъ-сѣверо-востокъ,

чтобы держаться въ болѣе открытомъ морѣ, что́ имъ удалось сдѣлать съ большимъ трудомъ, и только по истеченіи трехъ дней они могли бросить якорь въ гавани, гдѣ мы ихъ нашли, — возлѣ Борандайскаго мыса, въ 8 или 9 лье отъ острова, называемаго *Кильдомовія* (1).

Мы имъ разсказали, въ свою очередь, какъ считая себя уже погибшими, избѣжали опасности, будучи вынуждены зайти въ Варангерскій заливъ и стать на якорь у Варде, чтобы починить корабль и сдѣлать его пригоднымъ для плаванія, а также и о поѣздкѣ, которую мы совершили по Лапландіи (датской, шведской и московской), равно о торговлѣ, которую тамъ вели, и о нашихъ приключеніяхъ.

Примѣчаніе:

1. *Кильдомовія*. Къ сожалѣнію, даже на самой подробной десятиверстной картѣ, изд. Тип. Отд. Главнаго Штаба въ 1890 г. (листы №№ 101 и 102), намъ не удалось найти такого острова: на ней лишь схематично показанъ только одинъ островъ *Варандей*. На другихъ, извѣстныхъ намъ картахъ, также нѣтъ иного острова. Надо думать, что или на картахъ не нанесено этого маленькаго островка, или,—что тоже возможно, — бывшій тогда отдѣльнымъ островомъ участокъ земли слился теперь съ островомъ Варандеемъ. Море въ этомъ мѣстѣ, какъ извѣстно по послѣднимъ лоціямъ, ежегодно и сильно мелѣетъ; гдѣ еще 20—30 лѣтъ назадъ можно было проходить судну средняго размѣра, тамъ теперь этого уже нельзя сдѣлать. Можетъ быть, такимъ образомъ и о. *Кильдомовія* слился съ о. Варандеемъ или же съ материкомъ.

Глава XXV. *О рѣшеніи, принятомъ датчанами, съ которыми находился авторъ, ѣхать торговать въ Борандай.*

Разсказы о нашей торговлѣ возбудили желаніе и у нихъ попытаться, въ подраженіе намъ, выйти на берегъ и завязать торговлю съ мѣстными жителями. Посему мы собрались на совѣщаніе, и было тотчасъ же рѣшено, что отправятся: одинъ капитанъ, одинъ приказчикъ, два подручныхъ, которые бы знали сѣверный языкъ и русскій, 20 матросовъ и я, хорошо вооруженные и снабженные провизіей на нѣсколько дней.

Порѣшивъ на этомъ, мы взяли двѣ шлюпки, высадились на берегъ и поднялись на пригорокъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ жилища? Нигдѣ его не видя, мы пошли къ горѣ, возвышавшейся отъ берега въ полу-лье, и оттуда, въ разстояніи 2—3 му-

шкетныхъ выстрѣловъ, мы увидали въ кустарникѣ 5 или 6 человѣкъ, которые направились въ нашу сторону; увидя насъ, они свернули съ дороги и скрылись: до того быстро они побѣжали.

Мы поспѣшили по ихъ слѣдамъ, которые были замѣтны, и, держась взятаго ими направленія черезъ 2 часа, при спускѣ съ одной горы, мы увидали въ ближайшей долинѣ нѣсколько хижинъ, къ которымъ мы и направились; тутъ мы нашли 30 или 40 человѣкъ, вооруженныхъ копьями и луками, которые насъ ожидали въ боевомъ порядкѣ, думая что мы, прійдя въ такомъ количествѣ, рѣшили напасть на нихъ. Мы остановились, и держали совѣтъ: не лучше ли вернуться на суда, чѣмъ связываться съ такими отважными вооруженными дикарями, которыхъ ярости есть основаніе опасаться?

Одинъ изъ нашихъ подручныхъ предложилъ отправиться къ нимъ въ одиночку, и увѣрить ихъ, что мы ихъ друзья и купцы, которые хотятъ лишь завязать съ ними торгъ, если они имѣютъ что-нибудь пригодное для насъ, а мы—для нихъ.

Всѣ согласились на это, и онъ отправился къ дикарямъ съ двумя пачками табаку и небольшимъ боченкомъ водки. Когда онъ приблизился къ одному дикарю, казавшемуся начальникомъ, тотъ спросилъ на московитскомъ языкѣ, кто мы и что намъ нужно? Подручный отвѣчалъ, что мы—купцы изъ числа ихъ друзей, желающіе только ихъ дружбы и торговли съ ними, если это возможно. Начальникъ успокоилъ остальныхъ, сообщивъ имъ о цѣли нашего прихода и далъ намъ знакъ подойти ближе, что повторилъ и нашъ посланный; мы такъ и сдѣлали.

Глава XXVI. *Наружный видъ, покрой одежды, образъ жизни борандайцевъ и прочее.*

Приблизившись къ нимъ, я былъ очень удивленъ, что они были еще ниже ростомъ, чѣмъ лапландцы; у нихъ такіе же глаза но бѣлокъ желтовато-красный; лицо плоское и широкое, голова большая, носъ очень курносый; они смуглы лицомъ до невозможности, и съ большими ногами (1).

Платье ихъ состояло изъ очень узкихъ штановъ и изъ камзола до колѣнъ, изъ чулокъ и шапки, — все изъ шкуръ бѣлыхъ медвѣдей, шерстью вверхъ, и изъ башмаковъ изъ древесной коры (лапти).

Ихъ жилища (чумы) всѣ выстроены изъ рыбьихъ костей и костями же покрыты, сверху очень низкія, овальной формы; свѣтъ

проникаетъ въ нихъ только чрезъ входное отверстіе, которое напоминаетъ устье нашей печи.

Эти люди живутъ только рыбной ловлей и охотой, ѣдятъ всякое мясо жаренымъ и безъ соли, съ сушеной рыбой, пьютъ простую воду, наливаемую въ кадушку изъ можжевеловаго дерева и настоенную на можжевеловыхъ ягодахъ, которыя придаютъ водѣ кисловатый и пріятный вкусъ.

Женщины столь же безобразны, какъ и мужчины, одѣваются точно такъ же, столь же хорошо охотятся и ловятъ рыбу. Они не имѣютъ никакой религіи и живутъ, какъ скоты.

Мы промѣняли имъ весь табакъ и водку, которую взяли для своего продовольствія, на шкуры волковъ, лисицъ и горностаевъ.

Такъ какъ у нихъ были еще мѣха, которые имъ хотѣлось бы промѣнять на табакъ и водку, то мы имъ предложили итти съ нами къ нашимъ судамъ, обѣщая ихъ вполнѣ удовлетворить. Они согласились, и мы всѣ вмѣстѣ, отправились на берегъ моря; тутъ они остановились, дивясь на наши суда; а мы дали сигналъ, чтобы насъ приняли (на шлюпки); такъ и сдѣлали: съ каждаго корабля намъ прислали по двѣ шлюпки, въ одну изъ которыхъ сѣлъ я, приказчикъ, подручный, который рѣшился вступить въ переговоры, борандаецъ, съ которымъ онъ вступилъ въ разговоръ, и еще одинъ борандаецъ, который также зналъ московитскій языкъ, такъ какъ былъ въ Московіи; всѣ остальные остались на берегу.

Примѣчаніе:

1. Надо замѣтить, вообще, что очень трудно, даже и теперь, провести рѣзкую грань между той или иной группой инородцевъ Сѣвера. И даже такой вдумчивый и аккуратный этнографъ, какъ *И. Л. Гондатти*, эту границу избѣгаетъ устанавливать. Онъ пишетъ: „по мѣрѣ приближенія къ востоку, т. е. къ Оби и къ сѣверу, т. е. къ Ледовитому морю, маньзы (вогулы) все болѣе и болѣе теряютъ свою чистоту, такъ какъ на востокѣ замѣчается ихъ смѣшеніе съ остяками, а на сѣверѣ — съ самоѣдами. Слѣды подобнаго смѣшенія видны вообще между всѣми тремя народностями (и, скажу отъ себя, также между четвертой—лопарями), и оно вполнѣ понятно, въ виду тѣхъ частыхъ браковъ, которые заключаются между ихъ представителями. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой — одинаковыя условія жизни производятъ то, что въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ занятіяхъ, въ одеждѣ, въ принадлежностяхъ домашняго быта, въ типѣ — во всемъ замѣчается между ними много общаго“. (См. *слѣды язычества у инородцевъ С.-Западной Сибири*. М. 1888 г., стр. 4—5).

Такимъ образомъ объясняется и частое повтореніе Ламартиньеромъ почти однихъ и тѣхъ же описаній и смѣшиваніе имъ, подъ-часъ, признаковъ одной группы инородцевъ съ признаками другой группы. Не забудемъ, что нашъ авторъ совершилъ только кратковременную поѣздку въ этихъ странахъ и ему вполнѣ извинительно не замѣтить всѣхъ тонкостей различія, въ которыхъ даже теперь, при современныхъ условіяхъ, не вполнѣ могутъ разобраться наши лучшіе этнографы и путешественники, проводящіе въ средѣ инородцевъ цѣлые годы, спеціально изучающіе эти тонкости и отличія.

Глава XXVII. *Угощеніе, устроенное датчанами, съ коими находился авторъ, борандайцамъ, и его путешествіе въ Борандай.*

Прибывъ на судно, мы разсказали капитану о нашей встрѣчѣ съ борандайцами, людьми дикими и скотоподобными. Чтобы приручить нашихъ гостей и склонить ихъ оказать намъ нѣкоторыя услуги, капитанъ далъ каждому по куску табаку, длиной въ палецъ и по полной чашкѣ водки, которую они выпили съ величайшимъ удовольствіемъ; а такъ какъ у нихъ было немного пушнины, то ее вымѣняли на табакъ и водку. Когда ихъ спросили, можно ли намъ съ удобствами проѣхать въ ихъ страну, чтобы тамъ завязать торгъ, они отвѣтили утвердительно, но предупредили, чтобы мы не разсчитывали найти тамъ что-нибудь иное, кромѣ пушнины. На это мы возразили, что ничего больше и не ищемъ; они завѣрили насъ, что мы найдемъ мѣховъ достаточно за табакъ, водку и за деньги, и что они насъ согласны сопровождать для этой цѣли хоть до Сибири. Мы уговорились съ ними за двѣ кипы табаку на человѣка и за 4 пинты водки, чтобы они насъ проводили туда и обратно, и было условлено, что имъ дана будетъ награда, если наша торговля при ихъ содѣйствіи окажется прибыльна; они дали обѣщаніе намъ помогать, съ условіемъ, что мы должны будемъ платить за оленей, которыхъ они намъ будутъ нанимать въ дорогѣ, на что капитанъ изъявилъ согласіе.

Сторговавшись и давъ имъ еще по глотку водки, спустили шлюпку, чтобы доставить ихъ на берегъ, для того чтобы они могли приготовить все нужное для нашей поѣздки. Высадившись, они бѣгомъ пустились добывать все то, что намъ обѣщали. Часовъ черезъ восемь они вернулись къ намъ съ шестью санями, запряженными каждыя однимъ оленемъ. Въ то время какъ мы угощали обоихъ нашихъ борандайцевъ, съ другихъ судовъ отправили

на берегъ табаку и водки, чтобы устроить мѣновую на мѣха съ тѣми, которые не пожелали сѣсть въ шлюпки и поѣхать на наши корабли, имѣя какое-то подозрѣніе. Это заставило всѣхъ капитановъ, чтобы задобрить остающихся на берегу, приказать свезти еще нѣсколько боченковъ водки, чтобы распить съ ними; это борандайцамъ такъ понравилось, что они, въ знакъ дружбы, приглашали ихъ въ гости въ свое селеніе; все это они, объясняли больше знаками, чѣмъ словами, такъ какъ никто не понималъ ихъ языка.

Когда оба наши борандайца вернулись съ оленями, мы спросили, почему они не привели бо̀льшаго числа оленей? На это они отвѣчали, что столько и могли найти. Замѣтивъ, что эти олени крупнѣе лапландскихъ, мы спросили: не сильнѣе ли они тѣхъ? Они отвѣтили утвердительно: лапландскіе не могутъ везти больше одного человѣка, а эти легко везутъ двоихъ, а поэтому и сани сдѣланы для двухъ сѣдоковъ. Услышавъ это, наши капитаны посовѣтовались и рѣшили, что нашъ приказчикъ, два подручныхъ, которые знали по-русски, я и по одному матросу съ каждаго корабля съ этими двумя борандайцами поѣдемъ торговать. Для этой цѣли на одного оленя положили грузъ табаку, водки, золота, серебра и мѣди, на сумму въ 60000 ливровъ; мы съ приказчикомъ помѣстились въ однѣ сани другъ противъ друга: одинъ сѣлъ на одномъ концѣ, другой на другомъ; одинъ подручный усѣлся съ однимъ борандайцемъ, другой съ другимъ, потомъ два матроса, наконецъ въ послѣднія сани сѣлъ одинъ матросъ и къ нему поставили нѣсколько боченковъ водки и табаку. Затѣмъ мы отправились.

Олени помчались по меньшей мѣрѣ съ такой же скоростью, какъ и лапландскіе, и мы ѣхали въ теченіе цѣлыхъ 8 часовъ по полямъ, горамъ и долинамъ, не встрѣчая ни единой души, ни жилища.

Наконецъ, подъѣхавъ къ сосновому лѣсу, мы выбрали пять или шесть сосенъ, удаленныхъ одна отъ другой шаговъ на 100; около одной изъ сосенъ мы пустили нашихъ оленей пастись на мохъ, а сами отдохнули, поѣли сухарей и солонины, а наши борандайцы своей провизіи—сушеной рыбы, политой рыбьимъ жиромъ; они тоже не могутъ ѣсть хлѣба и соленаго мяса. Мы запили нашъ завтракъ водой изъ ближайшаго источника, сверхъ того каждый выпилъ по небольшой чашкѣ водки. Потомъ мы усѣлись въ сани и еще ѣхали часа три. Уподножія горы мы замѣтили нѣсколько строеній, расположенныхъ близко одно къ другому, гдѣ мы и рѣшили остановиться. Тутъ мы принуждены были раздѣлиться, помѣстившись въ двухъ хижинахъ; проводники наши распрягли оленей, чтобы спустить ихъ на пастбище и дать имъ отдохнуть въ той же мѣрѣ, какъ и намъ самимъ.

Глава XXVIII. *Продолженіе путешествія автора къ борандайцамъ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ борандайцевъ.*

Шесть или семь часовъ спустя, хорошо отдохнувши на медвѣжьихъ шкурахъ, которыя хозяева постлали намъ на землѣ для спанья, мы спросили ихъ, нѣтъ ли чего-нибудь промѣнять? Они намъ показали нѣсколько шкуръ волковъ, лисицъ бѣлыхъ (песцовъ), двѣ дюжины горностаевъ, около 300 бѣлокъ, шесть паръ соболей и спросили очень мало табаку, не будучи до него такіе охотники, какъ тѣ, что живутъ на берегу моря; они существуютъ только охотой, все лѣто питаются свѣжимъ мясомъ, жаренымъ на угляхъ, безъ соли, а зимой—только сушенымъ, заготовляя его лѣтомъ въ видѣ ломтей, посредствомъ вяленія на солнцѣ, на крышахъ своихъ домовъ. А дома эти сдѣланы изъ древесныхъ вѣтвей и покрыты дерномъ, очень низкіе; свѣтъ проникаетъ только черезъ дверь, устроенную на подобіе устья печи.

Эти борандайцы, какъ говорили наши проводники, мѣняютъ свои жилища время отъ времени, какъ килопы, живутъ по-скотски, не знаютъ религіи, очень тупы, плохо сложены, какъ и остальные; обуваются въ башмаки изъ древесной коры (лапти); ихъ нижнее платье, штаны, шапки и верхнее платье, длиною ниже икръ, подпоясываются поясомъ, шириною въ четыре пальца,—все изъ шкуры медвѣдя, шерстью вверхъ. Женщинъ можно отличить отъ мужчинъ только по волосамъ, заплетеннымъ въ косички, которыя спущены сзади; онѣ столь же ловки на охотѣ, какъ и мужчины; все оружіе ихъ состоитъ изъ заостренной палки, очень твердаго дерева, изъ деревяннаго лука, тетива котораго дѣлается изъ мочальной веревки, колчана, полнаго стрѣлъ и каменнаго ножа,—который рѣжетъ какъ бритва,—носимаго у пояса.

Такъ какъ тутъ не оказывалось ничего больше для мѣны, то наши проводники приготовили оленей; мы всѣ сѣли въ сани и отправились дальше, выпивъ предварительно по глотку водки и ѣхали безостановочно девять или десять часовъ, не видя никакого селенія. Наконецъ наши проводники замѣтили три или четыре хижины и направили туда оленей; хотя въ хижинахъ никого не оказалось, но намъ ничего болѣе не оставалось, какъ остановиться и пустить оленей пастись на мохъ, котораго здѣсь большое изобиліе. Мы сами закусили и расположились на отдыхъ въ хижинахъ на землѣ часа на три, послѣ чего снова сѣли въ сани и продолжали свой путь

Глава XXIX. *Встрѣча съ однимъ борандайскимъ господиномъ и его двумя слугами, возвращавшимися съ охоты, и ихъ одежды.*

Черезъ 15 часовъ безпрерывной ѣзды, съ одною только остановкой для кормежки оленей мохомъ, не встрѣтивъ никакого жилища, мы замѣтили трехъ охотниковъ, шедшихъ впереди насъ, которыхъ мы нагнали у одного холма. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ роскошное платье московитскаго покроя, доходившее ему до пятъ, подпоясанное кушакомъ, шириной пальца въ 4; платье это было изъ волчьяго мѣха, шерстью наружу и было бѣлое, какъ снѣгъ, а края ворота черные, какъ каменный уголь (gez), круглая шапка, вродѣ матросской, изъ черной лисицы, штаны и чулки изъ оленьей, а сапоги изъ рыбьей кожи, на подобіе варангерскихъ. Двое другихъ были въ такомъ же платьѣ, также (sic) изъ медвѣжьей шкуры, шерстью вверхъ, въ сапогахъ изъ рыбьей кожи; каждый изъ нихъ былъ нагруженъ дюжиной шкуръ медвѣдей, волковъ, бѣлыхъ лисицъ (песцовъ), нѣсколькими горностаями и соболями очень хорошаго сорта; подъ этими шкурами у каждаго были кромѣ того отрѣзанные медвѣжьи окорока, еще со шкурой. Что касается того, который былъ одѣтъ въ волчьи и оленьи мѣха, онъ несъ только дюжину бѣлыхъ вороновъ да семь соболей, подвѣшенныхъ къ поясу.

Приблизившись къ нему, одинъ изъ нашихъ проводниковъ остановился, чтобы поговорить съ нимъ, потомъ слѣзъ съ саней, а на его мѣсто сѣлъ этотъ господинъ, рядомъ съ нашимъ подручнымъ, что̀ меня и моего спутника приказчика очень удивило. Онъ ѣхалъ съ нами еще болѣе часу, и мы не встрѣтили никакого жилья. Потомъ поднявшись на вершину большой горы, мы увидѣли слѣва море, а подъ горой много домовъ, построенныхъ одинъ близко къ другому, какъ бы вродѣ маленькаго городка, куда олени насъ и привезли; и мы сошли у дома того, который занялъ мѣсто нашего проводника. По той угодливости, которую ему оказывали всѣ жители городка, называвшагося *Вичори* (1), прибѣжавшіе высадить насъ изъ саней, мы догадались, что это важный господинъ.

Онъ промѣнялъ на табакъ и водку всѣ свои шкуры, за исключеніемъ медвѣжьихъ, которыхъ мы не хотѣли брать, и соболей, которыхъ онъ оставилъ у себя, не имѣя права ихъ продать, ибо великій князь Московскій, котораго они называютъ *царь* (zaar), приказалъ ихъ всѣ оставлять, для себя, и никто, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, не смѣетъ продавать соболей иначе, какъ съ разрѣшенія его или его довѣреннаго, находящагося при каждомъ

магазинѣ (2). Если кто-нибудь продастъ соболя случайно, то только крадучись, а тѣ, кто ихъ купитъ, тоже должны прятаться, ибо если довѣренный или воевода того города, гдѣ товары досматриваются, найдутъ между мѣхами такіе, которые куплены у когонибудь иного, а не у великаго князя, или у тѣхъ, кто имъ уполномоченъ продавать, то это повлечетъ за собой конфискацію всего товара.

Борандіецъ этотъ, промѣнявъ намъ всѣ шкуры и зная, что намъ хочется ихъ вымѣнять еще, послалъ двоихъ слугъ по другимъ хижинамъ объявить, что если они пожелаютъ принести имѣющіяся у нихъ шкурки, то мы дадимъ въ обмѣнъ табаку и водки, что господинъ ихъ продалъ всѣ свои мѣха. Обрадованные этимъ извѣстіемъ, жители принесли намъ все, что̀ имѣли, а мы пріобрѣли за табакъ и водку.

Вымѣнявъ такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, 500 шкуръ разнаго сорта, мы попросили нашего хозяина дать намъ барку, чтобы отправить одного матроса съ нашимъ товаромъ на суда; онъ далъ свое согласіе и приказалъ приготовить принадлежащую ему барку, сдѣланную ввидѣ гондолы, широкую въ срединѣ и острую съ обоихъ концовъ, всю изъ дерева, безъ гвоздей и какого бы то ни было желѣзнаго крѣпленія; барка имѣла по срединѣ одну мачту изъ сосноваго дерева, къ которой крѣпился большой квадратный парусъ, сдѣланный изъ полотна, вытканаго изъ мочала (3), снасти были тоже изъ мочальныхъ веревокъ; на баркѣ было два деревянныхъ якоря, очень тяжелыхъ, привязанныхъ къ канатамъ изъ того же матеріала, что̀ и снасти.

Давъ намъ двухъ человѣкъ, чтобы сопровождать барку съ нашимъ матросомъ, и видя ихъ готовыми къ отплытію, онъ крадучись, показалъ намъ 30 паръ соболей, которыхъ мы и купили на деньги очень дешево. Намъ не удалось бы сосватать это дѣло (ne fumes pas maris d'attraper celà) и онъ ни за что̀ не продалъ-бы намъ, если бы мы не взяли у него барки и если бы она не отправлялась прямо къ нашимъ судамъ, гдѣ какъ ему было извѣстно, некому было досматривать; ибо онъ хорошо зналъ, что если бы это открылось, онъ не только подвергся бы тѣлесному наказанію, но онъ и весь его родъ былъ бы отправленъ въ ссылку (en esclavade) въ Сибирь.

Отправивъ барку съ матросомъ и двумя борандайцами, нашъ уполномоченный, двое его подручныхъ и проводники устроили съ хозяиномъ пирушку, а я въ это время съ двумя нашими матросами отправился въ городокъ и очень удивлялись его постройкамъ, расположеннымъ между двумя горами, достигавшими одной мили

въ высоту: всѣ хижины были сдѣланы очень тщательно изъ рыбьихъ костей (каркасовъ), покрыты также рыбьими костями, проконопачены мохомъ сверху и обложены вокругъ дерномъ столь хорошо, что внутрь не можетъ проникнуть никакой вѣтеръ иначе, какъ чрезъ двери, устроенныя на подобіе печного устья, и чрезъ крышу, въ которой устроено окошко или отверстіе, въ которое проникаетъ свѣтъ. Я видѣлъ тутъ множество женщинъ и дѣтей, изъ коихъ одни занимались плетеніемъ рыболовныхъ сѣтей, все изъ той же древесной коры, другія дѣлали изъ нея паруса, напоминающіе наши очень тонкіе циновки; третьи дѣлали изъ рыбьей кости боевые топоры, ножи, наконечники дротиковъ и стрѣлъ, нѣкоторыя же приготовляли одежды изъ медвѣжьихъ шкуръ, сшивая ихъ мочальными же нитками, при помощи иглъ, сдѣланныхъ изъ рыбьихъ костей. Всѣ жители очень не привлекательны, малорослы, курносы и смуглы.

Примѣчанія:

1. *Вичоры* или Вычоры (*Vitzora*) намъ не удалось точно опредѣлить. Но зная, что всѣхъ родовъ самоѣдскихъ тутъ шесть: *тыссыи* (около Пустозерска, самый многочисленный) за нимъ— *логей* (къ с.-в. отъ Печоры), *вичей* или *вичей*, (къ востоку отъ логей, ближе къ уральскому хребту), *хотакзей*, *валей* и *уанойта*,— мы едва ли ошибемся, если примемъ, что *Вичора* есть просто одинъ изъ самоѣдскихъ городковъ именно рода *вичей*. На это указываетъ и близость расположенія именно этого самоѣдскаго рода къ о. Варандею. Перечисленіе самоѣдскихъ родовъ и порядокъ ихъ разселенія взятъ нами у Максимова (*Годъ на Сѣверѣ*), которому вполнѣ можно довѣрять, зная его освѣдомленность и точность.

Остальные три рода-немногочисленны и живутъ, по большей части, въ работникахъ у ижемцевъ. Если смотрѣть на карту, то отъ о. Варандея до г. Пустозерска (Печоры) надо ѣхать именно черезъ мѣсто стоянки рода вичей. Тутъ же,—хотя нѣсколько южнѣе,—есть рѣчка *Висеръ-яга*, прятокъ Колвы, названная такъ, очевидно, по роду *вичей*. Архимандритъ *Веніаминъ* (op. cit.) перечисляетъ подробно эти же самыя названія самоѣдскихъ родовъ. Далѣе, при перечисленіи поселеній по р. Печорѣ около Пустозерска, *Шренкъ*, упоминаетъ подъ № 17, *Виску* или *Великовисошку*, лежащую около лѣваго берега Печоры, на небольшомъ островѣ, при устьѣ маленькой рѣчки, которая называется просто *Виской* (финское слово *viski*—„рѣчка“) и которой мѣстечко обязано своимъ названіемъ; разстояніе Виски отъ Городка равняется 40 верстамъ (см. *Шренкъ*, Путешествіе, стр. 509—510).

При описаніи Архангельской губ., священникъ *Молчановъ* прямо говоритъ: „Владѣнія ея съ востока отъ рѣкъ *Вишеры* и *Печоры* простираются до Финляндіи“ (см. „Описаніе Архангельской губерніи, о. *К. Молчанова*, СПБ. 1813, стр. 1). Но самое ясное указаніе на существованіе такой рѣки даетъ *Витсенъ*: въ его книгѣ *Nord en Oost Tartarye*, на стр. 952, приложена карта *Мавриціуса*, 1680 г. Въ нашемъ современномъ смыслѣ эта карта неточна, но важна для насъ, какъ показатель тогдашняго знанія географіи этой мѣстности: на ней показано устье рѣки Печоры, а почти параллельно ей—устье другой рѣки, которую онъ называетъ *Visschers*. Можно думать, что такъ назывался одинъ изъ рукавовъ дельты той же Печоры.

2. „Дань съ самоѣдовъ собирали государевы даньщики, которые и отвозили ее въ Москву, говоритъ о. *Веніаминъ*, на основаніи Писцевой книги Огалина; дань эта состояла изъ разнаго качества и количества мѣховъ“. Очевидно, государевъ даньщикъ, какимъ могъ быть хозяинъ нашихъ путешественниковъ,—соблазненный ими, продалъ имъ именно государевы мѣха. (О дани съ Самоѣдовъ подробнѣй см. арх. *Веніаминъ*, Самоѣды Мезенскіе, стр. 108 и сл.).

3. *С. Максимовъ* указываетъ, что и теперь поморки ткутъ подобные паруса, только изъ *ровдуги*,—изъ оленьихъ ремней. При описаніи чисто первобытныхъ судовъ, на которыхъ поморы—промышленники совершали свои смѣлые переходы по водамъ опаснѣйшихъ сѣверныхъ морей, говорится: „поѣздки эти они совершали на кочахъ и шитикахъ; это—плоскодонныя палубныя суда, первыя 12, а вторыя 5 сажень длины. Суда эти сшивались кое-какъ, законопачивались мохомъ, вмѣсто канатовъ и веревокъ имѣли лосиные ремни, а паруса были изъ оленьихъ кожъ (ровдужные), якоря же были деревянные, къ которымъ для тяжести навязывались камни“. Ламартиньеръ намъ свидѣтельствуетъ, что кромѣ ровдужныхъ парусовъ были еще и рогожные. (См. *У Полюса*, стр. 113).

Какъ извѣстно, употребленіе мочальныхъ веревокъ не вывелось у насъ и до сихъ поръ.

Глава XXX. *Отъѣздъ автора изъ Вичоры въ Печору и о торговлѣ, которую вели его спутники.*

Вернувшись въ жилище нашего хозяина, приказчикъ и подручные рѣшили отправить одного проводника съ оленями обратно а самимъ взять барку, въ виду удобства путешествія по водѣ, и

ѣхать въ Почору. Такъ и сдѣлали. Мы помѣстились съ хозяиномъ и его двумя слугами на баркѣ и, пользуясь западнымъ вѣтромъ, пошли къ Почорѣ, куда и прибыли черезъ 15 часовъ. *Почора* (1)— маленькій городокъ, расположенный на берегу небольшого моря (залива), которое носитъ его имя. Мы отправились въ замокъ (острожекъ) представиться губернатору (воеводѣ), который, собственно говоря, ничто иное, какъ приказчикъ великаго князя; всѣ воеводы страны, которою владѣетъ великій князь Московитскій, таковы, такъ какъ между Московитами нѣтъ никакой знати: по этой причинѣ, думается мнѣ всѣ они такая деревенщина, необразованы, ревнивы, — свойства, которыхъ дворянство не можетъ проявлять.

Этотъ воевода былъ московитъ, одѣтый, по модѣ своей страны, въ цвѣтное сукно, отливавшее фіолетово-краснымъ цвѣтомъ; съ нимъ мы выпили превосходнаго меду, сладкаго и крѣпкаго, какъ испанское вино, и водки съ пряниками. Такъ какъ тутъ, были магазины и управленіе по сбору соболей для царя, то мы спросили воеводу, не продастъ ли онъ намъ этихъ соболей, и онъ согласился, спросивъ, сколько намъ надо? Мы отвѣтили, что купимъ, все что у него есть, если только онъ назначитъ подходящую цѣну. Тогда онъ повелъ насъ въ магазинъ (2), гдѣ находилось всего пять сороковъ (*zimmer*), т. е. 50 паръ, между которыми было два сорока самыхъ лучшихъ (соболей), какіе только встрѣчаются, совершенно черныхъ, какъ смоль (comme du gez=какъ каменный уголь), которые обошлись намъ въ 500 дукатовъ, что составляетъ 3000 французскихъ ливровъ, а три другіе сорока—въ 400 дукатовъ, или 800 французскихъ экю.

Когда мы купили всѣ мѣха, отмѣченные печатью великаго царя, какіе только у него нашлись, онъ рѣшилъ насъ угостить и для этого отправилъ двѣ лодки, чтобы наловить свѣжей рыбы, велѣлъ заколоть молодую самку оленя (телку) и вмѣстѣ съ дичью, которую люди принесли съ охоты, онъ устроилъ для насъ великолѣпное угощеніе изъ мяса, рыбы и хорошаго московскаго печенья. Столъ длился 8 часовъ, пили медъ и водку; все это ударило намъ въ голову и заставило насъ лечь спать на медвѣжьихъ шкурахъ, за неимѣніемъ постелей.

Проспавъ 6 или 7 часовъ, мы опохмѣлились по чашкѣ водки, потомъ пошли по городу, въ сопровожденіи слуги, даннаго намъ воеводой, который отыскалъ намъ въ разныхъ домахъ еще 2000 бѣлокъ, 4 дюжины горностаевъ, 500 лисицъ, по большой части бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и нѣсколько черно-сѣрыхъ, 120 шкуръ бѣлыхъ волковъ, 200 куницъ сѣро-пепельнаго цвѣта; все это стоило

намъ 400 дукатовъ, которые мы уплатили мѣдною монетой, очень насъ обременявшей. Потомъ мы вернулись въ домъ (château) воеводы, куда велѣли принести наши покупки и тамъ упаковали все въ рогожи, сдѣланныя изъ древесной коры.

Уложивъ такимъ образомъ нашъ товаръ, мы рѣшили, чтобы одинъ изъ нашихъ подручныхъ отправился на корабли при товарѣ, для чего мы просили хозяина воеводу дать намъ барку, что онъ и исполнилъ. Черезъ 2 часа подручный отправился, въ сопровожденіи трехъ борандайцевъ, за которыхъ воевода поручился, что они доставятъ барку съ товаромъ въ цѣлости и сохранности на корабли за 10 дукатовъ, которые мы ему уплатили, и за небольшой подарокъ табакомъ, выданный провожатымъ; кромѣ того, воевода обѣщалъ заплатить имъ по возвращеніи.

Нашъ подручный, сѣвъ на барку, отправился съ попутнымъ восточно-юго-восточнымъ вѣтромъ, а мы остались еще попировать съ воеводой, нашимъ хозяиномъ, и съ воеводой изъ Вичоры, который столько выпилъ водки и меду, что я не знаю, куда только все это у него помѣщалось? Эта попойка длилась еще болѣе 4 часовъ, послѣ чего мы пошли отдохнуть нѣсколько часовъ.

Примѣчанія:

1. Устья Печоры, положеніе города,—теперешняго *Пустозерска*,—и озера *Городецкаго*, соединяющагося съ устьемъ р. Печоры т. н. *Городецкимъ Шаромъ*,—хорошо изслѣдовалъ штурманъ *Ивановъ*, (см. „Четырехкратное путешествіе“ *Литке*, ч. II, стр. 201 и слѣд.).

2. Относительно упоминаемыхъ Ламартиньеромъ *магазиновъ*, надо замѣтить, что такой способъ сохраненія всякаго рода запасовъ (въ береженье отъ огня) идетъ издревле и держится на всемъ сѣверѣ и по сей день. Такъ, при описаніи извѣстнаго раскольничьяго Выговскаго монастыря, основаннаго въ концѣ XVII и началѣ XVIII, читаемъ: „припасовъ въ кельяхъ нѣтъ, а около нихъ построены на столбахъ хоромы, въ которыхъ держатъ хлѣбъ“ и пр. (см. Е. В. *Барсовъ*, Олонецкій монастырь Клименцы. М. 1871 г., стр. 58).

Зазалишинъ также пишетъ, что самоѣды мѣха и рыбу держатъ въ амбарахъ, на высокихъ столбахъ.

Глава XXXI. *Отъѣздъ автора изъ Печоры въ Сибирь; о встрѣчѣ съ пятью ссыльными, сосланными Великимъ Княземъ, объ ихъ несчастьяхъ и о прибытіи въ Пустозерскъ.*

Когда мы всѣ встали, нашъ приказчикъ просилъ у печорскаго воеводы распорядиться на счетъ оленей, чтобы ѣхать въ Сибирь, и тотъ доставилъ намъ семь штукъ, именно: по одному для при-

казчика, для подручнаго, для меня, два для матросовъ, по одному для проводника и подъ табакъ и водку съ провизіей, которою онъ снабдилъ насъ до Папингорода; деньги приказчикъ взялъ съ собою. Когда олени запряжены были въ соотвѣтствующее количество саней, воевода велѣлъ заложить еще однѣ для своего слуги—проводника, который долженъ былъ ѣхать съ нами до извѣстнаго мѣста, гдѣ намъ предстояло перемѣнить оленей, а онъ долженъ былъ вернуться назадъ съ оленями воеводы. И за все это мы заплатили ему 4 дуката. Прежде чѣмъ отправиться въ путь, мы выпили по пяти или шести чарокъ водки на разставаньѣ и, поблагодаривъ за доброе расположеніе нашего почорскаго хозяина и вичорскаго воеводу, мы простились и отправились въ путь, слѣдуя по берегу рѣки, по мѣстности крайне неприглядной, безъ всякихъ проѣзжихъ дорогъ, и въ теченіи добрыхъ 4 часовъ не встрѣтили живой души, кромѣ четырехъ бѣлыхъ медвѣдей, огромной величины, которые пересѣкли намъ дорогу, перебѣгая отъ рѣки, гдѣ они были при нашемъ появленіи, въ лѣсъ; часа черезъ два мы очутились по близости 7—8 хижинъ, гдѣ, однако, мы никого не застали, такъ какъ жители ушли на охоту.

Тутъ мы сошли съ саней, чтобы подкрѣпиться, а въ это время пятеро или шестеро мужчинъ, съ женами и дѣтьми, вернулись съ охоты, которая была для нихъ очень удачна, такъ какъ они принесли шесть шкуръ медвѣдей, четыре волчьихъ, семь бѣлыхъ лисицъ, пару горностаевъ и восемь соболей.

Они очень удивились, увидя насъ, и хотѣли было убѣжать, если бы данный намъ почорскимъ воеводой проводникъ не подошелъ къ нимъ и не увѣрилъ ихъ, что мы ихъ друзья и купцы, ѣдущіе въ Папингородъ, и что мы у нихъ купимъ мѣха; тогда они подошли къ намъ и съ изумленіемъ разглядывали насъ, сколько ради одежды, непохожей на ихъ костюмъ, столько же ради нашего наружнаго вида и языка, котораго они никогда не слыхали, какъ и мы ихъ языка; затѣмъ мы затѣяли съ ними торговлю, при помощи нашего переводчика, и они доставили намъ оленей для дальнѣйшаго пути, вплоть до устья Папиногородской рѣки.

Чрезъ два или три часа послѣ того какъ мы покинули рѣку Почору, слѣдуя по теченію Папиногородской рѣки, по очень тяжелой дорогѣ, мы увидали пять человѣкъ, одѣтыхъ въ медвѣжьи мѣха по-московитски, выходящихъ изъ лѣса на встрѣчу намъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ на плечѣ ружье, съ боку охотничью сумку, а также ножъ въ ножнахъ, вродѣ нашихъ охотничьихъ; мы велѣли проводнику остановить оленей, чтобы узнать, кто они такіе? Одинъ изъ нихъ, признавши въ насъ иностранцевъ, поздо-

ровался съ нами по-нѣмецки, высказавъ пожеланіе быть столь же свободнымъ, какъ и мы. Нашъ приказчикъ, родомъ изъ Нижней Саксоніи, услышавъ родную рѣчь, спросилъ: откуда онъ? Тотъ ему отвѣтилъ, и когда оказалось, что они знакомы, приказчикъ сошелъ съ саней, обнялъ его и спросилъ: какъ онъ здѣсь очутился? Саксонецъ отвѣчалъ, что онъ сосланъ великимъ княземъ охотиться на соболей, что̀ считается наказаніемъ въ этой странѣ, какъ во Франціи ссылка на галеры; одни остаются здѣсь по 10 лѣтъ, другіе по 6, иные по 3, кто больше, а кто меньше, а затѣмъ, по минованіи срока ссылки, они свободны.

Это извѣстіе заставило всѣхъ насъ сойти съ саней, и не успѣлъ я стать на ноги, какъ одинъ изъ пятерыхъ меня узналъ, взволнованный бросился меня обнимать и спросилъ по-французски: откуда я? и куда ѣду? Это меня очень удивило, такъ какъ я не узнавалъ его, благодаря съ одной стороны одеждѣ, большой бородѣ и облысѣвшей головѣ, съ другой — благодаря худобѣ его тѣла, отъ котораго осталась только кожа да кости; видя это (изумленіе), онъ сообщилъ мнѣ, что онъ—лотарингскій дворянинъ, полковникъ московитскаго коннаго полка, который столько разъ угощалъ меня въ Стокгольмѣ (*Stokolm*) и хотѣлъ даже взять меня въ Москву (*Moskou*). Роскошное платье, въ которомъ я его видалъ когда-то, уваженіе, которое ему тогда всѣ оказывали, какъ по причинѣ его щедрости, такъ и ввиду высокаго поста, который онъ занималъ, командуя полкомъ и отличаясь беззавѣтною храбростью, и теперешній его жалкій видъ вызвали у меня слезы и вздохи сожалѣнія. Я его снова и снова обнималъ, распрашивая о причинѣ его опалы. Онъ мнѣ объяснилъ: произошло это оттого, что великій князь заподозрилъ его въ измѣнѣ и за это сослалъ въ Сибирь на три года, что онъ неописуемо страдаетъ, благодаря опасностямъ, которымъ подвергаются всѣ ссыльные то на охотѣ, то отъ голода и жестокихъ морозовъ, которые приходится выносить, или же отъ встрѣчи съ массами дикихъ звѣрей, которые на нихъ нападаютъ при недостаткѣ пищи въ другихъ мѣстахъ, и имъ приходится обороняться. Ко всѣмъ этимъ бѣдамъ надо прибавить, что если они не добудутъ того количества соболей, которое имъ назначено, ихъ жестоко наказываютъ плетьми изъ толстой и грубой кожи и бьютъ по всему обнаженному тѣлу. Знакомецъ нашего приказчика разсказывалъ тоже самое, а остальные ссыльные, которые всѣ говорили хорошо по-французки и по-нѣмецки, изъ коихъ одинъ занималъ высокій постъ при великомъ князѣ (*un des grands commis du Grand Knez*), другой былъ генералъ-лейтенантомъ, а прочіе—значительными чиновниками,—всѣ они оплакивали свои

бѣдствія, увѣряя насъ, что какъ только они отбудутъ свой срокъ и вернутъ себѣ свободу, они удалятся въ такія мѣста, гдѣ великій князь не имѣлъ бы надъ ними власти. Чтобы утѣшить этихъ несчастныхъ, мы достали нашу провизію, расположились всѣ на мху и стали ихъ угощать, увѣряя ихъ, что мы готовы способствовать ихъ освобожденію. Они благодарили насъ за это, но доказывали, что имъ невозможно спастись, такъ какъ ихъ знаютъ воеводы во всѣхъ острожкахъ, куда мы должны по неволѣ заѣзжать; это навлекло бы на насъ смертную казнь, равно какъ и для нихъ, послѣ страшныхъ пытокъ, отъ которыхъ пострадали бы и мы. Эти слова еще болѣе увеличили печаль, которая наполняла наши сердца, ибо мы не могли смягчить бѣдствія, въ которомъ они находились. Только послѣ бесѣды, *длившейся болѣе четырехъ часовъ* [1]), мы рѣшили съ ними разстаться, давъ каждому изъ нихъ по полфунта табаку и угостивъ ихъ водкой, сухарями и пряниками, которые мы взяли изъ Почоры, и солониной. Мы сѣли въ сани и, разставаясь съ ними, пожелали, чтобы Богъ помогъ имъ переносить страданія, выразивъ надежду скоро видѣть ихъ въ добромъ здоровьѣ. Затѣмъ мы двинулись въ путь и ѣхали цѣлыхъ три часа, не встрѣчая никакого жилища; потомъ мы наѣхали на пять или шесть хижинъ, гдѣ и остановились; въ нихъ оказалось около дюжины жителей, у которыхъ мы спросили: нѣтъ ли у нихъ чего промѣнять? Они показали намъ шкуры, которыя мы у нихъ и купили на деньги и за водку, до которой эти люди большіе охотники.

Продолжая нашъ путь вдоль рѣки, мы встрѣчали тамъ и и сямъ хижины, и въ нихъ гдѣ по одному, а гдѣ по нѣскольку жителей, у которыхъ мы покупали наличные мѣха на деньги и за водку, за исключеніемъ соболей, которыхъ они не желали продавать, боясь, что узнаетъ объ этомъ воевода Папингорода, куда мы направлялись, такъ какъ онъ всегда досматриваетъ товары, отыскивая среди нихъ соболей. Мы перевалили горы, которыя раздѣляютъ Борандай отъ Сибири, — путь очень тяжелый и трудный, по причинѣ безлюдности этихъ мѣстъ, которыя и не могутъ быть обитаемы, какъ по своей безплодности и по множеству снѣга, такъ и по чрезмѣрному количеству бѣлыхъ медвѣдей и волковъ. Ихъ такъ много, что мы постоянно были въ страхѣ,

[1]) Курсивъ нашъ. Тутъ Ламартиньеръ точно указываетъ, сколько времени всего они провели со ссыльными. Это особенно важно ввиду дальнѣйшаго (см. *приложеніе*) для опредѣленія: могъ ли за это короткое время Ламартиньеръ записать такой длинный разсказъ, какой помѣщенъ въ послѣднихъ изданіяхъ его книги? *B. G.*

пробѣгая этими мѣстами и ежеминутно ожидая нападенія, хотя, оказывается, они насъ столь же боялись, какъ и мы ихъ, и видно было, какъ они разбѣгались то въ ту, то въ другую сторону при нашемъ приближеніи, считая насъ за охотниковъ, благодаря нашему блестящему оружію, а мы были просто купцы. И вотъ, послѣ большихъ затрудненій, съ которыми должны были справляться олени при перевалѣ черезъ хребетъ, на что мы употребили 10 или 12 часовъ, мы спустились въ одну сибирскую деревушку, обитатели которой были одѣты въ медвѣжьи шкуры, шерстью вверхъ, но носили бѣлье и сапоги съ подковками, изъ чего мы заключили, что они болѣе образованы, чѣмъ тѣ, которыхъ мы только что оставили. Они и приняли насъ болѣе учтиво, и распрашивали: кто мы, откуда и куда ѣдемъ? Мы выпили и закусили съ ними тѣмъ, что имѣли, а они намъ принесли своего угощенья, которое состояло изъ соленаго волчьяго и медвѣжьяго мяса съ пряниками и водкой; мы скупили у нихъ на деньги мѣха, за исключеніемъ соболей; потомъ, отдохнувъ часовъ пять на медвѣжьихъ шкурахъ въ одной изъ хижинъ, построенной на лапландскій манеръ, мы выпили на каждаго по глотку водки, сѣли въ сани и продолжали нашъ путь къ Папинову городу (1), куда и прибыли часовъ черезъ 20, съ отдыхомъ для кормежки нашихъ оленей.

Примѣчаніе:

1. Герберштейнъ упоминаетъ прямо о *Papin seu Papinovugorod*'ѣ, «жители котораго называются *папинами* и имѣютъ языкъ, отличный отъ русскаго». Приведя это извѣстіе, *Замысловскій* пишетъ: «Этотъ же городъ показанъ и на нѣкоторыхъ картахъ XVII в.», и далѣе цитируетъ выше приведенныя слова *Литке*: «а потому можетъ быть, что и существовало въ то время какое-нибудь урочище сего имени, но теперь оно вовсе неизвѣстно» (см. стр. 433 и 434 его «Четырехкр. путеш.»).

Тутъ же приводится у Литке обстоятельное изслѣдованіе о Ляпинѣ-городкѣ, которое, по его особой спеціальной формѣ, я здѣсь не привожу (см. 434—436 стр.). Подробнѣе о *Папинѣ-Ляпинѣ* городѣ см. примѣч. къ слѣдующей главѣ.

Глава XXXI bis. *Пріемъ, оказанный воеводою Папингорода датчанамъ, съ коими находился авторъ.*

Воевода Папинова города (1), узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, велѣлъ притти къ нему въ замокъ (острожекъ), для того чтобы узнать, кто мы и что насъ привело сюда, а также — откуда мы ѣдемъ. Мы отправились по его требованію, привѣтствовали его,

и нашъ приказчикъ вполнѣ удовлетворилъ его любопытство, такъ какъ зналъ московитскій языкъ.

Узнавъ, что мы датчане и купцы, пріѣхавшіе покупать мѣха, онъ принялъ насъ очень любезно и, чтобы показать свое расположеніе и готовность на услуги, признавая насъ за друзей, онъ предложилъ женѣ выйти и привѣтствовать насъ. Она вышла, неся, по московитскому обычаю, въ одной рукѣ бутылку водки, а въ другой серебряную чарку, а дѣвочка слѣдомъ за ней несла ломоть пряника. Хозяйка привѣтствовала насъ, согласно обычаю, наклоненіемъ головы, причемъ опустила конецъ праваго рукава рубашки и онъ скользилъ по землѣ; приказчикъ тотчасъ бросился его поднимать и поцѣловалъ, потомъ поцѣловалъ подручный, а за нимъ и я; тогда она, лѣвою рукой приподнимая вверхъ, собрала въ складки рукавъ, который сама же распустила, и принявшись за бутылку съ водкой и чарку, каждому подала по полной чаркѣ и по кусочку пряника, стоя у конца стола, подлѣ мужа; затѣмъ она удалилась туда, откуда пришла. Послѣ этого мы угощались съ воеводой, а засимъ отправились спать на очень хорошихъ кроватяхъ, какъ тутъ принято.

Примѣчаніе:

1. Искаженный, благодаря замѣнѣ буквы L буквою P, въ *Папинъ городъ* есть на самомъ дѣлѣ *Ляпинъ городокъ*, нынѣ остяцкая деревня Березовскаго округа, Тобольской губ. Упоминается, подъ именемъ «Вогульскаго городка», въ 1499 г. Въ 1501 г. *Ляпина* (теперешнее названіе деревни) взята русскими; съ тѣхъ поръ мѣстная торговля здѣсь долгое время процвѣтала, такъ какъ черезъ Ляпину шелъ торговый путь по многимъ направленіямъ. Современное значеніе Ляпиной ничтожно. Обитающіе здѣсь остяки называются *ляпинскими*, въ отличіе отъ обдорскихъ и др. Жителей 1422 (см. Энц. Слов. Брокгауза и Эфрона, XXXV полут., стр. 275). Городокъ расположенъ на рѣкѣ *Сыпъ*, иначе называемой *Ляпиной* (почему она и названа у Ламартиньера *la rivière de Papinougorod*), впадающей въ *Сосву* въ Березовскомъ округѣ; Сосва впадаетъ въ Обь. Кромѣ преданія, сохраненнаго кондинскими остяками (вогулами ляпинскаго нарѣчія) о своемъ происхожденіи отъ чуди пермской, есть историческія свидѣтельства, что въ XV столѣтіи они проникали до рѣки Выми (въ нынѣшнемъ Яренскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.).

Обращаясь къ прошлой исторіи этого края, мы находимъ мало данныхъ; извѣстно только, что въ 1499 г. Іоаннъ III предпринялъ походъ на Сибирь. Рать его, подъ предводительствомъ

князя Семена Ѳедоровича *Курбскаго* и князя Петра *Ушатаго*, двинулась изъ Устюга 21 ноября; 17 дней переходила „Каменный поясъ", т. е. Уральскія горы, достигла *Ляпина*, остяцкаго городка (нынѣ село *Ляпинское*, въ Кондинскомъ отдѣленіи Березовскаго округа), и завоевала всю землю Югорскую и Обдорскую. Съ того времени внесены въ царскій титулъ названія князя Югорскаго, Обдорскаго и Кондійскаго.

Объ этомъ же походѣ *Лерберъ* пишетъ:

„*Ляпино*, мѣстечко въ Березовскомъ округѣ, лежащее на Сыгвѣ, и теперь еще извѣстно. Оно упоминается также въ „Книгѣ Большаго Чертежа" стр. 316—317 и въ „Древн. Россійск. Идрографіи" стр. 227—228, гдѣ причисляется къ югорскимъ городамъ. Изъ Ляпина на встрѣчу русскихъ выѣхали югорскіе князья на оленяхъ. Они пришли съ Обдорска, а поелику, не смотря на это, называются они югорскими князьями, то изъ сего слѣдуетъ, что низовья Оби и Обдорская область тогда причислялись еще къ Югріи. Югорскіе князья съ Обдорска, кажется, пристали къ русскимъ. Ляпино завоевано, и отсюда войско пошло дальше; воеводы на оленяхъ, а прочіе на саняхъ, запряженныхъ собаками. Между тѣмъ, какъ главный корпусъ взялъ еще 32 укрѣпленныхъ мѣста въ этой землѣ, да въ нихъ слишкомъ 1000 человѣкъ изъ знатнѣйшихъ людей съ 50 князьями, удалось также и отряду, бывшему подъ начальствомъ Василія Ивановича Гаврилова, завладѣть 8 укрѣпленными пунктами и захватить въ плѣнъ столько же старшинъ. Всѣ признали верховную власть великаго князя; всѣ присягнули ему въ вѣрности, и побѣдоносные воеводы возвратились назадъ съ плѣнными князьями и въ 1500 г., на праздникъ Пасхи, прибыли благополучно въ Москву" (см. *Лерберъ*, Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи. СПБ. 1819. Статья о *Югріи*, стр. 14—15). Въ *Книгѣ, глаголемой Большой Чертежъ*, изд. Г. И. Спасскаго (М. 1846 г., стр. 207), написано: „А по Сосвѣ и по Сыгвѣ грады: а) съ верху на Сыгвѣ градъ *Юиль*, а съ другія страны, на низъ 30 верстъ,—*Мункусъ*, в) а ниже Мункуса 30 верстъ, — *Ляпинъ*. Ниже Ляпина 60 верстъ, на другой сторонѣ, на Сосвѣ,—*Искаръ*".

Въ 1714 г., по волѣ императора Петра В., знаменитый *Филоѳей Лещинскій* (тогда уже схимникъ Ѳеодоръ), митрополитъ Тобольскій и Сибирскій и апостолъ всего сѣвернаго поморья, началъ крестить инородцевъ, и къ 1722 г. всѣ кумирни были уже сожжены вмѣстѣ съ идолами, а инородцы окрещены на всемъ пространствѣ отъ Туринска до Ляпина. Въ новѣйшее время тутъ путешествовали мадьяръ *Регули* и финляндецъ *Альквистъ*, а также

декабристъ *Завалишинъ*. Послѣдній говоритъ, что „*Ляпино*, въ 300 верстахъ отъ Березова, съ хорошимъ воднымъ путемъ по Сосвѣ. Село (въ 1860 г.) *Ляпино*, въ 27 верстахъ отъ впаденія Сыгвы въ Сосьву. Въ древности тутъ былъ вогульскій городокъ, славившійся своей мѣновой торговлей. Ляпинская волость—инородческая. Въ ней считается по 10 переписи остяковъ 682 и самоѣдовъ 74. Женщины и дѣвки одѣваются, какъ и русскія крестьянки. Путь шелъ такъ: изъ Березова ѣздятъ зимой черезъ Уральскій хребетъ, по рѣкамъ Сосвѣ и Сыгвѣ и близь береговъ ихъ, въ деревню *Оранецъ* на Печорѣ“ (*Завалишинъ*, Описаніе Западной Сибири. Томъ I, стр. 295).

Лерберъ, ссылаясь на Г. Ф. Миллера, пишетъ: „представя себѣ эту, столь изобилующую драгоцѣнными мѣхами землю хотя два только столѣтія въ связи съ предпріимчивыми и дѣятельными новгородцами, должны мы полагать, что торговля произвела здѣсь сношенія, заставившія и другихъ сосѣдей принять въ оной участіе. Поэтому найдемъ мы очень вѣроятнымъ утвержденіе тамошнихъ жителей, что въ упомянутомъ Ляпинѣ были нѣкогда порядочныя русскія лавки, и что мѣсто это уже до XVI вѣка было извѣстно по торговлѣ, которая производилась тамъ, какъ въ складочномъ мѣстѣ товаровъ, русскими и зырянами, съ предками тамошнихъ природныхъ жителей“ (см. *Изслѣдованія*... СПБ. 1819. Стр. 3) Въ этомъ же сочиненіи, кстати сказать, приведена обширнѣйшая старая литература о нашемъ Сѣверо-востокѣ.

Современное состояніе этого пути таково:

Въ сѣверной полосѣ З. Сибири (Березовскій, Сургутскій округа и Нарымскій Край) до сихъ поръ отсутствуютъ всякія пути сообщенія, за исключеніемъ водныхъ и доступныхъ только зимой инородческихъ тропъ. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить зырянскія торговыя дороги и только что проложенный промышленниками путь отъ Сургута къ устью р. *Юрубея* въ Тазовской Губѣ. Зырянскихъ путей два: тотъ и другой ведутъ на р. *Усу* Архангельской губ., приблизительно къ одному мѣсту; одинъ изъ нихъ отправляется изъ *Обдорска*, другой — изъ села *Мужей*. Изъ другихъ торговыхъ путей сѣвера слѣдуетъ отмѣтить три развѣтвленія пути съ Оби: 1) у с. *Кондинскаго*, 2) у *Б. Атлымскихъ* юртъ и 3) при *Воронинскихъ* юртахъ къ с. *Гари*, Туринскаго округа, являющемуся главнымъ рынкомъ мерзлой рыбы для южной части (до с. *Чематъ*) Березовскаго края. Всѣ эти тропы проходимы, конечно, только въ зимнее время. Еще въ 1889 г. въ западной (пріуральской) части Березовскаго округа коммерціи совѣтникомъ Сибиряковымъ была предпринята постройка двухъ до-

рогъ на кратчайшихъ волокахъ между притоками Оби и Печоры, именно: 1) *Ляпинско-Печорскій* путь, шириной въ 3 саж., 2) южный *Илычско-Сосьвинскій*, шириной въ 6 саж., грунтовой. Но въ виду большихъ затратъ и отсутствія ощутительной выгоды, это предпріятіе до послѣдняго времени не было доведено до желаемаго конца, и означенныя дороги въ настоящее время отвѣчаютъ только условіямъ зимняго сообщенія (см. *Россія*, подъ ред. В. П. Семенова, изд. Девріена. СПБ. 1907. Томъ XVI, стр. 365). Едва ли не единственнымъ способомъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ является теперь то, что ляпинцы ѣздятъ на ярмарку въ Обдорскъ (отъ 20 декабря до половины января).

Весьма близко къ пути Ламартиньера прошелъ по порученію Сидорова *Кушелевскій*. Вотъ какъ описываетъ онъ „открытый“ имъ перевалъ черезъ Уралъ: „я развернулъ карту Стражевскаго и прочиталъ въ изданномъ имъ „Пайхоѣ“ путешествіе его по Уралу. Уныніе овладѣло мною при чтеніи: вездѣ описывались утесы, кратеры и величайшія препятствія въ путешествіи. Мысль, что я не найду удобнаго мѣста для дороги, ложилась свинцомъ на мою душу. Такъ какъ это было уже не первое препятствіе, встрѣчаемое мною во время странствованій по сѣверу Сибири, то, хладнокровно сѣвъ на нарту, запряженную пятеркой лихихъ оленей, пустился я въ путь. Олени, какъ бы сочувствуя моему желанію достигнуть какъ можно скорѣе цѣли, помчали меня во весь духъ и черезъ полчаса я былъ у подошвы Урала. Здѣсь я сталъ осматривать ущелья при рѣкахъ *Милькеѣ*, *Ларьюганъ* и другихъ и нашелъ, что одна изъ вершинъ рѣки *Войкара*, прорѣзавъ Уралъ, у береговъ своихъ образовала ровную долину, довольно возвышенную надъ уровнемъ воды. Слѣдуя этой долиной, заросшей небольшимъ лиственичнымъ лѣсомъ, я выѣхалъ на площадку, по которой вилась рѣчка, названная мною *Лирой*. Перейдя эту рѣчку и площадку и достигнувъ одной изъ вершинъ Войкара, ѣхалъ я берегомъ этой рѣки до такъ называемаго *Большого Урала*, покрытаго въ иныхъ мѣстахъ снѣгомъ. На Большомъ Уралѣ не видно было никакихъ слѣдовъ произрастанія“... „Слѣдуя прямо на западъ, дошелъ я до двухъ небольшихъ озеръ, изъ которыхъ бѣжали въ противуположныя стороны маленькіе ручьи, одни на западъ, а другіе на востокъ. Эти озера показали мнѣ, что я былъ на срединѣ Урала“. Тутъ, значитъ, былъ водораздѣлъ притоковъ р. *Усы* (притокъ Печоры) и р. *Войкара* (притокъ Оби).

Кушелевскій отмѣчаетъ нахожденіе тутъ многихъ сѣрнистыхъ ключей, такъ что однимъ изъ нихъ могъ быть и *Борсагачь* (см. ниже), не отысканный мною и упоминаемый Ламартиньеромъ (см.

Ю. И. Кушелевскій. Сѣверный Полюсъ и земля Ялмалъ. СПБ. 1868. Стр. 37 и 38, а также карту, приложенную къ книгѣ).

На приложенной къ главѣ XXXII bis картѣ также отчетливо видно положеніе *Ляпина*.

Въ виду особой важности пути между волоками рѣкъ Оби и Печоры,—пути, по которому проѣхалъ первый изъ европейцевъ Ламартиньеръ,—мы позволимъ себѣ привести здѣсь выдержку изъ брошюры вышеупомянутаго неутомимаго дѣятеля и изслѣдователя Сибири, *А. Сибирякова*. Остается глубоко сожалѣть, что труды и затраты Сибирякова не дали тѣхъ результатовъ, которыхъ мы вправѣ были бы отъ нихъ ожидать... Но въ этомъ, конечно, невиноватъ самъ Сибиряковъ, тратившій на осуществленіе любимой идеи свою огромную энергію и свой огромный капиталъ. Послѣ него начатое имъ дѣло государственной важности было оставлено, позабыто, и эта важная окраина Россіи по прежнему остается безъ дорогъ, почти въ той же первобытной неприкосновенности, въ которой засталъ ее Ламартиньеръ.

Выдержка и карта взяты нами изъ брошюры Сибирякова—*Къ вопросу о внѣшнихъ рынкахъ Сибири* (Тобольскъ. 1894). Въ ней авторъ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій не только по проложенію пути между бассейнами Печоры и Оби, но и далѣе на востокъ—между Обью, Енисеемъ, Леной и Амуромъ, съ выходомъ въ Тихій океанъ.

Планъ грандіозный, но вовсе не неисполнимый, какъ показываютъ работы самого Сибирякова и проложенные имъ, частнымъ человѣкомъ, безъ всякой поддержки правительства и общества, пути.

Мнѣ самому неоднократно приходилось касаться этого важнаго вопроса и писать о необходимости разработки и проведенія такихъ путей и, конечно, я имѣлъ успѣха не больше, чѣмъ Сибиряковъ и многіе другіе...

А. Сибиряковъ пишетъ (стр. 10 и слѣд.):

«Важный вопросъ этотъ требуетъ для своего рѣшенія всесторонняго и совершенно безпристрастнаго разсмотрѣнія, которое едва-ли возможно въ настоящее время. Одно время много говорили о морскомъ сообщеніи съ Сибирью, и этотъ вопросъ былъ очень популяренъ, но онъ не былъ рѣшенъ и былъ сданъ въ архивъ. Теперь снова заговорили на ту-же тему по поводу проведенія великой сибирской желѣзной дороги, которая, однако-же, по нашему мнѣнію, можетъ имѣть значеніе для Сибири только при улучшеніи водяныхъ путей сообщенія и устройствѣ на главныхъ волокахъ если не желѣзныхъ, то хотя-бы обыкновенныхъ грунтовыхъ дорогъ.

«Тамъ, гдѣ рѣки имѣютъ такія громадныя протяженія, какъ у насъ въ Европейской и Азіатской Россіи, онѣ, казалось-бы, и должны играть въ организмѣ страны подобающую имъ роль, если довести ихъ до возможнаго улучшенія и соединить каналами или, въ крайности, волока, раздѣляющіе ихъ, хорошими дорогами, чтобы дать, такимъ образомъ, выходъ произведеніямъ края къ морю, гдѣ они могутъ стать достояніемъ или послужить обмѣномъ на произведенія другихъ странъ. Въ Европейской Россіи водные пути извѣстны; такая артерія, какъ Волга съ ея системами водяныхъ сообщеній, едва ли можетъ быть сравниваема съ какою-либо желѣзною дорогою въ Россіи. Сибирь также богата своими водными путями; рѣки ея даже считаются первыми въ мірѣ, стало быть, естественно предполагать, что наша задача состоитъ въ томъ, чтобы ими пользоваться какъ должно и такъ-же, какъ и въ Европейской Россіи—если это необходимо—создать систему сообщеній, имѣющую своимъ выходомъ море.

«Что наступило время подумать объ этомъ—лучше всего доказываютъ прошлый и нынѣшній годы. Въ прошломъ году въ Западной Сибири и, преимущественно, на Оби было закуплено хлѣба до 15,000,000 пудовъ; для перевозки его въ Тюмени вновь было построено около двадцати пароходовъ, а все это случилось потому, что въ Европейской Россіи сдѣлался голодъ; такимъ образомъ, голодъ послужилъ для Сибири, нѣкоторымъ образомъ и на нѣкоторое время, источникомъ ея благосостоянія.

«Не разсуждая о томъ, насколько это нормально, мы спросимъ: а куда дѣваться съ своимъ хлѣбомъ Сибири, когда будутъ изобильные урожаи не только на Оби, но и на Иртышѣ, да и Европейская Россія не будетъ болѣе нуждаться въ сибирскомъ хлѣбѣ?

«Говорятъ, за Байкаломъ въ прошломъ году мука стоила 10 коп. пудъ; крестьяне стали находить невыгоднымъ для себя заниматься уборкой хлѣба, ссылаясь на то, что трудъ ихъ не оплачивается, и оставляли хлѣбъ не снятымъ; подобное явленіе можетъ произойти и на Оби, а между тѣмъ, тотъ-же продуктъ, если-бы для него открылся *внѣшній* сбытъ, могъ-бы составлять *жизнь* для края.

«Въ статьѣ „О волокѣ между Сосьвой и Илычемъ“, напечатанной въ № 42 „Сибирскаго Листка“ за нынѣшній годъ, я нѣсколько коснулся этого вопроса и старался указать путь, который, по моему мнѣнію, можетъ привести къ его рѣшенію. Путь этотъ лежитъ черезъ Сѣверный Уралъ и ведетъ къ конечнымъ пунктамъ: Архангельску и устью Печоры. Въ этой статьѣ я ука-

залъ два пути, ведущіе съ р. Илыча въ Сибирь, отъ устья Ляги: одинъ на Сѣверную Сосьву, другой на Лозьву. Первый путь приводитъ къ Оби, второй—къ Иртышу. Такимъ образомъ, волокъ этотъ между рр. Илычемъ и Сѣверной Сосьвой или Лозьвой и составляетъ собственно водораздѣлъ между Сибирью и бассейномъ рѣки Сѣверной Двины, если допустить,—на что есть много данныхъ,—что между Печорой и Вычегдой явится полная возможность провести каналъ, а именно: между двумя Мылвами, изъ которыхъ одна впадаетъ въ Печору, другая—въ Вычегду[1]). Съ устройствомъ подобной системы сообщеній, у насъ получается водный путь, идущій отъ озера Байкала до Урала и оттуда, черезъ незначительный перевалъ во сто съ небольшимъ верстъ, опять водный путь до Бѣлаго моря или устья Печоры.

«Такъ какъ навигація въ Архангельскѣ открывается рано, то товары, пришедшіе съ моря въ Архангельскъ, поспѣютъ притти оттуда по Вычегдѣ и каналомъ въ Печору и далѣе по Илычу, до пункта отправленія ихъ черезъ Уралъ, и такъ какъ перевалъ черезъ него не великъ, то они успѣютъ въ ту-же навигацію попасть въ Сибирь, даже такъ далеко, какъ Иркутскъ, или на Лену. Въ особенности путь этотъ будетъ имѣть громадное значеніе, по нашему глубокому убѣжденію, для вывоза сибирскихъ произведеній и продуктовъ за границу, потому что грузы, доставленные къ пристанямъ на Сосьвѣ или Лозьвѣ, легко могутъ быть перевезены къ пристанямъ на Илычѣ, откуда они пойдутъ *сплавомъ* до устья Печоры или г. Архангельска» [2]).

[1]) „Въ нынѣшнемъ году министерство государственныхъ имуществъ, какъ слышно, командировало особое лицо для изслѣдованія вопроса о вывозѣ печорскаго лѣса къ Архангельскому порту. Съ этою цѣлью былъ осмотрѣнъ волокъ между двумя Мылвами, Печорскою и Вычегодскою, и самыя рѣки – обѣ Мылвы, и оказалось, что, дѣйствительно, водораздѣлъ между ними весьма незначителенъ, обѣ рѣки легко могутъ быть весной судоходными; грунтъ волока большею частью песчаный, такъ что не представляется затрудненій для проведенія канала, тѣмъ болѣе, что мѣстность, большею частью, низменна. Вопросъ этотъ имѣетъ то значеніе въ отношеніи къ печорскому лѣсу, что съ устройствомъ канала предполагается направить часть печорскаго лѣса къ Архангельскому порту; но, я думаю, удобнѣе всего направить его, какъ и остальной печорскій лѣсъ, къ устью Печоры, гдѣ, конечно, требуется устроить портъ“.

[2]) „Обыкновенно устье Печоры бываетъ свободно отъ льда около половины іюля, но иногда гораздо ранѣе. Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, въ которыя мнѣ довелось плавать къ устью Печоры на пароходѣ „Норденшильдъ“, только въ 1884 и 1886 гг. было много льда на пути туда изъ Архангельска. Въ 1884 году ледъ лежалъ на мелеяхъ въ устьѣ Печоры все лѣто, въ 1886 г. онъ огибалъ островъ Колгуевъ, но путь къ Печорѣ былъ чистъ; остальные года море было совершенно свободно отъ льдовъ, если только держать курсъ сѣ-

Ляпинъ-печерскій волокъ.

Укажемъ еще на брошюру *И. С. Левитова*, „Сибиряковскій трактъ на Сѣверъ; докладъ, читанный въ Общ. Собр. Уральскаго О-ва Любителей Естествознанія 12 іюля 1887 г.“ (Екатеринбургъ. 1887). Тутъ этотъ вопросъ обстоятельно изложенъ, а также приложены карты. Кстати сказать, на картѣ Левитова путь идетъ именно около горы *Толпосъ*.

Глава XXXII. *Торговля, которую вели спутники автора датчане въ Папингородѣ; положеніе этого города, нравы и одежды сибиряковъ и московитовъ.*

Мы отдохнули 6 или 7 часовъ въ домѣ воеводы, который всталъ тотчасъ же, какъ только одинъ изъ слугъ доложилъ ему, что мы проснулись, и пришелъ насъ провѣдать въ нашу комнату; за нимъ слуга несъ бутылку водки: самъ онъ выпилъ большую чарку и насъ угостилъ. Затѣмъ онъ спросилъ, хотимъ ли мы купить его мѣха; приказчикъ отвѣчалъ утвердительно, попросивъ осмотрѣть ихъ всѣ, сторговался и уплатилъ деньги. Не имѣя больше мѣховъ самъ, воевода позвалъ нѣкоторыхъ обывателей, у которыхъ, какъ ему было извѣстно, были мѣха, и мы купили ихъ съ его разрѣшенія; послѣ этого намъ снова пришлось приняться за выпивку и куренье табаку.

Въ то время какъ нашъ приказчикъ съ подручнымъ были заняты торговлей, я пошелъ прогуляться по городу, который расположенъ въ красивой мѣстности, въ небольшой болотистой

вернѣе острова Колгуева, и вообще, путь къ устью Печоры слѣдуетъ считать отъ льдовъ свободнымъ. Такіе года, какъ 1884 и 1886, нужно разсматривать какъ исключеніе. Въ 1886 г. ледъ встрѣчался, вѣдь, и около Мурманскаго берега. Причина, почему Атлантическій океанъ въ этихъ мѣстахъ не имѣетъ или мало имѣетъ льдовъ, когда въ Карскомъ морѣ ихъ встрѣчается много, состоитъ въ томъ, что островъ Новая Земля служитъ ему естественной преградой отъ льдовъ. Далеко растянувшись въ прямомъ направленіи къ сѣверу, онъ хотя и имѣетъ небольшіе проливы, идущіе изъ Карскаго моря въ Атлантическій океанъ, каковы Югорскій шаръ, Карскія ворота, Маточкинъ шаръ, но они настолько узки, въ особенности первый и послѣдній, что не даютъ возможности чрезъ нихъ проникать много льду и, такимъ образомъ, Новая Земля, не смотря на свои проливы, остается надежной плотиной для его движеній, такъ какъ нужны особенно благопріятныя условія и вѣтры, чтобы льды направлялись съ моря въ океанъ проливами; большею же частью они скапливаются у ихъ входовъ и, вслѣдствіе имѣющихъ тамъ мѣсто приливовъ и отливовъ, только двигаются взадъ и впередъ, а иногда проливы Югорскій шаръ и Маточкинъ шаръ долго остаются закрытыми льдомъ и тѣмъ самымъ преграждаютъ ему ходъ въ океанъ. Только Карскія ворота, единственный широкій проливъ изъ Карскаго моря въ океанъ, бываютъ обыкновенно открыты и даютъ льду доступъ въ океанъ“.

котловинѣ, окруженной довольно высокими горами; подлѣ города протекаетъ очень красивая и рыбная рѣка; дома дурно построены, низки, всѣ сдѣланы изъ дерева и дерна, щели между бревенъ проконопачены мохомъ; а городская мостовая состоитъ изъ деревянныхъ пластинъ, плотно пригнанныхъ одна къ другой.

Важные обыватели этого города носятъ штаны, чулки, длинное платье, которое у нихъ спускается до пятъ, и узкіе рукава,—все изъ сукна, у однихъ—одного, у другихъ—другого цвѣта; обувь составляютъ кожаные сапожки, то синіе, то красные, то желтые, съ желѣзными подковками на каблукахъ, какъ у поляковъ, а на головѣ суконная шапка, отороченная то черной лисицей, то бѣлкой, то горностаемъ, а у нѣкоторыхъ соболемъ, какъ видно на рисункѣ 1. Что̀ касается женщинъ, то онѣ очень красивы, бѣлы и полны, съ темно-русыми волосами и, какъ всѣ московиты, очень привѣтливы; подобно своимъ мужьямъ, онѣ носятъ платье до пятъ изъ сукна краснаго, фіолетоваго или голубого цвѣтовъ, сшитое на подобіе полукафтанья, отороченное бѣлымъ лисьимъ или собольимъ мѣхомъ, съ длинными висячими рукавами, которые приколоты къ платью; другихъ рукавовъ, куда бы онѣ могли помѣстить свои руки, у нихъ нѣтъ, такъ какъ рукава ихъ рубашекъ необычайно длинны и каждый имѣетъ до 5 локтей длины; сшиты они изъ очень тонкаго полотна и собраны на рукахъ въ складки. На головѣ носятъ родъ овальнаго чепчика, а волосы заплетены въ косы, украшенныя лентами, которыя спускаются позади плечъ. Башмаки у нихъ изъ русскаго сафьяна; онѣ носятъ также пояса изъ жемчуга средней величины, какъ видно на рисункѣ 2.

Что̀ касается до родившихся въ Сибири, то они не очень отличаются отъ самоѣдовъ, борандайцевъ и другихъ сѣверянъ, какъ по нравамъ и костюму, такъ и по образу жизни.

Всѣ московиты—николаисты по религіи; они грузны, крѣпки, подвижны, ловко стрѣляютъ изъ лука и вовсе не придирчивы (не

сутяги): такъ какъ законы ихъ основаны на полномъ равенствѣ, то они сурово наказываютъ предателей, воровъ и убійцъ; они довольно невѣжественны, любостяжательны, любятъ выпить, мужиковаты и столь ревнивы, что запираютъ своихъ женъ, какъ плѣнницъ, въ комнаты (терема), не позволяя имъ выходить безъ разрѣшенія: а послѣднія до такой степени порабощены, что не смѣютъ показать никакого знака расположенія чужестранцу, и увѣрены, что мужья ихъ не любятъ, если не поколачиваютъ время отъ времени.

Глава XXXII bis. *Отъѣздъ автора изъ Пангингорода въ обратный путь чрезъ Самоѣссію на датскіе суда; нравы, образъ жизни, одежда и другія особенности самоѣдовъ.*

Нашъ торгъ окончился и мы купили порядочное количество шкуръ волчьихъ, бѣлыхъ и черныхъ лисицъ [1]), рысей, соболей, горностаевъ и бѣлокъ; все это съ мѣхами, купленными на пути отъ Почоры сюда, составило грузъ болѣе, чѣмъ однихъ саней. Такъ какъ у насъ осталось еще много табаку и около 5000 дукатовъ деньгами, то нашъ уполномоченный и подручный хотѣли пустить ихъ въ оборотъ и купить мѣховъ, почему и рѣшили обратный путь на корабли совершить черезъ *Самоѣссію* (Samojessie). Для этой цѣли мы купили у нашего хозяина-воеводы водки и провизіи, по разсчету на 12 дней. Покончивъ съ покупками, напявъ оленей и расплатившись, мы устроили въ заключеніе съ хозяиномъ пирушку, которая длилась болѣе 10 часовъ; послѣ этого мы соснули около 8 часовъ, и такъ какъ олени были запряжены, товары запакованы и уложены вмѣстѣ съ провизіей, то, поблагодаривъ нашего хозяина, отправились въ путь и быстро ѣхали около 17 часовъ, покупая мѣха у сибиряковъ, вплоть до горъ Рифейскихъ [2]), которыя мы перевалили въ 6 часовъ и пріѣхали въ *Самоѣссію*, страну совершенно пустынную, гористую, поросшую можжевельникомъ, сосною, елью, обильную мохомъ, а также и снѣгомъ, со множествомъ волковъ, медвѣдей, совершенно бѣлыхъ лисицъ (песцовъ), которыхъ мы ежеминутно встрѣчали въ пути, но теперь уже ничуть не боялись.

При спускѣ съ горы *Столпохенъ* (Stolpochen) (1), изъ которой вытекаетъ источникъ *Борсагачъ* (Borsagatz) (2), мы встрѣтили 8 или 9 хижинъ, куда и направились, какъ для того, чтобы выпасти

---

[1]) Подъ *бѣлою лисицей* вездѣ слѣдуетъ разумѣть *песца*. В. С.

[2]) Такъ назывался въ древности *Уральскій хребетъ*. В. С.

тутъ оленей, такъ и для того, чтобы отдохнуть самимъ. У жителей деревеньки мы вымѣняли на водку шкуры волковъ, лисицъ— бѣлыхъ и черныхъ, а также бобровъ, выдръ, россомахъ (*Vielfras* вм. Vielfras), нѣсколько шкурокъ горностаевъ и сверхъ того свыше двухъ сороковъ соболей, которыхъ они намъ ни за что̀ не хотѣли продавать, не смотря на всяческія убѣжденія нашего проводника-борандайца, увѣрявшаго, что имъ нечего бояться: мы-де купцы, ѣдемъ прямо на корабли, насъ не будутъ досматривать нигдѣ, такъ какъ мы не встрѣтимъ по дорогѣ ни одной станціи, ни одной таможни. Они ничего не хотѣли слушать, пока мы не напоили ихъ допьяна; тогда они намъ продали собольи шкурки, ибо винные пары имѣли надъ ними бо̀льшую силу, чѣмъ все краснорѣчіе нашего борандайца. Мы легли спать въ одной изъ хижинъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, хозяйкой и дѣтьми, въ повалку, какъ звѣри, на медвѣжьихъ шкурахъ; черезъ 5 или 6 часовъ я проснулся отъ шума, который поднялъ хозяинъ, сзывая своихъ домочадцевъ, которые встали и вышли наружу.

Любопытство заставило меня посмотрѣть, куда они идутъ, и я увидалъ, какъ позади хижины они становились на колѣни, поднимая руки къ небу и покланяясь солнцу, которое они почитаютъ за Бога.

Самоѣды (3) еще коренастѣе, чѣмъ лапландцы и борандайцы, имѣютъ также довольно большія головы, лицо плоское, носъ шире и курносый; они не имѣютъ почти никакой растительности (на лицѣ) и землистый цвѣтъ (лица). Одежда мужчинъ состоитъ изъ круглой курчавой шапки, какъ бы сдѣланной изъ бараньей шкурки, изъ штановъ и верхняго платья изъ шкуръ бѣлыхъ медвѣдей, доходящаго только до колѣнъ, подпоясаннаго ниже живота поясомъ въ 4 пальца ширины; чулки и башмаки изъ той же кожи, шерстью вверхъ; на башмаки надѣваютъ они родъ коньковъ изъ древесной коры (лыжи), длиною въ два фута, на подобіе гондолы; на нихъ они очень быстро двигаются по снѣгу, котораго такъ много на горахъ. Они

носятъ, вродѣ манто, черную шкуру со всѣми четырьмя лапами, которую накидываютъ чаще на лѣвое плечо, чѣмъ на правое, а поверхъ этой шкуры повѣшенъ колчанъ, какъ вы видите на рисункѣ 1.

Женщины самоѣдскія еще болѣе безобразны, чѣмъ мужчины; онѣ крайне слабосильны, но очень заботятся обучить своихъ дѣтей ловкости на охотѣ, которою они живутъ, а не чему-нибудь другому. Одѣты онѣ такъ же, какъ мужчины, только верхнее платье немного длиннѣе, да не имѣютъ накидокъ на плечахъ; головной уборъ совершенно такой же, но волосы заплетаютъ въ одинъ пучокъ (косу), перевязанный внизу лентой изъ древесной коры, и она свѣшивается у нихъ на спину; онѣ ходятъ на охоту, наравнѣ съ мужчинами, вооруженныя луками и стрѣлами, какъ вы видите на рисункѣ 2.

Примѣчанія:

1. *Столпохенъ*, — это, безъ сомнѣнія, гора *Толпосъ*, или *Телпосъ-изъ*, въ верховьяхъ р. Щугура, праваго притока Печоры. По поводу Рифейскихъ горъ Герберштейнъ говоритъ, что „во владѣніи князя московскаго можно замѣтить только однѣ эти горы (которыя онъ называетъ *Semnoi poyas — Cingulus mundi*); вѣроятно, это тѣ, которыя у древнихъ слыли Рифейскими и Гиперборейскими горами. Онѣ постоянно покрыты снѣгомъ и льдомъ, и переходъ черезъ нихъ труденъ. На одну изъ вершинъ этой цѣпи горъ, называемую *Столпомъ* (Stolp), то есть колонной, русскій воевода князь Семенъ *Курбскій* взбирался 70 дней и все же не могъ достигнуть вершины ея. Она вдается въ океанъ и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры“ (см. у *Замысловскаго*, стр. 128—129). Нетрудно видѣть, что это описаніе Герберштейна еще болѣе „диковинно“, однако, никто его не обвинялъ за это, а Ламартиньеру поставили въ вину его безхитростное описаніе...

Далѣе, *Замысловскій* говоритъ (стр. 131): „на лѣвой сторонѣ р. Щугура, который служилъ для русскихъ путеводною нитью въ великую низменность сѣверной Азіи, возвышается одна изъ высочайшихъ вершинъ Урала — *Телпосъ-изъ* или *Непубы-перъ*, простирающаяся до 5000 футовъ высоты. Путь черезъ Уральскій хребетъ отъ р. Щугура къ юртамъ Ляпинскимъ, на р. Сыгвѣ или Ляпинѣ, гдѣ нѣкогда находился городокъ Ляпинъ, описанъ въ соч. *Топографическое описаніе сѣвернаго Урала и его рѣкъ* (1847—1848). [См. Зап. Р. Геогр. О-ва, кн. VI, 1852 г., стр. 309—313]“.

Вообще, Замысловскій (стр. 131—135) подробно доказываетъ, что гора „Столпъ“ есть таже самая, что̀ *Телпосъ-изъ*.

Герберштейнъ, какъ извѣстно, при описаніи этихъ мѣстъ, кромѣ распросовъ, руководствовался русскимъ дорожникомъ—„Указатель пути въ Печору, Югру и къ рѣкѣ Оби“. Въ этомъ дорожникѣ помѣчена между прочимъ рѣка *Sibut*, которую *Небольсинъ*, въ соч. «Покореніе Сибири» (Отеч. Зап. т. LX, стр. 236), принимаетъ за *Сыву*, на которой стоитъ городокъ *Ляпинъ* (ср. также „Книга Большому Чертежу“, по изд. 1846 г., стр. 207 и 292).

Толпосъ есть высочайшая точка всего Урала (65° 55′ с. ш.), достигающая 5530 футъ, лежитъ тотчасъ южнѣе перевала, на старой Ляпинской дорогѣ, по которой ѣхалъ Ламартиньеръ; тутъ же верховья р. Щугура. Хорошіе рисунки горы Толпосъ есть въ *Живописной Россіи*, т. VIII, часть 2, стр. 11, 13, 15 и 17. Ипполитъ *Завалишинъ* такъ описываетъ это мѣсто: „Уралъ идетъ къ сѣверо-востоку довольно высокой и скалистой цѣпью, гдѣ проходъ становится невозможнымъ и горы обнажены отъ всякой растительности. На самомъ сѣверномъ Уралѣ, подъ 66° 42′ с. ш., находится высочайшая, послѣ Толпоса, гора *Пай-Яръ*—„камень хозяинъ“, имѣющая до 3300 фут. надъ уровнемъ океана (Толпосъ долженъ быть около 65° с. ш.)“.

Говоря объ этихъ мѣстахъ, о. *Веніаминъ* пишетъ: „по *Усъ* (правый притокъ Печоры) перебирались прежде на небольшихъ лодкахъ въ Обь; сначала плыли по притоку Усы, *Ельцу*, потомъ коекакъ перетаскивались черезъ десятиверстный наволокъ и затѣмъ по рѣкѣ *Сывъ* достигали Оби“.

А вотъ его же описаніе мѣстныхъ теплыхъ ключей: „У рѣчки *Каменной*, или *Полой*, верстахъ въ двухъ отъ р. *Хырмора*, бьютъ теплые ключи. Подлѣ перваго ключа, съ южной стороны, возвышается крутая каменная скала, частью изъ известковаго камня, частью изъ глино-песчаника, вышиною перпендикулярно около 25 саж. Разсѣлины камня первой породы наполнены окаменѣлостями самыхъ мелкихъ улитокъ. По одной изъ этихъ разсѣлинъ быстро бѣжитъ маленькая рѣчка *Каменная*, или *Полая;* по сторонамъ ея, между высокими скалами *Адака*, на пологихъ мѣстахъ, покрытыхъ сверху наносною землею, растутъ изрѣдка мелкій ельникъ, можжевельникъ, красная смородина и ива, также тысячелистникъ, золототычинникъ и др. травы. Изъ подъ самой скалы, на лѣвой сторонѣ рѣчки, вытекаетъ ключъ теплой воды; пониже его, саженъ черезъ 50, изъ той же скалы бьютъ еще два другіе ключа и, соединясь въ одинъ ручеекъ, впадаютъ въ рѣку *Полую*. Такъ какъ ключи текутъ по ущельямъ скалы, а родники ихъ скрываются подъ скалою, то теплота въ нихъ умѣренная. Ниже этихъ ключей, на правой сторонѣ, сажень черезъ 90 отъ перваго ключа,

на берегѣ, подлѣ самой рѣчки, бьетъ серебристыми пузырьками четвертый ключъ, котораго теплота гораздо выше. Вода въ ключахъ на видъ чистая и прозрачная, а на вкусъ солено-кислая и имѣетъ сѣрный запахъ; степень теплоты ея немного ниже той, какая бываетъ въ горячей водѣ; по разложенію въ Архангельской

врачебной управѣ, она оказалась *сѣрно-селитрянаго* свойства (см. Вѣстн. И. Р. Г. О-ва, 1855, кн. 3, статья о. *Веніамина*, стр. 92—95).

Къ сочиненію *Замысловскаго* приложена карта (современная) воднаго пути XV—XVI в. отъ рѣки С. Двины до р. Оби (2), на

которой ясно показано сближеніе верховьевъ притоковъ Печоры съ верховьями Оби.

Извѣстный дѣятель по изученію Сибири *М. К. Сидоровъ* между прочимъ представилъ на Всероссійскую мануфактурную выставку 1870 г. „*топазъ съ горы Толпозъ*“ [1]) [см. *М. Сидоровъ*, Сѣверъ Россіи. М. 1870, стр. 541].

Въ заключеніе, прилагаю часть карты, снятой *Д. Юрьевымъ* и находящейся въ указанномъ выше Замысловскимъ „Топографическомъ описаніи Сѣвернаго Урала“. Это описаніе издано и отдѣльно, подъ названіемъ: *Топографическое описаніе Сѣвернаго Урала*, изслѣдованнаго Уральскою экспедиціей въ 1847 и 1848 г.г., соч. *Д. Юрьева*. СПБ. 1852. 4°, и даетъ очень цѣнныя данныя по вопросу о положеніи мѣстностей, посѣщенныхъ Ламартиньеромъ.

2. Ручей *Борсапачъ* не отысканъ мною. Очевидно, это—одинъ изъ ручьевъ, во множествѣ текущихъ въ этой мѣстности, котораго названіе теперь измѣнено на какое-нибудь другое.

3. О самоѣдахъ существуетъ цѣлая литература; относительно происхожденія слова *самоѣдъ* см. подробности у архимандрита *Веніамина*, въ вышеуказанномъ его сочиненіи, стр. 98 и сл. У него же подробно сказано и о древнѣйшихъ названіяхъ самоѣдовъ.

Глава XXXIII. *Отъѣздъ автора изъ Борандая на Новую Землю; о встрѣчѣ съ толпой новоземельцевъ, покланяющихся солнцу, и о другихъ двухъ, покланяющихся деревянному идолу, называемому фетишо.*

Проѣхавъ Самоѣдскую и возвратясь въ Борандай, къ нашимъ товарищамъ, ожидавшимъ насъ съ нетерпѣніемъ, мы перебрались на суда, а черезъ 2 часа всѣ подняли якоря и пошли въ открытое море, взявъ курсъ на Новую Землю (1), куда мы и прибыли черезъ 20 часовъ; у одной мѣстности увидали мы толпу людей, человѣкъ въ 30, съ луками на спинахъ, опустившихся на колѣни на берегу моря и покланяющихся солнцу; это обстоятельство побудило нашихъ капитановъ и приказчика держать совѣтъ, какъ имъ поступить, чтобы завязать торговыя сношенія съ этими людьми, которые имъ казались еще болѣе дикими, чѣмъ прочіе. Для этой цѣли они рѣшили спустить въ море три шлюпки, съ 10

[1]) Названіе этой горы очень неустойчиво: одни пишутъ *Телпосъ*, другіе—*Толпосъ*, третьи—*Толпозъ*. Объясняется это тѣмъ, что въ самоѣдскомъ языкѣ существуетъ своеобразный звукъ *тль (tl)*, который русскому очень трудно произнести, а еще труднѣе изобразить на письмѣ.

человѣками въ каждой, хорошо вооруженными, чтобы оборониться въ случаѣ нападенія, и я былъ также назначенъ въ эту поѣздку. Мы направились къ берегу и когда остановились примѣрно на четверть льё, всѣ эти дикари, стоявшіе на колѣняхъ, выпрямились, принялись кричать, выстрѣлили въ насъ изъ луковъ и побѣжали, какъ лани, преслѣдуемыя охотникомъ, но никого изъ насъ не ранили, такъ какъ стрѣляли слишкомъ издалека.

Высадившись на берегъ, мы бросились туда, куда, казалось намъ, они скрылись, въ надеждѣ кого-нибудь захватить, но намъ не удалось этого сдѣлать, такъ какъ они пропали изъ виду и нельзя было даже опредѣлить, въ какую сторону они побѣжали; но это не помѣшало намъ итти до самыхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ; мы углубились еще дальше въ страну, и тутъ мы увидали на пригоркахъ (sur des butes вм. *buttes*) срубленныя деревья, обтесанныя ввидѣ человѣческихъ фигуръ, вырѣзанныхъ очень грубымъ рельефомъ, а предъ одной изъ этихъ статуй, примѣрно на льё впереди, мы увидали двухъ дикарей на колѣняхъ и съ оружіемъ на землѣ, которые ему покланялись; замѣтивъ насъ, они вскочили и убѣжали, какъ и тѣ, которыхъ мы видѣли раньше молящимися солнцу, на берегу моря.

Мы побѣжали изо всѣхъ силъ, стараясь ихъ догнать, но они достигли сосноваго лѣсу (и скрылись) столь ловко, что мы не могли узнать, въ которую сторону они удалились, а возвращаясь на суда, мы замѣтили издали еще двоихъ, покланявшихся такому же идолу, какъ изображено на слѣдующемъ рисункѣ, которыхъ новоземельцы называютъ *фетицо* [fetizot] (2) и въ которыхъ вселяется дьяволъ, дающій прорицанія, какъ намъ сообщилъ нашъ капитанъ.

Примѣчанія:

1. Островъ *Новая Земля* расположенъ между 70 и 77 параллелями с. ш. и на 51,5° вост. долг. отъ Гринвича. Такъ называемымъ *Маточкинымъ Шаромъ* Н. Земля раздѣляется между 73 и 74 параллелями на два острова, изъ которыхъ сѣверный почти въ

два раза больше южнаго. Въ длину, съ юга на сѣверъ, островъ простирается слишкомъ на 1000 верстъ, а въ ширину занимаетъ, въ среднемъ, около 200 верстъ. Н. Земля составляетъ какъ бы дальнѣйшее продолженіе Уральскихъ горъ—хребта *Пай-Хоя*; между нею и сѣверными отрогами послѣдняго лежитъ островъ *Вайгачъ*, такой же гористый, какъ и Н. Земля.

Крестининъ говоритъ про этотъ островъ слѣдующее: „новгородцы, древніе обладатели россійскаго сѣвера, знали Н. Землю въ первомъ на десять вѣкѣ. Мнѣніе сіе доказывается извѣстнымъ по рукописному Новгородскому Лѣтописцу походомъ новгородскаго начальника Улеба или Глѣба, предпріятымъ въ лѣто 6540 (1032) за *Желѣзные Ворота*. Не возможно сіи послѣднія слова принимать въ свойственномъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что подъ именемъ Желѣзныхъ оныхъ Воротъ надлежитъ разумѣть морскіе проливы сѣвера, Желѣзными Воротами именуемые даже до нынѣ. Въ Бѣломъ Морѣ находятся двои Желѣзныя Ворота, однѣ таковыя же на Ледовитомъ Океанѣ. Первыя Ворота, находящіяся между Сѣвернымъ мысомъ *Мудьюжнаго* о-ва и твердою землею, составляютъ узкій проходъ въ мелководный заливъ Бѣлаго моря, называемый *Сухое Море*; вторыя Ворота находятся въ срединѣ Бѣлаго Моря, между Соловецкими о-вами и островомъ, называемымъ *Муксома*, лежащимъ отъ Соловокъ къ востоку; третьи Ворота находятся между о-вомъ Вайгачемъ и Н. Землею. Окрестности мѣстъ и древнія обитательства полунощныхъ народовъ не допускаютъ насъ относить предпринятый Глѣбомъ походъ къ Бѣломорскимъ Желѣзнымъ Воротамъ, но по древнимъ приключеніямъ Великоновгородцевъ вѣроятнѣе кажется, что старинный ихъ дѣлъ писатель признаетъ за Желѣзныя Ворота Вайгачьскій проливъ Ледовитаго моря (Несторова Лѣтопись, по печатному списку, стр. 145—146). Симъ проливомъ по морю или въ ближнемъ онаго по землѣ продолжали свой походъ Новгородцы въ Югорскую Землю, изъ которыя получали они драгоцѣнныя кожи сибирскихъ звѣрей“ (см. *Ежемѣсячныя Сочиненія*, ч. XIX, стр. 41 слѣд.).

О. *Молчановъ* (op. cit.) также говоритъ о „жителяхъ“ Н. Земли. Выше я указывалъ на сообщеніе *Витсена*, что Петръ I думалъ тутъ построить даже крѣпость. Во всякомъ случаѣ, на Н. Землѣ могли быть жители, если не постоянные, то временные,—самоѣды-промышленники или самоѣды, пришедшіе сюда поклониться своимъ главнымъ идоламъ, что̀ дѣлалось всегда весной, какъ свидѣтельствуютъ другіе изслѣдователи. Такимъ образомъ, упрекать Ламартиньера въ томъ, что онъ „выдумалъ“ жителей якобы необитаемой Н. Земли, нѣтъ никакого основанія.

2. Вѣроятно, просто — *фетишъ*. Этимъ терминомъ впервые назвали идоловъ африканскихъ дикарей мореплаватели XVI вѣка *Мунго Паркъ* и *Пигафетта*. Относительно этихъ идоловъ *Энгельгардтъ* говоритъ: „на берегу Карскаго моря (Н. Земля) отецъ *Іона* (извѣстный миссіонеръ, живущій постоянно на этомъ островѣ, съ которымъ и велъ бесѣды г. Энгельгардтъ) водрузилъ крестъ съ надписью: „Освятися и водрузися крестъ сей на поклоненіе православнымъ христіанамъ", въ память уничтоженія имъ на этомъ мѣстѣ послѣдняго идола (см. *Русскій Сѣверъ*, стр. 182). Значитъ, такіе идолы существовали на Н. Землѣ до самаго конца XIX столѣтія. Жаль только, что наши миссіонеры уничтожали этихъ идоловъ: ихъ надо бы не уничтожать, а тщательно сохранять въ музеяхъ, какъ богатый этнографическій матеріалъ... Тотъ же авторъ („*Русскій Сѣверъ*", стр. 235), говоритъ: „о будущей жизни самоѣды, повидимому, не имѣли никакого представленія". Энгельгардтъ, какъ и Ламартиньеръ, ошибается: инородцамъ вовсе не чуждо представленіе о загробной жизни. Такъ, г. *Гондатти* говоритъ: „со смертію, по вѣрованіямъ инородцевъ, жизнь не прекращается вполнѣ, такъ какъ начинается другая въ подземномъ царствѣ, обставленная извѣстными условіями". (Подробнѣе см. въ его статьѣ *Слѣды язычества у инородцевъ С.-З. Сибири*, стр. 38 и сл.). *Палласъ* и *Миллеръ* также описываютъ самоѣдовъ, покланяющихся солнцу; но Миллеръ (стр. 79) говоритъ, что самоѣды вѣрятъ въ переселеніе душъ и загробную жизнь. Далѣе *Энгельгардтъ* пишетъ: «*Хеги* (боги) бываютъ двухъ родовъ: искусственные и естественные; первыхъ дѣлали сами самоѣды, ввидѣ грубыхъ подобій человѣка, а вторыми служили куски камня, дерева или другіе предметы природы, находимые самоѣдами въ тундрѣ и почему-либо годные, по ихъ богословскимъ понятіямъ, служить богами... Но были и другіе хеги, которые принадлежали цѣлому народу и ставились при такихъ урочищахъ, гдѣ самоѣды собирались въ большомъ количествѣ для промысла звѣрей, для рыбной ловли и пастьбы оленей; они обыкновенно состояли изъ скалъ и камней, похожихъ фигурою на человѣка. По образцу уже этихъ кумировъ самоѣды ставили деревянныхъ, большихъ и малыхъ боговъ, которыхъ называли *сядеями*. Группа такихъ деревянныхъ „сядеевъ" была найдена въ 1856 году въ южной части о. Вайгача, а съ ними вмѣстѣ и фигуры двухъ главныхъ самоѣдскихъ идоловъ—„Весако" (старикъ) и „Хадако" (бабушка)». Къ сожалѣнію, авторъ не сообщаетъ судьбы этихъ группъ идоловъ; вѣроятно, ихъ также уничтожили.

Баренцъ также подробно описываетъ этихъ идоловъ. Онъ разсказываетъ, что матросы унесли одного идола („грубо сдѣланную

статую") къ себѣ на корабль; одинъ изъ самоѣдовъ бросился на корабль и настойчиво требовалъ возвращенія идола. Въ концѣ концовъ, статую ему возвратили. Тогда онъ помѣстилъ ее на небольшое возвышеніе на берегу, и затѣмъ вскорѣ сталъ устанавливать ее въ сани (см. *У Полюса*, стр. 75).

Н. Л. Гондатти указываетъ, что даже теперь (значитъ, 200 слишкомъ лѣтъ послѣ Ламартиньера) замѣчено тоже обыкновеніе у инородцевъ: „идолы общественные преимущественно вырѣзываются въ деревьяхъ, продолжающихъ еще расти; идолы же домовые и частные представляютъ изъ себя часто просто совершенно необдѣланныя палочки, обернутыя шкурками или платками" (op. cit., стр. 16).

Любопытно сравнить, какъ „ученые" французы-спеціалисты, даже черезъ 100 лѣтъ послѣ Ламартиньера, трактовали самоѣдскую религію: „Les Samoyèdes ont dans leur moral des singularités aussi grandes qu'en physique. Ils ne rendent aucun culte à l'Etre suprême; ils approchent du Manichéisme ou plutôt de l'ancienne religion des Mages en ce seul point, qu'ils reconnoissent un bon et un mauvais principe" (*Dictionnaire des Sciences.* Paris. 1765, p. 603).

Теперь самоѣды—„добрые христіане"... по наружности, но еще въ 1744 г. они грабили остяковъ, и четыре ихъ князька повѣшены за это въ Обдорскѣ и Ляпинѣ. *Гельвальдъ* говоритъ: „Въ Россіи они (самоѣды) и прочіе инородцы считаются православнаго вѣроисповѣданія, въ Швеціи и Норвегіи протестантскаго, но во многомъ придерживаются еще своихъ языческихъ повѣрій, *даже есть слѣды фетишизма*" (см. *Въ области вѣчнаго льда*. Изд. Суворина. СПБ 1886. 8°. стр. 113).

И. Завалишинъ говоритъ: „главный богъ у самоѣдовъ *Нумъ*, и они молятся ему, глядя на солнце. Выдолбивъ на растущемъ деревѣ изображеніе лица, кланяются ему, называя его *Хае*, намазываютъ ему губы оленьей кровью и приговариваютъ: „ѣшь оленя" (см. *Описаніе Зап. Сибири*. М. 1862. Томъ I, стр. 289). Островъ Вайгачъ они считаютъ священнымъ, называя его *Хаіадея*—страна кумировъ (тамъ же).

О религіи самоѣдовъ этой мѣстности очень подробно говоритъ арх. *Веніаминъ* (op. cit., стр. 114 и сл.). Онъ указываетъ, что самое древнее и самое чтимое ихъ языческое мольбище было на островѣ Вайгачѣ, а другое на Канинской Землѣ (стр. 122). Тутъ же описывается варварское, съ научной точки зрѣнія, истребленіе самоѣдскихъ идоловъ, въ которомъ, къ сожалѣнію, принималъ дѣятельное участіе и этотъ ученый монахъ.

О *фетишизмѣ* вообще см. у *В. Н. Харузиной*, Курсъ Этно-

графіи (Лекціи, читанныя въ М. А. Институтѣ. Москва. 1909. Стр. 271 и сл.), но главнымъ образомъ двѣ спеціальныя монографіи: 1) *Jacolliot*, Fétichisme, polythéisme, monothéisme. Paris. 1876. 8° и 2) *Fritz Schultze*, Der Fetischismus. Leipzig. 1871. 8°. Лучшая оцѣнка книги *Schultze* принадлежитъ *C. P. Tiele*, Max Müller und Fritz Schultze über ein Problem der Religionswissenschaft. Leipzig. 1871. 8°.

Глава XXXIV. *О болѣзни, называемой скорбутъ, которою заболѣлъ авторъ и большая часть датчанъ, съ коими онъ находился.*

Черезъ 7 или 8 часовъ по прибытіи моемъ на корабль, у меня сильно заболѣла голова и началась рвота, которая продолжалась 2 или 3 часа. Послѣ того у меня заболѣло горло, такъ что я съ трудомъ могъ глотать, такъ какъ железы сильно распухли; это сопровождалось сильнымъ повышеніемъ температуры (ébulution de sang) и зудомъ во всемъ тѣлѣ; десны мои распухли и изъ нихъ обильно сочилась кровь; зубы расшатались, и мнѣ казалось, что они сейчасъ выпадутъ, а это мѣшало мнѣ ѣсть что-либо твердое. Все мое тѣло невѣроятно ослабло, сдѣлалась изнурительная лихорадка, дыханіе стало отрывисто, а изо рта шелъ дурной запахъ, и при этомъ чувствовалась сильная жажда. Чтобы утолить ее, я часто пилъ подкисленную воду съ сахаромъ. Черезъ 15 часовъ, видя что болѣзнь не проходитъ, я рѣшилъ, что это произошло отъ страшнаго холода, которому я подвергался, и отъ питанія соленымъ мясомъ: это раздражило мокротную железу и отравило ее до такой степени, что эта мокрота (слизь) заразила всѣ другія жидкости въ моемъ тѣлѣ.

Я рѣшилъ пить, вмѣсто подкисленнаго питья, водку съ водой, приготовилъ также лакричный сиропъ, котораго выпивалъ черезъ часъ по столовой ложкѣ, и не ѣлъ ничего, кромѣ свѣжей рыбы, часто полоща ротъ то водкой, то уксусомъ, чтобы укрѣпить десны, а зубы чистилъ розовымъ медомъ. Большая часть людей на нашемъ кораблѣ заболѣла той же болѣзнью, что̀ и я; ихъ я лѣчилъ тѣми же средствами и столь удачно, что черезъ пятнадцать дней я выздоровѣлъ, а также и всѣ мои паціенты.

Команды двухъ остальныхъ кораблей также не избавились, подобно намъ, отъ этой болѣзни, такъ что тамошніе хирурги должны были, для излѣченія заболѣвшихъ, блеснуть своей наукой и стали употреблять слабительныя и кровопусканія, что̀ вмѣсто исцѣленія вызвало ухудшеніе, такъ что въ шесть дней на одномъ кораблѣ умерло два матроса, а на другомъ—три и подручный при-

казчикъ, и умерло бы много больше, если бы не послѣдовали моему совѣту—лѣчить тѣми же средствами, которыми я пользовался, и не отказались отъ кровопусканій и слабительныхъ, которыя при этой болѣзни равносильны человѣкоубійству. Тоже самое замѣчаніе можно сдѣлать о французскихъ медикахъ во время зимней эпидеміи 1670 г., когда болѣзнь эта, благодаря жестокому холоду, поражала многихъ и была принята ими за чуму, отъ которой умерло много народу, благодаря слабительнымъ и кровопусканіямъ.

Въ бытность мою въ Алжирѣ многіе страдали отъ болѣзни, которая также называется скорбутъ; у заболѣвшихъ железы столь сильно распухали, что имъ казалось, будто у нихъ въ горлѣ находится кусокъ мяса. Симптомы этой болѣзни были тѣ же самые, что и у только-что описанной: она сопровождалась ѣдкою и злокачественною мокротою, которая заразила другія жидкости и въ особенности массу крови, точно такъ же, какъ кровь заражается при сифилисѣ; эта болѣзнь напоминаетъ ту, которую индусы называютъ *pieans* (1). Все это и заставило меня лѣчить пораженныхъ этою болѣзнью, какъ сифилитиковъ; это можно видѣть изъ моей „Исторіи Алжирскаго государства, Коки и Тетуана“ (*Histoire de l'estat des Royaumes d'Alger, de Couque, et de Tetuan*) [2], а также въ моемъ „Трактатѣ о венерической болѣзни“ (*Traitté de la Maladie Venerienne*).

Примѣчанія:

1. *Pieans.* Я не могъ опредѣлить, про какую болѣзнь индусовъ говоритъ тутъ Ламартиньеръ. Но извѣстно, что среди негровъ и метисовъ Африки свирѣпствуетъ часто болѣнь *піанъ*, не заражающая бѣлыхъ, по общему мнѣнію. Однако, оказалось, что если европеецъ вступалъ въ половое сношеніе съ негритянкой, больною піаномъ, то всегда заражался сифилисомъ; и наоборотъ, европейскій сифилитикъ всегда переносилъ на негритянку ядъ въ формѣ піана (см. *Крживицкій*, Физическая антропологія. Пер. съ польскаго. Спб. 1900. Стр. 43).

2 Какъ видно изъ этихъ словъ, трудъ этотъ былъ напечатанъ; но намъ его не удалось найти, и даже біографъ Ламартиньера *Eyriès* объ немъ совершенно не упоминаетъ.

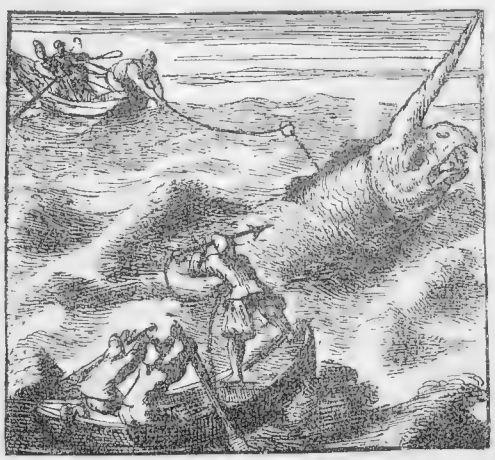
Глава XXXV. *Объ охотѣ на морскую лошадь и о гибели двухъ матросовъ, которые были утоплены ударомъ хвоста подобной рыбы.*

Мы оставались на якорѣ 15 или 16 дней у береговъ Н. Земли для поправленія здоровья больныхъ, и когда всѣ, за немногими исключеніями, поправились, капитаны, видя благопріятную погоду, рѣ-

шили сняться съ якоря и итти къ острову *Вайгачу* (Voygatt), на охоту за *вальрусомъ* (Wal-Rus), который есть рыба, называемая нами „*морская лошадь*“ (cheval marin) [1]. Мы отошли въ открытое море льё на три и начали ходить изъ стороны въ сторону, не удаляясь далеко другъ отъ друга, и спустили на воду шлюпки съ гарпунщиками и свѣжевальщиками рыбы, по 8 человѣкъ на каждой, считая гребцовъ.

Прошло трое сутокъ, а мы еще ничего не поймали; наконецъ, мы увидали двухъ огромныхъ рыбъ, изъ которыхъ одна имѣла рогъ изрядной длины, и наши рыбаки рѣшили ихъ добыть. Приблизившись на разстояніе полета брошеннаго камня, гарпунщики кинули свои гарпуны, одни съ одной стороны, другіе—съ другой, потравливая веревки, къ которымъ гарпуны были привязаны, и осторожно выбирая эти веревки потомъ, какъ вы видите на рисункѣ.

Приближаясь къ судну и видя, что рыба плаваетъ поверхъ воды, что̀ было доказательствомъ ея слабости, они подтягивали ее мало-по-малу за веревки, къ которымъ были привязаны гарпуны;



рыба спокойно подавалась, такъ какъ обезсилѣла отъ потери крови; свѣжевальщики принялись за свое дѣло и отрубили ей голову, которую мы сберегли, а остальную тушу бросили въ море, такъ какъ она не была годна ни въ пищу, ни на выварку ворвани: за этой рыбой только и охотятся ради ея клыковъ, которые служатъ для всевозможныхъ подѣлокъ, какъ слоновая кость, и даже продаются на вѣсъ много дороже послѣдней, какъ по причинѣ бѣлизны, превосходящей бѣлизну слоновой кости, такъ и потому, что издѣлія изъ этой кости не такъ скоро желтѣютъ, какъ сдѣланныя изъ слоновой кости.

Добытый нами рыбій рогъ былъ 10 слишкомъ футовъ длины, очень тяжелый, скрученный спиралью, толщиной у основанія въ руку, и поднимался на головѣ рыбы кверху, постепенно утончаясь и оканчиваясь остріемъ, какъ игла.

Одна шлюпка очень близко подошла ко второй рыбѣ, и когда брошенный гарпунъ только ранилъ ее, рыба такъ сильно

ударила хвостомъ по шлюпкѣ, что перевернула ее; другія шлюпки не успѣли во время подойти на помощь, и двое матросовъ утонули. Это насъ сильно огорчило. Рыба была поймана, ей отрѣзали голову, какъ первой; я видѣлъ ее часа 3 или 4 спустя послѣ поимки: у ней не было рога, но за то клыки были гораздо толще.

Потомъ мы ходили еще слишкомъ 4 дня въ открытомъ морѣ, ничего не встрѣчая, и только что хотѣли было перемѣнить мѣсто, какъ замѣтили четырехъ рыбъ, которыя показались еще крупнѣе, чѣмъ ранѣе убитыя нами. Мы перемѣнили паруса, спустили шлюпки съ гарпунщиками и прочими нужными людьми. Трехъ рыбъ мы убили, а четвертая спаслась, но рыбы, подтянутыя къ кораблю рыбаками, оказались безъ роговъ. Черезъ 12—13 часовъ, опять замѣтивъ 5 такихъ рыбъ, мы спустили тотчасъ шлюпки съ гарпунщиками и необходимымъ числомъ людей и пытались захватить рыбъ, особенно одну, которая была съ рогомъ; сколько ни старались мы и всѣ остальные, намъ удалось добыть только двухъ, а остальныя три, въ числѣ которыхъ была и рогатая, ушли. Часа черезъ 2—3 послѣ этого мы вновь замѣтили еще трехъ, за которыми погнались наши гарпунщики и добыли одну, которая была подтянута къ судну; у ней оказалась столь большая голова, что каждый изъ ея огромныхъ клыковъ вѣсилъ отъ 29 до 30 фунтовъ.

Черезъ 2 дня, опять замѣтивъ 7 или 8 подобныхъ рыбъ, между которыми одна была съ рогомъ, мы спустили въ море всѣ наши шлюпки и были такъ счастливы, что добыли пять штукъ, между которыми была одна съ рогомъ. Рогъ былъ такой же, какъ у первой, но не столь тяжелый и толстый, и длиною не болѣе 7 футовъ.

Потомъ мы ходили еще дней 5, ничего не замѣтивъ, а когда подулъ сѣверо-сѣверо-западный вѣтеръ, мы поставили всѣ паруса, чтобы итти къ проливу *Вайгачу* (Voigatt) и думали его пройти, если это удастся; но, войдя внутрь пролива примѣрно на 35 льё, мы не рѣшились двинуться дальше, по причинѣ большого количества льда и ледяныхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, которыя называются *Патеноторъ* (les Patenotres) [2] и закрываютъ проходъ между Сѣвернымъ моремъ и Большимъ Татарскимъ моремъ (3), чрезъ которое, если бы удалось туда проникнуть, можно было бы сдѣлать на три четверти короче путь въ Великую Индію (aux grandes Indes), чѣмъ по нашему океану; потому-то онъ и называется „Вайгачъ“, что значитъ на нашемъ языкѣ „глухой переулокъ, тупикъ“ (cul de chemin ou cul de sac=дно мѣшка), отъ *Weig*—дорога и *Gatt*—мѣшокъ (4).

Примѣчанія:

1. Вѣроятно, авторъ подъ этой *рыбой* подразумѣваетъ извѣстное морское животное — *нарвала*, морского единорога (*Monodon monoceros L.*). Ламартиньеръ описываетъ его довольно неопредѣленно, а приложенный рисунокъ также неточно изображаетъ нарвала. Главная ошибка—это въ вопросѣ о „рогѣ“: во-первыхъ, если у нарвала есть рогъ, то нѣтъ такихъ тяжелыхъ „зубовъ“, какіе описываетъ авторъ; во-вторыхъ, рогъ этотъ гораздо хуже и дешевле слоновой кости, уже по одному тому, что онъ—*полый* внутри и годится, слѣдовательно, только на мелкія подѣлки. Потомъ представляется страннымъ, почему тушу животнаго бросали, когда въ ней прекрасный жиръ, а мясо съѣдобно? Если же авторъ описываетъ не нарвала, то мы не знаемъ, кого: ни моржъ, ни тюлень, никакое другое животное сѣверныхъ морей рѣшительно не подходитъ къ его описанію, хотя бы потому, что они не имѣютъ „рога“.

Впрочемъ, надо помнить, что во всемъ, что̀ касается животныхъ видовъ, нельзя говорить: „этого не было“. Мы знаемъ теперь множество *вымершихъ* видовъ, не только не похожихъ ни на одинъ изъ существующихъ, но и такихъ, самое существованіе которыхъ трудно было вообразить. Ниже я указываю по книгѣ *Гетчинсона* на истребленіе птицъ додо, отшельника, большого пингвина. Но тотъ же *Гетчинсонъ* въ числѣ древнихъ ископаемыхъ (см. стр. 443) упоминаетъ про „остатки страннаго *нарвала* съ длинными копьеобразными клыками, которые были найдены въ Норфолькѣ, въ *льсномъ* слоѣ“. Русскій сѣверъ въ то время былъ такъ же мало извѣстенъ, какъ и Австралія въ XVI или XVII в.в. Разъ доказано, что въ Австраліи только около этого времени истребили послѣднихъ представителей многихъ интересныхъ животныхъ, то тоже самое явленіе вполнѣ возможно и для нашего сѣвера. Китообразныя же, особенно если они могли сойти за миѳическаго „единорога“, должны были вызвать особо сильное преслѣдованіе; это доказывается самой экспедиціей Ламартиньера и товарищей его: большую часть своего короткаго плаванія они посвящаютъ именно охотѣ „за единорогомъ“, очевидно считая его особой драгоцѣнностью и рѣдкостью. При такихъ условіяхъ немудрено, что если и были когда-нибудь „зубатые нарвалы“, ихъ давно истребили.

За рисунокъ единорога, приложенный къ книгѣ Ламартиньера, ему особенно много доставалось отъ позднѣйшихъ критиковъ его путешествія. Я, конечно, не думаю защищать его и утверждать,

что именно такое чудовище онъ и видѣлъ: слишкомъ оно странно и „ни на что̀ не похоже“, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ.

Но всетаки странно, что Ламартиньеръ, близко видѣвшій описываемое имъ животное, зарисовалъ его такимъ, а не другимъ: сознательно лгать, съ цѣлью ввести кого-нибудь въ заблужденіе, ему едвали была надобность: достаточно было нарисовать теперешняго нарвала, тогда мало извѣстнаго и принимаемаго за „единорога“, чтобы и тѣмъ сильно заинтересовать современниковъ. Напротивъ, во всемъ, что касается миѳическаго единорога и его диковинныхъ свойствъ, Ламартиньеръ именно первый и проявилъ удивительную трезвость: онъ смѣло и доказательно опровергаетъ величайшихъ авторитетовъ своего времени и говоритъ такія смѣлыя слова: никакого единорога нѣтъ и никакихъ чудесныхъ свойствъ его рогъ не имѣетъ.

Развѣнчивая единорога, онъ не имѣлъ основанія и рисовать его въ видѣ несуществующаго страшилища. Нашъ сѣверъ того времени былъ именно такимъ, недоступнымъ человѣку угломъ, гдѣ и могли долго сохраняться послѣдніе представители „нарваловъ съ зубами“.

О какихъ-то „касаткахъ съ рогомъ“ упоминаетъ *Крестининъ:*

«Главныя морскія животныя Н. Земли суть киты, длиною отъ 10 до 30 саж., *свирѣпыя касатки*, *вооруженныя рогомъ*, длиною въ 2 и въ 5 саж.“ (*Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія*, ч. XIX, генварь 1788 г., стр. 22, статья *Василія Крестинина* [а не С. Крестинина, какъ цитируетъ *Литке*], подъ заглавіемъ: «Географическое извѣстіе о Н. Землѣ полуночнаго края»).

2. То мѣсто Урала, гдѣ переваливалъ его Ламартиньеръ, называется у самоѣдовъ, по словамъ Ковалевскаго, *Пае-Неръ*, что̀ значитъ „владыка горъ“. Поэтому Ламартиньеръ и называетъ Уралъ—то Ураломъ, то горами *Рифейскими* (какъ дѣлали это древніе географы), то *Патенотръ*, передѣлавъ это слово, очевидно, изъ *Пае-неръ* самоѣдовъ. Можно привести и еще одну догадку:

Штурманъ *Ивановъ*, впервые обслѣдовавшій мѣстность около Варандея и сдѣлавшій эту работу очень тщательно, записавъ самоѣдскія названія урочищъ (чего, къ сожалѣнію не дѣлали другіе изслѣдователи), упоминаетъ о „Лѣтковшинѣ“—самоѣдскомъ родѣ, который „живетъ къ ЮВ. отъ острова Варандея, за горами, называемыми, по имени нѣкоего самоѣда *Питки*,—*Питковъ Камень* (*Литке*, ч. II, стр. 237).

Эти горы—ближайшія, которыя увидѣлъ Ламартиньеръ, сойдя на берегъ. Позволю себѣ высказать догадку: не есть ли его „Патеностеръ“ *Питковъ Носъ* или *Питковъ островъ*? На картѣ эти

горы Ламартиньеръ называетъ *Патеноть*, а въ текстѣ *Патеностръ*, и протягиваетъ ихъ,—конечно, ошибочно,—поперекъ всѣхъ проливовъ, которые онъ считаетъ „непроходимыми".

Если моя догадка справедлива, то сдѣлается понятнымъ, почему *Питковъ Камень*, или *Питковъ Носъ*, являющійся продолженіемъ системы Уральскаго горнаго хребта, Ламартиньеръ счелъ за тѣ же горы, которыя онъ видѣлъ на Вайгачѣ и на Н. Землѣ: горы этихъ острововъ, по строенію и виду, совершенно тѣ же, что̀ и Уральскія и являются продолженіемъ Уральскаго хребта.

3. Очевидно, *Татарскимъ моремъ* Ламартиньеръ называетъ *Карское* и дальнѣйшую часть С. Ледовитаго океана, у береговъ Сибири.

4. Среди безбрежнаго океана льдовъ покоятся послѣднія звенья Уральскаго хребта: таковы Вайгачъ и Н. Земля—этотъ вѣчный оплотъ противъ нетающихъ ледяныхъ массъ; оторванные проливами, они представляютъ собой острова, съ высотами до 4000 футъ, которые удерживаютъ направленіе берегового кряжа Урала—*Пай-Хоя*.

Геологически доказано, что строеніе горъ этихъ острововъ совершенно тожественно съ Ураломъ и Пай-Хоемъ и что Уралъ,—хотя и прерывается тутъ проливами,—проходитъ подъ поверхностью моря. Такимъ образомъ, Ламартиньеру, видѣвшему Уралъ, горы Вайгача и Н. Земли, замѣтившему сплошное скопленіе высокихъ ледяныхъ горъ въ проливахъ, вполнѣ естественно могло показаться, что тутъ нѣтъ никакого прохода, а находится сплошной материкъ. Этимъ и объясняется его заблужденіе.

Глава XXXVI. *Смѣлость горныхъ медвѣдей на о. Вайгачѣ; поимка нѣсколькихъ птицъ, которыхъ датчане называютъ пингвинами.*

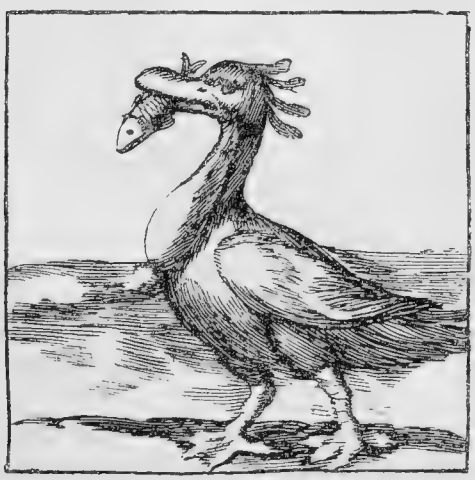
Черезъ 5 или 6 часовъ послѣ того, какъ мы бросили якорь, одинъ матросъ отправился на берегъ для естественной надобности; вдругъ, сзади къ нему подошелъ медвѣдь, ударомъ лапы повалилъ его и, безъ сомнѣнія, растерзалъ бы, если бы мы тотчасъ же не замѣтили его. Дали по нему выстрѣлъ изъ ружья и попали столь удачно, что медвѣдь упалъ мертвымъ на мѣстѣ, а матросъ такимъ образомъ спасся, набравшись большого страху. Немного погодя, на одинъ изъ нашихъ кораблей пытались забраться два медвѣдя; одному изъ нихъ отрубили топорами переднія лапы, когда онъ карабкался на бортъ, а другой убитъ изъ ружья. При видѣ этого побоища, одинъ матросъ началъ такъ кричать, точно его самого принялись драть медвѣди; и въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ

трехъ медвѣдей, подплывшихъ къ нашему судну, уже взобрался къ намъ на бортъ: это вынудило насъ живо схватиться за весла и палки, которыми мы его убили, а другихъ застрѣлили изъ ружей. Мы уже думали, что они больше не придутъ, но ошиблись, ибо, 5 или 6 часовъ спустя, мы увидали 8 либо 10 медвѣдей, идущихъ по льду и собирающихся переплыть полынью у нашихъ судовъ; мы приготовили ружья, а когда они очутились близко и готовы были считать насъ своей добычей, мы выстрѣлили по нимъ столь мѣтко, что ни одинъ не ушелъ.

Множество этихъ животныхъ, которыя все спускались съ съ горъ, какъ бы объявивъ намъ войну, напугало насъ: мы подняли якоря и вернулись туда, откуда пришли (1).

Пройдя около 15 часовъ при восточномъ вѣтрѣ съ большимъ трудомъ, по причинѣ льдовъ, чтобы выбраться изъ пролива, мы бросили якорь около одного острова, очень живописнаго, зеленѣвшаго отъ мховъ, сосенъ и можжевельника; кой-кто изъ нашихъ, сойдя на берегъ, увидали тамъ птицъ, которыя были столь жирны, что съ трудомъ могли летать, и тотчасъ сообщили намъ объ этомъ. Это побудило меня съ 40 человѣками команды, какъ съ нашего, такъ и съ прочихъ судовъ, сойти на берегъ для охоты за этими птицами. Часть ихъ мы перестрѣляли изъ ружей, часть перебили палками, (всего) около 60 штукъ, которыхъ и принесли на суда.

Эти птицы, которыхъ нашъ капитанъ назвалъ пингвинами (2),



не болѣе лебедя ростомъ, но въ нѣсколько разъ толще и также бѣлыя; шея у нихъ столь же длинная, какъ у гуся, а голова много больше, глаза красные и блестящіе, величиной въ 15-сольдовую монету; клювъ острый, буро-желтоватый и лапы такого же цвѣта, перепончатыя (fermez), какъ у гуся; онѣ снабжены чѣмъ-то вродѣ мѣшка, около фута длиною, который начинается подъ клювомъ и тянется вдоль шеи до груди, расширяясь книзу, и такимъ образомъ сильно смахиваетъ на порожній горшокъ, внутри котораго онѣ сохраняютъ пищу, когда сыты, чтобы ѣсть ее по мѣрѣ надобности, какъ вы видите на слѣдующемъ рисункѣ.

Чтобы употребить ихъ въ пищу, мы принуждены были ободрать съ нихъ шкуру, такъ какъ она была столь жестка, что только съ великимъ трудомъ можно было щипать перья; мясо однако очень хорошо, такого же вкуса, какъ мясо дикихъ утокъ, и очень жирно; мы ѣли его съ большимъ удовольствіемъ.

Примѣчанія.

1. Въ 1596 г. Баренцъ принужденъ былъ зазимовать на Н. Землѣ; въ числѣ прочихъ бѣдствій, перенесенныхъ его экспедиціей, онъ отмѣчаетъ особенную назойливость бѣлыхъ медвѣдей, нападавшихъ на людей. Этому не надо удивляться, такъ какъ въ наше время, при современномъ оружіи, Энгельгардтъ (*Русскій Сѣверъ*, стр. 189) описываетъ такой случай: «Въ Карманкулахъ (Н. Земля), медвѣдь однажды взобрался по сугробу на крышу зданія, гдѣ живетъ фельдшеръ; на крышѣ этого дома прикрѣпленъ былъ для украшенія черепъ оленя съ рогами, который, вѣроятно, и привлекъ вниманіе медвѣдя, и онъ, желая полакомиться олениной, не задумался взлѣзть на крышу, но, найдя только черепъ и рога и предполагая, что самый олень находится подъ крышею, принялся ее разламывать».

2. Капитанъ, на ученый авторитетъ котораго напрасно такъ часто ссылается авторъ, впалъ и тутъ въ ошибку: птица эта никоимъ образомъ не могла быть пингвиномъ (сем. *Spheniscidae* или *Aptenodytidae*, отрядъ *Impennes*, *Ptilopteri* и *Sphenisciformes*), во-первыхъ, потому, что рѣшительно ни одинъ видъ пингвиновъ не водится въ сѣверныхъ моряхъ: всѣ пингвины—обитатели исключительно южнаго полярнаго моря. Во-вторыхъ, ни описаніе, ни рисунокъ не походятъ на пингвина. Но что̀ самое главное, пингвинъ не имѣетъ мѣшка, про который пишетъ Ламартиньеръ. Его описаніе и рисунокъ болѣе подходятъ къ *пеликану*, иначе *птица-баба*, отряда веслоногихъ (*Pelecanus*); но я сомнѣваюсь, чтобы и пеликаны были въ такомъ огромномъ числѣ въ этихъ широтахъ. Считать же эту птицу гагарой также нельзя: у гагары нѣтъ мѣшка.

Все-таки это очень любопытное мѣсто: дѣло въ томъ, что теперь на Сѣверѣ нѣтъ птицъ, подобныхъ описанной. Но натуралистамъ извѣстны многія птицы, истребленныя человѣкомъ, именно въ XVI и XVII столѣтіяхъ: додо, отшельникъ и др. и между прочимъ—*большой пингвинъ* на сѣверѣ Европы. Въ интересной книгѣ *Гетчинсона* „Вымершія Чудовища“ (русск. перев. М. А. Павловой, подъ редакціей проф. А. П. Павлова, на стр. 344 и сл). подробно описываются какъ европейскіе пингвины, такъ и время ихъ истребленія.

Теперь является вопросъ: не имѣли ли нѣкоторыя изъ этихъ птицъ, называемыхъ Ламартиньеромъ пингвинами, также и мѣшка, какъ у пеликановъ? Надо замѣтить, что подробнаго описанія, а главное—точныхъ рисунковъ исчезнувшихъ птицъ не имѣется. Отъ самыхъ исчезнувшихъ птицъ уцѣлѣли только нѣкоторыя кости, которыя и считаются рѣдкими музейными предметами. Въ виду же того, что Ламартиньеръ даетъ прекрасный рисунокъ этой птицы, не подходящій ни къ одной изъ теперь существующихъ, любопытно бы было выяснить: существовали ли такія птицы, или онѣ—плодъ его фантазіи?

Глава XXXVII. *О новоземельцѣ, который опасался, что его захватятъ датчане, съ коими находился авторъ; о другомъ новоземельцѣ и новоземельской женщинѣ, захваченныхъ въ челнокъ, и объ устройствѣ этого челнока.*

Оставаясь въ теченіе 2 сутокъ на якорѣ около того острова, гдѣ мы охотились на пингвиновъ, мы дождались благопріятнаго восточно-юго-восточнаго вѣтра, снялись съ якоря и взяли курсъ на сѣверо-сѣверо-западъ; но черезъ нѣсколько часовъ по выходѣ изъ пролива, вѣтеръ перемѣнился и заставилъ насъ плыть вдоль береговъ на востоко-сѣверо-востокъ, до высокаго мыса, куда мы и прибыли черезъ 30 часовъ; это было недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы уже стояли на якорѣ и видѣли новоземельцевъ, покланяющихся солнцу, какъ я выше говорилъ.

Его величество, король Даніи, приказалъ нашимъ капитанамъ и приказчику, если они увидятъ жителей Н. Земли, попытаться привезти ему нѣсколько человѣкъ, чтобы разузнать отъ нихъ, что дѣлается въ ихъ странѣ; поэтому мы бросили тутъ якорь и спустили на море шлюпки, чтобы отправиться на поиски: для этой цѣли назначили 30 человѣкъ въ 4 шлюпкахъ, и меня въ томъ числѣ.

Только что мы отвалили отъ кораблей, какъ увидали, на разстояніи около $^1/_2$ льё отъ берега, одного новоземельца въ челнокѣ (canoe, вм. *canot*), который, замѣтивъ, что мы идемъ къ нему, принялся грести съ такою силой, что намъ невозможно было его настичь; достигнувъ земли, онъ необычайно проворно (avec une promptitude et d'exterité, вм. *dextérité*) поднялъ свою лодку на одно плечо, забралъ въ другую руку свой лукъ, дротикъ и съ колчаномъ за спиной пустился бѣжать, какъ вы видите на прилагаемомъ рисункѣ.

Выйдя на берегъ, мы побѣжали за нимъ къ холму, по которому онъ поднялся; но такъ какъ онъ былъ проворнѣе насъ, то мы не могли его догнать и, потерявъ *его* изъ виду, вернулись къ шлюпкамъ, досадуя, что упустили добычу. Возвращаясь на суда, мы увидѣли въ открытомъ морѣ двухъ туземцевъ которые, замѣтивъ насъ, стали грести къ мысамъ и подводнымъ камнямъ, чтобы за ними скрыться; замѣтивъ это, мы налегли на весла и догнали ихъ, хотя они и гребли изо всѣхъ силъ къ одному утесу, гдѣ мы ихъ окружили, а они, видя себя въ плѣну, подняли невѣроятный крикъ. Мы доставили ихъ къ нашему кораблю, на который ихъ подняли на веревкахъ вмѣстѣ съ челнокомъ,—устроеннымъ въ формѣ гондолы, длиною отъ 15 до 16 футъ, шириною $2^1/_2$,—сдѣланнымъ очень искусно изъ рыбьихъ костей и кожи; внутри кожа была сшита такимъ образомъ, что получался какъ бы мѣшокъ отъ одного конца челнока до другого; внутри такого челнока они были укрыты по поясъ, такъ что вовнутрь лодки не могла попасть ни единая капля воды, и они могутъ такимъ образомъ выдерживать вполнѣ безопасно всякую непогоду (1). Мы увидали, что одинъ изъ нашихъ плѣнниковъ былъ мужчина, а другой—женщина, и прилагали всѣ усилія, ласкали ихъ, увѣряли въ нашихъ добрыхъ намѣреніяхъ, чтобы узнать, гдѣ ихъ жилища; но ничего не добившись [отъ нихъ], мы взяли провизіи на нѣсколько дней и высадились на берегъ, въ числѣ 30 человѣкъ, хорошо вооруженные. Мы раздѣлились на двѣ партіи, удаленныя одна отъ другой шаговъ на сто, скрываясь въ пещерахъ подъ скалами, разставивъ караульныхъ подлѣ деревьевъ въ укромныхъ мѣстахъ; послѣдніе должны были подсмотрѣть, не придетъ ли сюда кто изъ дикарей: тогда можно было бы схватить кого-нибудь и заставить его показать ихъ жилища.

Примѣчанія.

1. Описывая самоѣдскіе челноки, *Бѣлявскій* точно повторяетъ Ламартиньера и говоритъ, что, забравшись въ такой челнокъ и

натянувъ до средины тѣла внутреннюю его кожу, стянутую на манеръ дамскихъ ридикюлей, самоѣдъ не боится не только выходить въ тихую погоду, но даже въ бурю (см. стр. 258). Этотъ же авторъ даетъ и рисунокъ челнока, очень схожій съ Ламартиньеровскимъ.

Глава XXXVIII. *Захватъ еще одного новоземельца и туземки; объ ихъ одеждѣ, вооруженіи и образѣ жизни.*

Прошло почти два дня, какъ мы стояли на сторожѣ (au guay, вм. *au guet*); наконецъ, наши караульные дали намъ знать, что они замѣтили двухъ туземцевъ, спускающихся съ холма и направляющихся къ морю. Шестеро [изъ нашихъ] остались въ пещерѣ, пятеро другихъ направились со мной въ другую, немного подальше, и черезъ $^1/_4$ часа выслѣженные дикари уже проходили между нашими двумя пещерами, немного пониже насъ и не замѣчая насъ. Одинъ изъ нашихъ выстрѣлилъ на воздухъ, чтобы предупредить остальныхъ и заставить дикарей остановиться. Когда же они приблизились къ другой пещерѣ, откуда всѣ вышли, мы ихъ окружили, такъ что имъ некуда было бѣжать, и мы схватили ихъ.

Ихъ одежда была сшита изъ шкурокъ пингвина (1), перьями наружу, плотно облегая тѣло, и состояла изъ очень узкихъ штановъ, доходящихъ только до колѣнъ, и изъ камзола, рукава котораго доходили только до локтей, а остальная часть рукъ оставалась голой; камзолъ сзади и спереди спускался на-нѣтъ, въ видѣ хвоста; шапки были въ формѣ сахарной головы, а сапоги изъ шкуры морской коровы (veau marin = тюленьи), коричневато-краснаго цвѣта, шерстью вверхъ. Мы распознали, хотя они и были одѣты одинаково, въ одномъ мужчину, а въ другомъ женщину; мужчина былъ не старше 24 лѣтъ; лицо у него, какъ и у всѣхъ прочихъ [туземцевъ], было очень широкое, смугло-коричневое, носъ—курносый и широкій, маленькіе (узенькіе) глаза приподняты къ вискамъ; бороды и волосъ [на головѣ]

не было; за плечами у него висѣлъ колчанъ, полный стрѣлъ; боевой топоръ изъ рыбьей кости онъ держалъ одною рукою на плечѣ, а въ другой рукѣ—лукъ, какъ вы видите на рисункѣ 1.

Женщина была лѣтъ двадцати; волосы у нея заплетены въ двѣ косы, спускающіяся на плечи; черезъ весь подбородокъ проведены были голубыя линіи и три или четыре линіи шли по лбу; уши и ноздри были проколоты и въ нихъ на колечкахъ изъ рыбьей кости были подвѣшены голубые камни, причемъ подвѣски въ ушахъ были величиной въ крупный лѣсной орѣхъ, а та, что висѣла подъ носомъ—въ горошину; въ одной рукѣ она держала копье, какъ видите на рисункѣ 2.

Мы дѣлали все возможное, чтобы заставить ихъ указать свои жилища, но ничего отъ нихъ не добились, какъ и отъ раньше захваченныхъ вмѣстѣ съ лодкой. Мы были вынуждены отвести дикарей на судно и помѣстили ихъ вмѣстѣ съ другими, которыхъ они узнали, сколько мы могли примѣтить, хотя первые не были одѣты въ перья, но цѣликомъ въ шкуру морской коровы, шерстью вверхъ; ихъ камзолы состояли изъ двухъ шкуръ, сшитыхъ вмѣстѣ, причемъ хвосты шкуръ спускались внизъ до ляжекъ, одинъ спереди, а другой сзади, а штаны были очень узки. Старшій изъ туземцевъ, на видъ лѣтъ 50, имѣлъ круглую бороду темнорусаго цвѣта, но безъ волосъ на головѣ; женщина была лѣтъ 30, носъ и уши одинаково проколоты и въ нихъ также подвѣшены голубые камни; волосы заплетены въ 2 косы, висящія по плечамъ, а голубыя линіи виднѣлись на подбородкѣ и на лбу; тѣ и другіе были одинаково безобразны, малы ростомъ, коренасты, какъ самоѣды, лапландцы, борандайцы и сибиряки; рѣчь ихъ была очень писклива (fort gresle), а изо рта скверно пахло, потому что они ѣдятъ только мясо безъ соли и рыбу, обмакнутую въ ворвань; пьютъ они только воду; мы не могли заставить ихъ съѣсть хоть немножко хлѣба, солонины и соленой рыбы, или выпить пива; водки они еще выпили немного, но рѣшительно не выносили запаха табаку.

Нитками имъ служили полоски рыбьей кожи; иголки, которыми они шили, были сдѣланы изъ рыбьихъ реберъ (arrestes de poisson, вм. *arêtes*), а наконечники копій и стрѣлъ—изъ рыбьихъ костей, какъ и всѣ вообще ихъ инструменты.

Древки копій и луковъ сдѣланы изъ тяжелаго дерева коричнево-краснаго цвѣта, а стрѣлы изъ дерева гораздо болѣе легкаго и болѣе свѣтлаго цвѣта, и все это покрыто узорами (tous cannetans).

Глава XXXIX. *Отъѣздъ датчанъ, съ которыми былъ авторъ, съ Н. Земли въ Данію; о прибытіи ихъ въ Грёнландъ (1), объ охотѣ на кита и о томъ, какъ добываютъ изъ него жиръ.*

Благопріятное время подходило къ концу, такъ какъ былъ уже конецъ августа: дни стали уменьшаться, ночь примѣтно увеличилась на полчаса, холодъ понемногу усиливался; все это заставило насъ поднять якоря и, пользуясь попутнымъ сѣверо-сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, мы взяли курсъ на юго-западъ. Черезъ нѣсколько часовъ плаванія вѣтеръ перемѣнился на юго-юго-восточный, что̀ заставило и насъ перемѣнить курсъ на сѣверный, чтобы скорѣе достигнуть береговъ, вдоль которыхъ мы шли подъ этимъ вѣтромъ до Грёнланда, гдѣ противный западо-юго-западный вѣтеръ заставилъ насъ бросить якорь [лечь въ дрейфъ] по близости множества французскихъ и голландскихъ судовъ, стоявшихъ около берега для ловли китовъ. Охота на кита производится тѣмъ же способомъ, что̀ и на морскую лошадь (на нарвала): его подтягиваютъ ближе къ берегу, а когда онъ тутъ уснетъ, его рѣжутъ на куски для добыванія сала и вытапливаютъ изъ него китовый жиръ въ [особыхъ] котлахъ, подлѣ хижинъ, устроенныхъ ловцами вдоль морского берега. Это было очень кстати для нашихъ дикарей съ Н. Земли, чтобы вернуть имъ аппетитъ, который они начали терять, такъ какъ за два дня до этого у насъ вышелъ рыбій жиръ, и намъ нечего было давать имъ, во что̀ бы они могли макать [сухую] рыбу, выдаваемую имъ для ѣды.

Я видѣлъ, какъ обдѣлывали [свѣжевали] одного кита, изъ коего извлекли болѣе 350 фунтовъ китоваго уса, который портные употребляютъ на изготовленіе планшетокъ и фижмъ (busques et corps d'habit).

Примѣчаніе.

1. Относительно „Грёнланда“ автора см. ниже, въ другомъ мѣстѣ. Очевидно, датчане шли около Шпицбергена. Интересующимся Шпицбергеномъ можно указать очень хорошую книжку профессора университета св. Владиміра *А. Коротнева*, „Поѣздка на Шпицбергенъ“ (Кіевъ 1898); въ ней же указана и ученая литература объ этомъ островѣ. Изъ другихъ сочиненій, не спеціальнаго характера, можно отмѣтить книгу (хотя и значительно устарѣвшую) *д'Оне*, „Путешествіе женщины на Шпицбергенъ (СПБ. 1869. Также смотри выше указанное сочиненіе Гельвальда). За

послѣднее время въ западной литературѣ появилось множество изданій, касающихся Шпицбергена, такъ какъ посѣщеніе его лѣтомъ, съ легкой руки императора Вильгельма, стало модным.

Глава XXXX. ***Отплытіе изъ Грёнланда датчанъ, съ коими находился авторъ; о трехъ солнцахъ, которыя показались имъ на морѣ, и о бурѣ, вынудившей ихъ пристать къ берегамъ Исландіи.***

Пробывъ два дня у Грёнланда, при появленіи сѣверо-восточнаго вѣтра мы подняли якоря, чтобы продолжать нашъ путь, взявъ курсъ на западо-юго-западъ и держась открытаго моря. Весь этотъ день вѣтеръ намъ благопріятствовалъ, а назавтра, въ 5 часовъ утра, онъ измѣнился на противный; на востоко-юго-востокѣ мы замѣтили появленіе трехъ солнцъ, одно надъ другимъ (1), и столь ясно, что не могли отличить настоящее солнце отъ двухъ другихъ [ложныхъ]. Подвигаясь къ югу, мы замѣтили, что погода хмурится; капитанъ и лоцманъ объявили, что наступитъ штормъ (grande tempeste). Это заставило ихъ спустить большую часть парусовъ; мы дали сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ нашимъ спутникамъ, чтобы они повторили нашъ манёвръ; а послѣ этого мы стали молиться, ожидая воли Божіей.

Нѣсколько часовъ спустя задулъ сильнѣйшій юго-юго-восточный вѣтеръ, съ дождемъ и грозой такой силы, что намъ казалось, будто наступило свѣтопреставленіе; море, въ свою очередь, ужасно волновалось, и мы не могли нести никакихъ парусовъ, кромѣ фока (mizaine вм. *misaine*) (2), а къ счастью фока-рей (*vergue*) была довольно низко; два матроса вынуждены были удерживать на канатахъ рулевое весло (*aviron*), такъ какъ управлять кораблемъ было очень трудно.

Такъ мы носились весь остатокъ дня и всю ночь, а вѣтеръ не ослабѣвалъ; тогда капитанъ послалъ матроса на гротъ марсъ (la grande hune) (3) посмотрѣть, не видно ли гдѣ земли, чтобы опредѣлить, гдѣ мы находимся.

Матросъ, осмотрѣвъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ, доложилъ, что на западо-сѣверо-западѣ онъ видитъ большой огонь; это дало поводъ штурману сказать намъ, что тамъ виднѣется *Гекла*, огнедышащая гора Исландіи; хотя намъ нечего было тамъ дѣлать, но такъ какъ вѣтеръ все время былъ противный и ураганъ трепалъ насъ безостановочно, почему мы не могли держаться въ открытомъ морѣ, то мы и рѣшили направиться туда, чтобы поискать прикрытія. Взявши это направленіе, мы къ вечеру приблизились

къ берегу и всю ночь слышали страшный шумъ, какъ бы отъ артиллерійской стрѣльбы, и видѣли дымъ и сильное пламя, вырывавшееся въ изобилии изъ Геклы.

Обиліе рифовъ и волненіе моря у этихъ береговъ заставляли насъ опасаться къ нимъ приближаться, но, благодаря ловкости и бдительности нашего штурмана, намъ удалось стать на якорь безъ поврежденій за мысомъ *Гори* (4); однако одинъ изъ кораблей, нашей торговой компаніи, на которомъ не было такого ловкаго и опытнаго кормчаго, въ двухъ шагахъ отъ насъ сломалъ часть форштевня (esperon) [5], ударившись о скалу, и едва не затонулъ. Третій корабль, такъ же какъ и мы, нисколько не пострадалъ.

Примѣчанія.

1. Это весьма извѣстное явленіе въ сѣверныхъ широтахъ, хотя и не такъ описываемое другими путешественниками. Нѣчто подобное видѣлъ и *Литке* (см. его «Четырехкратное Путешествіе», ч. II, стр. 136—137). *Гельвальдъ* говоритъ по этому поводу: «Величественное зрѣлище сѣвернаго сіянія является тутъ въ сопровожденіи колецъ съ побочными солнцами и лунами, и при этомъ, по увѣренію многихъ наблюдателей, слышится какой-то шумъ, похожій на шуршанье или шелестъ листьевъ» (см. *Въ области вѣчнаго льда*, Исторія путешествій къ сѣверному полюсу. СПБ., изд. Суворина. 1884, стр. 5).

2. *Фокъ, форъ*—слова, прибавляемыя ко всѣмъ снастямъ, деревьямъ, парусамъ, принадлежащимъ фокъ-мачтѣ; въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о парусахъ.

3. Площадка на гротѣ—самой высокой средней мачтѣ судна. Съ нея, обыкновенно, смотрятъ вдаль.

4. О мѣстностяхъ Исландіи, посѣщенныхъ датчанами, см. ниже.

5. *Форштевень*—самое крайнее носовое дерево корабля, къ которому крѣпится его обшивка.

Глава XXXXI. *Прибытіе автора въ Киркебаръ; о его путешествіи на Геклу, объ опасности, которой онъ избѣжалъ; о чудныхъ свойствахъ двухъ фонтановъ, вытекающихъ изъ этой горы, и о прочемъ.*

Мы сошли на берегъ въ числѣ 15 человѣкъ съ разныхъ судовъ, въ томъ числѣ я, капитанъ, приказчикъ и др., и очутились въ деревенькѣ, называемой Гори (*Hori*), которая расположена въ въ $1^1/_2$ льё отъ моря, а оттуда направились въ *Киркебаръ* (1), маленькій городокъ, вѣрнѣе—большое селеніе Исландіи, гдѣ мы нашли

одного приказчика и 7 или 8 датскихъ купцовъ, которые страшно удивились и обрадовались, увидя насъ, и разсказали намъ, что наканунѣ весь островъ содрагался [отъ изверженія] и всѣ думали, что онъ погрузится [въ море]. Они угостили насъ прекраснымъ виномъ, хорошимъ хлѣбомъ и отличною свѣжей говядиной, такъ какъ на островѣ содержалось много скота; но, по причинѣ особыхъ качествъ пастбищъ, которыми покрыты всѣ поля, жители по необходимости стараются кормить скотъ умѣренно, иначе онъ переколѣетъ, и это непремѣнно случилось бы, если бы скоту давали наѣдаться вволю, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ.

Капитанъ, приказчикъ и другіе заявили киркебарскому приказчику о своемъ желаніи осмотрѣть достопримѣчательности острова, и тотъ велѣлъ приготовить для нихъ лошадей. Я тоже выразилъ готовность съ ними отправиться, на что было изъявлено согласіе. Мы ввосьмеромъ, оставивъ [въ городѣ] тѣхъ, которые не проявляли особой любознательности, сѣли на лошадей и отправились въ сопровожденіи слуги киркебарскаго приказчика и двухъ исландцевъ, данныхъ намъ въ проводники; съ нами шла еще лошадь съ провизіей. Мы шли цѣлыхъ два дня по гористымъ, труднымъ, неровнымъ и мало посѣщаемымъ дорогамъ къ горѣ Геклѣ, и, еще не доходя до нея около полутора льё, встрѣтили почву, сплошь покрытую пепломъ и пемзой, по которымъ мы шли до подошвы горы

Погода была ясная и спокойная, а изъ вулкана не выходило ни дыма, ни пламени, поэтому мы рѣшили подняться на вершину; но проводники отговаривали насъ, увѣряя, что если мы пойдемъ дальше, то провалимся въ огненную пропасть и оттуда никогда не выберемся. Тутъ всѣ мои спутники заробѣли и были готовы вернуться, но я заявилъ, что если они меня подождутъ, то я пойду одинъ; они дали обѣщаніе ждать. Тогда одинъ купецъ, изъ числа встрѣченныхъ нами въ Киркебарѣ, поѣхавшій съ нами изъ любопытства, согласился меня сопровождать.

Мы сошли съ лошадей, поручили ихъ стеречь проводникамъ, оставшимся съ остальной компаніей, и начали подниматься по пеплу и пемзѣ, уходя въ нихъ почти по колѣни и вознамѣрившись взобраться на самую вершину. Наверху мы увидали много черныхъ птицъ—вороновъ и ястребовъ, которые тамъ гнѣздятся.

Поднявшись на высоту полульё, мы почувствовали, что почва колеблется подъ нашими ногами, и услышали такой шумъ (gromellement) и гулъ (tintamarre) въ нѣдрахъ горы, что, казалось, сейчасъ начнется изверженіе; и вдругъ, какъ разъ около насъ и всюду кругомъ образовались разсѣлины, откуда вырвалось голубоватое

пламя, удушливое и пахнущее горящей сѣрой; это заставило насъ повернуть назадъ, изъ опасенія провалиться.

Только что мы спустились внизъ шаговъ на 30, какъ изъ горы [кратера] вырвалась такая туча пепла, что затмила солнце и окутала насъ до такой степени, что мы не видѣли одинъ другого; но еще болѣе увеличило нашъ ужасъ то обстоятельство, что время отъ времени мы видѣли, какъ позади насъ поднимались клубы пламени, а тучи пепла и пемзы падали на насъ, какъ градъ, и подъ ногами раздавался грохотъ; отъ страха мы подняли ужасный крикъ: намъ казалось, что всѣ адскія фуріи вылѣзли изъ горы, чтобы насъ истерзать, и каждую минуту ожидали, что земля разверзнется, чтобы поглотить насъ. Все-таки мы продолжали бѣжать внизъ, насколько хватало силъ, чтобы уйти отъ опасности, въ которую мы попали изъ-за нашего любопытства.

Страхъ придалъ намъ такую прыть въ ногахъ и ловкость, что съ небольшимъ въ $^1/_4$ часа мы очутились около нашихъ спутниковъ, которые и подняли насъ на смѣхъ, видя, что мы неузнаваемы и такъ обработаны, что можно бы сказать, что насъ выкупали въ черной краскѣ. Но смѣхъ тотчасъ прошелъ, когда они увидали, что мы свалились, какъ мертвые, у ихъ ногъ, потерявъ сознаніе и не произнеся ни единаго слова; чтобы привести насъ въ чувство, они принялись растирать намъ уксусомъ виски, ноздри и руки.

Когда мы очнулись, намъ дали по чашкѣ испанскаго вина, что̀ совершенно возстановило наши силы; затѣмъ мы отправились дальше, придерживаясь подошвы горы, и въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нея мы набрели на два фонтана, изъ которыхъ одинъ постоянно кипитъ, а другой имѣетъ столь низкую температуру, что замораживаетъ, какъ камень, все, что̀ въ него ни опустятъ. Мы нашли кусокъ пемзы, величиной въ бочку, незадолго выброшенный вулканомъ; дивуясь на него, мы услышали разсказъ проводниковъ о томъ, что иногда вылетаютъ болѣе крупные, и они видали такіе, что 10 человѣкъ ни за что̀ на свѣтѣ не могутъ сдвинуть съ мѣста; далѣе, они намъ сказали, что иногда вмѣсто дыму, пламени, пепла и пемзы, какъ мы наблюдали, выбрасывается столбъ горячей воды, діаметромъ не тоньше бочки, въ другой разъ только пламя, иногда одинъ пепелъ, а иногда одни только камни.

Пройдя около трехъ часовъ, мы дошли до двухъ фонтановъ, расположенныхъ шагахъ въ 30 одинъ отъ другого; такъ какъ первый оказался холоднымъ, я опустилъ въ него бывшій со мной прутикъ и, вытащивъ его, къ удивленію замѣтилъ, что кончикъ, касавшійся дна, какъ бы превратился въ желѣзо и сдѣлался столь же тяжелъ.

Затѣмъ мы обратились къ кипящему фонтану, въ десяти примѣрно шагахъ отъ котораго увидали животныхъ [sic! птицъ], толстыхъ, какъ гагары, по большей части краснаго цвѣта, которыя прыгали и играли въ водѣ; это насъ удивило и мы остановились было [для наблюденія] на короткое время; но какъ только мы подошли ближе, мы не увидали ни одной, а лишь только мы начали удаляться, онѣ снова стали появляться и продолжали рѣзвиться, какъ раньше. Это онѣ дѣлаютъ всякій разъ, когда никого не видятъ около себя, а когда къ нимъ подойдутъ ближе, онѣ погружаются на дно фонтана, который имѣетъ болѣ 60 брасовъ глубины, какъ говорили проводники.

Оттуда мы направились къ морю и, будучи отъ берега въ полульё, услыхали особый шумъ, какъ бы жалобные стоны; проводники пытались увѣрить какъ меня, такъ и прочихъ, что это—вопли грѣшниковъ, которыхъ мучитъ чертъ, охлаждая ихъ тутъ во льдахъ, а предварительно поджаривши въ пламени Геклы.

Любопытство увлекло насъ посмотрѣть на этотъ ледъ, котораго нѣтъ нигдѣ вокругъ острова, кромѣ того мѣста; подойдя ближе, я убѣдился, что эти воображаемые вопли грѣшниковъ происходятъ отъ самихъ льдинъ, передвигаемыхъ вѣтромъ и волненіемъ, при чемъ онѣ ударяются одна о другую и объ утесы.

Эти льды, какъ говорили намъ проводники, появляются тутъ въ концѣ іюня и исчезаютъ къ 15 сентября, а это приходилось какъ разъ на послѣзавтра.

Оттуда направились мы обратно въ Киркебаръ, куда прибыли черезъ три дня, а отсюда вернулись на суда, гдѣ встрѣтили губернатора острова вмѣстѣ съ епископомъ *Скалыольта* (2), которые пріѣхали посмотрѣть на наши корабли, узнавъ, что мы прибыли съ Н. Земли.

Примѣчанія:

Имѣя, главнымъ образомъ, цѣлію прослѣдить путешествіе Ламартиньера по теперешнимъ русскимъ владѣніямъ, мы не можемъ подробно останавливаться на его описаніяхъ другихъ странъ. Что̀ касается Исландіи, то описаній ея и ея природы, столь интересной съ геологической точки зрѣнія,—очень много. Съ исторіей и географіей Исландіи можно познакомиться и по выше цитированной книгѣ *Ф. Гельвальда*.

1. *Киркебаръ*, упоминаемый Ламартиньеромъ, есть мѣстечко *Киркюбе* (=*Kirchdorf*, т. е. село, селеніе съ церковью); оно не значится на современныхъ картахъ, но въ тѣ времена находилось въ округѣ *Сида*, у подошвы *Сидуекюль* (см. *Гельвальдъ*, op. cit., стр. 85).

По близости, безъ сомнѣнія, находился и мысъ *Гори*, упоминаемый въ предшествующей главѣ; тутъ, по крайней мѣрѣ, въ это время указывался *Горнафіордъ*, иначе *Горифіордъ*.

2. Епископы въ то время назначались изъ Даніи, а впослѣдствіи стали избираться изъ мѣстныхъ жителей.

Глава XXXXII. *Жилища, образъ жизни, суевѣрія исландцевъ и проч.*

Исландцы по большей части живутъ въ пещерахъ, высѣченныхъ въ скалахъ, а нѣкоторые въ такихъ хижинахъ, какъ въ Лапландіи; однѣ изъ хижинъ построены изъ рыбьихъ костей, другія изъ дерева, а покрыты дерномъ; скотъ помѣщается вмѣстѣ съ хозяевами подъ одной кровлей. Исландцы довольно безобразны, какъ и ихъ жены, смуглы, одѣваются по большей части какъ норвежцы, рубахи дѣлаютъ изъ грубѣйшаго полотна (de toille de sarpillaire), и никто не одѣвается въ тюленьи шкуры шерстью вверхъ.

Они ведутъ чрезвычайно простую жизнь, какъ всѣ приполярные жители; спятъ на сѣнѣ, покрытомъ шкурами, не раздѣваясь и вповалку, всѣ домочадцы вмѣстѣ.

Главное ихъ занятіе — рыбная ловля; они грязны, нецивилизованы, грубы и почти всѣ колдуны, покланяются дьяволу, котораго называютъ „Кобальдъ“ (sic! *Kobold*), который показывается имъ очень часто въ человѣческомъ образѣ, а также деревянному истукану, вырѣзанному съ помощью ножа и исполненному довольно грубо, отвратительному на видъ, котораго они рѣдко кому показываютъ, боясь, чтобы его не отобрали лютеранскіе пасторы, старающіеся избавить ихъ отъ ига сатаны.

Почти у всѣхъ здѣсь имѣются *троллы* (Trolles) [1], т. е. обыкновенные (домашніе) черти, которые имъ вѣрно служатъ, отвращая отъ нихъ предстоящія бѣды и болѣзни, будятъ ихъ на рыбную ловлю, когда это нужно, а если они отправятся (на ловлю) безъ ихъ совѣта, они ничего не поймаютъ.

Они такъ искусны въ магіи, что показываютъ иностранцамъ все, что у нихъ дѣлается дома; даже, по желанію, — отцовъ, матерей, родныхъ и друзей, какъ мертвыхъ, такъ и живыхъ, а также продаютъ вѣтеръ морякамъ для поѣздки, куда угодно.

Приказчикъ изъ Киркебара и другіе увѣряли меня, что тѣ, кто бываютъ на рыбной ловлѣ возлѣ Геклы въ дни какого угодно

---

[1] *Тролль*, по демонологіи норвежцевъ—исполинское привидѣніе, скитающееся по ночамъ. См. *Гельвальдъ*, op. cit., стр. 103.

сраженія въ Европѣ, видятъ чертей, входящихъ въ гору и выходящихъ оттуда, таскающихъ туда души и отправляющихся вновь на поиски.

Если умрутъ какіе-нибудь друзья ихъ и они очень объ нихъ печалятся, стараясь съ ними свидѣться, друзья эти являются къ соболѣзнующимъ, разсказываютъ о томъ, какъ они умерли, и о дьяволѣ, который является для нихъ жестокимъ властелиномъ, что его постоянно нужно умолять о снисхожденіи и что они попадутъ въ Геклу.

Хотя равнины Исландіи очень красивы и богаты пастбищами, однако не могутъ производить хлѣба и другихъ злаковъ, по причинѣ бывающаго здѣсь большого холода и благодаря сѣверо-восточному вѣтру, который мы называемъ просто „сѣвернымъ“ (bise), но который тутъ ужасенъ по силѣ.

Глава XXXXIII. *Отправленіе датчанъ, съ коими былъ авторъ, отъ мыса Гори; о прибытіи ихъ въ Копенгагенъ и о поднесеніи (королю) пайщиками Компаніи двухъ роговъ морской лошади (нарвала), которые они приняли за рога единорога.*

Черезъ три дня по возвращеніи нашемъ на корабли изъ путешествія на Геклу, именно 22 сентября, задулъ попутный сѣверный вѣтеръ; мы подняли якоря и взяли курсъ на юго-юго-востокъ. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія подулъ свѣжій сѣверо-сѣверо-западный вѣтеръ, который отнесъ насъ къ берегамъ Норвегіи, гдѣ мы опознали мысы подлѣ *Талзо* (Talso) [1], небольшого городка, построеннаго на возвышеніи, въ которомъ есть прекрасный замокъ, въ 4 большихъ льё отъ моря. Мы очень обрадовались, надѣясь на скорое окончаніе нашего путешествія; но не прошли мы вдоль берега и 12 часовъ, какъ вѣтеръ перемѣнился съ появленіемъ луны, и мы должны были держаться въ открытомъ морѣ, изъ опасенія быть отнесенными назадъ; однако, не смотря на всѣ наши старанія, вѣтеръ отнесъ насъ болѣе чѣмъ на 40 льё; а потомъ вѣтеръ стихъ, наступилъ полный штиль, и мы стали неподвижно на мѣстѣ. Въ это время мы замѣтили на юго-юго-западѣ огромный циклонъ (ошибочно *sielon*, вм. *cyclone*), который очень напугалъ нашихъ моряковъ и заставилъ убрать всѣ паруса и спустить реи внизъ, изъ опасенія, что циклонъ обрушится на насъ.

[1] Такого мыса не отыскалось; думаемъ, что это не *Талзо*, а *Аалзо* (Aalso), въ Аалезундѣ, приблизительно около 62,5° сѣв. шир. *В. С.*

Но онъ не дошелъ до насъ болѣе, чѣмъ на 2 льё, гдѣ и упалъ. Эти циклоны (опять *sielons*) суть облака, принявшіе видъ совершенно черныхъ колоннъ, тянущихся отъ моря до неба; и если онѣ упадутъ на корабль, то онъ погибнетъ, залитый массой воды, которою наполненъ циклонъ, погрузится въ воду и пойдетъ ко дну, какъ будто бы онъ былъ налитъ свинцомъ. Послѣ штиля задулъ благопріятный сѣверо-сѣверо-восточный вѣтеръ, который позволилъ намъ докончить нашъ путь; мы шли такъ хорошо, что въ концѣ десятаго дня прибыли на Копенгагенскій рейдъ, гдѣ, отсалютовавъ дворцу, мы бросили якорь и тотчасъ спустили въ море шлюпки, чтобы ѣхать на берегъ.

По прибытіи въ городъ, его величество былъ освѣдомленъ, что мы привезли съ собой обитателей Новой Земли, и онъ приказалъ привести ихъ къ нему, что̀ мы и сдѣлали; видя ихъ, король съ удивленіемъ разсматривалъ какъ ихъ одежды, такъ и ихъ физическое строеніе (corgorance), и отдалъ приказъ кастеляну замка давать имъ все, что̀ потребуется, стараться заставить ихъ говорить, чтобы они выучились мѣстному языку, а намъ повелѣлъ разсказать о достопримѣчательностяхъ той страны, въ которой мы были, объ обычаяхъ и образѣ жизни ея жителей. Откланявшись королю, мы пришли къ пайщикамъ Компаніи, чтобы дать имъ отчетъ о нашемъ плаваніи и нашей торговлѣ, которою они остались очень довольны; потомъ они распорядились втянуть суда для разгрузки въ Христіанхавенъ, гдѣ находился магазинъ, что̀ было исполнено въ два дня.

Одинъ ихъ главныхъ пайщиковъ отправился къ королю, чтобы отъ имени Компаніи поднести ему два рога нарвала, которые мы добыли; король принялъ ихъ, какъ вещь, которую невозможно оцѣнить, полагая, что это и есть настоящіе рога ликорна (*licorne*—единорогъ), про качества которыхъ писали многіе авторы, и приказалъ тотчасъ помѣстить ихъ въ сокровищницу, обѣщавъ въ награду за это подношеніе многія привилегіи Компаніи, а кромѣ того пожаловалъ подносившему золотую цѣпь со своимъ портретомъ и освободилъ его отъ всякихъ пошлинъ.

Глава XXXXIV. *Заблужденіе на счетъ единорога (ликорна) и о свойствахъ его рога.*

Обращаясь къ вопросу о ликорнѣ, рогъ котораго столь высоко цѣнится за тѣ чудныя свойства, которыя ему приписываются, я долженъ сказать, что очень трудно опредѣлить, что̀ за животное настоящій ликорнъ, такъ какъ очень много животныхъ, ко-

торыхъ греки называли *монокеросъ* (monoceros), а римляне — *unicornis* (и которыхъ помѣщали) въ числѣ четвероногихъ, дикихъословъ и быковъ Флориды (бизонъ?). (Помѣщали ихъ) въ числѣ змѣй, рогатыхъ аспидовъ (aspic cornu) и красныхъ саламандръ. (Искали ихъ) между рыбами *Pirassoipi* [1]), между слонами, между нарвалами, le Caspili, l'Utelif [?!]. (Также искали ихъ) между пернатыми и даже между насѣкомыми, (напримѣръ) навозными жуками, которые водятся во Фландріи, Англіи и Пикардіи и которыхъ мы называемъ „летающими единорогами“ (*licorne volante*), и между множествомъ другихъ животныхъ разныхъ родовъ, изъ коихъ многіе водятся въ Индіи.

Одни считали, что единорогъ—животное земноводное, другіе—водяное, которое не можетъ жить нигдѣ, кромѣ воды; третьи считали его амфибіей, живущей то на сушѣ, то въ водѣ.

Плиній говоритъ, что единорогъ похожъ на быка, весь въ бѣлыхъ пятнахъ и съ копытами, какъ у лошади.

Мюнстеръ—что онъ похожъ на трехлѣтняго жеребенка, цвѣтомъ, какъ ласка (bellete вм. *belette*), съ головой, какъ у оленя, худощавыми икрами и ногами, съ рогомъ посрединѣ лба, длиною въ 2 локтя.

Марко Поло Венеціанецъ говоритъ, что единорогъ похожъ на слона, только поменьше, такого же цвѣта и пропорцій, за исключеніемъ хвоста, который похожъ на бычачій, а голова какъ у свиньи, но столь тяжелая, что онъ всегда держитъ ее внизъ.

Филострать (? Philostargie)—что у него голова дракона, посрединѣ которой находится рогъ средней величины, спиральной формы (faite en limaçon); на подбородкѣ у него борода, шея длинная, ноги—какъ у льва; остальное тѣло напоминаетъ оленя, а кожа—какъ у змѣи.

Изидоръ (Hesidore)—что это такое подвижное животное, которое охотникамъ невозможно поймать (добыть).

Луи Парадизъ—что единорога кормятъ въ неволѣ горохомъ, чечевицей и бобами, что это животное величиной съ борзую собаку (levrier d'attache), не столь поджарое, но толще, шерсть очень гладкая, цвѣтомъ похожая на бобровую, шея тонкая, икры сухія, ноги съ раздвоенными копытами, какъ у козы, и хвостъ такой же, голова короткая и сухая, морда похожа на телячью, глаза большіе, уши маленькія и между ними рогъ, очень гладкій (lice вм. *lisse*), снаружи темно-коричневаго цвѣта, длиною въ футъ.

[1]) Не могъ перевести этого слова; очевидно, это какой нибудь устарѣвшій и давно забытый терминъ средневѣковыхъ писателей. *В. С.*

Тевe (Thevet)—что единорогъ величиною съ шестимѣсячнаго бычка, ноги и копыта похожи на ослиныя, а уши — на оленьи, и на верхушкѣ головы у него прямой рогъ.

Луи-де-Бартенъ (de Barthene)—что единорогъ напоминаетъ лошадь съ разинутымъ ртомъ (cheval baye, м. быть *cheval qui baye*), съ раздвоенными копытами и рогомъ посрединѣ лба.

Волнесъ (Volnesse) утверждаетъ, что носорогъ (rhinoceros) есть настоящій единорогъ, *Гарсія* (Garcias) считаетъ единорога за *camphur*, а *Жанъ Корбишонъ*—за *egliceron* [1]) (1).

Альбертъ говоритъ, что рогъ единорога имѣетъ у основанія полторы пяди въ поперечникѣ и длиною 10 футъ. *Луи-де-Бартенъ*—что онъ имѣетъ три браса длины. *Мюнстеръ* — три локтя. *Марко Поло*—два. *Луи Парадизъ*—полтора фута. *Николай Венеціанецъ*—одинъ футъ, а *Кардан*ъ—всего три пальца.

Плиній говоритъ, что рогъ ликорна черный, *Солинусъ*—что онъ пурпуровый, *Луи Парадизъ*—цвѣта сердцевины только что сорваннаго ревеня (rhubarbe, т. е. рыжеватый), *Альбертъ*—цвѣта оленьяго рога, а другіе—что онъ свѣтлѣе слоновой кости.

Такимъ образомъ, изучая разнорѣчивыя мнѣнія авторовъ, писавшихъ о единорогѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что все это они говорятъ только для того, чтобы заставить читателей удивляться ихъ учености, и въ этомъ еще больше убѣждаетъ меня ученый Баччи (*Baccy*), который увѣряетъ, что подобные писатели не заслуживаютъ довѣрія, потому что говорятъ о признакахъ животнаго, котораго никто изъ нихъ не видалъ, и что это такое же вымышленное животное, какъ и фениксъ.

Что касается до чудесныхъ свойствъ этого рога ликорна (единорога), то предположимъ, что они въ немъ есть и что тѣ, которыя намъ выдаютъ за таковыя, существуютъ на самомъ дѣлѣ. Я увѣренъ, что рогъ этотъ имѣетъ тѣ же свойства, какъ и рогъ оленей, сернъ и слоновая кость, которыми пользуются для остановки кровохарканій и кровотеченій, а также при поносѣ; это достигается благодаря вяжущему свойству этихъ роговъ, но его нельзя назвать достоинствомъ, а неизбѣжнымъ зломъ, потому что, благодаря вяжучести, проистекающей отъ землистой субстанціи ихъ, запираются проходы въ венахъ и артеріяхъ. Это—ядъ, а не укрѣпляющее средство, подобно камню нѣкоего судейскаго писца, составленному изъ сѣры и купороса, растворивъ который въ двадцати ведрахъ (sceau вм. *seau*) рѣчной воды, онъ примѣняетъ

---

[1]) Оба эти названія—*camphur* и *egliceron*—столь же мало понятны, какъ приводимыя выше *pirassoipi, caspili* и *utelif*.

его во всѣхъ болѣзняхъ, подобно тому какъ многіе шарлатаны приготовляли драгоцѣнные камни, жемчугъ и золото, которые старались выдать за наружное противоядіе; но опытные врачи признали все это за мошенничество, а если отъ этихъ предметовъ и получается нѣкоторое облегченіе [въ болѣзни], то это зависитъ отъ свойствъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ они помѣщены, а не отъ ихъ собственныхъ свойствъ. Врачи утверждали, что это совсѣмъ не питательное вещество, а жемчугъ, драгоцѣнные камни и золото, и если бы предметы эти имѣли питательное свойство, то люди богатые никогда не умирали бы съ голоду въ тяжкой нуждѣ, въ родѣ той, которая случилась при осадѣ Іерусалима, 40 лѣтъ спустя послѣ смерти Спасителя, о чемъ свидѣтельствуетъ *Іосифъ Флавій* въ своей «Исторіи іудеевъ» (Histoire judaique). Это какъ разъ противорѣчитъ мнѣнію Габріэля *де Кастанья* (Gabriel de Castagne) и другихъ каббалистовъ, что золото, взятое въ ротъ, служитъ самымъ лучшимъ противоядіемъ, тогда какъ это — ядъ, который убиваетъ однимъ своимъ запахомъ рудокоповъ, которые его извлекаютъ [изъ нѣдръ земли].

Однимъ словомъ, рогъ единорога — совсѣмъ не укрѣпляющее средство; это значитъ, что онъ не имѣетъ ни запаха, ни вкуса, какъ и всякая кость, а поэтому имѣетъ не больше и достоинствъ.

Примѣчаніе:

1. Начиная съ третьяго изданія книги Ламартиньера, а также и въ амстердамскомъ изданіи Рожера, о которомъ подробнѣе я говорю въ приложеніи, въ этомъ мѣстѣ прибавлено противъ *перваго* изданія слѣдующее:

«Другіе (говорятъ), что это—животное, представленное тутъ на фигурѣ 3».

Такой фигуры, съ цифрой 3, нигдѣ въ книгѣ нѣтъ; вѣроятно, это необозначенное цифрой животное должно разумѣть подъ тѣмъ, что̀ изображено между рогатыми мужчиной и женщиной. Но у него нѣтъ никакого рога; это одно уже показываетъ небрежность издателей, выпускавшихъ книгу послѣ смерти автора. Далѣе, подъ животнымъ № 3, какъ видно изъ текста, надо понимать какую-то рыбу, а на рисункѣ представленъ звѣрь съ длиннымъ хвостомъ.

Но будемъ продолжать переводъ: «Кирхеръ» (это—извѣстный писатель, іезуитъ Athanasius *Kircher*) считаетъ его морской лошадью, которую онъ также называетъ *акулой* (lamie), хотя оно (представленное на фигурѣ 3) не напоминаетъ ни той, ни другой.

Акула—другая рыба, которую англичане называютъ *Reken*[1]), которой боятся жители Мартиники, Гваделупы, о-ва Святого Креста и другихъ американскихъ острововъ, такъ какъ эта рыба ихъ пожираетъ, если схватитъ во время купанья.

«Мнѣ кажется, будетъ болѣе подходящимъ вѣрить, что настоящій единорогъ, это — негръ, котораго я видѣлъ въ Африкѣ, имѣвшій рогъ, толстый какъ у барана, который ото лба шолъ къ темени, доходя до стрѣловиднаго шва черепа (*suture sagittale*), какъ видно на фигурѣ 1. Или это — одна женщина, умершая послѣ того, какъ ей срѣзали рогъ, который она имѣла на лбу, точно такой же цвѣтомъ, какъ у быковъ и длиной въ полфута, какъ видно на фигурѣ 2». Дальше идетъ согласно съ первымъ изданіемъ.

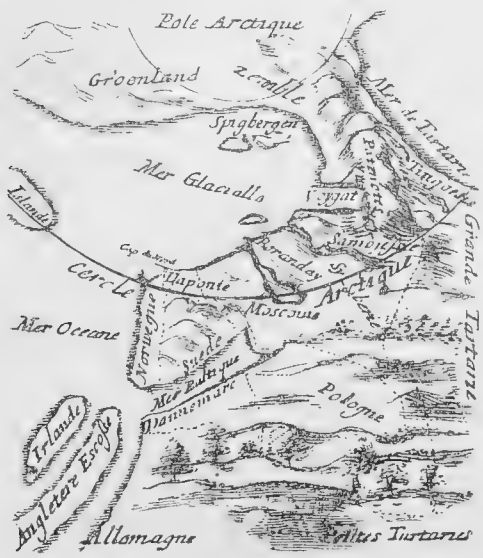
Эта вставка позднѣйшихъ изданій сама по себѣ можетъ рѣшить вопросъ о томъ,—принадлежитъ ли она Ламартиньеру, или фантазіи издателей. Въ самомъ дѣлѣ: Ламартиньеръ во всей этой главѣ очень здраво и толково борется съ предразсудкомъ о цѣлебныхъ свойствахъ рога единорога и отвергаетъ самое существованіе подобнаго животнаго, оспаривая «ученыхъ», писавшихъ о немъ. Являясь въ этой области новаторомъ, Ламартиньеръ обличаетъ величайшихъ и прославленныхъ ученыхъ, на авторитетѣ которыхъ многое держалось, да кое-что и теперь держится.

[1]) Французы также называютъ акулу *requin*, отъ латинскаго *requiem* („вѣчная память“), ибо тому, кто очутился по сосѣдству съ акулой, надо распрощаться съ жизнью. *В. С.*

И вдругъ, самъ Ламартиньеръ, своими глазами видѣлъ будтобы въ Африкѣ негра, котораго онъ готовъ признать за подлиннаго ликорна-единорога, а кромѣ того положительно удостовѣряетъ, что была еще и женщина съ рогомъ. Съ чѣмъ же это сообразно и къ чему тогда было бы писать всю эту, довольно длинную главу, направленную *исключительно* противъ подобныхъ суевѣрій?

Глава XXXXV. *Разсужденіе автора объ ошибкахъ географовъ въ обозначеніи мѣста Н. Земли и Грёнланда, и о тѣхъ, которые писали о Вайгачѣ и Самоѣссіи.*

По возвращеніи моемъ изъ сѣверныхъ странъ, мнѣ попадались въ руки многія географическія карты разныхъ знаменитыхъ авторовъ, и я удивляюсь, что всѣ они ошибаются въ обозначеніи мѣста Н. Земли, которую помѣщаютъ гораздо дальше отъ сѣвернаго полюса, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ,—на востоко-сѣверо-востокъ отъ Лапландіи, хотя Н. Земля простирается болѣе на сѣверъ; точно также ее помѣщаютъ внѣ [Ледовитаго] моря и удаляютъ отъ Грёнланда болѣе, чѣмъ на 1200 льё, хотя эти земли смежны одна съ другой, и берега Грёнланда примыкаютъ къ берегамъ Н. Земли до такой степени, что если бы обиліе снѣговъ и страшный холодъ не дѣлали этихъ странъ необитаемыми, то легко можно бы пройти по сушѣ изъ Грёнланда [1]) на Н. Землю, а съ этой послѣдней, проходя черезъ *Патеностръ* (les Patenostres), войти въ Самоѣссію, чтобы отсюда отправиться въ Великую Татарію или притти въ Московію, какъ вы видите на прилагаемой маленькой картѣ.



[1]) *Groenland*—Гренландія. Такъ она называлась очень долго голландцами (см. напр. *Cranz*, Historie von *Groenland*. 1767. 2 Bde), и даже до XIX в. (ср. *Гельвальда*, op. cit., соотвѣтствующія главы о Гренландіи).

Я удивлялся также тому, что они считаютъ проливъ, называемый *Вайгачъ*, длиною всего въ 10 льё французскихъ, тогда какъ онъ имѣетъ болѣе 35 льё нѣмецкихъ, и доказываютъ намъ, что по этому проливу суда наши могутъ входить въ большое *Татарское море* (grand Mer de Tartarie); но это невозможно [1]), хотя насъ

---

[1]) Говоря про горы о.о. Вайгача и Н. Земли, *А. Шренкъ* пишетъ: „Около *Перевознаго носа* (Вайгачъ)“, гдѣ мы пристали къ берегу, возвышается скалистый берегъ въ 25 ф. вышиною, геогностическіе признаки котораго совершенно соотвѣтствуютъ противолежащему берегу твердой земли, потому что онъ образуется изъ того же плотнаго, лишеннаго окаменѣлостей, известняка, который и относительно главнаго направленія, и уклоненія своихъ слоевъ не претерпѣваетъ ни малѣйшаго измѣненія. Горная порода острова отличается отъ континентальной только тѣмъ, что она не сланцевая, а состоитъ изъ слоевъ различной толщины, начиная отъ $^1/_2$ до 8 и 10 дюймовъ, имѣетъ плотный раковистый изломъ и по направленію простиранія своего проникнута тоненькими нитями, также слоями и жилами (3—4 л. толщиною) бѣлаго слоеватаго известковаго шпата. *Послѣ такого удивительнаго сходства обоихъ береговъ въ геогностическомъ строеніи ихъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что горныя породы ихъ находятся въ связи другъ съ другомъ, что они когда-то претерпѣли одинаковые перевороты и потому возвысились по одному направленію и подъ однимъ угломъ наклоненія, при чемъ минералогическій характеръ горной породы измѣнился такимъ же образомъ. Что же касается до Югорскаго пролива, раздѣляющаго эти два берега, то его можно разсматривать, какъ каналъ, образовавшійся изъ водъ и ледяныхъ массъ океана въ продолженіи тысячелѣтій, безъ всякой насильственной катастрофы.* Изъ всего этого слѣдуетъ, что возвышенности острова Вайгача суть ничто иное, какъ продолженіе горной цѣпи континента, которая беретъ свое начало въ сѣверной части хребта Уральскаго, тянется потомъ по континенту въ сѣверо-западномъ направленіи и переходитъ наконецъ на островъ. Горный кряжъ этого послѣдняго, держась того же направленія, проходитъ еще 14 географическихъ миль, *гдѣ прорывъ океана повторяется во второй разъ и въ гораздо большемъ размѣрѣ, образуя Карскія Ворота, отдѣляющія островъ Вайгачъ отъ Н. Земли, на нижней оконечности которой снова возвышается прежняя горная цѣпь, принимая почти неизмѣнное сѣверозападное направленіе и оканчиваясь подъ 77° с. ш. мысомъ Желаннымъ, представляющимъ самую сѣверную оконечность острова*“ (см. *Шренкъ*, Путешествіе къ с.-в. Европейской Россіи. СПБ. 1855, стр. 309—310).

Мы позволили себѣ сдѣлать такую большую выписку изъ сочиненія одного изъ нашихъ выдающихся геологовъ, чтобы показать, что при полномъ сходствѣ горъ материка и острововъ Вайгача и Н. Земли, Ламартиньеръ вполнѣ естественно могъ впасть въ ошибку: проливъ въ то время, когда онъ его видѣлъ, былъ забитъ льдомъ и мало отличался отъ окружающихъ горъ, а горы были „удивительно“ одинаковы, какъ говоритъ Шренкъ. Не производя тщательныхъ изслѣдованій (на что Ламартиньеръ не имѣлъ ни времени, ни возможности), впасть въ ошибку было очень легко, тѣмъ болѣе, что про „непроходимость“ этихъ проливовъ твердило большинство тогдашнихъ авторовъ, и только голландская экспедиція 1594 г. нѣсколько поколебала эту общую увѣренность. Да и то *Най* въ *первое* свое путешествіе (1594 г.) прошелъ, повидимому, Югорскій Шаръ, былъ у о. *Мяснаго* и пересѣкъ Карское море, приблизительно до Ша-

и стараются убѣдить, что во время Морица Нассаускаго (1) одинъ голландскій корабль прошелъ этимъ проливомъ въ Татарское море (явная несообразность); а между тѣмъ я доказывалъ въ 37-й главѣ, что это—проливъ, закрытый, какъ я только что сказалъ, *Матеnотрскими* горами; наименьшая высота этихъ горъ по крайней мѣрѣ ½ льё и, какъ говорятъ, онѣ состоятъ сплошь изо льда (que l'on dit estre toutes de glaces), который никогда не таетъ. Это и я могу удостовѣрить, такъ какъ былъ въ этомъ проливѣ около самыхъ горъ во время лѣта, которое есть самое теплое время года; я же чувствовалъ здѣсь холодъ, такъ какъ въ этой странѣ—постоянная зима, равно какъ постоянное лѣто въ *землѣ Попугаевъ* (terre des Perroquets) и въ Магеллановомъ проливѣ (Magelanique), которые расположены на Южномъ полюсѣ.

Подобно тому, какъ Австралійскія земли называются неизвѣстными, такъ же можно назвать и сѣверныя, за которыми, если мы туда отправимся, по морю или по суху, мы откроемъ, безъ сомнѣнія, обитаемыя страны, которыя мы также можемъ назвать

раповыхъ Кошекъ, недалеко отъ губы Мутной, *но не дальше*. Второе плаваніе Ная (въ 1595 г.) было безрезультатно: встрѣтили только русскихъ промышленниковъ.

„Итакъ, говоритъ *Шренкъ* въ другомъ мѣстѣ (стр. 404—405), нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣпь Уральскихъ горъ на сѣверѣ *ни въ какомъ случаѣ* не оканчивается такъ внезапно, какъ это показано во всѣхъ руководствахъ къ географіи и на всѣхъ географическихъ картахъ, что она скорѣе принимаетъ западное направленіе и тянется въ видѣ значительнаго горнаго хребта, о которомъ говоритъ даже *Зуевъ*, проникавшій въ Карскій заливъ съ восточной его стороны, и что, наконецъ, продолженіемъ цѣпи должно считать острова Вайгачъ и Н. Землю съ ихъ отчасти еще очень значительными возвышеніями".

Тутъ же приведены и подлинныя слова Зуева: *„Зуевъ*, сопутешественникъ безсмертнаго Палласа, немногими словами очень удачно характеризуетъ сѣверный конецъ Урала: это—высокіе скалистые и голые шпицы горъ, которые, не доходя какихъ-нибудь 20 верстъ до морского берега, раздробляются и исчезаютъ. Но главная цѣпь Урала обращается къ западу, достигаетъ здѣсь еще значительной высоты, потому что изъ Карскаго залива видно, какъ она теряется въ облакахъ и оканчивается на берегу, противулежащемъ Н. Землѣ".

Здѣсь кстати будетъ указать на слѣдующее: увѣряя, что Вайгачъ и Н. Земля — продолженіе материка, Ламартиньеръ, конечно, впалъ въ грубую, хотя и извинительную ошибку, за которую на него такъ и ополчились всѣ. Но гораздо болѣе его счастливый въ этомъ отношеніи другой путешественникъ—*Най*, хотя и прошелъ Югорскій Шаръ, но, на радостяхъ, впалъ въ другую ошибку: онъ утверждаетъ,—и никто его за это такъ не браниТъ, какъ бранятъ нашего автора,—что начиная отъ Югорскаго Шара—въ Китай прямая дорога и что въ Карское море впадаетъ р. Обь (см. у *Литке*, „Най"). Такимъ образомъ, не отвергая, конечно, заслугъ Ная, спросимъ, что лучше: не замѣтить затертаго льдами прохода, или, пройдя его, не замѣтить огромнаго

„новымъ“ свѣтомъ, въ подражаніе Христофору Колумбу, Магеллану и другимъ, которые такъ назвали земли, ими открытыя, слѣдуя мнѣнію Демокрита, Эпикура и Метродора, которые стоятъ за существованіе многихъ міровъ, вопреки мнѣнію Гермеса Трисмегиста и Платона (у Ламарт. ошибочно: d' Hermes, Trismegiste et Platon), полагавшихъ, что міръ одинъ, который Богъ создалъ по образу и подобію своему, что ни одинъ человѣкъ не можетъ знать ни конца, ни начала, ни верха его, ни низа, ни середины міра; не смотря на это, географы, въ своихъ планисферахъ, стараются заставить насъ видѣть противное тому, обозначая на самомъ верху міра сѣверный полюсъ, внизу южный, а экваторъ посрединѣ. Съ этимъ несогласны *Страбонъ*, который за средину міра почитаетъ гору *Парнасъ* въ Греціи, *Берозъ* [который считаетъ за эту середину] гору *Араратъ* въ Арменіи, а многіе другіе говорятъ, что [средина міра] *Іерусалимъ*, основываясь на словахъ царя-пророка [Давида]: „дѣла нашего спасенія устроилъ [Богъ] въ срединѣ земли“.

Я хотѣлъ бы знать отъ нашихъ географовъ, гдѣ они помѣщаютъ «Старую» Землю?

полуострова Ял-Мала, горы котораго, какъ говоритъ Зуевъ, видны изъ Карскаго моря? Хорошо ли также принять незначительныя рѣченки, впадающія въ Карское море, за одну изъ величественнѣйшихъ рѣкъ міра—Обь?

Но, повторяю, всѣ эти ошибки надо считать вполнѣ естественными и извинимыми; надо помнить: когда, при какихъ условіяхъ и при какихъ ничтожныхъ средствахъ совершались всѣ эти путешествія. Надо не осуждать этихъ первыхъ піонеровъ за ихъ ошибки, а удивляться тѣмъ открытіямъ, которыя имъ удалось сдѣлать.

Въ числѣ туземныхъ названій горныхъ хребтовъ, Шренкъ упоминаетъ и *Паридснопай*, который тоже похожъ на злополучный *Патеностеръ* Ламартиньера. Нельзя строго относиться къ французу, записывавшему такія мудреныя словечки, если онъ и передѣлалъ ихъ немного на свой ладъ. Вся его вина,—а по нашему заслуга,—въ томъ, что онъ вездѣ старался сохранить мѣстныя названія, не прибѣгая къ книжнымъ.

Далѣе, почти у самаго входа въ Югорскій Шаръ,—проливъ отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ материка,—*Ивановъ* показалъ *Пырковъ Носъ*. Это названіе тоже созвучно съ выдуманнымъ Ламартиньеромъ хребтомъ *Патеноторъ*.

Нелишне также обратить вниманіе на слѣдующія слова извѣстнаго писателя о полярныхъ странахъ, Фридриха *Гельвальда:* „вслѣдствіе преломленія лучей и ихъ отраженія, внѣшній видъ различныхъ предметовъ совершенно измѣняется, такъ что поперемѣнно то самые невысокіе предметы представляются въ видѣ исполинскихъ горъ, то путешественнику кажется, будто бездонныя пропасти раскрываютъ свою зіяющую глубину“ (см. *Въ области вѣчнаго льда*, Исторія путешествій къ сѣверному полюсу. СПБ. 1884, стр. 5 и 6).

Слѣдовательно, такой обманъ зрѣнія могъ повліять и на заключенія Ламартиньера.

Я думаю, что если бы они были на „Новой“, они убѣдились бы, что она одна только и есть, что Нов. Голландія, Восточная Фрисландія (Vest Frise) и Зимній Мысъ находятся въ Вайгачскомъ проливѣ, а не за нимъ, въ Большомъ Татарскомъ морѣ, гдѣ они ихъ помѣщаютъ. Также точно и тотъ [путешественникъ], который далъ описаніе государства великаго князя Московскаго, говоря о самоѣдахъ, если бы онъ былъ въ ихъ странѣ и имѣлъ частыя съ ними сношенія, не написалъ бы, что они поѣдаютъ иностранцевъ, что великій князь ссылаетъ преступниковъ на съѣденіе къ нимъ.

Ничего подобнаго нѣтъ [1]).

Хотя [жители этихъ странъ] плохо сложены тѣломъ, скудны умомъ, не имѣютъ познанія о Богѣ, не боятся мученій въ загробномъ мірѣ, вѣря, что со смертью тѣла душа также умираетъ; хотя они самые несчастные на землѣ люди, питающіеся лѣтомъ исключительно мясомъ медвѣдей, волковъ, лисицъ, соболей, воронъ, орловъ и другою дикою птицей, которую они поѣдаютъ на охотѣ въ сыромъ видѣ, зимой только прокоптивъ ее въ хижинахъ, а лѣтомъ высушивъ на солнцѣ; этою пищей они запасаются лѣтомъ, если только имъ не удастся убить нѣсколько медвѣдей, явившихся, чтобы пожрать ихъ въ хижинахъ, когда въ полѣ нечего взять: тѣмъ не менѣе они остаются всегда гостепріимными, принимая иностранцевъ, какъ своихъ, не обижаютъ ихъ, хотя и выглядятъ очень жестокими и злыми, но совсѣмъ не таковы, а простодушны; и это тѣмъ болѣе удивительно, что они живутъ по сосѣдству съ самыми злыми народностями въ мірѣ, съ татарами и тингёзами (*Tingoeses*, м. быть тунгусы?), которыхъ часто посѣщаютъ, торгуютъ съ ними, равно какъ съ сибиряками, борандайцами и лапландцами (2).

Примѣчанія.

1. *Морицъ*, принцъ Оранскій, графъ Нассаусскій (1567—1625), сынъ Вильгельма I, положившаго начало независимости Нидерландовъ. Очевидно, Ламартиньеръ подразумѣваетъ экспедиціи голландцевъ, подъ командою *Баренца*. Но, какъ извѣстно, и этотъ отважнѣйшій изслѣдователь сѣверныхъ странъ ни разу не про-

[1]) Въ этомъ мѣстѣ сдѣлано *единственное* отступленіе отъ подлиннаго текста въ томъ отношеніи, что фраза эта вынесена въ новую строку, по важности высказанной въ ней мысли. Въ остальномъ текстѣ абзацы и архаизмъ языка строго выдержаны.

шелъ всего пролива. Они только вошли въ Вайгачскій проливъ, а 23 августа 1593 г. уже не могли итти далѣе, но „встрѣтили русскую лодку, сшитую изъ древесной коры, возвращавшуюся изъ Сѣвернаго океана. Ѣхавшіе въ этой лодкѣ сказали, что выходъ изъ пролива бываетъ не совершенно запертъ льдами только въ продолженіи 2 мѣсяцевъ, и что, слѣдовательно, въ Татарію можно ѣхать по льду“ (*У Полюса*, стр. 73). Вотъ, слѣдовательно, все, что̀ знали въ то время иностранцы о Н. Землѣ и о проходимости ея проливовъ на востокъ.

Русскіе, главнымъ образомъ самоѣды-промышленники, знали, конечно, и Н. Землю, и всѣ проливы, но въ научной литературѣ ничего достовѣрнаго не было, а потому и заблужденіе Ламартиньера вполнѣ извинимо.

Литке говоритъ: „Проливъ, названный голландцами *Нассаускимъ*, есть Югорскій Шаръ; въ послѣднія времена извѣстенъ онъ былъ вообще подъ именемъ Вайгацкаго, Вайгатскаго или Вайгата. Имя сіе, подобно, какъ и названіе Шпицбергенскаго и Гренландскаго Вайгата, производили отъ голландскихъ словъ *waaien*—дуть и *gat*—ворота, утверждая, что оно дано проливу сему потому, что вѣтры дуютъ въ немъ съ великою силою. Другіе вмѣсто слова *waaien* принимали *weihen*—святить, и дѣлали такимъ образомъ изъ Вайгата «Святой Проливъ». Неосновательность того и другого словопроизводства не трудно доказать тѣмъ, во-первыхъ, что настоящее названіе есть *Вайгачъ*, а не Вайгатъ и что оно принадлежитъ одному только острову, а не проливу, а во-вторыхъ тѣмъ, что оно было уже извѣстно за 40 лѣтъ до перваго путешествія голландцевъ къ сѣверо-востоку. Названіе *Вайгатъ* принято было уже позднѣе, когда пришло на мысль сдѣлать его голландскимъ; первые же мореплаватели всѣ безъ исключенія писали *Вайгацъ* (Waigatz). Они русское *ч* перемѣняли обыкновенно на *tz*: вм. Печора писали *Pitzora*, Песчанка—*Pitzano* и т. д.“ (см. *Литке*, Четырехкратное Путешествіе, ч. I, стр. 39).

Энгельгардтъ говоритъ: „Только въ 1760 г. лоцманъ Савва *Ложкинъ*, отправившись для промысловъ на восточные берега Н. Земли и, благодаря своей настойчивости, въ три года обогнувшій ее, доказалъ этимъ, что Н. Земля — островъ, въ чемъ до того времени географы сомнѣвались (*Русскій Сѣверъ*, стр. 150).

Ошибиться нашему автору было вовсе не трудно: онъ могъ видѣть и горы, и какъ бы твердую землю тамъ, гдѣ въ дѣйствительности была вода. Вотъ нѣсколько выдержекъ.

„Отъ вершинъ у. Уссы, отроги Уральскаго хребта двинулись

далѣе къ западу и, вдавшись въ Ледовитое море, образовали на немъ много небольшихъ острововъ въ сосѣдствѣ о. Вайгача. Теченіе морской струи въ Югорскомъ Шару отъ з. къ в. очень быстро—на 6 узловъ. Въ Маточкиномъ Шару теченіе обратное, едва замѣтное отъ в. къ з. *Этотъ водоворотъ возлѣ острова Вайгача дѣлаетъ то, что Югорскій Шаръ часто затирается льдами, образуетъ ледяной мостъ, по которому самоѣды перегоняютъ на лѣтнія кочевья стада своихъ оленей.* При моемъ посѣщеніи Вайгача, въ немъ кочевала самоѣдская ватага *Найны*" (см. *Кушелевскій.* Сѣверный Полюсъ и земля Ялмалъ, стр. 44).

„Нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ Уральскихъ горахъ, изслѣдованныхъ мною отъ р. Ляпы до о. Вайгача, т. е. отъ 62° до 71° с. ш. Уралъ, имѣя направленіе отъ юга къ сѣверу, достигаетъ Ледовитаго моря. Потомъ, проходя по дну Югорскаго Шара, появляется небольшими возвышенностями на о. Вайгачѣ и, прорѣзываясь по дну Маточкина Шара, достигаетъ Н. Земли... Проливъ, находящійся между Ялмаломъ и о. Бѣлымъ, затирается льдами, которые стоятъ по нѣсколько лѣтъ неподвижно, образуя ледяной мостъ. По немъ путешествуютъ во множествѣ табуны дикихъ оленей, а за ними съ лукомъ и винтовкой вѣчный врагъ ихъ—смѣлый самоѣдинъ. У сѣверныхъ береговъ Ялмала образуются дюны изъ измельченнаго льда, а со стороны Карскаго моря въ бухты Ялмала нерѣдко заходятъ плавучіе острова полярнаго льда съ неотъемлемыми обитателями своими—бѣлыми медвѣдями и случайно забравшимися на нихъ любопытными песцами. *Издали эти острова представляютъ видъ городовъ съ башнями, куполами и на нихъ есть озера съ пръсной дождевой водой*" (см. *Кушелевскій.* Сѣверный Полюсъ и земля Ялмалъ, стр. 41 и 42).

Поэтому Ламартиньеръ, признавшій Н. Землю частью материка, а не островомъ, былъ безъ сомнѣнія „виновенъ", но по обстоятельствамъ, выше мною указаннымъ, „заслуживалъ снисхожденія".

Какъ на источникъ многихъ невѣрныхъ свѣдѣній, нужно указать на отмѣченную большинствомъ изслѣдователей особенную скрытность самоѣдовъ; датчане также не могли въ ней не убѣдиться: не смотря на всѣ ихъ старанія, они не допытались даже, гдѣ живутъ захваченные ими самоѣды.

Кушелевскій, прекрасно изучившій самоѣдовъ и ихъ бытъ, также свидѣтельствуетъ: „скрытность самоѣдовъ не позволяетъ стороннему человѣку подробно вникнуть въ ихъ бытъ" (*Сѣверный Полюсъ и земля Ялмалъ*, стр. 1).

Въ другомъ мѣстѣ (*Сѣверъ Россіи*) я подробно останавлива-

юсь на морскомъ пути въ Сибирь, и между прочимъ указываю, что русскимъ того времени, подъ страхомъ жестокаго наказанія, было воспрещено сообщать иностранцамъ о проходимости проливовъ и вообще указывать путь въ Сибирь. Нѣкоторыхъ же, не въ мѣру болтливыхъ, били жестоко плетьми, „чтобы на то глядя, другимъ было неповадно“.

Даже англичане тщательно скрывали открытыя ими страны: когда извѣстный изслѣдователь сѣверныхъ странъ *Фробишеръ*, въ царствованіе просвѣщеннѣйшей королевы Елизаветы, открылъ одинъ изъ острововъ Сѣв. Америки, то, такъ какъ эта мѣстность до сихъ поръ „не была никому извѣстна и, по возможности, *должна была остаться для остальнаго свѣта тайною*, королева дала ей весьма „умѣстное“ названіе: *Meta incognita* (неизвѣстная цѣль). Подъ этимъ таинственнымъ названіемъ, избраннымъ королевою, которая сама говорила по-латыни, земля эта была нанесена на всѣ карты“ (см. *Гельвальдъ*, op. cit., стр. 324).

Что̀ касается того, что *Гренландія*, какъ ошибочно утверждаетъ Ламартиньеръ, соединяется съ Н. Землей, то является вопросъ: одинъ ли онъ такъ думалъ и точно ли понималъ подъ Гренландіей то, что̀ мы теперь понимаемъ, т. е. С.-В. берегъ Америки? Не называетъ ли онъ *Гренландіей* по-просту островъ *Шпицбергенъ*, какъ дѣлали это всѣ въ его время?

Говоря про Шпицбергенъ, *Линдеманъ* пишетъ: „замѣтимъ при этомъ, что, въ понятіяхъ моряковъ, *Шпицбергенъ тоже, что Гренландія*. Скоресби, впрочемъ, называетъ Шпицбергенъ также *Восточною Гренландіей*. По отношенію къ Шпицбергену, называемому Скоресби Вост. Гренландіей, та сторона собственно Гренландіи, которая обращена къ Европѣ, является дѣйствительно *Западною Гренландіей*, какъ ее постоянно называютъ въ гренландскихъ шханечныхъ журналахъ, говоря языкомъ моряковъ, хотя она относительно другой стороны Гренландіи, обращенной вдоль Девисова пролива къ сѣв.-американскому архипелагу, есть Восточная Гренландія“ (см.: Moritz *Lindemann*, *Die arktische Fischerei der deutschen Seestädte 1620 bis 1868, in vergleichender Darstellung*. Gotha. 1869. 4°, p. 23).

Такимъ образомъ, Ламартиньеръ безспорно ошибается, говоря, что Н. Земля, Шпицбергенъ и Гренландія находятся въ общей связи. Что же касается *названія*, общаго Шпицбергену и Гренландіи,—онъ правъ, т. к. таковъ общеупотребительный терминъ въ средѣ моряковъ

Въ 1634 г., голландцами была учреждена Компанія *гренландскаго* рыболовства на о. Шпицбергенѣ, такъ какъ, говоритъ *Гель-*

вальдъ, „не слѣдуетъ забывать, что Шпицбергенъ считался тогда *Гренландіею*“ (см. op. cit., стр. 372).

2. Чтобы оцѣнить вполнѣ отношеніе Ламартиньера къ нашимъ инородцамъ и ту „смѣлость“, съ которою онъ возстаетъ противъ общераспространеннаго убѣжденія, достаточно привести слѣдующій отрывокъ изъ извѣстнаго англо-американскаго путешественника *Диксона*, въ его книгѣ *Свободная Россія*, написанной слишкомъ 200 лѣтъ спустя послѣ Ламартиньера: „Самоѣдъ, по объясненію нѣкоторыхъ, значитъ—*людоѣдъ*, но дѣйствительно ли люди, странствующіе по этимъ пескамъ и болотамъ, заслуживаютъ эту дурную славу, остается вопросомъ открытымъ“ (см. *Путевые Очерки*. СПБ. 1878, стр. 109). Итакъ, „образованный мореплаватель“ въ концѣ XIX вѣка сомнѣвается еще, людоѣды самоѣды, или нѣтъ?...

А вотъ какъ думали о самоѣдахъ во времена, близкія Ламартиньеру: „Сказываютъ“, пишетъ *Герберштейнъ*, что съ людьми Лукоморья происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: какъ носятся слухи, они каждый годъ умираютъ, именно 27 ноября, когда у русскихъ празднуется память св. Георгія, и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частью около 24 апрѣля“. Далѣе идутъ подробности: какъ ожившіе лукоморцы ссорятся съ тѣми, кто, по ихъ мнѣнію, обманулъ ихъ во время спячки (см. *Замысловскаго*, op. cit., стр. 418).

„Нѣкоторые путешественники исказили истину“, говоритъ *Ф. Бѣлявскій*, жившій долго между самоѣдами. „Въ описаніи ихъ представляютъ не человѣками, отказываютъ имъ не только въ разумѣ, но даже и въ образѣ человѣческомъ, увѣряя при этомъ, что народы сіи лишены и самаго инстинкта, общаго всѣмъ животнымъ... Нѣкоторые историки, повѣривъ чистосердечію этихъ путешественниковъ, поставили сіи народы ниже безсловесныхъ“.

Таковъ выводъ *Бѣлявскаго*, подобно Ламартиньеру (хотя и на 150 лѣтъ послѣ него) вздумавшаго изучать иностранныхъ историковъ. Онъ указываетъ примѣры, какъ „извѣстнѣйшіе“ путешественники: Олеарій, Исбрантъ Идесъ, Витсенъ, Корнель де Брюинъ, никогда не бывавшіе въ этихъ мѣстахъ, храбро о нихъ пишутъ небылицы (см. *Ф. Бѣлявскій*, Поѣздка къ Ледовитому морю. М. 1833).

Мы не изучали указанныхъ писателей, но, судя по другимъ, Бѣлявскому вполнѣ можно повѣрить.

Припомнимъ, что не только къ нашимъ инородцамъ такъ относились, но и къ самимъ русскихъ не лучше. Это можно ви-

дѣть хотя бы изъ интереснаго *Путешествія въ Россію датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI вѣкѣ* [1]).

Этотъ датчанинъ, предшественникъ датчанъ, бывшихъ съ Ламартиньеромъ, дѣйствительно не пожалѣлъ красокъ, чтобы нарисовать про нашихъ предковъ самую мрачную картину. Это путешествіе появилось въ печати первый разъ въ 1608 г., а во второй—въ 1627 г.

И вотъ, черезъ 50 лѣтъ, датчане же, чрезъ Ламартиньера, разсказываютъ о насъ совсѣмъ другое...

Въ одномъ этомъ сопоставленіи надо видѣть важную заслугу Ламартиньера передъ Россіей.

[1]) *Переводъ* съ латинскаго, съ предисловіемъ Елпидифора *Барсова*, М. Универ. Типогр.. 1889. Въ оригиналѣ: Jacobi, nobilis Dani, Friderici II Regis Legati, Hodoeporicon Ruthenicum, nonc primum editum cum figuris aeneis, ex Bibliotheca Melchioris Heiminsfeldi Goldasti. Francofurti. 1608. 4º.

Дополненія:

I. Къ стр. XVI Введенія.

Сѣверные берега Америки представляютъ много доказательствъ справедливости наблюденій Ламартиньера надъ бѣлымъ цвѣтомъ птицъ и звѣрей въ полярныхъ странахъ. Въ этомъ случаѣ достаточно сослаться на *Путешествіе по Сѣверной Америкѣ Херна и Мякензи*, перев. съ англійск. Вас. Берха (Спб. 1808. 4°). Такъ, въ путешествіи своемъ по Мѣдной рѣкѣ (стр. 184) *Хернъ* упоминаетъ о *бѣлыхъ бобрахъ*. У него же находимъ мы упоминаніе о томъ, что «большая часть убиваемыхъ эскимо-индѣйцами *волковъ* совершенно бѣлы» (стр. 60); что полярныя «*лисицы*, когда зима установится, дѣлаются *совершенно бѣлыми*» (стр. 61). Въ послѣднемъ случаѣ, по замѣчанію переводчика В. Берха, рѣчь идетъ о песцахъ. Даже *мыши* по берегамъ Гудзонова залива «зимой становятся бѣлы, но не такъ красивы, какъ горностаи» (стр. 65). Кромѣ бѣлыхъ утокъ Хернъ отмѣчаетъ почти совершенно бѣлыхъ *журавлей*, бѣлыхъ *куропатокъ* и *совъ* (стр. 85), и даже бѣлыхъ *буйволовъ* (стр. 94).

II. Къ главѣ IX.

Работа эта была совершенно закончена, когда мнѣ удалось познакомиться съ прекрасною статьей покойнаго Владиміра Сергѣевича *Соловьева*—„Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки", напечатанной въ журналѣ *Русское Обозрѣніе* за 1890 г., сентябрь и октябрь.

Въ виду интереса, который представляетъ эта статья по отношенію къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Ламартиньеромъ, скажемъ о ней нѣсколько словъ.

Лопарскую религію вообще и шаманство въ частности, В. С. Соловьевъ возводитъ къ религіямъ древняго востока, чрезъ манджуровъ до халдеевъ.

Нашъ авторъ пишетъ на стр. 488, кн. 10 (октябрь 1890):

«Не одни ближайшіе финскіе сосѣди Лопарей считали ихъ за великихъ чародѣевъ. Такая слава про нихъ была распространена и въ Россіи, и въ Западной Европѣ. Долгое время держалось мнѣніе, что Лопари имѣютъ власть надъ вѣтрами, что они завязываютъ три волшебныхъ узла, и когда развязываютъ одинъ—подымаются вѣтры съ умѣренной силой; когда развязываютъ второй узелъ — начинаютъ дуть вѣтры болѣе сильные; когда развязутъ третій—поднимается буря и гроза. Разсказывали также, что Лопари могутъ удержать корабль на ходу, такъ что никакая сила вѣтровъ не можетъ ихъ сдвинуть съ мѣста. Писатели XVII вѣка описываютъ и даже изображаютъ на рисункахъ особыя волшебныя орудія (*ганы* и *тире*), посредствомъ которыхъ Лопари могутъ насылать болѣзни и смерть людямъ и животнымъ. „И даже до настоящаго времени“, замѣчаетъ писатель о Лапоніи *Шеффер*ъ, „нѣтъ недостатка въ печальныхъ примѣрахъ такого рода“. Могутъ Лопари наносить всякій вредъ также при помощи волшебнаго бубна, хотя способы, которыми это дѣлается, и неизвѣстны, такъ какъ Лопари держатъ ихъ въ тайнѣ. Пасторъ и магистръ Іоганнъ *Торней* вполнѣ вѣритъ въ возможность причиненія зла посредствомъ бубна. „Между этими Лопарями, пишетъ онъ, былъ одинъ, лѣтъ восьмидесяти, который признавался, что онъ, будучи еще мальчикомъ, научился отъ своего отца этому искусству, и въ 1670 г. устроилъ такъ, что одинъ крестьянинъ утонулъ въ порогѣ. Его приговорили къ смертной казни и въ оковахъ везли изъ Лапландіи къ ближайшему городу Ботніи. На дорогѣ онъ при помощи своего искусства убилъ себя такъ, что скончался въ одинъ мигъ, хотя сидѣлъ совершенно здоровымъ въ телѣгѣ“.

«Чародѣи при помощи бубна или иными магическими средствами могли узнать о томъ, что происходило въ другой, подчасъ очень отдаленной странѣ. Еще въ XVIII вѣкѣ Петръ *Гёстрёмъ* считалъ нужнымъ опровергать ходячее мнѣніе, что Лопари могутъ переноситься вмѣстѣ со своими оленьими стадами, съ мѣста на мѣсто, на облакахъ» [1]).

Потомъ Соловьевъ продолжаетъ (см. стр. 486, op. cit.):

«У Лопарей могли уже въ продолженіи тысячелѣтій существовать особые нойды не только какъ пророки, но и какъ жрецы об-

[1]) Харузинъ, стр. 213, 214.

щественнаго культа, и однакоже обязанности мазать жиромъ домашняго идола, ближайшаго семейнаго предка, оставалась всецѣло за отцомъ семьи. У Манчжуровъ мы видѣли нѣчто большее: здѣсь отцы семействъ сохранили за собою исключительное право и на особую часть общественнаго богослуженія, именно на жертвоприношенія въ божницахъ національнаго духа-предка Шанси, и, однакоже, это не помѣшало Манчжурамъ, съ незапамятныхъ временъ, имѣть особый классъ самановъ для прочихъ религіозныхъ потребностей. Чтобъ у Лопарей, издревле знаменитыхъ своими колдунами, особые колдуны появились только въ XVII вѣкѣ—это не только мало вѣроятно, но и совершенно невозможно».

Наконецъ, цитируя Н. Н. Харузина, Соловьевъ приводитъ изъ его книги слѣдующую выдержку (см. op. cit., стр. 492—493).

„Среди современныхъ русскихъ Лопарей, говоритъ г. Харузинъ, представленіе, что колдуньямъ служатъ духи, сохранилось въ полной силѣ. Какъ естественно было ожидать, эти духи вмѣстѣ съ большинствомъ прочихъ сверхъестественныхъ существъ, въ которыхъ вѣровали древніе Лопари, обратились въ чертей: эти-то черти и служатъ колдунамъ; ночью чертъ водитъ душу колдуна по разнымъ мѣстамъ; онъ же открываетъ ему будущее, отвѣчаетъ на вопросы и т. д. И у современныхъ русскихъ Лопарей, на Пазрѣкѣ и на Нотозерѣ по крайней мѣрѣ, существуютъ представленія, по которымъ, когда умираетъ нойда, духи ему служащіе остаются свободными, если только колдунъ не успѣлъ ихъ завѣщать кому-нибудь. Тогда духи направляются то къ одному, то къ другому Лопарю, предлагая свои услуги... На Пайасъ-озерѣ жилъ Лопарь съ женой не очень еще давно. У нихъ было три сына. Отецъ и мать уѣзжали на озеро промышлять рыбу, а дѣтей оставляли дома однихъ. Въ отсутствіе родителей ежедневно приходили къ нимъ трое красивыхъ юношей. Когда родители должны были возвращаться съ промысла, юноши уходили и говорили мальчикамъ: когда вы выростете большими, мы будемъ жить вмѣстѣ, неразлучными будемъ товарищами. Вы только отцу и матери не говорите, что мы ходимъ къ вамъ и что вамъ говоримъ. Однако меньшой сынъ разъ какъ-то проговорился и разсказалъ родителямъ о томъ, что происходитъ въ ихъ отсутствіе. Тѣ испугались, чтобы кто-нибудь не укралъ у нихъ дѣтей, и потому переѣхали вмѣстѣ съ тупой на другой берегъ озера. Юноши болѣе не показывались, но вскорѣ всѣ три сына умерли. Тогда родители догадались, что подъ видомъ трехъ юношей приходили къ ихъ дѣтямъ дьяволы, оставшіеся послѣ смерти какого-нибудь нойды и хотѣли имъ служить“ (Харузинъ, стр. 221).

Эти же цитаты, помимо отношенія къ „торговлѣ вѣтромъ", должно имѣть въ виду и по отношенію къ другимъ сообщеніямъ Ламартиньера, касающимся вѣрованій лопарей. Относительно „магизма" этой религіи см. выше, стр. 80.

III. Къ главѣ XXXV.

По словамъ *Херна* (op. cit.), морской единорогъ водится въ Гудзоновомъ заливѣ, и у сѣверныхъ индѣйцевъ онъ часто покупалъ рога единорога. Къ этому *В. Берхъ* прибавляетъ: «*морской единорогъ* суть (sic!) большое китородное животное, обитающее сѣверныя моря. Длиною бываетъ отъ 30 до 40 футъ, а голова его вооружена рогомъ, имѣющимъ каналъ и винтообразнымъ, бываетъ онъ въ семь футъ длиною, а иногда и болѣе. Ученые утверждаютъ, что это настоящій зубъ, а не рогъ; ибо онъ выходитъ изъ верхней челюсти, простирается впередъ, походитъ на слоновую кость и не подверженъ желтѣнію.

«Въ 1684 году привезли въ Гамбургъ голову сего животнаго о двухъ зубахъ, да говорятъ и у каждаго есть другой зародышъ; но утвердить сего я не могу".

Въ данномъ случаѣ для насъ всего любопытнѣе то, что существованіе *морскою единорога* въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ у Ламартиньера, подтверждаетъ самый лютый критикъ нашего автора. Тоже можно сказать и о „бѣлизнѣ" сѣверныхъ животныхъ (см. выше дополненіе I); за указаніе на эту бѣлизну тотъ же Берхъ осуждалъ Ламартиньера въ *1812 г.*, *въ Хронологическомъ обозрѣніи путешествій*, а въ своемъ переводѣ *Херна* (*1808 г.*) онъ этого послѣдняго автора за тѣ же указанія ничуть не осуждаетъ, но вполнѣ съ нимъ соглашается.

Прибавленіе.

Фронтисписъ, помѣщенный въ началѣ амстердамскаго изданія E. Roger'a.

NOUVEAU
VOYAGE
DU
NORT

Dans lequel on voit les Mœurs, la Maniere de vivre, & les Superſtitions des Norweghiens, des Lapons, des Kiloppes des Borandiens, des Syberiens, des Moſcovites, des Samojedes, des Zembliens & des Iſlandois.

Par le Sr. ***

A AMSTERDAM:
Aux dépens d'*Eſtienne Roger*, Marchant Libraire, chez qui on trouve toute ſorte de Muſique.

Заглавный листъ амстердамскаго изданія.

Выше мы говорили о нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изданіяхъ книги Ламартиньера. Третье изданіе (книгопродавца *Рибу*, 1682 года) занимаетъ уже болѣе 400 страницъ; въ него вставлено между прочимъ совершенно не идущее къ дѣлу описаніе страны мавровъ и и ихъ исторія.

Въ то время, когда настоящая книга уже печаталась, благодаря содѣйствію Стефана Кировича Кузнецова, мнѣ удалось купить за 10 рубл. одинъ очень любопытный экземпляръ, о которомъ и надо сказать нѣсколько словъ.

Помѣщаемъ здѣсь фронтисписъ и заглавный листъ этого изданія.

Книжка эта, мнѣ кажется, можетъ служить ключомъ къ рѣшенію вопроса: почему сначала, *послѣ первыхъ двухъ изданій* книги Ламартиньера, его сочиненіе имѣло такой успѣхъ, а потомъ его всѣ начали сильно порицать и, въ концѣ концовъ, забыли и книгу, и автора.

Это и есть та книга, которую всѣ приписывали самому Ламартиньеру и въ коей содержатся именно всѣ тѣ нелѣпости, за которыя его такъ жестоко критиковали. Остановимся на ней подольше.

Въ книгѣ всего 342 страницы [первое изданіе, какъ мы знаемъ, содержитъ 201 страницу], и хотя форматъ ея тотъ же самый въ 12^0, но напечатана она сжатѣе перваго изданія: въ первомъ изданіи на страницѣ 25 строкъ, по 38 буквъ въ каждой, а въ этомъ—на страницѣ 27 строкъ, по 42 буквы въ каждой; очевидно, тутъ „матеріала“ потребовалось гораздо больше, чѣмъ для перваго изданія.

Такъ какъ книга издана безъ имени ея автора—Ламартиньера, то надо было обратиться къ выясненію вопроса: чья же она?

Барбье, въ своемъ словарѣ (*Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes*. 2 édit. Paris, chez Barrois l'aîné. 1823. Tome II, p. 456) указываетъ ее подъ № 12581. Тутъ приведено заглавіе и помѣтка, что хотя книга выпущена и безъ указанія года изданія, но онъ ее относитъ ко времени *около 1700 г.* и авторомъ ея называетъ *Ламартиньера*. Потомъ сказано: «оригиналъ изданія этого путешествія появился въ Парижѣ, въ 1671 году, подъ заглавіемъ—*Voyage des pais septentrionaux etc.*, съ именемъ Ламартиньера. Изданіе было повторено Рожеромъ, подъ заглавіемъ *Nouveau Voyage vers le septentrion*, въ Амстердамѣ, въ 1708 г.»

Такимъ образомъ, по Барбье выходитъ, что Рожеромъ было повторено въ Амстердамѣ именно *первое* изданіе этой книги, а на самомъ дѣлѣ—Рожеръ переиздалъ только то изданіе, которое Барбье относитъ къ 1700 г., т. е. также амстердамское.

Въ этомъ изданіи *выпущена* Исторія Мавровъ, помѣщенная въ 3-мъ изданіи, выпущена также часть разсужденія автора о географіи нашего Сѣвера, съ его картой; есть и еще менѣе значительныя измѣненія: кое-что выброшено, кое-что прибавлено. Но, самое главное измѣненіе — появленіе знаменитаго разсказа о Россіи и русскихъ, приводимаго будто бы Ламартиньеромъ со словъ того ссыльнаго лотарингскаго дворянина, котораго онъ встрѣтилъ на пути въ Сибирь. Разсказъ этотъ тянется отъ страницы 120 до 256, т. е. занимаетъ болѣе трети всей книги. Вотъ тутъ-то и находятся всѣ тѣ нелѣпости, которыя приписаны Ламартиньеру всѣми писавшими объ немъ и его книгѣ, не читавшими подлиннаго, перваго изданія, а положившимися, въ лучшемъ случаѣ,—на это амстердамское изданіе, а въ худшемъ—на разныхъ нѣмецкихъ комментаторовъ и главнымъ образомъ на пресловутаго *Аделунга*.

Невольно приходится задать себѣ вопросъ: какъ могъ этотъ дворянинъ, во время короткой (*четырехчасовой* съ небольшимъ) остановки въ пути [1]), между разсказами о взаимныхъ приключеніяхъ, выпивкой и пр.,—какъ могъ успѣть передать столь обширныя свѣдѣнія о Россіи, и даже съ рисунками?

Чтобы записать такой обстоятельный разсказъ, потребно очень много времени, и надо дѣлать это не на морозѣ и не во время пирушки на привалѣ.

Значитъ: или самаго разсказа не могло быть, или лотарингецъ разсказалъ Ламартиньеру кой-что, лишь въ общихъ, бѣглыхъ чертахъ, а остальное авторъ самъ присочинилъ.

Теперь спрашивается: если Ламартиньеръ сочинилъ такой длинный и, въ своемъ родѣ, обстоятельный разсказъ о Россіи, почему онъ его не напечаталъ въ первыхъ изданіяхъ, почему вообще не печаталъ этого разсказа цѣлыхъ тридцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія? А со времени полученія разсказа отъ лотарингца прошло уже полныхъ пятьдесятъ лѣтъ.

Допустивъ, что Ламартиньеръ, тѣмъ или инымъ путемъ, дѣйствительно получилъ этотъ разсказъ, надо будетъ удивляться его добросовѣстности: онъ его такъ и не напечаталъ при жизни, не имѣя возможности провѣрить всѣхъ свѣдѣній, которыя тамъ приводятся.

Наконецъ, допустимъ нѣчто невѣроятное—что разсказъ дѣйствительно записанъ, со словъ лотарингца, самимъ Ламартинье-

---

[1]) Что свиданіе это длилось *именно 4 часа съ небольшимъ*, Ламартиньеръ точно указываетъ въ главѣ XXXI, стр. 115 подлиннаго изданія, а въ амстердамскомъ изданіи описаніе свиданія излагается въ XXVII главѣ, со стр. 117. Ср. выше, стр. 59.

ромъ и что этотъ послѣдній дѣйствительно самъ напечаталъ его еще при жизни.

Что же изъ этого слѣдуетъ?

Можно ли обвинять *Ламартиньера*, называть его вралемъ, барономъ Мюльгаузеномъ и пр. за сообщенныя въ этомъ разсказѣ невѣрныя свѣдѣнія, когда Ламартиньеръ такъ и говоритъ, что этотъ разсказъ онъ *получилъ отъ лотарингца*, а самъ онъ, Ламартиньеръ, въ Москвѣ и прочихъ, описанныхъ въ разсказѣ, мѣстахъ не только не былъ и всѣхъ описываемыхъ событій не видалъ, но даже,—прибавимъ отъ себя,—этихъ свѣдѣній провѣрить не имѣлъ никакой возможности, такъ какъ далекія окраины Россіи въ то время были почти *terra incognita* не только для иностранцевъ, но и для самихъ русскихъ. Каждый авторъ, разумѣется, въ правѣ привести въ своемъ сочиненіи чей-нибудь разсказъ о мало извѣстной странѣ, не ручаясь за его достовѣрность. Суровые же критики обвиняютъ *именно* Ламартиньера, какъ будто онъ вездѣ говоритъ отъ себя лично и на основаніи собственныхъ наблюденій.

Замѣтимъ еще, что изъ разсказа видно, что часть приводимыхъ свѣдѣній лотарингскій дворянинъ передаетъ съ чужихъ словъ, не только не ручаясь за ихъ достовѣрность, но прямо выражая свое сомнѣніе въ ихъ правдивости, а подчасъ и опровергая эти извѣстія, какъ напр. въ вопросѣ объ извѣстномъ *„скивскомъ барашкѣ“* (см. главу XLII). Такимъ образомъ, нѣкоторыя свѣдѣнія получены Ламартиньеромъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ,—что отмѣчено даже въ амстердамскомъ изданіи,—и дѣлать его за нихъ отвѣтственнымъ нѣтъ основаній.

Привести эти свѣдѣнія, хотя бы какъ слухъ, какъ разсказъ о почти неизвѣстной странѣ, имѣлъ право всякій авторъ, и надо благодарить его, что онъ позаботился записать для насъ многія извѣстія, между которыми есть и очень интересныя, изъ числа циркулировавшихъ въ то время про наше отечество. Разобраться же въ томъ, что въ этихъ разсказахъ правда и что не правда, составляло уже задачу критики, чего никто и не думалъ сдѣлать.

Вообще, вся эта „исторія“ съ разсказомъ и самый разсказъ лотарингца—темны и загадочны.

Мы рѣшили поэтому самый разсказъ напечатать совершенно отдѣльно отъ текста перваго изданія книги Ламартиньера, которое и составляетъ собственно предметъ нашего изслѣдованія. Что касается критическаго разбора извѣстій, приводимыхъ въ разсказѣ лотарингца, то разборъ этотъ самъ по себѣ можетъ составить тему для новой работы и въ значительной мѣрѣ увлекъ бы насъ за предѣлы нашей прямой задачи.

Обратимся теперь къ самому разсказу лотарингца. Всякій, кто даже бѣгло ознакомится съ этимъ разсказомъ, ясно увидитъ, что онъ не могъ принадлежать Ламартиньеру. Довольно сказать, что въ разсказѣ русскій царь вездѣ именуется *императоромъ*, титуломъ, неизвѣстнымъ въ Россіи до временъ Петра; потомъ разсказчикъ говоритъ діаметрально противоположное тому, что̀ писалъ Ламартиньеръ, напр., увѣряетъ, что самоѣды—людоѣды и пр. Но самое главное,—въ этомъ разсказѣ описываются событія, бывшія послѣ совершенія Ламартиньеромъ его путешествія, значитъ—послѣ того, какъ онъ встрѣтилъ пресловутаго лотарингскаго дворянина.

Такъ, въ разсказѣ (глава XLV-ая) упоминается, что русскіе познакомились съ сифилисомъ *послѣ взятія г. Вильны* и другихъ пограничныхъ городовъ; Вильна же была занята московскими и казацкими войсками *8 августа 1655 г.*

Далѣе, въ разсказѣ описывается рожденіе царевича, „*которое имѣло мѣсто 2 іюня 1661 года*“, тогда какъ Ламартиньеръ былъ въ Россіи въ 1653 году, а изъ дальнѣйшаго изложенія легко понять, что дѣло идетъ о времени даже болѣе позднемъ: сказано, что̀ дѣлали, когда царевичу исполнилось 15 лѣтъ, т. е. около 1676 года, спустя двадцать три года послѣ этого путешествія, и т. п.

Всего вѣроятнѣе, что Ламартиньеръ ничего подобнаго не писалъ, а ссыльный лотарингецъ не могъ ему разсказывать о событіяхъ, имѣющихъ случиться черезъ много лѣтъ послѣ. Одно достовѣрно, что Ламартиньеръ, какъ въ первомъ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, пишетъ о своемъ свиданіи и бесѣдѣ съ этимъ лотарингцемъ. Затѣмъ, путешествіе было совершено въ 1653 году, а первое изданіе напечатано самимъ Ламартиньеромъ въ 1671 г. Значитъ, авторъ имѣлъ много времени въ своемъ распоряженіи, чтобы обдумать и провѣрить свѣдѣнія, полученныя отъ этого дворянина, подобно тому, какъ онъ обдумывалъ и изучалъ другіе вопросы, которыхъ касается въ своей книгѣ, напр., вопросы о единорогѣ и о географіи Сѣвера Россіи.

Разсказъ лотарингца (не касаясь вопроса о его достовѣрности) очень „интересенъ“ уже по своей новизнѣ, по тому одному, что въ то время было очень мало извѣстій о Россіи въ Зап. Европѣ. Никакой авторъ и издатель не отказались бы помѣстить въ своей книгѣ столь интересныя свѣдѣнія. Имѣй Ламартиньеръ эти свѣдѣнія, онъ бы ихъ съ бо́льшимъ основаніемъ помѣстилъ въ третьемъ изданіи, вмѣсто не идущей къ дѣлу Исторіи Мавровъ.

Что за границей вообще процвѣтаетъ контрафакція,—это общеизвѣстно, и этимъ преимущественно занимается издавна Бель-

гія, особенно облюбовавшая французскихъ авторовъ. Въ то время, очевидно, этимъ занималась Голландія. Довольно посмотрѣть на амстердамское изданіе, чтобы видѣть въ немъ поддѣлку. Самое заглавіе „*Nouveau Voyage*“ говоритъ уже многое. Развѣ Ламартиньеръ въ началѣ XVIII стол. совершилъ какое-нибудь *новое* путешествіе по Россіи? Надо думать, что онъ давно уже лежалъ въ могилѣ, а издатель выпускаетъ его „новое“ путешествіе. Да и вообще говоря, развѣ можно назвать *новымъ* путешествіе, совершенное 50 лѣтъ назадъ?

Далѣе, къ чему такая скромность: не выставлено имени автора, а поставлены только три звѣздочки? Книга Ламартиньера къ этому времени имѣла вполнѣ заслуженный успѣхъ, имя автора было хорошо извѣстно; зачѣмъ же издателю понадобилось скрывать столь извѣстное имя, которое одно могло обезпечить успѣхъ всякой книгѣ?

Можно бы и еще привести нѣсколько соображеній, но думаю, что и приведенныхъ слишкомъ достаточно для доказательства того, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ беззастѣнчивой контрафакціей. Такъ какъ разбираемое изданіе было по счету послѣднимъ французскимъ, а первое (парижское) за 30 лѣтъ успѣло уже все разойтись и его было трудно достать, то ученые и начали пользоваться этимъ послѣднимъ изданіемъ, стали по немъ судить и бранить Ламартиньера.

Ознакомившись «съ разсказомъ лотарингскаго дворянина» по этому изданію, мы рѣшили привести его здѣсь отдѣльно. Дѣлаемъ мы это не только руководствуясь афоризмомъ *Карлейля*, что „нѣтъ такой книги, изъ которой нельзя было бы извлечь чего-нибудь полезнаго“, но и соображеніями иного рода.

Во-первыхъ, у насъ очень немного извѣстій того времени о Россіи, и всякое новое, даже завѣдомо ложное, можетъ быть интереснымъ, какъ показатель того, что объ насъ думали, какъ объ насъ писали за границей, на основаніи какихъ свѣдѣній строилось объ насъ мнѣніе иностранцевъ.

Во-вторыхъ, въ этомъ разсказѣ, наряду съ разными вымыслами, попадаются кое-какія вѣрныя замѣчанія.

Въ-третьихъ, привести этотъ разсказъ будетъ полезно и потому, что онъ сниметъ съ памяти Ламартиньера обвиненія, которыя на него сыпались, такъ какъ въ этомъ именно разсказѣ, повторяю, и находятся всѣ тѣ нелѣпости, въ напечатаніи которыхъ обвиняли нашего автора.

Въ концѣ XXVII главы амстердамскаго изданія, соотвѣтствующей главѣ XXXI перваго изданія, отъ лица Ламартиньера говорится:

„Поговоривъ и закусивъ (со встрѣченнымъ имъ лотарингцемъ), я, зная этого дворянина за человѣка съ хорошимъ образованіемъ, долго жившаго въ Россіи, просилъ его разсказать мнѣ правдиво обо всемъ, что онъ тутъ видѣлъ".

Далѣе начинается самый разсказъ, который занимаетъ главы съ XXVIII по XLIX включительно.

Глава XXVIII. ***Природныя свойства русскихъ. Презрѣніе ихъ къ наукамъ. Объ ихъ духовенствѣ. Объ ихъ богослуженіи и ихъ церквахъ. Какіе обряды соблюдаютъ они въ дѣлахъ вѣры. Часы ихъ молитвы. Ихъ крещеніе. Имена и жены священниковъ, одежда духовенства. Необычайная смерть нѣкоторыхъ отступниковъ иностранцевъ.***

Очень мало людей, которые не знали бы теперь географическаго положенія Россіи, поэтому я не считаю нужнымъ дѣлать здѣсь описаніе его. Моя задача—поговорить о религіи русскихъ, ихъ обычаяхъ и о самыхъ жителяхъ, что, по моему мнѣнію, будетъ и пріятно, и небезполезно; правдивость моего разсказа должна извинить, что мѣстами въ немъ будетъ кое-что непристойное, а также и то, что въ немъ не будетъ никакихъ прикрасъ.

Никто изъ людей болѣе образованныхъ, чѣмъ я, не имѣлъ до сего дня такой возможности узнать подробно особенности этого великаго государства: одни не могли этого сдѣлать изъ-за препятствій, почти непреодолимыхъ, которыя возникаютъ во время путешествія, вслѣдствіе нежеланія русскихъ допускать иностранцевъ изучать ихъ страну, другіе—вслѣдствіе особой ревности жителей, населяющихъ страну, которые не имѣютъ никакого образованія и, будучи глубоко невѣжественны во всѣхъ областяхъ цивилизованной жизни и въ церковныхъ дѣлахъ, становятся крайне подозрительными при всякомъ вопросѣ о мелочахъ, касающихся ихъ образа правленія и религіи.

Въ 1560 г. у нихъ введено книгопечатаніе и устроено училище для обученія латинскому языку, но это училище было совершенно разрушено мѣстнымъ духовенствомъ, которое преимущественно набирается изъ свѣтскихъ людей доброй жизни и примѣрныхъ нравовъ для исполненія обязанностей священниковъ; поэтому духовенство не обладаетъ такими особенностями, которыя отличали бы его отъ прочихъ смертныхъ.

Русскіе приняли христіанство и были крещены, послѣ того какъ увидали чудо, которое совершилъ въ Кіевѣ (*Chioff*) одинъ

священникъ, коего молитвы исцѣлили опасно больного князя московскаго (*Duc de Moskow*) и обратили его въ христіанство.

Ихъ церковная служба (liturgie) взята съ греческой: она составлена на славянскомъ языкѣ, знаніе котораго распространено среди нихъ почти также, какъ знаніе латыни въ странахъ римскаго вѣроисповѣданія.

Они подражаютъ грекамъ въ архитектурѣ своихъ церквей. Русскія церкви украшены живописью и [иконы] богато убраны каменьями. Но рѣзныя изображенія оттуда изгнаны, и на почитаніе ихъ они смотрятъ, какъ на идолопоклонство.

Они не преклоняютъ колѣнъ во время молитвъ, но, падая ницъ, распростираются. Наканунѣ нѣкоторыхъ церковныхъ праздниковъ они проводятъ ночи напролетъ въ церкви, распростираясь время отъ времени, дѣлая крестное знаменіе и ударяясь головой о землю.

Есть перерывы въ ихъ службахъ, во время которыхъ дозволено заниматься дѣлами. Императоръ (*l'Empereur*) постоянно присутствуетъ на службахъ, въ сопровожденіи всего двора, забираетъ съ собою весьма многихъ, и если кого-нибудь изъ свиты не оказывается, онъ наводитъ точныя справки.

Въ Пятидесятницу украшаютъ они церкви вѣтвями клена (*érable*), который считается русскими за сикомору (*sycomore*); на нихъ они простираются, въ увѣренности, что Св. Духъ снизойдетъ на эти вѣтви, подобно тому какъ манна нѣкогда падала на вѣтви дуба въ пустынѣ.

Инструментальная музыка [въ церквахъ] не употребляется съ того времени, какъ она была запрещена послѣднимъ патріархомъ [1]).

Обѣдней (*Obedni*) называются молитвы, совершаемыя черезъ 3 часа послѣ восхода солнца, Вечерней (*Vecherney*)—которыя совершаются послѣ захода солнца, а Заутреней (*Zaoutrinys*) тѣ, что читаются въ 1 часъ ночи.

Обьдня, или утренняя молитва:

„Господи, помилуй меня, по своей великой милости и отпусти мои прегрѣшенія, по множеству твоихъ щедротъ“.

Вечерня, или вечерняя молитва.

„Господи, простри ухо къ моимъ молитвамъ, услышь меня, когда я тебя призываю, и допусти дойти моимъ моленіямъ до тебя“.

[1]) По поводу вѣрованій и обрядовъ нашихъ предковъ и взглядовъ на нихъ иностранцевъ см. книгу *Л. И. Рущинскаго*, „Религіозный бытъ русскихъ, по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ“. М. 1871 г.

Заутреня, или молитва, совершаемая въ 1 часъ ночи:

„Мы возлагаемъ наше упованіе на Христа Спасителя и нашу надежду возлагаемъ на него.

Они повторяютъ сто разъ подъ рядъ *Miserere*, которое называютъ „Господи помилуй“ (*Hospody pomêle*), и тотъ изъ священниковъ, который можетъ повторять его безчисленное число разъ, не переводя дыханія, наиболѣе почитается.

Священники читаютъ безпорядочно, человѣкъ 5 или 6 вмѣстѣ: одинъ главу изъ Евангелія, другой—какой-нибудь псаломъ, третій—молитву и т. д.

Они называютъ попомъ (*pape*) приходскаго священника, какъ напр., попъ Петръ, попъ Иванъ; митрополитомъ называютъ епископа, а протопопомъ (*protopape*)—старшаго священника. Попы обыкновенно одѣваются въ красное, нѣкоторые—въ зеленое, а другіе—согласно своей фантазіи: ихъ отличаютъ только по двумъ небольшимъ кускамъ матеріи, которые они носятъ по обѣ стороны груди, и по красной шапкѣ, которая покрываетъ ихъ бритую макушку. Они никогда не стригутъ волосъ и не брѣютъ бородъ. Они обязательно должны быть женатыми; но они не могутъ жениться болѣе чѣмъ на одной женѣ, согласно словамъ св. Павла. Такимъ образомъ, ихъ священство зависитъ отъ ихъ женъ и прекращается съ ихъ смертью: вотъ почему они женятся въ молодости, чтобы заранѣе насладиться [супружескимъ] счастіемъ и лучше обращаются со своими женами, чѣмъ другіе жители. Жены священниковъ, какъ ихъ мужья, отличаются двумя небольшими кусками матеріи, которые они также носятъ по обѣ стороны груди.

Крещеніе русскихъ тѣмъ различается отъ совершаемаго римскою церковью, что они совершаютъ при этомъ полное погруженіе младенцевъ.

Обычай покупать иноземцевъ, чтобы обращать ихъ въ свою религію, существовавшій раньше, теперь не практикуется. Когда кто-нибудь, католикъ или протестантъ, отрекается отъ своей вѣры, требуется, чтобы онъ отрекся также отъ своего перваго крещенія, чтобы проклялъ своего отца и мать и чтобы плюнулъ трижды черезъ плечо.

Нѣкоторые давнишніе жители Россіи замѣтили, что изъ 200 такихъ англичанъ, шотландцевъ или голландцевъ, которые приняли русскую вѣру, почти никто не умеръ естественною смертью.

Примѣчаніе.

Біографъ Ламартиньера *Эйріесъ* (см. выше, стр. III), упоминаетъ объ указанномъ библіографомъ *Барбье* изданіи 1708 г.:

„Амстердамское изданіе 1708 г. содержитъ поправки собственныхъ именъ и двѣ новыя главы: первая—о пользѣ путешествій и вторая—о необходимости торговли. Тутъ же исправлены указанія автора на религію и нравы русскихъ“.

Мы этого изданія не видали и не можемъ судить о „поправкахъ“, которыя вздумалось дѣлать контрафакторамъ подъ именемъ Ламартиньера. Если эти поправки такого же сорта, какъ находящіяся въ только-что приведенной главѣ изданія Рожера, то о напечатаніи ихъ можно только пожалѣть. Въ самомъ дѣлѣ,—говоря о религіи русскихъ, Ламартиньеръ хотя и ошибается во многомъ, какъ мы видѣли, но во всякомъ случаѣ не пишетъ такихъ явныхъ нелѣпостей, какъ только-что приведенныя и дальнѣйшія, ему приписываемыя. Въ 1708 году его уже не было на свѣтѣ, а контрафакторы все-таки не оставляютъ его въ покоѣ и продолжаютъ „исправлять“ и „дополнять“ текстъ путешествія все новыми и новыми свѣдѣніями...

Глава XXIX. ***О русской свадьбѣ. Церемоніи, соблюдаемыя причетникомъ относительно невѣсты. Эпиталама, распѣваемая молодыми людьми и дѣвушками. Наставленіе старой женщины новобрачнымъ. О брачной комнатѣ. Молодая снимаетъ сапоги съ молодого. Жестокости, совершаемыя русскими надъ своими женами. Условіе, которое дѣлаютъ родители невѣсты съ желающими жениться на ихъ дочеряхъ. Колдовство, употребляемое на свадьбахъ. Затворничество женщинъ. Наказанія, налагаемыя на тѣхъ, которые женятся во второй или третій разъ. О царевичѣ*** (*Czaroïde*). ***Какъ царь выбираетъ себѣ жену. Что произошло, когда онъ пожелалъ вступить въ бракъ. Родители царицы*** [*de l'Imperatrice*]. ***О дѣтяхъ русскихъ. Когда ихъ отнимаютъ отъ груди. О постахъ и покаяніи.***

Большинство русскихъ браковъ совершается чрезъ посредство третьихъ лицъ и безъ особой торжественности. Обыкновенно 5 или 6 пріятельницъ желающаго жениться осматриваютъ невѣсту всю голую, прежде чѣмъ вступить въ переговоры, и если она окажется съ какимъ-нибудь тѣлеснымъ недостаткомъ, она старается его скрыть, насколько это въ ея силахъ. Но женихъ не видитъ почти никогда невѣсты до тѣхъ поръ, пока

она не вступитъ въ брачную комнату, гдѣ долженъ завершиться бракъ.

Церемоніи при бракосочетаніи не велики. Небольшое количество народа ожидаетъ молодую у церкви до 3 часовъ по полудни. Когда она выходитъ изъ церкви, пономарь (*le panata*) осыпаетъ ее хмѣлемъ и желаетъ ей дѣтей столь же крѣпкихъ, какъ этотъ хмѣль. А другой, одѣтый въ вывернутую шерстью наружу баранью шкуру [шубу], сопровождаетъ ее и желаетъ ей столько дѣтей, сколько волосъ въ его одеждѣ.

Молодые люди провожаютъ жениха до его дома, а старухи сопровождаютъ невѣсту, которая совершенно закутана, такъ что ея нельзя видѣть, священникъ же, или приходскій попъ несетъ передъ ней крестъ.

Молодые садятся за столъ и остаются за нимъ нѣкоторое время. Передъ ними хлѣбъ—соль, но они ничего не ѣдятъ; а въ это время хоръ молодыхъ парней и дѣвушекъ поетъ величаніе и свадебныя пѣсни, такія нескромныя, что и нельзя больше.

По выходѣ изъ-за стола, какая-нибудь старая женщина и попъ провожаютъ молодыхъ до ихъ опочивальни, гдѣ старуха внушаетъ молодой выказывать своему мужу нѣжность и послушаніе, а молодому—любить жену какъ слѣдуетъ.

Въ одномъ сапогѣ мужа положенъ кнутъ, а въ другомъ—какая-нибудь драгоцѣнная вещь или серебряная монета. Онъ приказываетъ молодой разуть себя, и если случится, что она сниметъ сначала тотъ сапогъ, въ которомъ драгоцѣнная вещь, онъ ее даритъ ей, и это считается для нея добрымъ предзнаменованіемъ; но она считается несчастной, если разуетъ сапогъ съ кнутомъ: мужъ даетъ ей кнутомъ ударъ, чтобы наказать, и это только начало того, что она будетъ терпѣть впослѣдствіи. По окончаніи этой церемоніи, ихъ запираютъ въ комнатѣ на два часа. Старуха ожидаетъ доказательствъ невинности молодой и лишь только въ ней убѣдится, заплетаетъ волосы, которые до этого у молодой были распущены по плечамъ, и идетъ просить себѣ *l'Abricias* (?) у родителей невѣсты.

Чтобы имѣть теплые жилые покои, въ Россіи сверху [поверхъ потолка] насыпаютъ землю, толщиною до 2 футъ; но на свадьбѣ строго наблюдаютъ, чтобы надъ головами молодыхъ не было земли, такъ какъ земля—символъ смерти и не должна въ это время быть предметомъ ихъ думъ.

Дѣти—сыновья или дочери—не смѣютъ отказываться отъ жениховъ или невѣстъ, которыхъ имъ избираютъ родители, а также не могутъ отказываться отъ выбора людей, выше ихъ стоящихъ

и отъ которыхъ они зависятъ. Борисъ Ивановичъ Морозовъ (*Boris Iuanoïdg Moroso*), второе лицо въ государствѣ, рѣшилъ женить одного изъ своихъ друзей на богатой голландской вдовѣ, принявшей православіе. Она бросилась въ ноги женѣ Бориса, родной сестрѣ императрицы, и заклинала ее повліять на мужа, чтобы тотъ измѣнилъ свое намѣреніе, увѣряя, что она дала обѣтъ не выходить вторично замужъ. Всѣ ея мольбы и клятвы остались напрасны. „Неужели ты хочешь его безчестія (*bischest*)?“ отвѣчала жена Бориса, т. е. хочешь обезчестить мужа, отвергнувъ руку его избранника и заставивъ его нарушить слово, которое далъ Борисъ.

Русскіе обращаются со своими женами очень сурово и безчеловѣчно, хотя жены этого и не заслуживаютъ иной разъ. Три или четыре года тому назадъ одинъ купецъ, избивъ жену самымъ жестокимъ образомъ, заставилъ ее одѣть рубашку, облитую водкой и зажегъ; несчастная погибла въ пламени.

Но всего удивительнѣе то, что никто не преслѣдовалъ его за эту смерть, такъ какъ нѣтъ закона, наказывающаго тѣхъ, кто убиваетъ своихъ женъ, подъ предлогомъ ихъ исправленія. Другіе варвары вѣшаютъ своихъ женъ за волосы, или, раздѣвъ догола, бичуютъ.

Надо впрочемъ сказать, что они не часто примѣняютъ такія жестокости, развѣ только въ наказаніе за пьянство или за супружескую измѣну. Теперь эти жестокости даже рѣдки. Я замѣчалъ тѣмъ не менѣе, что родители жены, время отъ времени, дѣлаютъ попытки предупредить жестокости по отношенію ихъ дочерей и включаютъ въ брачное условіе нѣкоторые параграфы, по которымъ мужья обязаны содержать ихъ сообразно съ общественнымъ положеніемъ, обращаться съ ними кротко, кормить ихъ хорошимъ мясомъ и давать пить только хорошіе напитки, ничуть не наказывать ихъ кнутомъ, не увѣчить ихъ ни ударомъ ноги, ни ударомъ кулака и пр. Обыкновенно зарываютъ живою въ землю по шею ту женщину, которая убила своего мужа, и оставляютъ ее въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока она не умретъ.

Рѣдко бываютъ свадьбы, особенно въ высшихъ сословіяхъ, чтобы при этомъ не прибѣгали къ колдовству, и между прочимъ говорятъ, что колдовство очень распространено среди монахинь и составляетъ одно изъ ихъ главныхъ ихъ занятій.

Я видѣлъ одного новобрачнаго, въ гнѣвѣ выбѣжавшаго изъ комнаты новобрачной, рвавшаго [на себѣ] волосы, кричавшаго, что онъ погибъ и околдованъ. Средство, коимъ избавляются отъ колдовства, состоитъ въ томъ, что обращаются къ колдуньямъ же

(*magiciennes blanches*), которыя за деньги уничтожаютъ чары и расколдовываютъ молодыхъ, заколдованныхъ другимъ колдуномъ. Подобное колдовство и было причиной того состоянія [т. е. импотенціи], въ какомъ я видѣлъ молодого человѣка.

Церковные законы воспрещаютъ имѣть сношенія съ женами три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятницу. Тѣ же, которые нарушаютъ это правило, должны сходить въ баню, прежде чѣмъ итти въ церковь. Входъ въ церковь запрещенъ и тому, кто вторично женится: онъ можетъ доходить только до притвора (*portique*) церкви, а кто женится въ третій разъ, отлучается отъ церкви.

Если жену признаютъ безплодною, то стараются всѣми мѣрами склонить ее къ поступленію въ монастырь, а если она не согласна, то дозволяется принудить ее къ этому ударами кнута.

Говорятъ, что императрицу постригли бы въ монахини, если бы она не родила царевича (*Czaroidg*), или принца, которымъ она разрѣшилась *2 іюня 1661 года*, послѣ того какъ у нея уже было 4 дочери.

Случилось, что когда императоръ захотѣлъ жениться, между множествомъ молодыхъ и прекрасныхъ дѣвушекъ, которыхъ представили ему, согласно обычая, одна чрезвычайно ему понравилась, а это внушало нѣкоторымъ лицамъ, имѣвшимъ свои планы, опасеніе, что онъ возложитъ на ея голову корону. Борисъ Ивановичъ, человѣкъ самый могущественный при дворѣ, былъ въ числѣ этихъ людей и хотѣлъ, чтобы императоръ женился по его, Бориса, выбору, а потому и рѣшился отклонить отъ себя такой ударъ, какъ выборъ невѣсты, не соотвѣтствующей этимъ интересамъ. Борисъ хотѣлъ выдать за императора дочь Ильи Даниловича (*Eliah Daneloidg*), человѣка темнаго происхожденія, который возвысился только послѣ смерти своего дяди, Грамматина (*Grammatin*), дьяка посольскаго приказа (*chancelier de l'office des ambassadeurs*). Эта дѣвушка называлась Маріей и не была даже очень красива, но была очень умна, скромна и благочестива и, что особенно было важно Борису,—у нея была молодая сестра, на которой онъ самъ хотѣлъ жениться. Это предположеніе вначалѣ не было одобрено, что его очень опечалило; но тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ на время скрыть свой планъ и зная, что императоръ сильно настаиваетъ на своемъ выборѣ, не осмѣлился открыто выступить противъ, что повлекло бы за собой сильный гнѣвъ и указало бы на него, какъ на противника этого брака, и онъ задумалъ разстроить этотъ бракъ тайнымъ образомъ, не давая ни ма-

лѣйшаго повода себя подозрѣвать. Борисъ подкупилъ женщинъ, которыя должны были участвовать въ церемоніи возложенія короны на голову той, которую выбралъ царь, и онѣ такъ туго заплели волосы этой несчастной дѣвушки, что она упала въ обморокъ, и было объявлено, что она страдаетъ падучей болѣзнью. Отецъ, привезшій ее на смотръ, былъ обвиненъ въ измѣнѣ, битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Дѣвушка эта послѣ того не пожелала вступить въ бракъ, не смотря на самыя лестныя предложенія, никогда не страдала падучей и тщательно берегла кольцо и платокъ, которыя далъ ей императоръ, въ знакъ того, что онъ предпочелъ ее другимъ.

Это дошло потомъ до свѣдѣнія царя, который очень огорчился и назначилъ ей значительную пенсію, чтобы утѣшить ее въ незамѣнимой потерѣ и въ вознагражденіе за безчестіе, которое претерпѣлъ ея отецъ.

Между тѣмъ царь женился втихомолку (en particulier) на дочери Даниловича, опасаясь, чтобы и на этой свадьбѣ не устроили какого-нибудь колдовства, а Борисъ женился на Аннѣ, сестрѣ царицы (*Czarissa*), на что легко получилъ согласіе.

Этотъ бракъ, столь выгодный для карьеры, не далъ Борису покоя. Онъ былъ старъ и очень ревнивъ; его жена—очень молода и красива. Между ними начались несогласія; онъ началъ съ ней дурно обращаться и сослалъ въ Сибирь Уильяма Барнслея (*William Barnsley*), англичанина изъ Ворчестера, котораго онъ заподозрилъ въ близости къ ней. Барнслей пробылъ 20 лѣтъ въ этой ссылкѣ, а потомъ женился на очень богатой особѣ, перейдя въ русскую вѣру.

Илья, тесть императора, не посмѣлъ бы сказать, что императрица—его дочь, и никто изъ его семьи—что они ея родственники, даже ея дядя, Иванъ Павловичъ Мартиша (*Ican Paoloïdg Martischa;* читай *Милославскій*).

Когда царевичу исполняется 15 лѣтъ, его выводятъ на рынокъ нѣсколько человѣкъ и показываютъ народу, нося его на плечахъ, чтобы предупредить возможность обмана въ будущемъ, такъ какъ въ Россіи много обманщиковъ. До этого возраста онъ никого не видѣлъ, кромѣ тѣхъ, кто былъ приставленъ къ нему для воспитанія, и нѣкоторыхъ главныхъ придворныхъ. Русскіе вообще не показываютъ своихъ дѣтей никому, кромѣ короткихъ друзей и близкихъ родныхъ; въ особенности старательно они прячутъ ихъ отъ иностранцевъ, изъ боязни дурного глаза.

Дѣти русскихъ сильны и крѣпки; матери ихъ кормятъ молокомъ одинъ, самое большее—два мѣсяца, послѣ чего имъ даютъ ро-

жокъ,—изъ рога, или серебряный,—съ сóской изъ сухого коровьяго соскà на концѣ, изъ котораго и кормятъ ребенка. Едва ребенку исполнится два года, какъ его заставляютъ соблюдать посты, которые очень строги. Ихъ четыре въ году. На масляницѣ постятся три раза въ недѣлю,—въ среду, въ пятницу и субботу. Въ эти дни русскіе не ѣдятъ даже рыбы; они питаются капустой, огурцами и блинами (*de gros pain de seigle*) и не пьютъ ничего, кромѣ кваса (*puassi*, явная ошибка, вм. *quassi* или *quasse*), который представляетъ собою напитокъ менѣе крѣпкій, чѣмъ слабое пиво. Они не пьютъ [изъ одной кружки] послѣ человѣка, который ѣлъ мясо [т. е. скоромное], и если даже они больны, они не принимаютъ лѣкарства, когда на рецептѣ написано: *Cor*, *Cervi*, *Al.* [*Alcohol*], или *Pil. Lepor.*,—до того строго они соблюдаютъ посты.

Ихъ благочестіе выражается въ поклонахъ, въ біеніи головой о землю передъ иконами; нѣкоторые ничего не ѣдятъ, кромѣ хлѣба, соли и огурцовъ, и ничего не пьютъ, кромѣ воды.

Они никогда не ѣдятъ ничего, что̀ считается нечистымъ (*pagano*): лошадинаго мяса, зайцевъ, кроликовъ, оленей, а также не пьютъ ослинаго и кобыльяго молока и т. п., и въ этомъ случаѣ они какъ бы придерживаются Моисеева закона.

Въ этомъ году сгорѣлъ императорскій магазинъ, гдѣ погибло на 6 тысячъ свиного сала. Изъ этого видно, что есть разница между вѣрой русскихъ и татаръ, такъ какъ послѣдніе чувствуютъ отвращеніе къ свининѣ.

Телятина—погана, хотя баранина конечно, не погана. Противоядіе тоже нечисто, такъ какъ въ составъ его входитъ мясо змѣи. Они не приправляютъ своей пищи ни мускусомъ, ни пореемъ (*civette*), ни бобровой струей (*castorium*). Обыкновенный сахаръ и сахаръ леденецъ (le sucre *candy*)—скоромны (*scarmunas*), т. е. запрещены во время поста. Ножъ, которымъ рѣзали мясо, дѣлается скоромнымъ на цѣлыя сутки (*sootkii*), т. е. въ теченіе 24 часовъ.

Очень выгодно для русскихъ исправное соблюденіе постовъ: имъ иначе не хватило бы мяса, такъ какъ, вслѣдствіе суровой зимы, которая часто продолжается 5 мѣсяцевъ, они должны держать свой скотъ по домамъ, а крестьяне, будучи настоящими рабами, заботятся лишь о томъ, что имъ дѣйствительно необходимо; вотъ почему помѣщикъ (*maitre*) или нàбольшій въ домѣ обыкновенно забираетъ у нихъ все лишнее.

Глава XXX. ***О патріархѣ, объ его митрѣ и его дворцѣ. Церемонія Вербнаго Воскресенія и Страстной Пятницы. Исторія одного деревенскаго жителя. Способъ взаимнаго привѣтствованія на Пасхѣ. Подарки патріарха дворянамъ и офицерамъ царскаго двора. Развлеченія русскихъ. Привѣтствія, которыми обмѣниваются между собою русскія женщины.***

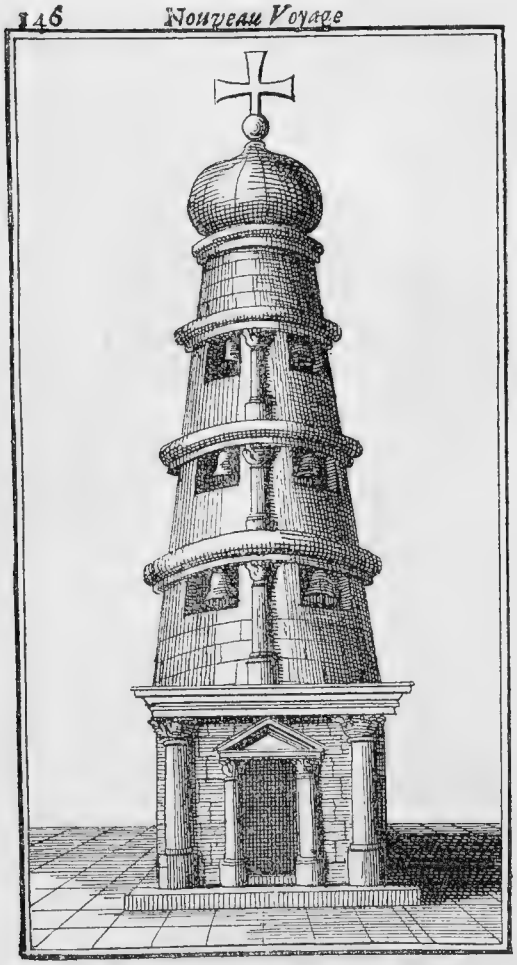
Патріархъ есть начальникъ всѣхъ духовныхъ дѣлъ. Тотъ, кто занимаетъ въ настоящее время это мѣсто, удаленъ отъ двора уже два года, вслѣдствіе какихъ-то несогласій [между царемъ и патріархомъ]. Говорятъ, что онъ начиналъ заводить новшества и что онъ не любилъ иконъ, которыя въ большомъ почитаніи у русскихъ. Хотя патріаршій престолъ считается свободнымъ въ отсутствіе патріарха и на его мѣсто не могутъ выбрать другого, но митрополитъ замѣщаетъ его въ Вербное Воскресенье, церемонія котораго совершается слѣдующимъ образомъ.

Сначала отправляютъ сотню людей, чтобы очистить улицы, по которымъ направится шествіе: Императоръ шествуетъ пѣшкомъ, роскошно одѣтый въ златотканное платье, въ сопровожденіи принцевъ, или князей (*knelis*, sic!), со всѣми знатными особами; непосредственно впереди царя идетъ тотъ придворный, который несетъ его платокъ, лежащій на другомъ великолѣпномъ кружевномъ платкѣ, который онъ держитъ на рукѣ. Въ такомъ порядкѣ идетъ царь въ церковь, называемую Іерусалимомъ, но по дорогѣ останавливается на особомъ помостѣ, сдѣланномъ изъ тесанаго камня, въ видѣ платформы. Тутъ царь читаетъ молитвы и кланяется въ сторону Востока, а затѣмъ идетъ въ Іерусалимскую церковь, которая находится вблизи отъ этого мѣста.

Отдохнувъ тутъ одинъ часъ, царь возвращается, держа въ рукѣ конецъ повода прекрасной лошади, покрытой очень тонкимъ, бѣлымъ полотномъ, на которой сидитъ патріархъ бокомъ, держа въ рукахъ богатый крестъ и давая благословеніе народу. Поводья лошади, длиною въ три локтя, поддерживаютъ три дворянина, которые идутъ сзади императора. Вмѣсто митры, патріархъ имѣетъ низкую шапку, украшенную драгоцѣнными камнями и золотыми пластинками, съ узкою опушкой изъ горностая.

Отрядъ молодыхъ людей несетъ куски сукна разнаго сорта, цвѣта—краснаго, зеленаго, желтаго, голубого и пр., длиною въ 3—4 локтя, которые постилаютъ передъ патріархомъ. Митрополиты, протопопы и попы—всѣ въ облаченіяхъ, а дворяне и чинов-

ники держатъ въ рукахъ вмѣсто пальмовыхъ вѣтвей—вѣтви вербы, которая уже начинаетъ распускаться. Солдаты царской гвардіи, число которыхъ очень велико, распростерты лицомъ къ землѣ, а другіе несутъ на нѣкоемъ подобіи тріумфальной арки дерево, на которомъ висятъ яблоки, а мальчуганы, находящіеся на этой машинѣ, дѣлаютъ видъ, что хотятъ ихъ сорвать.



Въ концѣ церемоніи патріархъ отправляетъ императору кошелекъ со ста рублями [1]).

Колокола Іерусалимской церкви самые большіе въ мірѣ; одинъ изъ нихъ, говорятъ, вѣситъ 30 тоннъ, и когда они звонятъ, можно оглохнуть, если стоять близко. Императору доставляетъ большое удовольствіе слушать звонъ колоколовъ.

Въ церкви есть ниша, куда патріархъ помѣщается, чтобы преподавать благословленіе народу. Вотъ что онъ ему приказываетъ: „идите домой и не ѣшьте ничего три дня“. Самъ онъ остается распростертымъ всю ночь и молится до самой Пасхи.

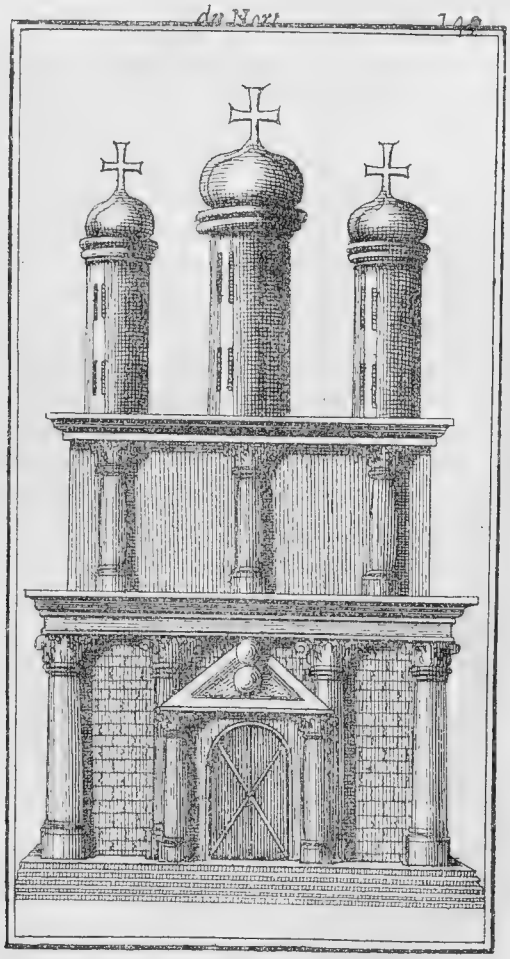
Приложенный рисунокъ представляетъ колокольню.

Я разскажу по этому поводу, что случилось съ лакеемъ одного англійскаго дворянина. Онъ былъ русскій, но изъ деревни.

---

[1]) Тутъ интересно отмѣтить, что это описаніе празднованія Вербнаго Воскресенія почти совпадаетъ съ описаніемъ *Павла Алеппскаго* (см. Путешествіе патріарха *Макарія*, пер. проф. *Муркоса*) и очень близко къ описанію, дава-

и, никогда не видавъ этой церемоніи, пошелъ изъ любопытства въ церковь. Отсюда онъ вернулся въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что хозяинъ замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ.



Лакей сказалъ ему о приказаніи цѣлыхъ три дня не ѣсть и признался, что, не ѣвши и сегодня, онъ долженъ будетъ умереть съ голоду. Однако, онъ продолжалъ поститься до четверга, хотя и былъ этимъ страшно недоволенъ, и все время ежеминутно раскаивался въ своемъ любопытствѣ.

На Пасху мужчины и женщины поздравляютъ другъ друга, цѣлуются, мѣняются красными яйцами, произнося „Христосъ Воскресе“ (*Christos voscreesh*).

Въ теченіи Свѣтлой недѣли всѣ дворяне и царскіе слуги цѣлуютъ руку у патріарха, который даетъ имъ красныя или золоченыя яйца. Люди высшихъ ранговъ получаютъ ихъ по три штуки, средняго—по двѣ, а младшіе—по одному.

Дворецъ патріарха соединенъ съ императорскимъ. Онъ выстроенъ изъ камня и достаточно великолѣпенъ по своей величинѣ.

Слѣдующій рисунокъ представляетъ входъ во дворецъ русскаго патріарха.

емому *П. Е. Забѣлинымъ* въ его „Домашнемъ быту русскихъ царей“, часть I, стр. 351 и друг. М. 1872.

Любопытно также было бы выяснить: не заимствовалъ-ли неизвѣстный авторъ своего описанія многихъ нашихъ обрядовъ у того же патріарха Макарія? Дѣло въ томъ, что описаніе интереснѣйшаго путешествія Мака-

Въ праздники русскіе выражаютъ свою высшую радость тѣмъ, что много пьютъ, и самые торжественные дни у нихъ тѣ, когда они пьютъ больше всего. Не считается большимъ стыдомъ, если мужчины, женщины, попы и чиновники валяются пьяные на улицахъ. Если женщины высокаго круга сойдутся вмѣстѣ, та, у которой онѣ собрались, отправляетъ на утро старшаго служителя навести справку у посѣтившихъ ее: нашли ли онѣ свои дома и какъ провели ночь? Отвѣтъ обыкновенно бываетъ тотъ, что онѣ благодарятъ за хорошее угощеніе, благодаря которому наканунѣ онѣ чувствовали себя столь навеселѣ, что не знаютъ, какъ нашли свои дома.

Матери часто даютъ дѣтямъ ласкательныя имена, какъ напр. „алмазъ“ (*Almaüs*) и пр.

Дьякъ (*diack*) одного приказа (*Poloschy Crécoüs*, читай *Bolchoi Prikas*) называется теперь Борисъ Ивановичъ (*Boris Iuanoïdg*), хотя его настоящее имя есть Илья Ивановичъ (*Eliah Iuanoïdg*).

Глава XXXI. *Погребеніе. О томъ, какъ женщины обязаны оплакивать мужей. Что необходимо дѣлать въ самый моментъ чьей-либо смерти. Уходъ за покойниками. О томъ, что убитыхъ или замерзшихъ должно хоронить только у св. Ивана. О необычайныхъ кутежахъ, происходящихъ на масляной. Почему это происходитъ.*

Умершихъ хоронятъ довольно страннымъ образомъ. Какъ только кто-нибудь испустилъ духъ, открываютъ всѣ окна въ комнатѣ, гдѣ онъ умеръ. Сюда приносятъ сосудъ, наполненный святою водой, чтобы душа покойника обмылась. Кладутъ кусокъ пшеничнаго хлѣба ему подъ голову, чтобы онъ не умеръ съ голоду во время продолжительнаго путешествія, которое ему предстоитъ; на него надѣваютъ черные башмаки, въ ротъ кладутъ нѣсколько копѣекъ

рія, столь долго хранившееся у насъ въ *арабской* рукописи и переведенное только недавно проф. Муркосомъ, — на Западѣ появилось. въ *англійскомъ переводѣ Бельфора*, еще въ концѣ XVII в. (см. объ этомъ подробнѣе въ ст. *Муркоса* „Празднованіе Вербнаго Воскресенія въ Москвѣ въ XVII ст.“, помѣщенной въ № 88 *Московск. Вѣдомостей* за 1892 г., и въ его же ст. „О рукописномъ сборникѣ XVII в.“, помѣщенной во 2-мъ выпускѣ I тома *Древностей Восточныхъ* Импер. Москов. Археологическ. О-ва, М. 1891 г.) Тогда, можетъ быть, удалось бы установить *источникъ*, откуда были почерпнуты свѣдѣнія „лотарингскаго дворянина“ и, попутно, еще разъ была бы доказана непричастность Ламартиньера къ нимъ, т. к. путешествіе Макарія имѣло мѣсто *послѣ* путешествія Ламартиньера.

(*copeikes*), а въ руки влагаютъ разрѣшеніе отъ митрополита, изъ котораго св. Николай могъ бы узнать о жизни и правѣ покойнаго.

Когда это все сдѣлано, тѣло несутъ въ церковь, гдѣ оно стоитъ очень недолго до погребенія.

Жена покойнаго обязана выказывать большое горе и нанимать другихъ женщинъ, чтобы плакали съ ней вмѣстѣ. Самымъ пышнымъ погребеніемъ считается то, при которомъ больше плачущихъ женщинъ, которыя причитаютъ слезливымъ голосомъ: „*Ты моя душенька* (Timminy dooshninca). *Увы, дорогой, зачѣмъ ты меня покинулъ? Не дѣлала ли я все, чего ты хотѣлъ? Не заботилась ли я о домѣ? Не принесла ли тебѣ прекрасныхъ дѣтей? Не имѣлъ ли ты всего въ изобиліи?*“ Или же онѣ голосятъ такъ: „*Зачѣмъ ты умеръ? Развѣ не было у тебя красивой жены, прекрасныхъ дѣтей и столько водки, сколько ты хотѣлъ?*“.

Когда умираютъ безъ покаянія, или не получивъ послѣдняго помазанія (т. е. безъ соборованія), такихъ не хоронятъ по христіанскому обряду. Убитыхъ и замерзшихъ несутъ въ особое мѣсто, называемое Земскій приказъ (*Zemsky Prekaus*), чтобы тамъ ихъ выставить [для опознанія] на 3—4 дня. Если кто-нибудь опознаетъ ихъ, можетъ похоронить, а тѣхъ, кого никто не признаетъ, отправляютъ въ Божьи дома (*Bosky ou Boghzi dome*), гдѣ часто въ склепѣ [сводчатомъ погребѣ] можно видѣть по 200—300 труповъ вмѣстѣ, которыхъ попы погребаютъ у св. Ивана. Въ теченіи мѣсяца послѣ смерти читаютъ нѣчто въ родѣ псалтыря надъ могилой покойнаго, которую покрываютъ рогожей, чтобы обезпечить себя отъ бездождія.

Во-время масляницы русскіе устраиваютъ разнаго рода кутежи и пьютъ такъ сильно въ эту послѣднюю передъ постомъ недѣлю, что какъ будто не надѣются уже больше пить во всю остальную жизнь. Есть такіе, которые пьютъ столь крѣпкую и острую водку, что она воспламеняется у нихъ во рту, такъ что видно выходящее изо рта пламя, и можно быть увѣреннымъ, что они умерли бы отъ этого, если бы вблизи не было молока, чтобы ихъ отпоить. Нѣкоторые, возвращаясь домой послѣ кутежа, сваливаются въ снѣгъ и замерзаютъ, если другіе, болѣе благоразумные, ихъ не спасутъ. Отвратительно видѣть въ это время, какъ везутъ на саняхъ 10—12 замерзшихъ, причемъ у одного собаки объѣли плечо, у другого лицо, а у иныхъ даже мясо до костей обглодано. Не проходитъ масляницы, чтобы такимъ образомъ не погибло 200—300 человѣкъ.

Если русскій встрѣтитъ кого-нибудь изъ знакомыхъ на краю погибели, онъ не остановится ему помочь, потому что, если тотъ

умретъ у него на рукахъ, ему надо будетъ имѣть дѣло съ Земскимъ приказомъ, гдѣ не преминутъ его заставить дорого заплатить, чтобы избавиться отъ бѣды.

Глава XXXII. ***Иконы. О способѣ обмѣнивать ихъ на Божьемъ рынкѣ. Объ уваженіи и почитаніи, оказываемомъ русскими иконамъ. Подарки, дѣлаемые русскими Николаямъ. Наказаніе, которому подвергалась одна женщина, позаимствовавшая изъ церкви часть сдѣланныхъ ею украшеній. Наказаніе еретиковъ. Распущенность монаховъ и монахинь.***

Иконы у русскихъ пишутся по греческому образцу, но болѣе грубо и очень некрасиво (*mais fort grossières et extrememeent laides*). Когда я спросилъ ихъ: почему они изображаютъ своихъ Боговъ (*leurs Dieux*) такими безобразными? они мнѣ отвѣчали, что ихъ Боги въ этомъ отношеніи совсѣмъ не спѣсивы. Когда живопись на иконѣ изгладится, икону относятъ на Божій рынокъ (*marché de Dieu*), гдѣ выбираютъ другую, а старую оставляютъ и кладутъ около нея нѣсколько серебряныхъ монетъ, въ придачу за обмѣнъ. Если иконописецъ остается недоволенъ этой придачей, онъ прогоняетъ пинкомъ (*il pousse par derrière*) того, кто принесъ икону на обмѣнъ, а этотъ послѣдній прибавляетъ монетъ до тѣхъ поръ, пока продавецъ не согласится на обмѣнъ. Такъ всегда практикуется, ибо надо очень остерегаться говорить, что *купилъ* икону: надо говорить, что ее *выменялъ*.

Тѣ иконы, которыя облупились, бросаютъ въ рѣку, вмѣстѣ съ нѣсколькими серебряными монетами, крестясь и повторяя: „прости, братъ“ (*prosti*, c'est à dire, Adieu, mon frère), или—„Богъ съ тобой, братъ“ (*Prosti grandl*, Dieu soit avec vous, mon frère).

Если случится пожаръ (*embrazement*), первой заботой русскихъ бываетъ спасать иконы, а если онѣ сгорятъ, то не говорятъ, что онѣ сгорѣли, но что онѣ вознеслись на небо; когда сгоритъ какая-нибудь церковь, тоже не говорятъ, что она сгорѣла, но что она вознеслась.

Русскіе даютъ своимъ Николаямъ, т. е. своимъ образамъ, все, что они имѣютъ наиболѣе драгоцѣннаго. Въ этомъ году одна женщина, которая раньше украсила своего Николая жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, впавъ въ бѣдность, отправилась въ церковь,—просить его дать ей что-нибудь, указывая на свою нужду. Николай (*Niccola*) ничего ей не отвѣтилъ, а она приняла его молчаніе

за согласіе и осмѣлилась снять съ него одинъ или два рубина. Попъ, который за ней шпіонилъ, увидавъ это, тотчасъ пошелъ и принесъ на нее жалобу, и эта несчастная женщина была осуждена на отсѣченіе обѣихъ рукъ, что̀ и было приведено въ исполненіе черезъ три мѣсяца.

Домашнимъ своимъ иконамъ русскіе дѣлаютъ подарки или отбираютъ ихъ, смотря по состоянію своихъ дѣлъ, а когда наступитъ нужда, русскіе часто обираютъ свои иконы до̀-чиста.

Если кто-нибудь осужденъ за расколъ, его приказываютъ поставить наверху небольшого дома, и, столкнувъ оттуда, обкладываютъ лучиною (*luchines*), состоящей изъ кусковъ зажженнаго дерева, и соломой,—и еретикъ сгораетъ.

Монастырскій уставъ для монашествующихъ обоего пола въ Россіи очень не строгъ; монахи—крупные торговцы ячменемъ, хмѣлемъ, рожью, лошадьми и всѣмъ тѣмъ, что̀ можетъ дать имъ барышъ. Монахини пользуются большою свободой. Онѣ выходятъ, когда захотятъ, посѣщаютъ своихъ подругъ и обыкновенно не отличаются особенною порядочностью въ жизни.

Глава XXXIII. *О музыкѣ. Исторія одного посла. Нищіе въ Россіи просятъ милостыню, распѣвая стихи. О барабанахъ. О трубахъ и охотничьихъ рожкахъ. О танцахъ.*

Музыка у русскихъ очень плоха, хотя они и имѣютъ училища, гдѣ тщательно обучаютъ дѣтей музыкѣ и обращаются съ ними съ большой суровостью. Ихъ ноты заимствованы у грековъ или славянъ; гамма совсѣмъ не развита: вмѣсто *фа*, *соль*, *ля*, они поютъ *га*, *га*, *ге*; каденцы ихъ (такты)—самыя невѣроятныя въ мірѣ: чтобы подражать речитативу итальянцевъ, они кричатъ, точно поднимаются на гору бѣгомъ.

Запрещеніе, которое послѣдній патріархъ наложилъ на инструментальную музыку, и убѣжденіе, что музыка есть какъ бы собственность государства, которая не должна быть въ народномъ употребленіи, — изъ боязни, чтобы народъ не обабился,— сдѣлали то, что ею очень рѣдко пользуются. Однако, русскіе имѣютъ еще волынки и маленькія скрипки, съ корпусомъ вродѣ лютни, на которыхъ можно играть только 4—5 нотъ.

Голландцы хотѣли почтить возможно лучше Илью, который былъ отправленъ къ нимъ въ качествѣ посла отъ великаго царя, и доставили ему случай слушать лучшую инструментальную и во-

кальную музыку, а потомъ спросили его мнѣнія по этому поводу. Онъ отвѣчалъ, что находитъ эту музыку хорошей, но что у нихъ, въ Россіи, нищіе такимъ манеромъ просятъ милостыню. Это вѣрно, что нищіе просятъ милостыню, распѣвая.

Военная музыка въ Россіи состоитъ изъ литавръ, глухой и меланхолическій звукъ которыхъ очень хорошо согласуется съ духомъ этого народа, и трубъ, въ которыя они дудятъ отвратительно. У нихъ есть также мѣдные рога для охоты.

У меня было нѣсколько мотивовъ церковныхъ молитвъ, положенныхъ на ноты однимъ изъ патріарховъ, для исполненія этой музыки съ помощью хора.

Русскіе не умѣютъ танцевать и увѣрены, что танцы не соотвѣтствуютъ ихъ солидности. Иногда, среди кутежа, они заставляютъ танцевать своихъ рабовъ изъ татаръ и поляковъ.

Глава XXXIV. *Черкасы* (*Circassiens* [1]). *Ихъ религія. Ихъ пьянство. Ихъ танцы. Ихъ управленіе. Колдовство—явленіе у нихъ обыкновенное. О казакахъ.*

Черкасы обитаютъ въ одной изъ частей Татаріи. Они грубы, толсты и почти всѣ курносы. Ихъ женщины противны на видъ, толсты и чрезвычайно склонны къ пьянству. Случается часто, что на какомъ-нибудь праздникѣ онѣ начинаютъ пить передъ ѣдой, пьютъ во время ѣды, пьютъ вторично по окончаніи стола и пьяными же танцуютъ. Онѣ имѣютъ такое влеченіе къ танцамъ, что ни во что̀ не цѣнятъ того мужчину, у котораго нѣтъ скрипки.

Управленіе у черкасовъ совершенно анархическое. Во время одного возстанія, случившагося въ ихъ странѣ, они окончательно уничтожили высшую и низшую знать, и въ настоящее время управляются старшинами или полковниками, которыхъ они выбираютъ сами и съ которыми послѣдній изъ нихъ обращается за панибрата.

Хотя ихъ религія такая же, какъ у русскихъ, они дозволяютъ иностранцамъ безпрепятственно входить въ ихъ церкви, чего русскіе не допускаютъ, и даже принимаютъ иностранцевъ съ бо́льшею добротой и радушіемъ.

Солдаты называются на ихъ языкѣ казаками (*cosaques*), а это дало поводъ нѣкоторымъ вообразить, что казаки—отдѣльная нація.

---

[1]) Безъ сомнѣнія—*черкасы*, малороссіяне-украинцы.

Земля въ Россіи менѣе плодородна [и климатъ] холоднѣе, чѣмъ въ Черкасіи.

Колдовство у нихъ очень обыкновенно и практикуется даже женщинами высшаго круга.

Глава XXXV. *Законъ и правительство у русскихъ. Способъ писать и откуда онъ заимствованъ. Названіе дьяковъ и секретарей. Объ особѣ государя, царствующаго въ настоящее время. Его характеръ. Сравненіе его съ предками. О томъ, что его имперія очень обѣднѣла и обезлюдѣла, вслѣдствіе набѣговъ татаръ.*

Правительство русское — абсолютно-монархическое. Здѣсь устроены суды, называемые Приказами (*précauses*). Судопроизводство —третейское, такъ какъ русскіе имѣютъ очень мало писаныхъ законовъ, и судьи руководствуются обычно примѣрами прежнихъ лѣтъ, если только они не подкуплены деньгами, которыя для нихъ имѣютъ больше силы, чѣмъ всѣ примѣры на свѣтѣ. Они пишутъ постоянно у себя на колѣняхъ, хотя столы и стоятъ передъ ними, и оставляютъ большіе промежутки между строчками письма, а это является причиной того, что они изводятъ невѣроятное количество бумаги.

Подъячимъ (*podiack*) называется писецъ или секретарь, а тотъ, который надъ нимъ начальствуетъ, называется дьякъ (*diack*).

Всѣ ихъ дѣла ведутся посредствомъ челобитныхъ (*requestes*); они свертываютъ ихъ трубкой (*en rond*). Желающій подать челобитную, поднимаетъ ее надъ головой передъ бояриномъ (*boyar*), который протягиваетъ руку, чтобы ее принять, если онъ въ расположеніи это сдѣлать; онъ отвѣчаетъ на нее тотчасъ же, или передаетъ ее своему дьяку, которому надо дать подарокъ, чтобы онъ напоминалъ боярину, что тотъ не далъ еще отвѣта просителю.

Буквы русскаго алфавита, въ числѣ 42, большей частію взяты съ греческаго.

Великій царь, который царствуетъ въ настоящее время, родился въ 1630 году. Онъ происходитъ, со стороны матери, отъ Ивана Васильевича (*Iuan Vasilowidg*) и имѣлъ старшаго брата, который умеръ въ молодыхъ годахъ; этотъ принцъ подавалъ большія надежды, хотя и выказывалъ наклонность къ жестокости. Для него было удовольствіемъ выкалывать глаза голубямъ, называя ихъ измѣнниками, а иногда отрывать имъ головы, упрекая ихъ въ томъ,

что они—мятежники и замышляютъ измѣну противъ отца и противъ него.

Царь шести футовъ ростомъ. Онъ имѣетъ внушительный видъ и величественную осанку. Онъ толстъ и сангвиническаго темперамента. Волосы у него свѣтло-каштановые, и онъ никогда не брѣетъ бороды. Очень строгій, когда его разсердятъ, онъ обыкновенно добръ. Будучи однажды принуждаемъ осудить на смерть дезертира, онъ отвѣтилъ, что это ему очень тяжело сдѣлать, такъ какъ Богъ не всѣмъ людямъ далъ храбрость въ одинаковой мѣрѣ.

Онъ любитъ свою жену и не предается кутежамъ. Его сестры и дѣти получаютъ отъ него всевозможныя доказательства доброты и дружбы. У него превосходная память. Онъ строгъ въ соблюденіи обрядовъ. Никогда не пропускаетъ онъ церковныхъ службъ. Когда онъ здоровъ, онъ идетъ въ церковь самъ, а когда нездоровъ, приказываетъ служить у себя въ покоѣ. Во время поста онъ присутствуетъ на полунощницѣ, простаивая на службахъ 4 — 5 часовъ сряду; часто кланяется въ землю, кладя подъ рядъ по 1000 поклоновъ, а въ большіе праздники—по 1500. Въ великомъ посту онъ обѣдаетъ только 3 раза въ недѣлю, — въ субботу, воскресенье и четвергъ. Въ остальные дни онъ съѣдаетъ только кусочекъ сухаря, немного соли, немного огурцовъ да нѣсколько соленыхъ грибовъ и ничего не пьетъ, кромѣ кубка легкаго пива. Онъ только два раза ѣстъ рыбу во весь великій постъ, который строго соблюдаетъ, хотя постъ этотъ тянется цѣлыхъ 7 недѣль, не считая масляницы (*mastinets*, вм. *maslinets*), т. е. недѣли очищенія, во время которой онъ ничего не ѣстъ, кромѣ яицъ и молока.

Кромѣ великаго поста, есть еще два меньшихъ, о которыхъ я не говорилъ, но которые царь тоже строго соблюдаетъ и не ѣстъ во весь годъ ничего, что хотя отчасти напоминаетъ говядину — по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; считаютъ такимъ образомъ, что изъ 12 мѣсяцевъ онъ постится 8. Въ религіозныхъ процессіяхъ [крестныхъ ходахъ] царь участвуетъ съ непокрытою головой и пѣшкомъ, если нѣтъ дождя. Хотя онъ покровительствуетъ вѣрѣ, насколько это ему возможно, однако всякій разъ противится, когда умирающіе оставляютъ церквамъ слишкомъ большіе вклады. Иногда, во время войны, онъ беретъ деньги изъ церковной казны, подъ видомъ займа, но никогда ихъ не возвращаетъ. Безъ этого государственные доходы были бы незначительны, такъ какъ церковь владѣетъ двумя третями всего имущества страны.

При дворцѣ царя есть богадѣльня для стариковъ (*hôpital de*

vieillards), изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до 120 лѣтъ отъ роду (*sont âgez de six-vingts ans*); царь часто доставляетъ себѣ удовольствіе бесѣдовать съ ними о томъ, что было при его предкахъ.

Въ ночь на Великую Пятницу онъ посѣщаетъ всѣ тюрьмы, освѣдомляется о заключенныхъ, уплачиваетъ за нѣкоторыхъ долги, прощаетъ преступленія другимъ, если это находитъ умѣстнымъ, и отъ щедротъ своихъ помогаетъ тѣмъ, которые, какъ ему извѣстно, впали въ большую нужду.

Царь располагаетъ всѣми церковными назначеніями; но съ недавняго времени избраніе патріарха рѣшаетъ жребій, потому что послѣдній, котораго онъ назначилъ, далъ ему поводъ раскаиваться, что онъ воспользовался своимъ правомъ избранія на такой постъ.

Словомъ, можно сказать, что императоръ обладаетъ многими крупными достоинствами, и не будь безчисленнаго количества людей, которые его окружаютъ и которые извращаютъ его добрыя намѣренія, его можно бы, по справедливости, помѣстить въ разрядъ самыхъ великихъ и самыхъ мудрыхъ правителей въ мірѣ.

Отецъ его имѣлъ склонность къ миру, но у этого царя всѣ помыслы направлены къ войнѣ. Онъ имѣлъ много столкновеній съ крымскими татарами, со шведами и поляками. По правдѣ сказать, отъ этого его государство до того обѣднѣло и обезлюдѣло, столько разъ было опустошаемо въ теченіе десятилѣтней войны, что и въ сорокъ лѣтъ оно не сдѣлается такимъ цвѣтущимъ, какимъ было раньше.

Семь лѣтъ чумы унесли болѣе 700 или 800 тысячъ человѣкъ. Пять или шесть лѣтъ тому назадъ крымскій ханъ (*grand Crim*) увелъ въ плѣнъ 400 тысячъ человѣкъ, которые уже никогда не вернутся оттуда. А въ разныхъ сраженіяхъ было убито въ теченіе этихъ войнъ до 300 тысячъ человѣкъ.

Лучшія земли въ Россіи почти ничего не приносятъ, такъ какъ имъ не даютъ отдыхать, а недостатокъ людей является причиной, что прочія земли не воздѣлываются. Путешественники, поднимающіеся вверхъ по Волгѣ, на протяженіи цѣлыхъ 500 верстъ находятъ одного мужчину на десятокъ женщинъ. Цѣны на всѣ предметы поднялись въ шесть разъ выше, чѣмъ были до всѣхъ этихъ несчастій, а мѣдная монета не имѣетъ уже почти никакой цѣны въ Россіи.

Глава XXXVI. ***Начало и развитіе Россійской имперіи. Предки царя Михаіиловича. Характеръ Ивана Васильевича. Челобитная, поданная имъ одному дьяку. Его завоеванія. Чувства народа къ нему. Почему онъ наложилъ штрафъ на городъ Вологду. Отношеніе его къ женщинамъ, которыя насмѣхались надъ нимъ. Промахъ одного воеводы. Наказаніе другого воеводы за взятки. Иванъ былъ почитателемъ королевы Елизаветы. Пріемъ, сдѣланный имъ одному посланнику. Происшествіе съ кавалеромъ Жеромомъ Бозомъ. Сапожникъ подноситъ Васильевичу брюкву. Что онъ съ ней сдѣлалъ. Царь вступаетъ въ компанію съ ворами.***

Императоръ имѣетъ главный совѣтъ и частный, съ которыми и обсуждаетъ дѣла имперіи. Его предки были вначалѣ только князьями Владимірскими (*Ducs de Volodimir*); но они сильно расширили границы своего государства и пріобрѣли во владѣніе городъ Москву (*Moscou ou Moscüa*, какъ пишутъ русскіе).

Иванъ Васильевичъ, прозванный «Тираномъ» (*Tyran*), былъ государь очень храбрый, но съ характеромъ весьма страннымъ. Однажды онъ пошелъ къ своему дьяку и подалъ ему челобитную, въ которой просилъ снабдить его въ опредѣленный срокъ арміей въ 200.000 человѣкъ, вполнѣ готовыхъ къ походу; при этомъ присовокупилъ, что онъ будетъ очень обязанъ за это дьяку и будетъ молить Бога объ его здоровьѣ. Съ этой именно арміей онъ покорилъ Казань и Астрахань и съ ея помощью сдѣлался государемъ Сибири, которая составляетъ одну изъ самыхъ значительныхъ частей имперіи.

Народъ его очень любилъ, такъ какъ этотъ государь правилъ милостиво и сурово наказывалъ бояръ. У него была палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, вродѣ пики, и очень острая. Часто, когда съ нимъ кто-нибудь разговаривалъ, онъ ее вонзалъ въ ногу собесѣдника, и если этотъ послѣдній мужественно переносилъ боль, которую чувствовалъ, царь оказывалъ ему большое вниманіе и расположеніе.

Царю пожаловались какъ-то, что одинъ воевода (*vayod*) получилъ взятку, ввидѣ гуся, наполненнаго дукатами. Царь сдѣлалъ видъ, что ему ничего неизвѣстно, пока этотъ воевода не пошелъ его сопровождать на площадь, называемую *Poshia* (?), гдѣ производятся казни; тутъ императоръ приказалъ палачу отрубить воеводѣ руки и ноги, спрашивая при каждомъ ударѣ, насколько вкуснымъ находитъ онъ гусиное мясо?

Царь послалъ однажды въ Вологду [приказъ] набрать мѣру блохъ и наложилъ штрафъ на жителей за то, что не набралось блохъ столько, сколько требовалось.

Иностранки—англичанки и шотландки — смѣялись надъ нѣкоторыми его выходками, которыя онѣ подмѣтили на одномъ праздникѣ. Какъ только онъ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ ихъ отыскать, велѣлъ раздѣть ихъ до-гола и въ такомъ видѣ заставилъ ихъ собирать по горошинкѣ 5 или 6 четвериковъ гороху, который онъ приказалъ разсыпать по комнатѣ; потомъ, приказавъ ихъ напоить, отпустилъ съ предупрежденіемъ, чтобы онѣ не смѣли смѣяться надъ нимъ въ другой разъ.

Однажды царь приказалъ доставить къ нему нѣкоего казанскаго дворянина, по фамиліи *Плѣхачевъ* (Plehasheve), что̀ значитъ „плѣшивый человѣкъ“. Дьякъ или секретарь ошибся и послалъ приказъ казанскому воеводѣ выслать къ императору 150 человѣкъ плѣшивыхъ; а воевода не могъ набрать болѣе 80 или 90 человѣкъ, и написалъ по этому поводу письмо дьяку съ извиненіями.

Эта новость удивила императора. Сначала онъ недоумѣвалъ, зачѣмъ бы это могли къ нему явиться всѣ эти плѣшивые, но наконецъ, когда ошибка дьяка разъяснилась, онъ не только не разсердился, напротивъ — нашелъ ее очень забавной и приказалъ напаивать до-пьяна всѣхъ лысыхъ въ теченіи трехъ дней, а потомъ отпустилъ ихъ домой.

Царь питалъ уваженіе и такое особенное расположеніе къ королевѣ Елизаветѣ, что не упускалъ ни одного случая засвидѣтельствовать ей это. Полагаютъ, что онъ даже хотѣлъ на ней жениться и что когда онъ приказалъ укрѣпить Вологду и свезъ туда свои сокровища, у него было намѣреніе—искать убѣжища въ Англіи, если бы обстоятельства довели его до послѣдней крайности.

Именно этотъ царь приказалъ приколотить гвоздемъ къ головѣ шляпу посланника одного государя [который не пожелалъ ее снять передъ нимъ]; тѣмъ не менѣе, кавалеръ *Жеромъ Бозъ* (Jerosme Bose), нѣкоторое время спустя присланный къ нему въ томъ же званіи, надѣлъ свою шляпу въ его присутствіи и только приподнялъ ее гордо передъ нимъ; Императоръ спросилъ его: развѣ онъ не знаетъ про то, какъ поступлено было съ однимъ посланникомъ за такую же смѣлость? *Я это знаю*, отвѣчалъ Бозъ, *но я—посолъ королевы Елизаветы, которая не снимаетъ своей шляпы и не обнажаетъ головы ни передъ какимъ государемъ въ мірѣ: если же сдѣлаютъ непріятность какому-нибудь ея министру, она съумѣетъ отомстить за обиду, кому слѣдуетъ.*

«Вотъ храбрый человѣкъ, сказалъ императоръ, обращаясь къ боярамъ, который осмѣливается говорить и дѣйствовать подобнымъ образомъ въ честь и ради интересовъ своей повелительницы. Кто изъ васъ, мошенники *(marauts)*, рѣшится сдѣлать что-нибудь подобное для меня?»

Этотъ поступокъ вызвалъ большую зависть къ англійскому послу. Бояре, чтобы отомстить ему, внушили царю дать ему дикую лошадь для дрессировки, и посолъ выполнилъ это съ такой ловкостью, управлялъ ею такъ хорошо и утомилъ до такой степени, что она издохла подъ нимъ. Послѣ того императоръ всегда очень уважалъ кавалера Боза и оказывалъ ему всевозможные знаки особеннаго вниманія.

Когда Иванъ совершалъ путешествіе по странѣ, многія лица изъ дворянства и народа подносили ему подарки. Одинъ сапожникъ, не желая отстать отъ другихъ, сталъ совѣтоваться съ женой, что бы ему подарить царю? Пара лаптей (*lopkies*) или башмаковъ казались ему мало подходящими для подарка, и онъ рѣшилъ прибавить къ нимъ огромную брюкву, которая выросла у него на огородѣ. Императоръ принялъ этотъ подарокъ столь благосклонно, что приказалъ всей своей свитѣ покупать его башмаки и платить двойную цѣну противъ настоящей стоимости, и самъ пожелалъ носить одну пару. Это такъ хорошо поправило дѣла сапожника, что немного спустя онъ покинулъ свою лавочку и оставилъ много добра своимъ сыновьямъ, которые сдѣлались теперь дворянами, по фамиліи *Лапотскіе* (Lopotskys). И теперь существуетъ еще, неподалеку отъ мѣста, гдѣ былъ нѣкогда домъ сапожника, дерево, у котораго проходящіе мимо бросаютъ свою старую обувь, въ память объ этомъ сапожникѣ.

Одинъ дворянинъ, узнавъ объ этой исторіи, рѣшилъ, что если онъ сдѣлаетъ значительный подарокъ императору, тотъ и его соразмѣрно вознаградитъ. Дворянинъ подарилъ царю прекрасную лошадь, а царь прислалъ ему брюкву, которую поднесъ ему сапожникъ.

Однажды Иванъ, переодѣвшись, отправился подъ вечеръ поискать ночлега въ деревнѣ около Москвы. Всѣ отказывали ему, за исключеніемъ одного бѣдняка, котораго жена мучилась родами и разрѣшилась въ присутствіи императора. Онъ ушелъ рано утромъ и пообѣщалъ прислать своему хозяину воспріемниковъ [кума и куму]. Царь сдержалъ свое слово на слѣдующій день, отправясь къ бѣдняку со всѣмъ дворомъ, сдѣлалъ ему значительные подарки и приказалъ сжечь всѣ дома въ деревнѣ, кромѣ того, гдѣ его приняли, чтобы научить жителей быть милосердыми. Онъ имъ ска-

залъ: *Это научитъ васъ въ другой разъ не отказывать въ пріемѣ странникамъ; вы узнаете на самихъ себѣ, пріятно ли быть въ нуждѣ и ночевать зимою на дворѣ.*

Царю часто доставляло удовольствіе знаться съ ворами. Однажды онъ самъ подалъ имъ мысль обокрасть царскую казну и увѣрилъ ихъ, что знаетъ для этого способъ. «*Какъ, негодяй!* воскликнулъ одинъ изъ воровъ, давъ ему пощечину: *ты хочешь обокрасть нашего императора, который къ намъ столь милостивъ? Не лучше ли забраться къ кому-нибудь изъ этихъ богачей-бояръ, которые его обманываютъ и обкрадываютъ каждый день?*» Царь было такъ доволенъ этимъ отвѣтомъ, что обмѣнялся шапками съ воромъ, который залѣпилъ ему пощечину, и назначилъ ему назавтра свиданіе во дворцѣ *(duaretz)*,—это было мѣсто, куда Иванъ часто ходилъ,—чтобы выпить водки и меду. Воръ явился, а царь, замѣтивъ его, велѣлъ позвать, убѣдилъ его перемѣнить образъ жизни, далъ ему мѣсто при дворѣ и пользовался имъ для того, чтобы открывать и наказывать другихъ воровъ.

Глава XXXVII. *Происхожденіе слова царь. Гербы и титулы императора. Царь не выбираетъ себѣ жены за предѣлами своего государства. Его столъ, развлеченія и визиты. О царевичѣ.*

Слово *царь* такъ близко напоминаетъ слово *Цезарь*, что имъ можно пользоваться, когда хотятъ выразить понятіе „императоръ“. Русскіе претендуютъ, что слово царь обозначаетъ нѣчто большее, чѣмъ титулъ короля: они называютъ Давида—царемъ, а нашихъ королей—Кирлосъ *(Kyrlos)*, вѣроятно отъ Карла V, исторію котораго они знаютъ.

Имя императора, который правитъ въ настоящее время въ Россіи, есть Алексѣй Михайловичъ Романовъ *(Alexis Michaïlovich Romanove)*, то есть Алексѣй, сынъ Михаила Римлянина *(Alexis fils de Michel le Romain)*. Онъ имѣетъ нѣсколько титуловъ на своей большой печати *(grand sceau)*; вотъ они: «Мы, Алексѣй Михайловичъ, милостію Божіей великій государь, царь и великій князь Великой, Малой и Бѣлой Россіи, государь Московскій, Кіевскій, Владимірскій и Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, царь Сибирскій, государь Псковскій *(Plesco)*, великій князь Смоленскій *(Smolensko)*, Тверской, Югорскій *(Vgorsko)*, Пермскій, Вятскій *(Veatsko)*, Болгарскій *(Bolgarsko)*, государь и великій князь Новгородскій въ низовскихъ областяхъ *(dans les provinces basses*, т. е.

Нижегородскій), Черниговскій (*Chernigore*, вм. *Chernigove*), Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій (*Belouzer*), Одурскій (*?Odouria*), Обдорскій (*Obdoria*), Кондинскій (*Condinea*), повелитель всѣхъ сѣверныхъ странъ (*chef de tous les païs qui sont vers le Nort*), обладатель Иверской земли (*seigneur de la terre d'Iverie*), княжествъ Карталинскаго (*duchez de Cartalinian*), Грузинскаго (*Grouzinian*) и многихъ другихъ странъ и государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ», которыя онъ наслѣдовалъ отъ монарховъ и государей, своихъ предшественниковъ, своего отца и дѣда.

Царь имѣетъ тотъ же гербъ, что и императоръ Германіи, такъ какъ онъ претендуетъ на происхожденіе отъ римскихъ императоровъ, за исключеніемъ того, что на груди орла помѣщенъ св. Георгій на конѣ, а между двумя головами [орла] имѣется корона, ввидѣ митры. Нѣкоторые утверждаютъ, что св. Георгій появился со временъ королевы Елизаветы, которая прислала Ивану Васильевичу орденъ Подвязки.

Царь не выбираетъ себѣ жены внѣ предѣловъ своего государства. Онъ избираетъ себѣ ту, которая ему понравится, чаще всего изъ среды дворянства, но иногда и изъ простонародья. Не прошло еще и 20 лѣтъ, какъ *Илья*, тесть императора, былъ простымъ кабатчикомъ, а его дочь,—теперь супруга царя,—продавала грибы на рынкѣ.

Когда императрица умретъ, ея семью не считаютъ ни во что, и всѣ надежды ея родныхъ умираютъ вмѣстѣ съ нею.

Императоръ показывается народу только въ дни извѣстныхъ церковныхъ праздниковъ или гражданскихъ торжествъ: тогда онъ бываетъ роскошно одѣтъ, весь сіяя золотомъ и драгоцѣнными камнями, и его сопровождаетъ пышная и очень многочисленная свита.

Точно также лишь въ нѣкоторые изъ этихъ дней царь обѣдаетъ при народѣ, и тогда дворянство обѣдаетъ въ его присутствіи. Гвардейцы разставлены вокругъ его дворца, какъ статуи, не осмѣливаясь ни пошевелиться, ни разговаривать, изъ опасенія произвести шумъ. И надо признаться, что тутъ такая тишина, точно въ пустынѣ. Никто не входитъ на послѣдній [передъ дворцомъ] дворъ, кромѣ служителей и нѣкоторыхъ вельможъ, для исполненія ихъ обязанностей.

Царь ведетъ крайне трезвую жизнь и пьетъ очень мало вина; иногда онъ прибавляетъ въ легкое пиво масла или настоенной на корицѣ (canelle вм. *cannelle*) воды, чтобы сдѣлать его болѣе пріятнымъ: ибо корица очень употребительна у знатныхъ въ Россіи, а также и розовая вода. Но они рѣдко употребляютъ мускусъ и амброзію (? *l'ambregis*). Царь употребляетъ также для питья брагу

(brague), которая дѣлается изъ овса. Онъ ѣстъ только ржаной хлѣбъ, который русскіе считаютъ питательнѣе пшеничнаго.

Когда царь хочетъ угостить своихъ дворянъ, онъ садится въ кресло и подчуетъ изъ своихъ рукъ маленькой чаркой (*une petite caisse*) наливки, столь острой и столько разъ перегнанной, что отъ такого угощенія дѣлается дурно тѣмъ, кто къ этому не привыкъ. Иногда онъ примѣшиваетъ туда ртути (*mercure*) и забавляется тѣмъ, что они пьянѣютъ. За всякимъ обѣдомъ онъ посылаетъ со своего стола нѣкоторыя блюда своимъ любимцамъ.

На Пасху всѣ придворные, высшее и низшее дворянство являются цѣловать у него руку, а онъ даритъ имъ яйца.

Никто не видалъ, чтобы онъ посѣщалъ кого-нибудь изъ своихъ подданныхъ, за исключеніемъ своего воспитателя, когда тотъ былъ безнадежно боленъ.

Каждый разъ, когда царь выѣзжаетъ за городъ, запираютъ восточныя ворота первой стѣны до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется. Обыкновенно онъ выѣзжаетъ именно съ этой стороны, если только ничто этому не помѣшаетъ, какъ это случалось въ прошломъ году, когда онъ выбралъ другую дорогу, потому что стѣна съ восточной стороны обрушилась.

Царь спитъ въ сорочкѣ и кальсонахъ, подъ богатымъ одѣяломъ изъ куньяго мѣха, а постелью ему служитъ только простыня [безъ перины или матраца].

Охота за краснымъ звѣремъ,—убивать котораго онъ не беретъ на себя труда, а ограничивается только удовольствіемъ загнать его,—и охота на птицъ доставляютъ ему величайшее удовольствіе. У него 300 соколятниковъ, лучшіе въ мірѣ кречета, которыхъ приказано привозить изъ Сибири, съ коими онъ охотится за дикими утками.

Царевичемъ (*czaröïdg*, т. е. сынъ или дитя царя), называютъ всѣхъ сыновей императора. Чтобы засвидѣтельствовать свою радость при ихъ рожденіи, народъ дѣлаетъ царю подарки, которые онъ обыкновенно возвращаетъ; но если какой-нибудь подарокъ ему понравится, царь его оставляетъ, приказывая заплатить за него гораздо дороже, чѣмъ онъ стоитъ.

Глава XXXVIII. *Доходы царя, его привилегіи, торговля, запасы. Расходы по его двору и дворцу. О дворѣ. О боярахъ. Монастыри, монахи и монахини. Чиновники.*

Какъ велики страны, подвластныя царю, такъ велики и его доходы.

Во-первыхъ, онъ, въ извѣстномъ отношеніи, есть хозяинъ

всего имущества своихъ подданныхъ, такъ какъ дѣти не могутъ вступить во владѣніе достояніемъ ихъ отцовъ безъ согласія на то императора, которому надо подавать объ этомъ прошеніе, и онъ является наслѣдникомъ всѣхъ тѣхъ, кто умретъ, не сдѣлавъ завѣщанія или не оставивъ наслѣдниковъ, или кто будетъ осужденъ за какую-нибудь вину.

Во-вторыхъ, сумма, которую онъ получаетъ отъ таможень, чрезвычайно велика.

Въ-третьихъ, кабаки (*les cabacks*), или мѣста, гдѣ продается водка и крѣпкое пиво, составляютъ часть его доходовъ; нѣкоторые изъ нихъ приносятъ 10000 рублей въ годъ, другіе до 20000.

Въ-четвертыхъ, бани и купальни даютъ ему тоже значительный доходъ, такъ какъ русскіе,—мужчины, женщины и дѣти, обязаны мыться, по правиламъ ихъ религіи. Скажу кстати, что они имѣютъ обыкновеніе обливаться холодною водой, когда вода въ банѣ очень горяча, и что есть такіе, которые катаются голыми въ снѣгу, прежде чѣмъ войти въ баню.

Въ-пятыхъ, императоръ есть первый купецъ въ своей имперіи.

Въ-шестыхъ, торговля сибирскими куницами даетъ ему огромныя суммы. Въ Сибирь отправляютъ добывать [эти мѣха] рабовъ или преступниковъ.

Наконецъ, существуетъ очень большой налогъ на астраханскую икру (*le caviare d'Astracan*), о которой я скажу ниже, на рыбій клей (*ichtyocolle*) и на грибы (*agaric*).

Живущіе на принадлежащихъ императору земляхъ [крестьяне] доставляютъ ему провизію.

Онъ скупаетъ оптомъ всѣ товары, которые привозятъ греки и персы.

Царь отправляетъ въ Архангельскъ (*Arcangel*) большое количество мѣховъ, воску, мыла, конопли и пряжи, вымѣнивая на нихъ шелкъ, куницъ (?), бархатъ, золотныя ткани, сатинъ, широкія сукна и камки, въ которыхъ онъ нуждается, такъ какъ большинство подарковъ, дѣлаемыхъ имъ, состоитъ изъ этихъ предметовъ.

Онъ приказываетъ отпускать живущимъ при дворцѣ извѣстное количество пшеничной муки, меду, орѣховаго масла, рыбы, овса, пива и меду.

Стрѣльцы (*strelsics ou lanlaries?*) получаютъ только хлѣбъ и сушеную рыбу, для которыхъ царь имѣетъ прекрасные магазины; имъ выдается очень мало денегъ, такъ какъ они могутъ заниматься торговлей и имѣютъ большія привилегіи.

Дворецъ императора занимаетъ очень большое пространство; онъ весь построенъ изъ камня и кирпича, за исключеніемъ нѣко-

торыхъ покоевъ, гдѣ императоръ кушаетъ и спитъ зимой: послѣдніе выстроены изъ дерева, такъ какъ такія комнаты считаютъ болѣе полезными для здоровья въ это время года, по причинѣ сырости, которую даютъ своды каменныхъ построекъ, когда нагрѣваются печи. Дворецъ окруженъ высокою кирпичной стѣной, внутри которой находится 24 церкви или часовни, большая часть коихъ имѣетъ купола и большіе позолоченные кресты, [затѣмъ] нѣсколько дворцовъ изъ камня, гдѣ помѣщаются главные бояре, какъ князь Яковъ принцъ Черкасскій (*knez Iacob, prince Circassien*), Борисъ Ивановичъ Морозовъ (*Boris Iuannoidg Morolos*—ошибка вм. *Morosov*), который былъ воспитателемъ императора во время его малолѣтства, князь Алексѣй (*Alexis*), начальникъ мѣховаго приказа (*maistre de l'office des fourrures*), генералъ *Meheetowidg Trebotsky* (?Михаиловичъ Трубецкой), Илья Даниловичъ Милославскій (*Eliah Danelowidg Meluslafsky*), тесть императора, и князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій (*Iuan Vasiloïdg Adofsky*), пять монастырей мужскихъ, два или три монастыря женскихъ, бо̀льшая часть приказовъ или судовъ и цѣлый рядъ складовъ военной аммуниціи и продовольствія (*la gallerie des munitions de guerre et de bouche*).

Колокольня, называемая Иванъ Великій (*Iuan Velichy*), стоитъ въ сторонѣ и не соприкасается ни съ какимъ другимъ зданіемъ. Она [сооружена] изъ кирпича и тесанаго камня, и была выстроена Иваномъ Васильевичемъ. Она имѣетъ золоченый куполъ и служитъ для помѣщенія колоколовъ. Вышиною она съ башню св. Марка, которая находится въ Венеціи, какъ вы могли видѣть на приложенномъ выше рисункѣ.

Царь, подобно другимъ государямъ, имѣетъ министровъ; но они не въ очень большой чести. Дворяне придворные не входятъ въ его покой, но остаются въ ближайшей комнатѣ, а когда онъ за столомъ, они находятся за двѣ или за три комнаты отъ него.

Я забылъ сказать, что императоръ помѣщается въ третьемъ этажѣ [дворца].

Глава XXXIX. *О городѣ Москвѣ. О драгоцѣнностяхъ царя. Его одежды; одежды императрицы и придворныхъ дамъ. Какъ царица путешествуетъ. Моды и языкъ русскихъ: на сколько они отличаются отъ другихъ націй. Объ ихъ часахъ.*

Городъ Москва (*Moskow, ou Moscüa*) занимаетъ огромное пространство. Она окружена тремя стѣнами, кромѣ той, что̀ окружаетъ императорскій дворецъ: первая и наиболѣе близкая къ

центру города стѣна—изъ краснаго кирпича, слѣдующая за нею—изъ бѣлаго, а третья — земляная, поддерживаемая съ двухъ сторонъ плахами и сваями изъ сосноваго дерева; эта послѣдняя имѣетъ 15 или 16 миль въ окружности и была выстроена въ 4 или 5 дней, по случаю слуховъ о приближеніи крымскихъ татаръ.

Послѣ путешествій, которыя царь совершилъ въ Польшу, гдѣ онъ видѣлъ обычаи и постройки польскихъ князей и богатыхъ дворянъ, дворъ его сдѣлался болѣе роскошнымъ, его постройки стали великолѣпнѣе, а аппартаменты обогатились прекрасными коврами; онъ даже имѣетъ теперь нѣсколько загородныхъ домовъ.

Я не думаю, чтобы гдѣ-нибудь въ свѣтѣ нашелся государь, у котораго было бы столько драгоцѣнностей, какъ у царя. Правда, большая часть его драгоцѣнныхъ камней имѣетъ недостатки, но русскіе на это не смотрятъ, лишь бы только камни были очень большіе.

Единственное отличіе одежды царя отъ одеждъ знати заключается въ томъ, что его платье нѣсколько богаче. Тоже можно сказать и про одежду императрицы, только ея прическа нѣсколько выше, чѣмъ у другихъ дамъ, и рукава ея сорочки немного длиннѣй—они имѣютъ отъ 7 до 8 локтей; а верхнее платье ея, равно какъ и платья ея придворныхъ дамъ [по своему покрою] напоминаютъ платье нашихъ судей.

Обыкновенно императрица путешествуетъ въ повозкѣ и по ночамъ, въ сопровожденіи большинства своихъ придворныхъ дамъ, прислужницъ, золотошвей и другихъ, необходимыхъ ей людей. Съ недавняго времени послѣднія ѣздятъ верхомъ, сидя какъ мужчины, съ бѣлой шляпой на головѣ и съ шелковымъ шарфомъ вокругъ шеи.

Въ Россіи мужчины и женщины, богатые и бѣдные,—одѣваются одинаково. Во всей имперіи одинъ языкъ и одна вѣра.

Они отличаются отъ прочихъ народовъ до самыхъ мелкихъ подробностей.

Мужчины носятъ рубашки сверхъ штановъ и подпоясываются выше пупка. Они вѣрятъ, что поясъ увеличиваетъ силу и что не будетъ удачи, если они не станутъ его носить. Когда они плюютъ на что-нибудь, такъ и кажется, что они чихаютъ. Языкъ ихъ и ихъ произношеніе не имѣютъ ничего общаго съ языками другихъ націй. Они свистятъ зубами, а не губами. Они качаютъ головой, когда выражаютъ удивленіе. Большой грѣхъ у нихъ — не обмыться, послѣ того какъ помочился. Вмѣсто бумаги, которую мы употребляемъ въ нашихъ отхожихъ мѣстахъ, они обходятся

маленькою лопаточкой изъ сосноваго дерева, хорошо выглаженной.

Стрѣлка часовъ у насъ ходитъ вокругъ циферблата, а у нихъ сами часы ходятъ вокругъ стрѣлки. У нихъ считается очень большимъ грѣхомъ для русскаго спать съ англичанкой или голландкой; но русская [женщина] не считается очень виновной, если сойдется съ иностранцемъ, потому что дѣти, которыя могутъ родиться, будутъ воспитаны въ русской вѣрѣ.

Они любятъ больше ржаной хлѣбъ, чѣмъ пшеничный, по причинѣ, о которой я говорилъ выше, и рыбу лежалую предпочитаютъ живой. Они считаютъ свои тысячи по девяностамъ, а не по сотнямъ. Первый день новаго года у нихъ—первое сентября. Они считаютъ семь тысячь шесть сотъ и еще нѣсколько лѣтъ отъ сотворенія міра. Самымъ невѣроятнымъ вещамъ они придаютъ большую вѣру, за то съ трудомъ вѣрятъ тому, что вѣроятно и допустимо разсудкомъ. Чтобы поздороваться съ женщиной, они цѣлуютъ ее въ правую щеку. Имѣнія, пріобрѣтенныя за 20 лѣтъ предъ этимъ, назначаются младшимъ въ семьѣ. При шитьѣ они надавливаютъ иголку большимъ пальцемъ [слишкомъ многословно выражено: ils poussent leur éguille avec le doigt d'aprés le pouce]. Они ѣдятъ морковь и горохъ, не очистивъ ихъ отъ шелухи. Горохъ они не собираютъ, какъ мы, а вырываютъ съ корнями и такъ продаютъ на рынкѣ.

Чтобы выразить, что мужъ имѣетъ невѣрную жену, говорятъ, *что онъ спитъ подъ лавкой* [скамейкой].

Простое слово человѣка, имѣющаго бороду, для нихъ болѣе убѣдительно, чѣмъ присяга такого, который ея не имѣетъ.

Самыя прекрасныя ихъ картины не лучше тѣхъ, что рисуютъ у насъ на печахъ красной охрой и испанскими бѣлилами.

Они прилагаютъ столько же старанія держать свои зубы черными, какъ мы стараемся держать ихъ бѣлыми. Они обладаютъ секретомъ красить ихъ въ черный цвѣтъ, также какъ и зрачки глазъ. Продолговатые глаза имъ кажутся наиболѣе красивыми, также какъ и низкіе лбы. Русскія женщины прячутъ часть лба подъ прическу. Маленькія ноги и тонкая талія кажутся имъ уродствомъ. Онѣ прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы потолстѣть: для этого онѣ предаются крайнимъ излишествамъ, лежатъ цѣлый день въ постелѣ, проводя время въ снѣ и въ питьѣ водки.

Глава XL. ***Судебные порядки. Когда и какъ наказываютъ убійцу. Очень трудный вопросъ въ Россіи: какимъ образомъ совершать казнь? Наказанія для фальшивомонетчиковъ. Наказаніе одного человѣка, который хотѣлъ убить сову во дворцѣ императора. Ссылка для заговорщиковъ.***

Въ русскихъ судебныхъ обрядахъ такъ много путаницы, что очень трудно говорить объ нихъ обстоятельно. Каждая область имѣетъ свой *приказъ*, или судъ, въ которомъ засѣдаетъ бояринъ, или господинъ, представляющій собою особу императора, и дьякъ, или секретарь, который имѣетъ много писцовъ, или младшихъ секретарей (помощниковъ). Если имѣется какое-нибудь дѣло у судей и если они не подкуплены, жалобщикъ почти увѣренъ въ его выигрышѣ, такъ какъ судьи имѣютъ склонность всегда думать, что правда обыкновенно на сторонѣ истца.

Къ смерти приговариваютъ преступниковъ рѣдко, довольствуясь наказаніемъ плетьми; но въ Россіи это наказаніе хуже, чѣмъ самая смертная казнь.

Отъ наказанія за убійство можно откупиться деньгами. Если кто-нибудь убитъ и никто не требуетъ наказанія за эту смерть, судъ и не думаетъ начинать дѣло.

Нельзя осудить человѣка, обвиняемаго въ какомъ-нибудь преступленіи, если онъ не сознается, хотя бы тысяча свидѣтелей говорили противъ него; но достовѣрно, что для того, чтобы заставить преступника сознаться, его подвергаютъ пыткамъ, столь ужаснымъ, что нельзя себѣ и представить. Сначала его вздергиваютъ на дыбу. Если онъ ни въ чемъ не сознается,—его бьютъ плетьми, и палачъ такъ умѣло обращается со своей плетью, что шестью или семью ударами можетъ убить наказываемаго. Иногда бока осужденнаго пронзаютъ раскаленнымъ желѣзомъ, или разрѣзаютъ ему спину, солятъ ее и поджариваютъ нѣкоторое время на огнѣ, предварительно раскрывъ рану палкой; если онъ продолжаетъ упорно не сознаваться, ему приводятъ въ порядокъ спину и вывихнутыя плечи; давъ ему отдохнуть дней 20, снова начинаютъ его пытать, какъ прежде. Часто ему вырываютъ цѣлыя ребра, и если онъ можетъ твердо вынести всѣ эти пытки,—что иногда случается,—то послѣдняя пытка состоитъ въ томъ, что ему брѣютъ на-чисто середку головы и льютъ на нее воду, капля по каплѣ,—что, какъ говорятъ, есть самая чувствительная изъ всѣхъ пытокъ, такъ какъ каждая капля ударяетъ какъ бы въ самое сердце и пронзаетъ его, какъ стрѣла.

Наказаніе, которому подвергаютъ фальшивомонетчиковъ, заключается въ томъ, что расплавляютъ матеріалы, изъ которыхъ они дѣлали монету, и льютъ имъ въ горло.

Одному молодому человѣку, который хотѣлъ убить сову во дворцѣ императора, отрубили лѣвую ногу и правую руку, такъ какъ пуля изъ его ружья попала въ комнату императора.

Если откроютъ какой-нибудь заговоръ, секретно пытаютъ участниковъ его и потомъ ссылаютъ ихъ въ Сибирь, а по дорогѣ топятъ ихъ подо льдомъ, или же просто оставляютъ въ ссылкѣ въ этой области, за три тысячи верстъ отъ Москвы, выколовъ предварительно имъ глаза или обрѣзавъ уши.

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ ввели въ Россіи обычай вѣшать преступниковъ: русскіе очень долго противились введенію этого способа, будучи увѣрены, что душа человѣка, котораго вѣшаютъ, должна будетъ выходить низомъ, что̀ дѣлаетъ ее поганою (*pogano*). Тотъ, кого вѣшаютъ, самъ вставляетъ шею въ петлю и бросается [внизъ], когда ему это прикажутъ. Должность палача наслѣдственна, поэтому онъ старается обучить своихъ дѣтей этому ремеслу и заставляетъ ихъ продѣлывать первые опыты [наказанія кнутомъ] на кожаномъ мѣшкѣ.

Глава XLI. *О Сибири и ея обитателяхъ. Тамбулъ—ея столица. О чаѣ и бур-діанѣ и ихъ свойствахъ. Куницы и какъ ихъ ловятъ. Чрезвычайный холодъ, бывающій въ Сибири. Чѣмъ тамъ кормятъ коровъ. О рѣкѣ Оби. Объ икрѣ. О самоѣдахъ. Пища людоѣдовъ. Ихъ саники. Ихъ охота. Ихъ одежда. Ихъ обычаи. Наблюденія, касающіяся сѣверныхъ народовъ.*

Сибирь—огромная, неизвѣстная область, которая простирается до стѣнъ Китая (*Cataya*). Я разговаривалъ съ двумя лицами, которыя совершили по ней путешествіе; одинъ изъ нихъ торговалъ съ китайцами, а другой увѣрялъ меня, что видѣлъ море на окраинѣ Сибири, корабли и людей, которые носятъ бороду только на нижней губѣ, одѣты въ богатое платье, покрытое золотомъ и драгоцѣнными камнями и сшитое на особый манеръ. На основаніи его описанія, я пришелъ къ заключенію, что это были китайцы.

Онъ привезъ изъ Сибири чаю (*chay*) и бур-діану (*bour-dian*). *Chay*, это—то, что̀ мы называемъ *thé*, а бур-діанъ есть индійскій анисъ (*anisum indicum stellatum*).

Мѣстные купцы пьютъ чай съ сахаромъ, какъ и мы, и употребляютъ его, какъ прекрасное лѣкарство противъ болѣзни легкихъ (*maladies des poulmons*), противъ скопленія вѣтровъ въ животѣ и разстройства желудка. Его привозятъ въ бумагѣ [въ бумажныхъ пакетахъ] съ китайскими надписями, и въ каждомъ сверткѣ заключается 1 фунтъ.

Отправляющіеся въ Сибирь проводятъ въ пути шесть лѣтъ, такъ какъ они должны проводить зиму въ однихъ мѣстахъ, а лѣто—въ другихъ. Тамбулъ (*Tambul*, конечно—*Тобольскъ*) есть столица провинціи и мѣстопребываніе главнаго воеводы (*vayod*). Мѣха, и преимущественно куньи, которыхъ нигдѣ въ свѣтѣ болѣе не встрѣчается, составляютъ главный предметъ торговли жителей. Они ѣдятъ вмѣсто хлѣба, котораго у нихъ нѣтъ, сушеную рыбу, которой имѣется великое изобиліе въ мѣстныхъ озерахъ и рѣкахъ. Она же служитъ пищей собакамъ и даже коровамъ во время холода, который въ Сибири чрезвычайно силенъ, и вотъ почему молоко тамъ всегда отзывается рыбой.

Тамъ ростутъ также деревья, которыя приносятъ множество орѣховъ; я не знаю, какого сорта эти орѣхи, но мнѣ обѣщали ихъ показать.

На охоту отправляются партіями (*en troupes*), на 6 или на 7 недѣль, укрытые 3 или 4 шубами, и ѣздятъ въ саняхъ, запряженныхъ 30 или 40 собаками. Охотники спятъ всю ночь на открытомъ воздухѣ, въ самое холодное время, но разводятъ огонь, чтобы приготовить свою рыбу. Собаки ихъ чрезвычайно ловки въ отыскиваніи куницы и схватываютъ ее, когда она ранена въ носъ, что̀ сибиряки умѣютъ дѣлать очень хорошо, съ помощію арбалета. Если куницу ранятъ въ другое мѣсто, животное это, будучи сильнымъ и крѣпкимъ, можетъ спастись, даже когда его пронзятъ стрѣлой насквозь, а если она и не спасется, шкура ея считается испорченной.

Обь (*l'Ob*)—огромная рѣка, устье которой еще недостаточно извѣстно. Въ ней водится огромное количество осетровъ и бѣлугъ (*bellugas*). Эта послѣдняя рыба имѣетъ 12 или 15 футъ длины; она широка и напоминаетъ осетра, мясо котораго, однако, не столь вкусно. Мясо бѣлуги необычайно вкусно, бѣлѣе, чѣмъ телячье и на вкусъ пріятнѣе костянаго мозга (mouëlle, вм. *moelle*). Бѣлуга держится въ глубинѣ Волги, а когда тающій снѣгъ поднимаетъ уровень воды и послѣдняя течетъ быстрѣе, бѣлуга проглатываетъ большіе булыжники, чтобы сдѣлаться тяжелѣе и легче сопротивляться силѣ рѣчного теченія. Когда вода спадаетъ, она ихъ выбрасываетъ. Изъ молокъ именно этой рыбы и осетровыхъ, смѣ-

шанныхъ вмѣстѣ, астраханцы дѣлаютъ икру. Сначала кладутъ они молоки въ большую кучу соли, и когда они немного перебродятъ, ихъ прессуютъ и набиваютъ въ боченки. Есть еще сортъ икры, которую не прессуютъ и оттого она болѣе тонкаго вкуса; но такая не сохраняется столь долго. Турки приготовляютъ икру изъ яицъ осетра, которыя черны, состоятъ изъ маленькихъ зернышекъ, липкихъ, какъ *potargo* (?). Русскіе называютъ это — икра (*fekra*). Есть еще другая, которая дѣлается изъ молокъ бѣлуги.

Армяне, которые, я думаю, начали впервые приготовлять икру, дѣлаютъ ее еще другимъ способомъ. Начинаютъ съ того, что очищаютъ молоки и удаляютъ изъ нихъ все безполезное; потомъ ихъ солятъ и раскладываютъ на изогнутыхъ доскахъ, чтобы дать стечь съ нихъ наиболѣе жирнымъ и маслянистымъ частицамъ; послѣ того молоки складываютъ въ боченки, гдѣ ихъ прессуютъ, пока они не затвердѣютъ. Бѣлуга имѣетъ въ себѣ 150 штукъ молокъ и 200 [фунтовъ] по вѣсу яичекъ, что армяне называютъ армянской икрой (*Arminka fekra*).

Сѣверная часть Сибири называется Самоѣда (*Samogeda*), или Тсамоейда (*Tsamoeïda*), что значитъ каннибалы (*cannibales*), или людоѣды (*mangeurs d'hommes*), потому что обитающіе въ этой странѣ поѣдаютъ плѣнныхъ, которыхъ захватываютъ на войнѣ. Они живутъ въ круглыхъ палаткахъ (*sous les tentes rondes*), покрытыхъ рогожами и шкурами оленей. Они разводятъ огонь посрединѣ и спятъ вокругъ него; вверху палатки имѣется всего одно отверстіе для выхода дыма. Лѣтомъ они приближаются къ рѣкамъ, чтобы имѣть болѣе удобства при рыбной ловлѣ. Они живутъ только рыбой, которую весьма часто ѣдятъ совершенно сырой; но лѣтомъ ее сушатъ и въ такомъ видѣ сохраняютъ на зиму. Молодые щенята служатъ имъ для приготовленія отличнаго рагу.

Ихъ обычаи, языкъ и религія—совершенно варварскіе. Они обожаютъ солнце и луну. Они всѣ,—мужчины и женщины,—одѣваются въ оленьи шкуры, которыя носятъ шерстью вверхъ, ибо имъ кажется, что такъ теплѣе. Мужчины не имѣютъ бородъ, а женщины чрезвычайно некрасивы; этимъ объясняется, почему трудно бываетъ различить оба пола и почему мужчину принимаютъ за женщину. Какъ ни безобразны эти женщины, людоѣды находятъ ихъ для себя болѣе по вкусу, нежели тѣхъ, которыхъ мы признаемъ красивыми.

Олени—важнѣйшее богатство страны самоѣдовъ (*de la Tsamoeïde*). Встрѣчаются ручные олени, которые ходятъ стадами; иные изъ нихъ приближаются, когда ихъ зовутъ, и позволяютъ надѣвать на себя сбрую и запрягать себя попарно въ сани, въ

которыхъ они пробѣгаютъ 80 миль въ день, со скоростью невѣроятной. Прежде чѣмъ итти на поиски (à la queste, вм. *quête*) оленей, совѣтуются со жрецомъ (*le prestre*), который указываетъ мѣсто, куда надо итти, и въ большинствѣ случаевъ оленей находятъ навѣрняка.

Дѣвушки приносятъ солидный доходъ отцамъ. Ихъ никому не показываютъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не сосватаны, и чаще всего шести или семи лѣтъ онѣ выходятъ замужъ, потому что кто-нибудь покупаетъ ихъ за извѣстное количество оленей, такъ какъ покупщикъ при этомъ можетъ быть увѣренъ въ ихъ невинности; а мужья столь ревнивы къ нимъ, что запираютъ ихъ болѣе тщательно, чѣмъ это дѣлается въ Италіи. А когда они отправляются на охоту, то примѣняютъ машинки, препятствующія женамъ стать невѣрными.

Императоръ разсудилъ, что эти народы не заслуживаютъ чести состоять подъ его властью: они не обложены никакой податью и только добровольно даютъ ему, время отъ времени, нѣсколько оленей.

Никто не понимаетъ ихъ языка, ни ихъ [религіозныхъ] законовъ, которые они исполняютъ въ большой тайнѣ. Когда они продаютъ оленя иностранцу, то оставляютъ себѣ внутренности, которыя поѣдаютъ въ самомъ грязномъ видѣ, предварительно лишь выдавивъ ихъ, чтобы очистить отъ экскрементовъ.

Наиболѣе почитаются между ними тѣ, кто больше свѣдущъ въ колдовствѣ; есть отличные знатоки въ этомъ дѣлѣ, сравнительно съ иностранцами; но они не осмѣливаются дѣлать никакихъ опытовъ передъ русскими, боясь быть обвиненными.

Одинъ англійскій купецъ угощалъ обѣдомъ нѣсколькихъ каннибаловъ, при чемъ одинъ изъ нихъ опьянѣлъ, какъ нельзя болѣе; опьяненіе его не проходило до тѣхъ поръ, пока одна старая женщина не потрогала его лобъ и не сказала ему нѣсколько словъ на ухо; и это сдѣлало его такимъ же трезвымъ, какъ еслибы онъ ничего не пилъ во весь день.

Глава LII. *О южной части Сибири. О пустынѣ, называемой степью. Страна бѣлокъ. О птицѣ, похожей на бекаса. О другой, похожей на сокола. И о третьей, которая величиной съ лебедя. Опровергнутая исторія растенія, называемаго барашекъ.*

На югѣ Сибири находится пустыня, называемая степью (*step*), длиною 600 или 700 верстъ, гдѣ мало рѣкъ и почва которой чрезвычайно плодородна. Тамъ цѣлый день проводятъ на лошади въ

обширныхъ поляхъ, изобилующихъ вишневыми деревцами, которыя не болѣе 2 или 3 футовъ вышиною; это не значитъ, чтобы вишня не могла расти выше, но этому мѣшаетъ небрежность проѣзжающихъ, которыя, разведя огонь среди степи, уѣзжаютъ, не позаботясь его погасить, а трава въ этой пустынѣ очень высока и суха: она воспламеняется и огонь пожираетъ все, что встрѣчаетъ [на своемъ пути]. Тутъ не рѣдкость видѣть пожаръ на 30 или 40 миль (по мѣстному—верстъ) въ окружности, преслѣдующій путешественниковъ съ такой быстротой и яростью, что часто они не имѣютъ времени спастись.

Эти вишневыя деревца приносятъ хорошіе красные плоды, но очень кислые; плоды нѣкоторыхъ вишень, пересаженныхъ на новое мѣсто, оказались очень хорошими.

Я бесѣдовалъ со многими, которые видали въ этой пустынѣ большое количество тюльпановъ, красныхъ розъ, розъ—похожихъ на тѣ, что растутъ въ Дамаскѣ, спаржу—болѣе широкую и значительно болѣе толстую, чѣмъ растущая у насъ, лукъ, майоранъ, тминъ, цикорій, шалфей, эндивій, или бѣлый цикорій, чаберъ (sariette вм. *sarriette*) и много другихъ цвѣтовъ, травъ и кореньевъ, которые мы тщательно разводимъ въ нашихъ садахъ. Лакрица тамъ тоже очень обыкновенна; тамъ ѣдятъ пастернакъ (panets вм. *panais*) и морковь, а купцы привозятъ много селитры и *salgemmar* (?).

Олени тутъ крупнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тутъ живутъ очень красивыя маленькія животныя, изъ которыхъ одни называются сурками (*zouricks*), а другіе—перевозчиками (*perivoshics*). Сурки—величиной съ барсука, но другой формы, шкурки у нихъ пріятнаго темнаго цвѣта, гладкія и годныя для дубленія (*tannelée*). У нихъ маленькая голова и короткія ноги, спина приблизительно въ одинъ футъ шириною, а живутъ они подъ землей, какъ кролики. Русскіе разсказываютъ много басенъ о томъ, какъ сурки ведутъ другъ съ другомъ войну, ловко забираютъ въ плѣнъ непріятелей и обращаютъ ихъ въ рабовъ, которыхъ заставляютъ потомъ носить сѣно, коренья и прочую провизію, необходимую на зиму. Говорятъ, что ихъ логовища очень уютны, опрятны и сдѣланы съ большимъ искусствомъ, и что если какой-нибудь звѣрекъ околѣваетъ, то его выносятъ изъ норы и закапываютъ въ сторонѣ.

Отрядъ полковника Крафорда (*Crafards*) былъ расквартированъ въ такой мѣстности, гдѣ водились сурки. Однажды они собрались въ огромномъ количествѣ и произвели такой ужасный шумъ, что даже солдаты были испуганы, а большая часть лошадей, пасшихся по близости, успѣла убѣжать верстъ за десять, прежде чѣмъ ихъ удалось переловить.

Перевозчики (*perivoshicks*) имѣютъ шкурки коричневаго цвѣта, отливающія въ желтизну, съ бѣлыми и черными пятнами. Изъ нихъ дѣлаютъ душегрѣйки (*juste-au-corps*), очень красивыя на видъ; тѣмъ не менѣе, онѣ низко цѣнятся, такъ какъ шерсть коротка и даетъ мало тепла. Я слыхалъ разсказы о томъ, что звѣркамъ этимъ доставляетъ большое удовольствіе переплывать съ одного берега рѣки на другой, неся у себя на спинахъ бѣлокъ и горностаевъ: вотъ откуда произошло ихъ названіе *перевозчикъ*, которое означаетъ того, кто что-нибудь переноситъ или перевозитъ.

Многіе меня увѣряли, что видѣли, какъ бѣлки, не находя пищи на одномъ берегу рѣки, отваживаются переправляться на другой на маленькихъ кускахъ дерева, причемъ хвостъ служитъ имъ вмѣсто паруса; иногда имъ это удается, если вѣтеръ гонитъ ихъ прямо, но если вѣтеръ сдѣлается противный, онѣ неизбѣжно тонутъ.

Въ окрестностяхъ Казани и Астрахани водятся птицы, величиной съ кулика; ноги и клювъ у нихъ похожи на бекасиные, а перья и шея походятъ на пѣтушьи. Они дерутся между собой, точно англійскіе [боевые] пѣтухи, и находятся въ постоянной войнѣ. Когда они защищаются, они опускаютъ клювъ къ землѣ, а когда выберутъ удобный моментъ, стремительно бросаются и нападаютъ на врага. Они вкуснѣе перепеловъ. Иногда ихъ встрѣчаютъ около Архангельска, гдѣ водится также птица, величиной съ чернаго дрозда, напоминающая по виду сокола, которая охотится на маленькихъ птичекъ; схвативъ добычу, она ее ощипываетъ, тщательно очищаетъ и ѣстъ. Тамъ водится еще другая птица, вывезенная изъ Астрахани; величиной она съ лебедя, съ такимъ же туловищемъ и лапами, но шея у нея короче, толще и настолько шире, что она проглатываетъ рыбъ, величиной до девяти дюймовъ. Нѣкоторые разсказы сообщаютъ про растеніе, называемое «барашекъ» (*agneau*), которое растетъ въ этой странѣ, будто оно пожираетъ всѣ травы, растущія вокругъ него, а потомъ погибаетъ; но все, что объ немъ говорятъ, я считаю басней (1).

Примѣчаніе.

1. Вѣра въ такое растеніе въ средніе вѣка была повсемѣстна; ему приписывали множество чудесныхъ свойствъ и носили его вмѣсто талисмана.

Растеніе это—«скиѳскій барашекъ» (*Agnus Scythicus*). Ботаническое его названіе—*Aspidium Baromez Willd.*, и оно представляетъ собою родъ папоротника. (См. объ немъ подробнѣе въ книжкѣ фонъ *Тумена*, „Растенія въ колдовствѣ“. Публ. лекція, изд. В. П. Быкова. М. 1899, стр. 16 и сл., гдѣ есть и рисунокъ этого растенія).

Глава XLIII. ***Краткое описаніе Татаріи. Ея столица. Дань, которую платятъ татары. Московиты платили дань крымскому хану. Перепзды, которые татары совершаютъ въ одинъ день. Они пдятъ конское мясо и не употребляютъ ни хлѣба, ни соли. Они обладаютъ удивительнымъ зрѣніемъ и прекрасные наѣздники. Они смѣются надъ вѣрой русскихъ. О татарахъ-калмыкахъ.***

Я думаю, кстати будетъ сообщить здѣсь то, что̀ я узналъ о Татаріи. Я мало могу объ ней сказать, но то, что̀ я скажу, достойно вниманія. Городъ *Крымъ* (Crim), давшій свое имя *Великому Крыму* [такъ называется вездѣ крымскій ханъ], есть столица Татаріи; онъ расположенъ у Татарскаго моря, построенъ изъ камня и кирпича и окруженъ крѣпкими стѣнами. Татары—данники турокъ, но еще недавно, помимо почести, которую воздавалъ [хану] Московскій князь, состоявшей въ томъ, что онъ торжественною клятвой обязанъ былъ кормить сѣномъ лошадь крымскаго хана изъ своей шапки, городъ Москва платила татарамъ дань въ тысячу кафтановъ изъ оленьихъ шкуръ, которую она отказалась платить около 10 лѣтъ назадъ, подъ предлогомъ, что татары нарушили миръ, совершивши набѣгъ въ предѣлы Россіи. И надо признаться, что это—очень неудобные сосѣди. Если имъ наносятъ пораженіе, они въ одинъ моментъ исчезаютъ и разсыпаются въ стороны по одиночкѣ; но это имъ не мѣшаетъ въ слѣдующую ночь собраться снова въ назначенное мѣсто и начать вновь наступленіе и набѣги. Они дѣлаютъ переходы по 100 миль въ сутки, во время которыхъ они мѣняютъ три или четыре раза лошадей, ибо самое меньшее—у каждаго изъ нихъ 3 или 4 лошади. Если какая-нибудь лошадь падетъ отъ усталости или отъ болѣзни (ladie, явная опечатка, вм. *maladie*), татары раздѣляютъ ее по кускамъ между собою и ѣдятъ это мясо съ удовольствіемъ, послѣ того какъ согрѣютъ его немного, положивъ подъ сѣдла своихъ верховыхъ лошадей. Тѣхъ [лошадей], которыхъ они ведутъ на поводу въ рукахъ, очень трудно отнять у нихъ, такъ какъ почти невозможно заставить ихъ покинуть свой табунъ.

Если какой-нибудь татаринъ заболѣетъ, ему даютъ [пить] кобылье молоко и свѣжей лошадиной крови, добываемой для этого нарочно у какой-нибудь лошади.

Причина, по которой они не ѣдятъ вовсе хлѣба и не употребляютъ никогда соли, та, что они увѣрены, будто хлѣбъ—пища тяжелая и тѣ, кто его ѣстъ, дѣлаются тяжелыми же, а соль будто бы портитъ зрѣніе.

Дѣйствительно, зрѣніе у нихъ лучше, чѣмъ у обыкновенныхъ людей: они видятъ на 40 или 50 миль въ окружности, если мѣстность открытая, и различаютъ присутствіе человѣка на такомъ разстояніи, на которомъ русскіе не увидятъ цѣлой толпы татаръ.

Они превосходные наѣздники: убѣгая [они скачутъ] съ опущенными поводьями, не упускаютъ случая стать на стремена и пустить назадъ стрѣлу въ преслѣдующаго ихъ непріятеля.

Татары-калмыки (*coltmacks*), среди которыхъ родился Тамерланъ, занимаютъ обширную страну. Они живутъ въ палаткахъ и кормятся скотоводствомъ. Они крупнѣе [ростомъ] и смуглѣе, чѣмъ крымскіе татары, и черты лица у нихъ другія. Нѣкоторые изъ нихъ признаютъ своимъ повелителемъ императора Россіи.

Ихъ женщины способны сами воевать и въ этомъ году онѣ разбили армію крымскихъ татаръ, которые увели у нихъ въ рабство нѣсколькихъ дѣтей.

Крымскіе татары имѣютъ лицо плоское, глаза маленькіе и раскосые, лобъ узкій, а плечи низкія и широкія. Они средняго роста и такого сложенія, что ихъ трудно не узнать гдѣ бы то ни было, лишь бы только они показали свое лицо.

Они расплющиваютъ носъ у новорожденныхъ дѣтей и считаютъ какъ бы безуміемъ имѣть носъ между глазами. Татары всѣ исповѣдуютъ магометанство. Они насмѣхаются надъ почитаніемъ, которое оказываютъ русскіе иконамъ или Николаямъ, и утверждаютъ, что лучше бы поклоняться солнцу, ибо оно—славное свѣтило, дающее неисчислимыя блага міру, чѣмъ изображеніямъ на деревѣ. „*Вы видите*, говорятъ они, *какова судьба вашихъ Боговъ: когда они ослѣпнутъ* (т. е. когда живопись на нихъ изгладится), *вы ихъ бросаете въ рѣку, съ копьйкой* (*copłakes*, вм. *copeakes*) *или двумя, или съ кускомъ ладана* (*oliban*). *И они плывутъ вдоль всей Волги въ Каспійское море, гдѣ мы ихъ вылавливаемъ, чтобы жарить на нихъ свою конину. Не правда-ли, хорошіе это Боги, которые служатъ намъ для топлива* (qui nous servent de grils) *и которые не могутъ сопротивляться тѣмъ, кто хочетъ ихъ уничтожить?*“.

Глава XLIV. *Невѣжество и идолопоклонство народа въ Россіи. Что онъ думаетъ о св. Николаѣ. Его природныя свойства. О полякахъ. Объ ихъ законахъ и королѣхъ.*

Вѣрно, что простой русскій народъ чрезвычайно тупъ и идолопоклонникъ. Тѣ, которые живутъ къ сѣверу, въ Архангельскѣ, въ Колѣ и пр., не знаютъ никакого другого бога, кромѣ св. Николая, который, по мнѣнію ихъ, управляетъ всѣмъ міромъ. Они

увѣряютъ, что онъ приплылъ на мельничномъ жерновѣ отъ самой Италіи до гавани, носящей его имя и находящейся около Архангельска: и если русскій выразитъ невѣріе къ этой исторіи, онъ по меньшей мѣрѣ рискуетъ жизнью.

Они справляютъ съ бо́льшимъ благоговѣніемъ и вѣрою праздники своихъ собственныхъ святыхъ, нежели праздники въ честь апостоловъ. Святой Николай, говорятъ они, есть «нашъ братъ» (*nasha bradt*, т. е. одинъ изъ нашихъ братьевъ), который милостивъ къ намъ, потому что мы изъ одной съ нимъ страны (земляки), а не то, что́ св. Петръ или Павелъ, которые насъ никогда не знали.

Тѣ, которые брали взятки съ народа и грабили иностранцевъ, думаютъ искупить свои злодѣйства тѣмъ, что строятъ церкви, жертвуютъ большое количество колоколовъ и наполняютъ церковь богатоукрашенными Николаями (образами), осыпанными драгоцѣнными камнями.

Большинство русскихъ грубы, невѣжественны и безчестные люди, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которые цивилизовались, ведя торговлю съ иностранцами или путешествуя къ польскому двору.

Поляки менѣе варвары, чѣмъ русскіе. Между ними есть такіе, которые развили свой умъ изученіемъ наукъ, совершенно изгнанныхъ изъ Ро́ссіи, и поляки имѣютъ право свободно путешествовать, чего русскіе лишены.

Однако, не смотря на эти преимущества, поляки все-таки остаются самонадѣянными, заносчивыми, преисполненными высокаго мнѣнія о себѣ и о своей странѣ, которую они ставятъ выше всѣхъ остальныхъ. Они смѣшны въ своихъ костюмахъ, пусты и расточительны ради одного тщеславія. Они великолѣпны на конѣ и въ латахъ, такъ какъ то и другое придаетъ имъ много красоты. Они учтивы съ иностранцами и принимаютъ ихъ прекрасно въ теченіи двухъ или трехъ дней, пока могутъ имъ хвастаться своимъ великолѣпіемъ, напаивая до-пьяна по два или по три раза.

Они еще бо́льшіе пьяницы, чѣмъ русскіе, и такіе буйные во время попоекъ, что мало найдется между ними такихъ, которые не получили при этомъ значительныхъ ранъ.

Ихъ законы—варварскіе до послѣдней степени: они наказываютъ убійство только простою денежной пенею. Обыкновенно платится экю за убійство крестьянина, и эта сумма повышается, въ зависимости отъ положенія убитаго.

Ихъ короли—не болѣе, какъ короли на картинѣ. Генрихъ III былъ таковымъ, прежде чѣмъ сдѣлался королемъ Франціи, и понятно, что ему надоѣло быть въ такомъ положеніи, не смотря

на усиленныя просьбы нѣкоторыхъ не оставлять [польской] короны.

Рѣшеніе, постановленное единогласно на ихъ собраніяхъ или сеймахъ, часто пріостанавливается однимъ изъ нихъ, который возражаетъ противъ этого рѣшенія, не приводя разумныхъ доводовъ, а кладя только руку на эфесъ своей сабли: часто случается, что на другой день онъ стоитъ за то, противъ чего возражалъ вчера.

Глава XLV. *О сифилисѣ. О колтунѣ, или польской паршѣ. Почтеніе, которое имѣютъ къ ней поляки. Происхожденіе обычая пудрить волосы. Поляки исполняютъ заключенные ими договоры болѣе добросовѣстно, чѣмъ русскіе. Способъ взаимнаго привѣтствія. О томъ же у татаръ и черкесовъ. Сравненіе языковъ русскаго и польскаго.*

Сифилисъ—чрезвычайно обыкновенная и опасная болѣзнь въ Польшѣ. Русскіе получили его со времени завоеванія Вильны (*Vilna*) и нѣкоторыхъ другихъ пограничныхъ городовъ и провинцій Польши; раньше этого они его не знали.

Парши, или колтунъ (*la teigne ou plica*) тоже не рѣдкость среди поляковъ по той причинѣ, что большая часть ихъ рѣкъ отравлена мышьяковистыми источниками (*mines d'arsenic*), и потому почти невозможно проѣхать ихъ страны, не заразившись паршами. Когда эта болѣзнь завелась въ какомъ-нибудь домѣ, она передается всѣмъ его обитателямъ: почти никто отъ нея не спасается. Нѣтъ ничего грязнѣе и противнѣе видѣть, до какой степени поляки изнурены этой болѣзнью. Кромѣ симптомовъ этой болѣзни. которые ужасны сами по себѣ, колтунъ даетъ столь дурной запахъ, что нѣтъ такой застарѣлой язвы, которая бы столь противно пахла. Я видѣлъ монаховъ, у которыхъ вся голова была сплошь покрыта колтуномъ, и всѣ волосы были спутаны и скручены; все это представляетъ одно изъ противнѣйшихъ зрѣлищъ, какое только можно себѣ представить. Между тѣмъ колтунъ считается у нихъ за признакъ необычайной святости, а у прочихъ людей—за признакъ благороднаго происхожденія. Лошади, имѣющія колтунъ на гривѣ и на челкѣ, считаются мужественными и наиболѣе выносливыми. Если у лошади срѣзать хотя бы только частицу зараженныхъ волосъ, она околѣваетъ, а не то взбѣсится, ослѣпнетъ или охромѣетъ.

Говорятъ что поляки первые стали употреблять пудру для волосъ, чтобы скрыть эту болѣзнь.

Поляки болѣе точны въ исполненіи договоровъ, чѣмъ русскіе; послѣднимъ ничего не стоитъ нарушить договоръ, если только это имъ выгодно. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ частныхъ дѣлахъ, они имѣютъ уваженіе къ присягѣ, которую дали; вотъ почему они рѣдко ее даютъ.

Языки этихъ двухъ народовъ не болѣе отличаются одинъ отъ другого, чѣмъ англійскій отъ шотландскаго. Польскій языкъ считается болѣе богатымъ и болѣе обработаннымъ; но, на мой взглядъ, произношеніе его очень грубо, также какъ и орѳографія. Часто у нихъ приходится до шести согласныхъ на одну гласную, и они не могутъ разговаривать, чтобы не брызгать слюною въ лицо тому, съ кѣмъ говорятъ.

Они привѣтствуютъ [при встрѣчахъ] горделиво и не склоняются такъ низко, какъ русскіе. Татары привѣтствуютъ старшихъ, обнимая ихъ колѣна, а равныхъ себѣ — кладя палецъ на ротъ и наклоняя немного голову. Самая грубая и непріятная манера привѣтствія у черкесовъ. Они всякій разъ спрашиваютъ: *въ добромъ ли здоровьѣ твои слуги, твои коровы, твои овцы, твои лошади, твои козы, твои быки, твои свиньи, твои пѣтухи, твои куры, твои индюшки?*

Глава XLVI. *О русскомъ дворѣ. Объ отцѣ нынѣ царствующаго царя. Графъ Волмеръ проситъ въ супружество дочь царя Михаила. Смерть этого императора. Исторія отца Бориса Ивановича (Морозова). Счастье Бориса. Его паденіе и возвышеніе вновь. Женитьба весьма поощряется въ Россіи. Нащокинъ—великій реформаторъ. Его мнѣнія касательно дѣйствій нѣкоторыхъ христіанскихъ государей.*

Я не претендую здѣсь исчерпывающимъ образомъ говорить о возвышеніи фамиліи Романовыхъ (*Romanoves*), ни разсказывать, какъ они приняли титулъ царя, ни о томъ, какимъ образомъ Василій (*Basile*) началъ приводить къ повиновенію себѣ мелкихъ московскихъ князей (*les petits ducs de Moscovie*), какъ Иванъ Васильевичъ (*Iean Vasilowidg*), его сынъ, сопутствуемый тѣмъ же счастіемъ, подчинилъ себѣ царей (*les roys*) Казани, Астрахани и Сибири.

Надо бы написать цѣлую исторію, чтобы изложить всѣ эти происшествія и между прочимъ все то, что произошло въ цар-

ствованіе [Ивана] Васильевича, который былъ однимъ изъ величайшихъ тирановъ и въ тоже время однимъ изъ самыхъ счастливыхъ государей въ мірѣ.

Царь Михаилъ, отецъ нынѣ царствующаго царя, былъ государь милостивый, благочестивый, любилъ пышность, былъ мягкаго характера и благосклоненъ къ иностранцамъ; ему доставляло большое удовольствіе поддерживать миръ и дружбу съ христіанскими государями. Графъ Вольмеръ (*Grave Wolmer*), побочный сынъ послѣдняго датскаго короля, женился бы на дочери царя, если бы не русское духовенство (*le clergé de Russie*), которое воспротивилось этому браку, подъ предлогомъ, что Вольмеръ былъ еретикъ. Увидя такую оппозицію, этотъ принцъ заявилъ, что онъ поручитъ своимъ капелланамъ защищать свою вѣру, но русскіе священники (*prestres*) отказали ему въ этомъ; царь былъ очень этимъ недоволенъ и въ гнѣвѣ спрашивалъ у нихъ, какую же послѣ этого вѣру они исповѣдуютъ, если не осмѣливаются принять вызова (*le défy*), который имъ дѣлаютъ? Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія, отправляясь спать, царь почувствовалъ приступъ рвоты, отъ которой и лишился жизни на слѣдующее утро. Царица (*czaritsa*) не долго его пережила, а графъ Вольмеръ не думалъ уже болѣе о своемъ бракѣ.

Этотъ императоръ часто совѣтовалъ своему сыну во всѣхъ дѣлахъ слѣдовать совѣтамъ Бориса Ивановича, своего воспитателя, объ отцѣ котораго разсказываютъ такую исторію. Будучи вдовъ и состоя въ милости у (Ивана) Васильевича, онъ просилъ у него въ жены одну изъ его наиболѣе красивыхъ любовницъ; царь сначала на это согласился, но потомъ, выслѣдивъ, что они удалились вмѣстѣ въ баню, чтобы тамъ на свободѣ предаться удовольствіямъ, которыя они считали для себя дозволенными, императоръ велѣлъ спустить туда медвѣдя, который сожралъ ихъ обоихъ.

Борисъ и Глѣбъ (*Boris et Chleab*), его братъ, были воспитаны вмѣстѣ съ императоромъ и вліяніе, которое пріобрѣлъ Борисъ на умъ этого государя, было такъ велико, что онъ распоряжался почти рѣшительно всѣмъ. Онъ убавилъ число царскихъ служителей, урѣзалъ у другихъ на половину жалованье, а у пословъ—часть ихъ оклада. Онъ устроилъ новыя таможни, разослалъ князей старыхъ родовъ (*anciens ducs*) на отдаленныя воеводства: Репнина (*Ripnine*)—въ Бѣлгородъ, а Куракина (*Corakin*)—въ Казань. Наконецъ, онъ натворилъ столько, что возбудилъ къ себѣ зависть и ненависть стараго дворянства, которое постоянно унижалъ, чтобы выдвинуть своихъ креатуръ.

Народъ также ропталъ на новые налоги, которыми его обре-

менили. Онъ считалъ виновникомъ ихъ Бориса, хотѣлъ потребовать отъ него отчета и вынуждалъ императора выдать Бориса имъ на руки, чтобы совершить надъ нимъ примѣрный судъ. Это требованіе изумило царя, который не ожидалъ ничего подобнаго. Онъ пробовалъ сначала смягчить наиболѣе строптивыхъ, а чтобы выиграть время и спасти жизнь своему фавориту, онъ поклялся, что удалитъ его навсегда отъ двора. Такое удовлетвореніе успокоило народъ на нѣкоторое время и было очень пріятно дворянству; но оно длилось не долго. Борисъ, человѣкъ лукавый, приказалъ секретно подготовить народъ и дѣлалъ это съ такой ловкостью и такъ при случаѣ умѣлъ льстить ему, что тѣ, которые наиболѣе противъ него возставали, первые стали просить царя объ его возвращеніи. Они легко достигли желаемаго, а Борисъ не остался неблагодарнымъ за это одолженіе. Съ этого времени онъ началъ помогать народу, на сколько было для него возможно, сдѣлался покровителемъ иностранцевъ и пріобрѣлъ любовь обѣихъ сторонъ.

Онъ умеръ лѣтъ шесть назадъ, въ довольно преклонномъ возрастѣ, обожаемый своимъ государемъ, съ репутаціей человѣка счастливаго и ловкаго въ достиженіи своихъ намѣреній, и при общемъ сожалѣніи, за исключеніемъ стараго дворянства, которому онъ мѣшалъ во всѣхъ начинаніяхъ.

Это онъ поручилъ обязанности генералиссимуса Ильѣ Даниловичу, который, до постигшей его апоплексіи, былъ человѣкомъ съ большими заслугами и большихъ способностей, честный, смѣлый, предпріимчивый, сильный и энергическій. У него была столь хорошая память, что онъ зналъ точно обязанности всѣхъ своихъ подчиненныхъ, до самыхъ мелкихъ, зналъ всѣ стоянки цѣлой арміи въ 80 тысячъ человѣкъ, въ которой онъ зналъ въ лицо всѣхъ офицеровъ и зналъ, на что каждый изъ нихъ былъ способенъ. Но апоплексія много поубавила его физическія силы и такъ ослабила его умъ, что онъ не узнавалъ уже никого, даже изъ числа наиболѣе близкихъ друзей.

Онъ былъ казначеемъ и кромѣ того занималъ пять или шесть высшихъ должностей, которыя онъ правилъ съ большою ловкостью и умѣньемъ. Конечно, все это дѣлалось не безъ большого грабежа казны, чего императоръ, больше боявшійся, чѣмъ любившій его, какъ бы не замѣчалъ, и тѣмъ охотнѣе, что все нажитое Ильею должно было достаться ему. Тѣмъ не менѣе, видя, что послѣ смерти своей жены Илья сталъ расточать слишкомъ много ласкъ нѣкоторымъ татаркамъ и полькамъ, царь началъ его понуждать жениться, или удалиться отъ двора. Я прибавлю по этому

поводу, что браки пользуются большимъ уваженіемъ и очень поощряются въ Россіи, отчасти какъ средство для увеличенія населенія, отчасти же—чтобы помѣшать русскимъ погрязнуть въ порокахъ съ мальчиками [содоміи] и животными [скотоложствѣ], къ чему они имѣютъ большую склонность и за что [въ Россіи] не наказываютъ смертью. Когда семь или восемь лѣтъ тому назадъ поймали одного юношу за такимъ постыднымъ занятіемъ (*infame commerce*) съ коровою, онъ закричалъ тому, кто это замѣтилъ: „не мѣшай“ (*ne misheay*), т. е. не прерывай моего занятія. Съ тѣхъ поръ такъ и называютъ это преступленіе во всей Московіи: „не мѣшай“.

Потеря Ильи еще гораздо болѣе была бы замѣтна, если бы его не замѣстилъ Нащокинъ (*Nashockin*), одинъ изъ самыхъ мудрыхъ министровъ Европы, одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ, самыхъ неподкупныхъ и самыхъ неутомимыхъ въ дѣлахъ, и притомъ большой сторонникъ монархическаго образа правленія. Онъ состоитъ начальникомъ посольскаго приказа, казначеемъ, воеводой Малороссіи и исполняетъ нѣсколько другихъ обязанностей, которыя несъ его предшественникъ.

Это тотъ самый Нащокинъ, который заключилъ миръ съ Польшей, на почетныхъ для своего государства условіяхъ, который заключилъ союзъ со Швеціей и завелъ по всей Россіи торговлю шелкомъ, которая привлечетъ сюда весь шелкъ изъ Индіи. Въ настоящее время онъ занятъ исправленіемъ императорскаго дворца и [сводомъ] законовъ имперіи. Судебныя разбирательства не будутъ затягиваться; воевода каждой области, имѣя при себѣ особый совѣтъ (по ошибкѣ *consul*, вм. *conseil*), будетъ имѣть право жизни и смерти. До этого времени всѣхъ преступниковъ препровождали въ Москву, чтобы тутъ судить ихъ; это было очень затруднительно и неудобно для царя.

Прошлымъ лѣтомъ одинъ еврей, принявшій магометанство и служившій переводчикомъ у персидскихъ купцовъ, обвинялъ Нащокина отъ ихъ имени передъ императоромъ по одному дѣлу, относящемуся до посольскаго приказа. Императоръ приказалъ имъ сказать, что Нащокинъ имѣетъ полномочіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся купцовъ: пусть они судятся съ нимъ по своему дѣлу (*different*, вм. *différend*), но если окажется, что Нащокинъ обвиненъ несправедливо, то царь потребуетъ для переводчика наказанія. Царь сдержалъ слово: обвиненіе было признано неосновательнымъ, и еврей-ренегатъ получилъ 30 ударовъ кнутомъ, которые привели его въ крайне плачевное состояніе. Я слышалъ отъ самого Нащокина, что царь имѣетъ больше выгоды поддерживать добрыя отно-

шенія съ англійскимъ королемъ, чѣмъ со всякимъ другимъ христіанскимъ государемъ.

[Тѣмъ не менѣе], когда нѣкоторые частныя лица хлопотали о полученіи товаровъ, пришедшихъ изъ Англіи, онъ имъ отвѣтилъ,—показавъ предварительно документъ о смертности въ Лондонѣ, изъ котораго было видно, что тамъ чума унесла нѣсколько человѣкъ,—что ихъ товары могли быть отправлены изъ такихъ зараженныхъ домовъ, а они, вѣдь, знаютъ, разумѣется, что маленькая искорка можетъ послужить причиной большого пожара. Обычай оповѣщать такимъ образомъ о своемъ неблагополучіи кажется ему очень страннымъ. Если-де бѣдняки и несчастные выставляютъ на видъ свою бѣдность и несчастіе, то лишь для того, чтобы возбудить состраданіе и извлечь чрезъ это какую-нибудь для себя выгоду, но англичане, давая [всѣмъ] знать, какъ они это дѣлаютъ, что чума опустошаетъ ихъ страну, какъ бы предупреждаютъ, чтобы остерегались вести съ ними торговлю, точно также какъ маяки, зажигаемые ночью на берегахъ, предупреждаютъ лоцмановъ объ опасности потерпѣть кораблекрушеніе.

Однажды онъ говорилъ, что удивляется тому, что есть еще короли, отправляющіе рекомендательныя письма въ Россію для своихъ подданныхъ, имѣющихъ какой-нибудь процессъ: какъ будто царь не умѣетъ оказать справедливости иностранцамъ наравнѣ съ своими подданными. Должно быть, подобныя письма очень дешевы [т. е. очень легко могутъ быть получены] въ Даніи, потому что чаще получаются именно изъ этой страны, чѣмъ изъ другихъ. Онъ-де не знаетъ, какая цѣна подобнымъ письмамъ въ Англіи, но для нихъ [русскихъ] они совершенно безполезны. Русскіе обходятся очень-де хорошо безъ иностранныхъ обычаевъ, а если-де русское платье удобно для нихъ [иностранцевъ], то русскіе-то не приспособятся къ ихнему [иностранному].

Бесѣдуя въ другой разъ о томъ, что короли Франціи и Даніи подали помощь Голландіи въ ея войнѣ съ англійскимъ королемъ, онъ увѣрялъ, что затрудняется понять резоны, побуждающіе дѣйствовать такимъ образомъ двухъ мудрыхъ и опытныхъ королей; по его мнѣнію, лучшее положеніе, которое они могли бы занять,—было соединиться съ англійскимъ королемъ и другими государями Европы, чтобы сообща работать надъ разрушеніемъ республикъ, которыя всѣ вообще служатъ только убѣжищемъ и разсадникомъ для бунтовщиковъ и еретиковъ.

Глава XLVII. ***Какъ евреи проникли ко двору царя. Богданъ Матвѣевичъ, любимецъ императора. Его любовныя похожденія. Ревность и смерть его жены. Фабрики, заведенныя царемъ. Онъ ежегодно выѣзжаетъ на дачу. Народъ никогда не присутствуетъ при его развлеченіяхъ. Что приключилось съ однимъ русскимъ капитаномъ, который намѣревался подать царю челобитную, когда тотъ былъ на дачѣ. Петръ Салтыковъ отставленъ отъ должностей и удаленъ отъ двора. Причина его немилости. Нащокинъ назначенъ на его мѣсто. Царь осматриваетъ столы своихъ чиновниковъ. Онъ повсюду имѣетъ шпіоновъ. Наказываютъ смертью того, кто разболтываетъ о томъ, что дѣлается при дворѣ. О дѣтяхъ царя и кто имъ служитъ.***

Большое количество евреевъ только недавно проникло къ русскому двору, чрезъ посредство одного еврея-хирурга, котораго принимали за лютеранина; но онъ родился въ Польшѣ и доставлялъ польскихъ дѣвушекъ Богдану Матвѣичу (*Bogdan Matfeidg*), который ихъ до страсти любитъ. Матвѣичъ—главный начальникъ царскаго двора (*grand maistre de la maison du czar*). Онъ воспитывался съ нимъ съ дѣтства и такъ вкрался въ полное довѣріе къ нему, что нѣкоторое время привелъ въ порядокъ всѣ дѣла по императорскому двору и былъ его первымъ любимцемъ. Жена Матвѣева, замѣтивъ его любовныя похожденія и [узнавъ] что онъ держитъ у себя красивыхъ невольницъ въ садахъ и [особыхъ] домахъ, воспылала ревностью и сдѣлалась столь невыносима [для мужа], что онъ ее отравилъ. Послѣ ея смерти, по поводу которой народъ очень ропталъ, царь приказалъ Матвѣичу или подать въ отставку, или жениться и оставить своихъ наложницъ. Я слышалъ положительно, что онъ намѣревался жениться на одной изъ нихъ. Онъ не въ ладахъ съ Нащокинымъ и не любитъ англичанъ, потому что голландцы закупили его подарками.

Царь недавно приказалъ построить въ 7 верстахъ отъ Москвы домъ, гдѣ обрабатываютъ пеньку и куделю (*chanvre et la filace*, вм. *filasse*). Это—красивый, большой и столь хорошо устроенный домъ, что въ немъ находятъ себѣ работу всѣ бѣдные имперіи, для продовольствія которыхъ царь назначилъ много [квадратныхъ] миль земли въ одной большой области.

Царица распоряжается работой женщинъ и употребляетъ ее [т. е. доходы съ нея] въ свою пользу. Такъ императоръ по-

степенно, день за день, заводитъ новыя фабрики и кормитъ и содержитъ всѣхъ этихъ людей почти даромъ, сберегая тѣ деньги, которыя поступаютъ ему отъ кабаковъ, бань и купалень, за смолу и деготь, за пеньку и куделю, за медъ и воскъ, за икру, за осетровъ и бѣлугъ и значительное количество другой рыбы, сушеной и соленой, которую привозятъ изъ Астрахани, Казани, съ Бѣла-Озера (*lac de Belsire*) и со множества другихъ озеръ и рѣкъ, которыхъ такое изобиліе въ этомъ государствѣ, и особенно въ Сибири.

Ежегодно, въ концѣ мая, царь отправляется на дачу [расположенную] въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы, называемую Преображенское (*?Obrasauksky,* c'est à dire *Transfiguration*), въ честь Преображенія [Господня], которому оно посвящено. Въ подражаніе написанному въ Евангеліи: «Господи! хорошо намъ быть здѣсь, сдѣлаемъ себѣ тутъ три сѣни» (*Maistre! il est bon que nous soyons icy, faisons-y trois tabernacles*), императоръ приказалъ здѣсь разбить большое количество великолѣпныхъ палатокъ. Его собственная—изъ золотой парчи (*toile d'or*), подбитой куницей, царицына—изъ серебряной парчи, подбитой горностаемъ, а палатки князей—изъ другихъ матерій, соотвѣтственно степени, занимаемой ихъ владѣльцами. Палатки царя и царицы, ихъ 11 дѣтей и пяти ихъ сестеръ, поставлены въ видѣ круга, а въ срединѣ ихъ расположена палатка, служащая церковью, что̀ представляетъ самое пріятное зрѣлище, какое только можно видѣть. Кругомъ расположена стража, на разстояніи мушкетнаго выстрѣла, и [все пространство] обнесено баллюстрадой, которую никто не смѣетъ переступить, не имѣя на то позволенія, такъ какъ царь не желаетъ, чтобы народъ былъ свидѣтелемъ его забавъ.

Когда императоръ отправляется на дачу для своего удовольствія, запрещено строго подавать ему челобитныя. Одинъ капитанъ изъ Бѣлоруссіи (*de la Russie blanche*), которому Петръ Салтыковъ (*Pierre Solticove*), бывшій тамъ губернаторомъ, въ теченіи трехъ лѣтъ отказывалъ въ выдачѣ жалованья,—не зная, у кого просить ему правосудія, рѣшилъ, что самое лучшее будетъ прямо обратиться къ императору. Онъ отправился впередъ его на дачу и, повстрѣчавшись съ нимъ, приблизился къ его коляскѣ (*carosse*), чтобы подать ему челобитную. Царь, видя его намѣреніе и опасаясь, что это какой-нибудь убійца, ударилъ его прямо въ сердце палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ, отчего тотъ палъ мертвымъ. Произвели обыскъ, чтобы найти какое-нибудь оружіе, и нашли только деревянную ложку и челобитную. Императоръ, прочитавъ эту челобитную, билъ себя въ грудь и выказывалъ глубокую пе-

чаль, что онъ убилъ неповиннаго; тутъ же онъ добавилъ, что его кровь падетъ на голову Салтыкова, который былъ причиной его смерти; царь послалъ за нимъ тотчасъ же и не только сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, но удалилъ его отъ двора и лишилъ всѣхъ должностей, передавъ ихъ Нащокину, съ приказаніемъ немедленно изслѣдовать всѣ злоупотребленія (*malversations*) Салтыкова. Это случилось въ минувшемъ іюнѣ и разсказывается только втихомолку, такъ какъ считается преступленіемъ, наказуемымъ смертью, разглашать то, что̀ дѣлается или говорится при дворѣ царя. Отправившись посмотрѣть фабрику для выдѣлки пеньковыхъ и полотняныхъ тканей, передъ окончаніемъ ея постройки, я спросилъ у рабочихъ, для какой цѣли ее воздвигаютъ; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ мнѣ отвѣтить, хотя они это прекрасно знали; единственный отвѣтъ, который я могъ получить, былъ тотъ, что Богъ и императоръ это знаютъ.

Царь по ночамъ осматриваетъ протоколы своихъ дьяковъ: онъ провѣряетъ, какія рѣшенія состоялись и на какія челобитныя не дано отвѣта. Бѣдные дворяне, судьба которыхъ зависитъ отъ него, служатъ ему шпіонами. Онъ имѣетъ подобныхъ шпіоновъ повсюду: въ арміяхъ, на свадьбахъ (*aux noces*), на праздникахъ съ участіемъ посланниковъ и на общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Они ему точно доносятъ обо всемъ, что̀ тамъ дѣлается и говорится.

Дѣти царя имѣютъ въ услуженіи другихъ дѣтей, которыя воспитываются съ ними и очень хорошо обучены правиламъ обращенія, какія имъ надлежитъ соблюдать, смотря по положенію тѣхъ или иныхъ лицъ.

Глава XLVIII. *О торговлѣ Россіи. Что произойдетъ, если персы тутъ будутъ торговать. Англійскія сукна не цѣнятся здѣсь. Что̀ слѣдовало бы сдѣлать англичанамъ, чтобы уменьшить вліяніе голландцевъ на царя и возстановить свое. О мирѣ, заключенномъ русскими съ Польшей.*

Въ прошломъ году торговля не процвѣтала въ Москвѣ, по причинѣ послѣдней войны, которая истощила двѣ пятыхъ ея населенія. Кромѣ новыхъ пошлинъ, которыя ввели, не переставали отбирать товары силой, платя мѣдной монетой; это обезцѣнивало товары на 99 процентовъ до тѣхъ поръ, пока серебро, сильно поднявшееся въ цѣнѣ, не спустилось до своей обыкновенной сто-

имости. Это раззорило много частныхъ лицъ и повергло ихъ въ столь великое отчаяніе, что нѣкоторые повѣсились, а другіе пропили остатки своего состоянія и умерли отъ пьянства.

Англійскія сукна не въ почетѣ въ Россіи, такъ какъ они дороже голландскихъ; и хотя эти послѣднія садятся на одну шестую часть [своей длины], когда ихъ смочатъ, русскіе продолжаютъ ихъ предпочитать нашимъ, такъ какъ, говорятъ они, только новое сукно и садится.

Надо признаться, что мы дѣлаемъ ошибку, не приноравливаясь къ ихъ причудамъ (fantaisies) и держась своего способа торговли, тогда какъ голландцы привозятъ къ нимъ массу бездѣлушекъ, которыя они сбываютъ еще лучше, чѣмъ сукна, которыя начинаютъ выходить изъ моды въ Россіи.

Если здѣсь окончательно установится торговля съ Персіей и Индіей шелкомъ, я сильно опасаюсь, что англичанамъ придется много потрудиться, чтобы возстановить свои льготы и привилегіи; ибо русскіе сдѣлались умнѣе (*se sont rafinez*) и достаточно развращены голландцами, которые отлично обдѣлывали съ ними свои дѣла, а имѣя въ этой странѣ болѣе богатыхъ [купцовъ] и въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ англичане, они ничего не жалѣютъ, чтобы окончательно ихъ погубить, въ чемъ они успѣваютъ лучше, чѣмъ это можно себѣ представить. Они выигрываютъ, благодаря подаркамъ, дружбѣ и покровительству дворянства, а насъ дѣлаютъ презрѣнными и смѣшными, посредствомъ неприличныхъ рисунковъ (*par des peintures scandaleuses*) и порочащихъ насъ книгъ (*libelles diffamatoires*). Въ Россіи насъ считаютъ за націю совершенно ослабленную и раззоренную. Голландцы изображаютъ насъ тутъ въ видѣ безхвостаго льва, у котораго на головѣ три опрокинутыхъ короны, или въ видѣ дворняжки (*mastin*, читай *mâtin*) съ обрѣзаннымъ хвостомъ и ушами.

Единственное средство, на мой взглядъ, возстановить нашу репутацію и нашу торговлю въ этой странѣ и уменьшить довѣріе къ голландцамъ и ихъ торговлю, заключается въ томъ, чтобы предоставить торговать тамъ только такимъ купцамъ, которые не забираютъ товаровъ въ кредитъ, и обязать ихъ производить уплату въ извѣстные сроки, какъ это дѣлалось въ послѣдніе 20 лѣтъ, представить царю чрезъ людей образованныхъ цвѣтущее состояніе королевствъ его британскаго величества: ихъ силу, величину, доходы, колоніи въ западной Индіи и показать ему географическія карты и планы всѣхъ мѣстъ, коими владѣетъ его величество. Не надо тѣмъ болѣе пренебрегать [случаемъ] вразумить Аѳанасія Нащокина относительно внушеннаго ему предубѣжденія, чтобы по-

вредить намъ, подарить Богдану Матвѣичу какія-нибудь рѣдкости, которыя онъ любитъ; первый можетъ поддерживать наши выгоды изъ видовъ государственной пользы, а второй поможетъ снискать благосклонность императора, у котораго онъ остается неизмѣнно тайнымъ любимцемъ.

Миръ, который заключили русскіе съ Польшей, послужилъ лишь къ тому, что увеличилъ ихъ самомнѣніе, и [у нихъ утвердилось] прежнее убѣжденіе, что они—первая нація въ мірѣ.

Примѣчаніе.

Глава эта какъ нельзя болѣе убѣждаетъ, что содержаніе ея, направленное въ пользу англичанъ, заимствовано изъ англійскихъ источниковъ; Ламартиньеру приписана она никоимъ образомъ быть не можетъ, а представляетъ компиляцію позднѣйшаго времени.

Глава XLIX. *О разныхъ сортахъ грибовъ, растущихъ въ Россіи, ихъ формахъ и качествахъ.*

Въ Россіи растетъ много сортовъ грибовъ; но между ними есть семь, замѣчательныхъ по своей формѣ и качествамъ.

Рыжики (*rizhics*)—маленькіе, черные и красные, вырастаютъ въ теченіе одной ночи на болотахъ. № 1.

Сморчки (*smortskycs*), или медовые грибы, которые Жераръ (*Gerard*) называетъ *fangi* [читай *fungi*] *farinosi* и помѣщаетъ ихъ въ разрядъ ядовитыхъ,—превосходны, очень дороги въ Россіи и составляютъ одно изъ наиболѣе лакомыхъ блюдъ за столомъ знати. Ихъ кладутъ въ супъ и въ пироги: они появляются раньше другихъ, въ апрѣлѣ и маѣ. № 2.

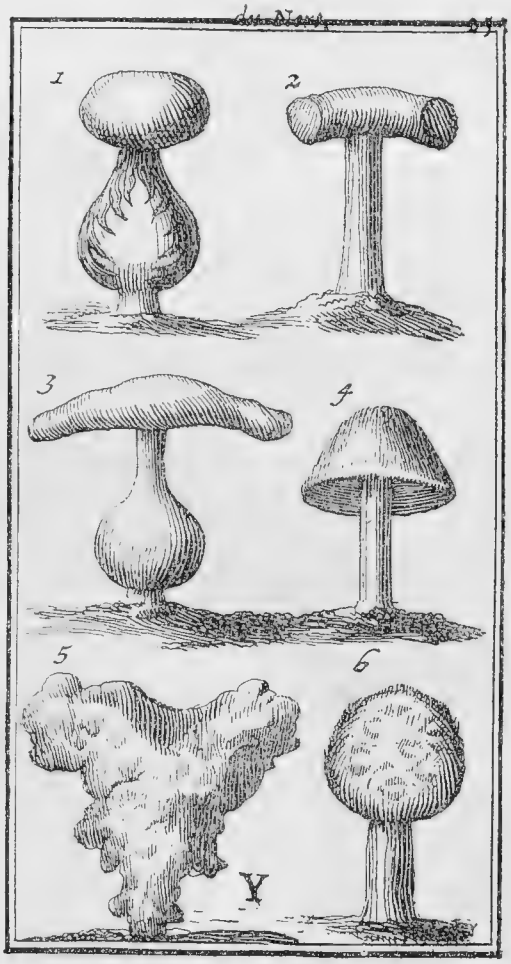
Грибы (*gribbuys*)—коричневаго цвѣта и темно-желтые: ихъ ножка образуетъ какъ бы пилястру и расширяется посрединѣ. Они появляются послѣ сморчковъ. № 3.

Волнушки (*volnitzis*)—коричневыя и чернаго цвѣта, смѣшаннаго съ краснымъ, а кверху заостренныя. № 4.

Грузди (*grouzshdys*)—самые крупные изъ всѣхъ грибовъ, пустые [въ срединѣ], какъ вафли (*goffres*, вм. *gaufres*), и бѣлые, какъ тюльпанъ, когда они завяли. До сваренія [варки] они бываютъ наполнены такою горькой и ѣдкой жидкостью, которая обжигаетъ ротъ тѣхъ, кто ихъ ѣстъ. Я думалъ что умру, попробовавъ ихъ; обыкновенно ихъ кладутъ въ разсолъ (*saumure*, т. е. солятъ). № 5.

Маслята (*maslinicks*)—названы такъ отъ слова *masla*, что значитъ масло отъ животныхъ, масло изъ растеній и сало, и глав-

нымъ образомъ все то, что̀ жирно и маслянисто. *Masla carrora*—коровье масло. *Derravanna masla*—масло оливковое, или скорѣе масло изъ дерева, ибо *derrava* значитъ дерево. Маслята—коричневые и широкіе и появляются въ іюлѣ мѣсяцѣ. № 6.



Доджевики (*dozhshovick*)—бѣлые, широкіе и губчатые: ихъ считаютъ ядовитыми.

Въ Россіи произрастаетъ такое огромное количество этихъ грибовъ и многихъ другихъ сортовъ, что требуется въ годъ до тысячи телѣгъ, чтобы снабдить ими одинъ только городъ Москву. Бѣдные ими питаются, а богачи дѣлаютъ изъ нихъ свои деликатесы. Грибы почти всѣ годятся въ пищу, и между ними очень мало такихъ, которые называются у ботаниковъ ядовитыми или смертоносными.

Вотъ все, что̀ я имѣю вамъ сказать по поводу Россіи. И я льщу себя надеждой, что этотъ отчетъ вамъ понравится тѣмъ болѣе, что тутъ — все новый матеріалъ и что до настоящаго времени не нашлось никого, кто говорилъ бы объ этомъ столь же точно, какъ это сдѣлалъ я.

Примѣчаніе.

По поводу описанія грибовъ можно сказать, что оно сдѣлано довольно удовлетворительно, только *волнушка* имѣетъ плоскую, а не заостренную головку; подъ *грибами* № 3 надо разумѣть такъ называемые *бѣлые грибы* (боровики) и *осиновики*. Но рисунки всѣхъ грибовъ даны совершенно фантастическіе.

* * *

Заканчивая этимъ переводъ книги Ламартиньера и „разсказа лотарингца", мы еще разъ обращаемъ вниманіе на тѣ странности и противорѣчія, которыя въ нихъ встрѣчаются и которыя мы, по мѣрѣ силъ, старались объяснить.

Будемъ надѣяться, что этотъ памятникъ XVII столѣтія (до сихъ поръ или совсѣмъ неизвѣстный большинству нашихъ изслѣдователей, или извѣстный имъ со словъ другихъ и въ позднѣйшихъ, невѣрныхъ изданіяхъ) обратитъ на себя вниманіе и будетъ выяснена дѣйствительная его цѣнность для нашей историко-географической науки.

Желая сдѣлать болѣе доступнымъ чтеніе примѣчаній и объясненій, которыя мы могли предпослать тексту, для читателей, не знающихъ русскаго языка,—главнымъ образомъ для французскихъ ученыхъ, соотечественниковъ нашего автора,—мы рѣшили приложить тутъ же переводъ нашей вступительной статьи на французскій языкъ.

Существенную помощь при этомъ оказала намъ Е. Х. Бирюлькина, которой и приносимъ нашу глубокую благодарность.

1. Pierre-Martin de la Martinière et son livre: „Voyage aux pays du Nord".

P.-M. de La Martinière eut la chance de faire un voyage des plus intéressants au nord de l'Europe, vers le milieu du XVII siècle: il visita particulièrement les régions de la Russie septentrionale, où les Européens de son temps n'avaient pas encore mis le pied.

Ce fait méritoire, ou, selon d'autres,—ce pur hasard, doivent être en tout cas mentionnés dans notre littérature historico-géographique.

Cependant, La Martinière et son livre, comme nous le verrons plus loin, sont presque complètement inconnus: d'autre part, ceux qui les connaissent les traitent avec partialité ou bien racontent des histoires invraisemblables à propos de notre voyageur et de son ouvrage, sans se donner la peine de vérifier les renseignements qu'ils tiennent de seconde main.

Nous avons eu même beaucoup de peine à trouver la biographie de La Martinière. Elle ne figure dans aucun recueil russe: quant aux ouvrages étrangers, elle n'existe que dans un livre français intitulé „Biographie Universelle", et encore y est-elle assez courte et pleine d'erreurs.

Cependant La Martinière jouissait de son vivant d'une grande popularité; son livre eut beaucoup d'éditions, fut traduit en plusieurs langues étrargères et cité par des savants tels que Buffon, Witsen etc.

En parlant du livre de notre auteur nous tâcherons de découvrir la cause de ce fait, et maintenant passons à sa biographie.

„*Martinière* (Pierre-Martin de la), chirurgien et voyageur, était, à ce que l'on peut présumer, né à Rouen. Il s'embarqua de bonne heure, fit des voyages en Asie, à la côte occidentale d'Afrique et à la côte de Barbarie; il se trouvait à Copenhague lorsque la Compagnie du Nord, ayant reconnu combien le commerce de la Nor-

vège lui avait été avantageuse, représenta au roi que les bénéfices seraient encore plus considérables si l'on avançait plus loin: Fréderic III écouta cet avis, et en conséquence la Compagnie équipa trois bâtiments. La Martinière fut autorisé à s'embarquer comme chirurgien sur l'un de ces navires, qui mit à la voile à la fin du mois de février 1653. On explora les côtes de Norvège, de Laponie et de Russie jusqu'à la Nouvelle-Zemble; on fit route ensuite pour le Groenland et l'Islande, et l'on revint à Copenhague.

„La Martinière, de retour en France, continua d'exercer la chirurgie, et vécut jusque vers la fin du XVII-me siècle. On a de lui:

1° *Un „Traité de la maladie vénérienne, de ses causes et des accidents provenant du mercure.* Paris, 1664, 1 vol. in-16; ibid., 1684, 1 vol. in-16. L'auteur a mêlé aux préceptes de la médecine toutes sortes de réveries astrologiques et de pratiques superstitieuses.

2° *Le Prince des opérateurs.* Rouen, 1664, 1 vol. in-12; ibid., 1668. Le but de cet ouvrage est de montrer la différence entre la médecine opératoire et la médecine rationnelle.

3° *Nouveau voyage vers le Septentrion, où l'on représente le naturel, les coutumes et la religion des Norvéguiens, des Lapons, des Kilopes, des Russiens, des Borandiens, des Sybériens, des Zembliens, des Samoièdes* etc. Paris, 1671, 1 vol. in-12, illustré.

„On voit, par le titre de ce livre, qu'il y est question de plusieurs peuples que l'auteur seul a connus; c'est sur son témoignage que de graves auteurs, tels que Buffon, en ont parlé. La Martinière est le premier Français qui ait publié une relation de *voyage* maritime le long des côtes boréales de l'Europe. Il s'y montre très crédule et raconte hardiment l'histoire des magiciens lapons, qui vendent aux navires des vents favorables et leur donnent une bande de laine, longue d'un pied et demi, que l'on attache au mât de misaine, et dont on défait successivement les trois noeuds, à mesure que l'on veut faire changer le vent en sa faveur. Le livre de la Martinière est plein de traits de ce genre. A peine y trouve-t-on quelques observations intéressantes, quoique l'auteur fût fréquemment descendu *à terre* et eût fait des excursions dans *l'intérieur*. Et pourtant, l'attrait du merveilleux est tel, surtout quand il s'agit de pays peu connus, que son *voyage* a été souvent réimprimé.

„L'édition d'Amsterdam, 1708, contient des corrections dans l'orthographe des noms propres et deux nouveaux chapitres, l'un

sur l'utilité des voyages, l'autre sur la nécessité du commerce. On y a aussi supprimé des passages absurdes sur la religion et les moeurs des Russes. Les illustrations sont pitoyables. Ce mauvais *Voyage* a été traduit en anglais, en hollandais, et deux fois en allemand; il y en a des extraits dans plusieurs recueils". *E—s* (Eyriès).

Voir *Biographie Universelle,* ancienne et moderne, t. 27, p. 328—329. Paris, Michaud. 1820 gr. 8°.

Si nous étudions cette biographie unique, la seule du moins que nous connaissions, une chose étrange nous frappe tout de suite: le biographe de La Martinière cite in extenso le titre de son ouvrage principal, celui même dont Eyriès expose le sujet avec le plus de détails,—et ce titre ne correspond pas à celui des trois premières éditions du livre de notre auteur (à notre grand regret nous n'avons pas pu voir d'autres éditions).

Voici le titre exact du livre de La Martinière, dans les trois premières éditions:

Voyage des pais septentrionaux. Dans lequel se void les moeurs, maniere de vivre, et superstitions des Norveguiens, Lappons, Kiloppes, Borandiens, Syberiens, Samojedes, Zembliens, et Islandois, enrichi de plusieurs figures.

Cette inexactitude dans la citation du titre de l'ouvrage ne prouve-t-elle pas que le biographe (de même, nous le verrons, que d'autres auteurs qui ont écrit sur La Martinière) se réfère à une édition postérieure du même livre?

C'est un fait que la première et la plus rare édition de ce voyage n'a que 201 pages, tandis que la troisième, du même format, s'est augmentée jusqu'à 292 pages; mon trés honoré maitre Stéphane Kyrovitch Kousnetzof m'a dit avoir eu entre les mains la dernière édition, encore plus volumineuse, dont il a fait cadeau à un de ses amis.

Voyons ce qui a été ajouté dans les éditions que nous avons pu nous procurer. Celle d'Amsterdam, par exemple, est augmentée de deux chapitres n'ayant aucun rapport avec le sujet du livre: „de l'utilité des voyages et nécessité du commerce". Dans la troisième édition nous trouvons un autre hors-d'oeuvre d'une centaine de pages: „L'histoire des Maures", sous forme de dialogue entre La Martinière et Omer, un de ses compagnons de voyage.

Quel rapport a l'histoire des Maures avec le voyage aux régions lointaines du Nord? Il est à remarquer que la première édition (celle de 1671) n'a paru que 18 ans après le voyage de La Martinière. L'année de sa mort n'est pas connue. Son bio-

graphe la place à la fin du XVII-me siècle. Le voyage de 1653 au Nord fut précédé, ainsi que le dit l'auteur dans la première édition, de deux voyages en Afrique. L'année de sa naissance n'est pas connue non plus. De ce que vers 1653, ayant terminé ses études, il avait reçu le titre de chirurgien (nous allons voir qu'il fut même question de l'inviter comme tel à la cour de Moscou, par l'entremise d'un de ses compatriotes, un colonel français, bien avant leur rencontre pendant le voyage de La Martinière) et de ce que notre voyageur parle d'un voyage, dont son biographe ne fait aucune mention—on pent conclure que l'auteur était, en 1653, au moins d'âge moyen.

Dans ce cas, il est fort douteux qu'étant d'âge moyen vers milieu du siècle, il ait pu en atteindre la fin.

Si cette supposition est juste, on peut admettre que les éditions de son livre, postérieures à la première, ont eté publiées après sa mort et que les éditeurs, afin de rendre le livre plus attrayant, ont exagéré beaucoup de choses, dans l'espoir que ces exagérations intéresseraient le public contemporain.

Il est possible, d'autre part, que La Martinière ait vendu son livre à l'éditeur, et que celui-ci se soit efforcé, de sa propre initiative, de rendre le livre plus volumineux et plus attrayant.

Aussi préférons-nous nous en tenir à la première édition. Cette édition, dont nous donnons plus loin une traduction, ne contient aucune des absurdités que la critique a reprochées à La Martinière.

Ce qui y reste et qui parait encore étrange à nos yeux d'hommes modernes, par exemple le fameux trafic du vent, absurdité que citent de préférénce presque tous les écrivains qui se sont occupés de La Martinière, est dû à une croyance profonde que nourrissaient La Martinière et beaucoup d'autres et ce, même jusqu'au XIX-éme siècle...

Nous devons être en somme reconnaissants à La Martinière de ce qu'il nous a fait connaître de la superstition de cette époque. Quoiqu'ils ne puissent avoir pour nous aucune signification scientifique, ces renseignements n'en sont pas moins excessivement intéressants au point de vue de l'éthnographie.

Ce n'est pas seulement Eyriès qui a écrit sur La Martinière, mais encore Adelung, cité par Berg (voyez plus bas), Litké et d'autres.

Ces écrivains n'ont d'ailleurs pas du tout voulu fair la biographie de notre voyageur, mais plutôt la critique de sonoeuvre, qui avait fait tant de bruit à cette époque.

Une biographie détaillée, je le repète, est introuvable et nous le regrettons vivement. Il est bien possible d'ailleurs qu'il n'en existe pas.

Pour en finir avec la susdite biographie, reconnaissons que l'auteur, à part le trafic du vent, ne parle d'aucune autre absurdité. Les auteurs suivants ne sont pas si modestes et attribuent à La Martinière non seulement des choses qu'il n'a jamais écrites, comme la „Mauritanie Chinoise", mais encore des absurdités contre lesquelles lui-même s'est élévé, comme „l'anthropophagie chez les Samoyèdes".

Eyriès reproche encore à La Martinière son traité sur la maladie vénérienne, où, selon lui, il y a beaucoup de superstition. Nous n'avons pas lu ce livre, mais si l'on en juge par la manière dont La Martinière raconte beaucoup d'autres superstitions, qu'il avait rencontrées dans son voyage, par ex. celle des pieds du renne, des cornes de la licorne, de la maladie du scorbut etc., nous sommes amenés à penser qu'on l'accuse sans doute d'avoir cru lui-même aux superstitions contre lesquelles il s'était toujours dans ces temps encore si obscurs.

Parmi les auteurs qui se sont occupés de La Martinière, nous citerons ensuite *Berg*.

Voici ce qu'il écrit dans son livre:

„Médecin De la Martinière. 1653".

«Je parle ici de ce fameux voyage seulement dans le but de montrer aux lecteurs, jusqu'où les anciens voyageurs poussaient leurs mensonges. La relation de ce voyage merveilleux est apparue au monde pour la première fois à Paris en 1671: elle a été ensuite éditée à Hambourg en 1675, puis à Amsterdam en 1708, et enfin à Leipzig en 1711. J'ai emprunté ces renseignements à *Adelung*.

«De La Martinière partit en 1653, en qualité de médecin, sur un des trois vaisseaux danois, qu'on avait envoyés sur les côtes de la Mer Glaciale, pour y faire le commerce et des découvertes. Aussitôt, dit-il, que nous eûmes dépassé le cercle polaire, nous souffrîmes pendant deux jours du calme plat, c'est pourquoi nous nous décidâmes à envoyer quelqu'un à la côte sur un petit bateau pour y acheter du vent chez les habitants de ce pays, qui, nous le savions, étaient tous sorciers et disposaient des vents, comme ils le voulaient. Quelque temps après trois habitants d'un village vinrent chez nous et se décidèrent à satisfaire nos désirs pour le somme dix thalers et une livre de tabac. Ils attachèrent au bas de la voile d'avant un morceau de toile, de la longueur d'une demi-

archine, et y firent trois noeuds. Cela fait, ils repartirent en nous souhaitant bon voyage. Notre pilote défit tout de suite le premier noeud et à l'instant même nous eûmes le vent le plus agréable du sud-ouest, qui nous emporta à 30 milles de l'autre côté du Mælström.

«De La Martinière décrit le Mælström et raconte que c'est le plus dangereux abîme de la mer, qu'il engloutit tous les vaisseaux, qui s'en approchent. Il n'y a pas si longtemps, que nos marins avaient encore à peu près la même opinion. Le nom de Maëlström, Moscœström vient de deux mots norvégiens: *Mail* ou *Mael* qui veut dire „temporaire" et de *stroom* qui signifie „courant d'eau". J'ai eu l'occasion de parler avec des marins norvégiens intelligents, qui m'ont assuré que parfois dans le Maëlström, formé des îles *Moskoe*, *Lofoden*, *Rust*, *Loefort* et *Ver*, la mer est si calme, que des bateaux chagrés trés haut de foin peuvent y passer. Cependant, à la suite de vents vigoureux et persistants, il y a de grands courants, qui se font sentir à une distance de 50 verstes. Le nom *Maelstroom*, signifiant *courant temporaire*, est une preuve de ce qui est avancé plus haut [1]).

«Nous continuions notre voyage autour de la Norvège, lorsque nous défîmes un second noeud et le vent nous poussa près de grandes montagnes, et la boussole dévia de six lignes, dit le médecin; notre pilote la ferma et nous nous dirigeâmes vers le nord. Ces montagnes, comme nous le sûmes plus tard, contenaient de l'aimant, qui avait influencé la boussole. Après nous être éloignés de cet endroit dangereux, nous défîmes le troisième noeud et, à peine était-il défait, que s'éleva un épouventable ouragan affreux; nous étions ainsi punis, comme nous le méritions, pour avoir cru aux sorciers. L'ouragan dura quatre jours et quand il se fut calmé, nous arrivâmes à *Vardehus*.

«Les Danois, trouvant que dans cet endroit ils ne pouvaient pas vendre leurs marchandises, envoyèrent une chaloupe pour explorer la côte de Laponie et y trouver un point de débarquement convenable. Les messagers racontèrent que dans la baie *Varanguen* [2]) on pouvait très bien jeter l'ancre et trouver à vendre le chargement du navire. Une fois arrivés dans ce port, nous nous aperçûmes, que notre vaisseau était en très mauvais état, et qu'on

---

1) Rien de tel chez La Martinière; Berg, comme Eyriès, cite le titre d'une édition postérieure quelconque, savoir: „Nouveau voyage vers les Septentrions, où l'on représente le naturel", et plus loin le titre est le même que dans les premières éditions du livre de La Martinière.

2) Cette baie se trouve près des sept îles.

ne pouvait le réparer en peu de temps; alors le capitaine [1]), confiant le vaisseau aux soins du pilote, décida de partir lui-même avec des marchandises, et de gagner les villages éloignés de la mer; il emmena avec lui De La Martinière et quelques autres hommes encore.

«Le médecin raconte alors ce qui suit: «Partis de Varangue, nous arrivâmes bientôt dans un petit village norvégien, où on nous donna des rennes et nous atteignîmes *Kola*. On ne peut donner à cette ville, continue le docteur, que le nom de bourgade. Les habitants, comme tous les Moscovites, sont constants, honnêtes, mais si jaloux, qu'ils enferment toujours leurs femmes sous clef". Après avoir échangé leurs marchandises, les Danois retournèrent à leur vaisseau.

«Le 25 mai, les Danois partirent et après une traversée de quelques jours arrivèrent en vue de Spitzbergen. L'ouragan ne leur permit pas de continuer leur voyage vers le nord et, par suite, ils atteignirent le 4 juin la côte de *Borandie*, entrèrent dans ce port facile et retrouvèrent deux de leurs vaisseaux.

«Les capitaines des navires danois décidèrent alors d'envoyer de nouveau quelques hommes pour vendre des marchandises dans les villages éloignés. Le médecin reçut également l'ordre de faire partie de cette expédition et il raconte qu'il fût très étonné de voir que les Borandiens étaient encore beaucoup plus petits et plus gros, que les Lapons. Les Danois se rendirent directement à *Bitzora*, puis ensuite, en petits bateaux, à *Pétchora*. Bien qu'on sente dans chaque phrase l'exagération de La Martinière, il a cependant très bien et très véridiquement décrit les bateaux. Près de Pétchora se trouve, dit-il, une petite ville, où nous achetâmes des fourrures et d'où nous partîmes sur les rennes pour *la Sibérie*. La Sibérie, dit le médecin, est une grande province de peu d'altitude, qui s'étend jusqu'à la „Mauritanie Chinoise" (?!), d'où nous viennent *le thé* et la *badiane* (l'anis de la Chine). Le thé se boit avec du sucre [2]) et il est très utile pour combattre différentes maladies. Les voyageurs mettent 6 ans pour aller en Sibérie. La ville principale s'appelle *Tambul* (sic! Tobolsk). Le fleuve

---

[1]) Chez La Martinière, ce n'est pas le „commandant du bateau" (capitaine) qui part, mais le représentant de la Compagnie.

[2]) „En Europe à cette époque le thé n'était pas encore en usage. L'abbé Reinal dit qu'on a commencé à boire du thé en Hollande en 1680, et à Londres en 1715. Mr. Kilburger raconte, qu'en 1674 il a acheté du thé à Moscou à 30 cop. la livre et qu'on l'emploie en Russie comme médecine et remède prophylactique contre l'ivresse". Voir *Kilburger*, Renseignements sur le commerce russe. *Note de Berg.*

Obi, continue de la Martinière, n'est pas encore tout à fait connu des Russes. On y trouve de très grands esturgeons et du caviar (*Fekra* [?!]), préparé à la mode arménienne. Les côtes septentrionales de la Sibérie portent le nom de *la Samoyédie* et leurs habitants s'appellent *Samoyèdes*, ce qui veut dire aussi en russe „cannibales" (?!). Ces populations sont beaucoup plus civilisées que les italiens: les maris y tiennent toujours leurs femmes enfermées et quand ils ne les emmènent pas avec eux à la chasse, ils leur appliquent une certaine machine, qui les empêche de devenir infidèles (?!).

«Le lecteur notera que quelques-uns des dernières renseignements sont aussi justes, que s'ils étaient relatés par le voyageur le plus scrupuleux (?!), mais, comme nous le verrons plus bas, le médecin commence à exagérer effrontément.

«Nous nous mîmes en route, continue-t-il, à travers les montagnes *Riphées*, qui séparent la Borandie de la Sibérie. Nous arrivâmes à la ville *Papingorod*, où nous achetâmes chez le gouverneur une grande quantité de pelleteries. Le médecin raconte alors que ce peuple-ci est beaucoup plus civilisé que les Lapons et les Samoyèdes; il porte des bottines doublées de fer et sait se servir de la toile. Après cela les Danois retournèrent á leurs navires et continuèrent leur voyage.

«Ils se mirent en route pour la *Nouvelle Zemble,* où ils visitèrent le pays, virent les habitants et emmenèrent deux hommes avec eux. Ensuite ils allèrent au Spitzberg, au détroit de Vaigatz et retournèrent enfin à Copenhague. Il est difficile de comprendre, sous quelle impulsion le médecin français a pu exagérer de telle manière. S'il avait écrit la simple vérité, la relation de son voyage eût été beaucoup plus intéressante que celles de tous les voyages accomplis précédemment par d'autres explorateurs. C'est probablement ce voyage qui a donné au prêtre *Moltchanoff* l'idée de décrire les moeurs des habitants de la Nouvelle Zemble et de différents villages, qui appartenaient aux Novgorodiens. Je n'ai jamais vu de livre plus niais, plus stupide et plus exagéré que la description du gouvernement d'Arkhangel par Moltchanoff [1]), imprimé à St.

---

[1]) Nous avons lu le livre de Moltchanoff et il est notre devoir de dire, que nous ne le trouvons pas si mauvais que l'écrit Berg, nous y avons trouvé au contraire beaucoup de choses sensées. Aussi notre célèbre voyageur *Maximoff*, qui a exploré le Nord, cite-t il souvent Moltchanoff et il estime son ouvrage. Berg n'a pas raison dans ses accusations contre le père Moltchanoff au sujet des habitants de la Nouvelle Zemble: Vitsen qui était l'un des favoris les plus intimes de Pierre le Grand, écrit ce qui suit dans son ouvrage intitulé „La Tartarie du Nord-Est": „Les Russes ont eu l'intention d'élever une forteresse dans la Nouvelle Zemble, mais ce projet ne fut pas exécuté" (voir les détails dans mon livre: *Tchernomoretz*, Nord

Pétersbourg en 1813 (*Berg, Histoire chronologique des voyages.* 1-ère partie. St.-Pétersbourg, 1812, pages 95—101)».

Nous venons de citer textuellement la déclaration de Berg et nous demandons à toutes les personnes, qui se sont donné la peine de lire l'ouvrage de La Martinière, où Berg a bien pu trouver mention de la „Mauritanie Chinoise", d'une machine, qui assurait la fidélité des femmes, de la ville de Tamboul, capitale de la Sibérie, etc.? Nous ne voulons pas soupçonner Berg d'avoir raconté d'audacieux mensonges sur La Martinière, nous sommes donc obligés d'en revenir à notre première opinion, c'est que Berg et d'autres auteurs ont parlé de La Martinière selon le dire des personnes qui n'avaient jamais vu le récit original de La Martinière. Du reste, Berg se réfère directement à Adelung. Mais ces écrivains qui avaient entre les mains le livre de notre auteur, se servaient probablement d'éditions posthumes, et La Martinière, étant mort, ne pouvait protester. Notons encore le passage suivant du livre qui donne une preuve de la science de Berg et où il nous donne à croire „que plusieurs des derniers renseignements rapportés par La Martinière étaient aussi justes, que s'ils eussent été écrits par le voyageur le plus scrupuleux". Quels sont donc ces renseignements? Ce peuple-ci (c'est à dire les anciens Sibériens) était beaucoup plus civilisé, que les *Italiens* (!), les maris y tenaient leurs femmes enfermées et quand ils allaient à la chasse, ils leur appliquaient une certaine machine, qui les empêchait d'être infidèles. Voilà qui nous rappelle l'histoire d'un soldat de province, qui, revenu du service, débitait à ses camarades maintes sottises auxquelles on ajoutait foi, Mais quand il se prit à dire, qu'il avait vu des montagnes, sur lesquelles la neige ne fondait jamais et cela même quand l'été régnait en bas, dans les vallées, personne ne voulut plus l'écouter, et tous de dire: „Voilà qu'il ment! Ne savons-nous pas que la neige fond plus vite sur les montagnes que dans les champs?".

Il en est de même pour La Martinière qui, lorsqu'il cite des faits incroyables, est cru sur parole et qui est insulté, quand il rapporte une superstition commune et fort répandue, concernant la toute puissance des sorciers lapons.

Du reste, je le repète, on approuve de La Martinière beaucoup de choses qu'il n'a jamais dites, de même qu'on l'accuse d'absurdités qu'il n'a jamais proférées.

---

de la Russie, page 24). Nous ajouterons qu'il est regrettable que Pièrre Le Grand n'ait pas donné suite à ses projets, puisque, actuellement, ce sont les Norwégiens qui sont les maîtres de cette position. Note de *V. N. Semenkovitch.*

Après Berg il est juste de citer immédiatement *Lütke:*

Lütke, dans ses célèbres *Quatre voyages* (*Четырехкратное Путешествие*. St.-Pétersbourg. 1828. 1-re partie, pages 60—66), dit de La Martinière:

«La compagnie fondée en 1647 par Frédéric III, roi de Danemarck, envoya en 1653 trois bateaux de commerce vers les côtes du nord de l'Europe; de La Martinière partit sur l'un de ces bateaux, en qualité de médecin. Après avoir quitté Copenhague, ils s'arrêtèrent à Christiania, Bergen et Drontheim. Au cercle polaire ils rencontrèrent le calme plat, mais ils le conjurèrent en achetant pour 10 krones et 1 livre de tabac, aux habitants de la côte qui sont tous sorciers, du vent en trois noeuds jusqu'au cap Rouksella. Le vent du premier noeud les conduisit à 30 lignes du terrible Maëlström, celui du deuxième noeud—jusqu'au cap Rouksella; en vue de la montagne aimantée qui se dresse sur ce cap, leur compas cessa de fonctionner et ils furent obligés pendant 48 heures de naviguer à l'aide d'une seule carte [1]). Quand ils défirent le troisième noeud, une tempête formidable se déchaîna, qui fit croire que le ciel voulait les écraser, pour les punir de ce qu'ils avaient osé avoir recours à des sorciers. Leur bateau fut jeté sur des écueils et se brisa, ils purent à grand peine se réfugier à Vardhus, et comme ils ne leur était pas facile de réparer leurs bateaux, ils gagnèrent le harneau de Varanger sur la mer du même nom. A Vardhus les Danois possédaient une forteresse et il y avait un employé pour la visite douanière des bateaux venant d'Arkhangel ou y allant. Pendant qu'on réparait leurs bateaux, ils allèrent faire du commerce dans les terres des Kiloppes et dans la Laponie russe sur les bords de la mer Mourmanskoë, puis, de Kola, ils retournèrent à Varanger. La Martinière affirme que les riverains de la mer Mourmanskoë parlent une autre langue que ceux de Varanger. Les Kiloppes sont plus sauvages que les Lapons. Ils utilisent les rennes, auxquels il suffit de chuchoter quelque chose à l'oreille pour qu'ils filent comme des flèches, où vous voulez. Les Lapons russes, comme les Russes, sont Nicolaistes. Les Lapons danois, bien qu'ils soient de religion luthérienne, sont tous sorciers, et ils ont des diables domestiques, sous forme de chats noirs. En

---

[1]) Lütke s'élève surtout, semble-t-il, à titre de marin, précisément contre cette „absurdité" (le mot est de lui). Mais Lütke ou bien n'a pas lu le livre de La Martinière, ou bien il a eu entre les mains une mauvaise édition de ce livre. Si l'on s'en rapporte à la première édition, l'affaire s'explique bien simplement: le pilote danois connaissait très bien ces parages, parce qu'il y était déjà venu avec les Hollandais; c'est ce qui lui permit de diriger les bateaux sans l'aide du compas. (Voir lech. IX de notre traduction). *V. S.*

Laponie toutes les bêtes sont blanches: l'ours, le loup, le renard, le lièvre et même le corbeau sont blancs, comme cygnes, seuls becs et pattes sont noirs. Après avoir tout décrit de cette manière, de La Martinière poursuit sa route vers l'Orient, et comme d'habitude il est accompagné de tempêtes effroyables. Le 4 juillet on aperçut du côté de l'Orient de hautes montagnes, au pied desquelles les Danois voulaient atterrir, mais la tempête les contraignit à chercher un abri sur la côte de Boranday, où ils eurent le bonheur de trouver un port sûr, d'une profondeur de 12 à 13 sagènes. Ils envoyèrent immédiatement quelques hommes à la recherche des habitants pour leur annoncer qu'ils voulaient faire du commerce avec eux. Parmi ceux qu'on avait envoyés se trouvaient de La Martinière et deux hommes, qui savaient la langue du Nord et le russe. Ils découvrirent bien vite le hameau de Borandiens, entrèrent en pourparlers commerciaux avec les habitants et louèrent pour deux paquets de tabac et 4 pintes d'eau de vie des guides et des rennes pour aller jusqu'en Sibérie. Quelques jours après il partirent par Borandie, achetèrent dans chaque village toutes sortes de pelleterie et arrivèrent enfin à une petite ville, nommée Vitchora. De là ils expedièrent des fourrures sur des canots jusqu'à leur bateau et gagnèrent eux-mêmes également en canots Pétchora, petite ville située au bord du lac du même nom, où ils arrivèrent au bout de 15 heures. Ils envoyèrent de nouveau et de la même manière des fourrures par canot à leur bateau et partirent avec les rennes en Sibérie. En chemin ils rencontrèrent cinq hommes, vêtus de peaux d'ours, à la moscovite. C'étaient des exilés. Parmi eux se trouvait un vieil ami de La Martinière, un noble Lorrain, colonel russe, qui, pendant que les voyageurs se reposaient, eut le temps de raconter à son ami tout ce qu'il savait de la Russie. Cette remarquable description remplit 12 feuilles imprimées. Tout y est. L'histoire et la statistique de la Russie, les moeurs et les coutumes des Russes, leur religion, leurs usages, la description de la Sibérie, de la Tartarie, du peuple qui s'était établi en Russie,—et même des champignons qui croissent en Russie, et dont elle se fait gloire. Cet épisode fait honneur à l'imagination féconde de La Martinière [1]).

[1]) Mais il n'est pas question de la Mauritanie Chinoise, propos que lui attribue cependant Berg (voir Histoire Chronol. 1-ére Partie, page 99). Il est probable que l'auteur a voulu traduire pas là la phrase suivante d'Adelung: „*Welche sich bis an die Mauern von Cataya erstrecket*“, phrase qui, dans l'original, est ainsi écrite: „*qui s'étend jusqu'aux murailles de Cataya*“. Note de *Lütke*.

«Après avoir pris congé des éxilés, il continua son chemin, traversant les montagnes qui séparent Boranday de la Sibérie, et à 10 heures de Pétchora, il trouva Papingorod—ville, située sur la rivière du même nom. Lorsqu'ils eurent rendu visite au gouverneur et achété des fourrures, comme ils avaient encore une grande provision de tabac et d'argent, les Danois décidèrent de partir en bateau pour la Samojessie; ils durent pour cela traverser les montagnes Riphées. Enfin, après avoir acheté chez les Samoyèdes toutes sortes de pelleterie, ils retournèrent à Boranday auprès de leurs compatriotes. Aussitôt arrivés, ils levèrent l'ancre et se dirigèrent vers la Nouvelle Zemble, où ils arrivèrent le jour suivant. Là ils constatèrent que les habitants adoraient le soleil et des idoles, à qui ils donnaient le nom de Fétizo. Si les habitants de la Nouvelle Zemble existaient, ils pourraient s'offenser des descriptions, faites par de La Martinière. Ils séjournèrent 16 jours à la Nouvelle Zemble, puis se dirigèrent vers le détroit de Vaigatch, afin de le traverser pour aller plus avant vers l'Orient. Sur leur chemin ils trafiquèrent des morses (que La Martinière représente pourvus d'un nez d'aigle et d'une corne sur la tête). Dans le détroit les Danois furent arrêtés par les glaces et les montagnes couvertes de neiges éternelles, appelées Patenoster, et furent obligés de rebrousser chemin. Mais avant de reprendre la mer ils eurent le temps de capturer deux hommes et deux femmes de la Nouvelle Zemble. Abandonnant Nouvelle Zemble les Danois partirent pour le Groenland, puis pour l'Islande et arrivèrent enfin à Copenhague. M-r de La Martinière termine son livre par des dissertations géographiques, de son cru et dignes de tout ce qui a déjà été cité de lui. Il affirme que la Nouvelle Zemble est réunie au Groenland, de telle sorte que, si la neige et les glaces n'y faisaient obstacle, on pourrait facilement passer d'une terre à l'autre; il ajoute que le détroit Vaigatch a 35 milles allemandes de longueur et défend les montagnes Patenoster, qu'il a vues lui-même et dont la plus basse a $^1/_2$ ligue de hauteur; il déclare enfin que tous les recits des Hollandais sur leur navigation à travers ce détroit jusqu'à la mer Tatarskoë, sont des contes; là règne un hiver éternel, de même que sur la terre des Perroquets et au pôle antarctique règne un éternel été, etc. Et voilà un voyage qui a été admiré par les contemporains et dans lequel Buffon puisa des renseignements concernant les habitants de Nouvelle Zemble, les Borandiens, et Witsen puisa Patenoster, Papingorod, Vitzora etc. [1]).

[1]) *Hist. Nat. de Buffon*, rédigée par Sonnini. Paris. An VIII (1800). T. XX, p. 73 et seq. *Witsen*'s Nord en Oost Tartarye, p.p. 901, 905, 927, 952, 953 etc. Mais,

«On y rencontre un tel mélange bizarre de noms et de choses, des vérités et d'inventions, qu'il est en définitive presque impossible de distinguer les uns des autres. On peut donner à ce voyage le nom de conte brodé sur des faits véridiques.

«La mer Varanger, où les bateaux danois s'arrêtèrent, est le détroit connu de Varang (Varanger fiord). Nous trouvons sur quelques vieilles cartes, mais non sur les nouvelles, la colonie Varanger sur la rive septentrionale du détroit. Il est probable qu' il s'agit de la colonie Vardö, parce que cette dernière est la seule dans le détroit Varanger qui ait un port sûr pour les vaisseaux.

«Les Russes appellent „Mourmanskoë Moré", une partie de l'Océan qui baigne les côtes de la Laponie. La Martinière donna, par erreur, comme faisant partie de la Laponie, la mer elle-même,— „Mourmanskoë Moré". D'après l'auteur, les Kiloppes sont des Loppes sauvages. Dans plusieurs livres anciens on parle des Kiloppes ou des Loppes, que les Russes avaient appelés sauvages (*„дикая лопь"*); de ce mot les écrivains allemands avaient fait Dikillopen [1]); mais La Martinière, prenant probablement Di pour l'article, fit de ce mot „Kiloppes".

«Je suis persuadé qu'il faut prendre l'énigmatique Boranday ou Borandie pour l'île Varandéy, située près de la côte Bolchesemelsky, à 68 milles à l'ouest de l'embouchure du Pétchora. M-r de La Martinière, qui avait la passion du mensonge et, d'autre part, n'était pas marin, a pu facilement donner le nom d'une île non seulement à l'île elle-même, mais encore à tous ses environs et aux habitants. Les cartes de ce temps pouvaient également l'induire en erreur: en effet, toutes les inscriptions, concernant l'île Varandéy—*Bolsoy Boranday*—se continuent sur les côtes, de sorte qu'il n'était pas facile de distinguer ce qui concernait particulièrement cette île. Les Borandiens, qui se rendaient dans l'île Varandéy, pour y faire la chasse et la pêche, sont donc les mêmes hommes que les Samoyèdes et les Russes. La Martinière a raison, quand il écrit qu'ils arrivèrent à Pétchora, poussés par le vent d'ouest; il

---

quoi qu'en dise M-r Berg (Histoire Chronol., partie I, p. 101), La Martinière n'est pas coupable de divergence avec Moltchanoff, l'auteur de la description du gouvernement d'Arkhangel. M-r Moltchanoff a copié toutes ses descriptions sur la Nouvelle Zemble, mot à mot, des récits de M-r *Krestinine* (Нов. Ежем. Сочин.). En général, il me semble, que le jugement porté par M-r Berg sur ce livre est trop sévère. M-r Moltchanoff rassembla comme il put tous les renseignements, concernant le gouvernement d'Arkhangel; il établit une topographie et une statistique, assez mauvaises de ces contrées, mais n'a pas du tout écrit un livre sot, mensonger ou insensé. Note de *Lütke*.

[1]) Joannis Schefferi Lappland. Frankfurh à/M. und Leipzig. 1674, p. 28, 50. Note de *Lütke*.

en résulte que les vaisseaux danois n'auraient pas dû se trouver à l'est de cette rivière; cette erreur de l'auteur provient sans doute de la même source que toutes les autres. Je crois que, pendant leur voyage dans le Boranday, les explorateurs ne s'éloignèrent pas beaucoup de la côte, afin de pouvoir transporter facilement leurs marchandises sur des canots de l'intérieur des terres jusqu'aux bateaux. De La Martinière trouva la ville de Pétchora sur une carte du XVII-me siècle, qui montre, sur la rive droite du Pétchora, près d'un grand lac, une ville de ce nom et, selon toute vraisemblance, il doit s'agir là de la forteresse de Poustoziersk. Sur quelques cartes on peut voir aussi le nom de Papine ou Papinegorod, indiqué comme se trouvant non pas en Sibérie, mais près de la rivière Pétchora. Plusieurs écrivains, entre autres Herberstein [1]), parlent de cet endroit; on en peut donc conclure qu'en ce temps là il existait une terre quelconque portant ce nom; mais actuellement cet endroit est complètement inconnu. Les habitants de la Nouvelle Zemble que les marins danois emmenèrent triomphalement dans leur patrie, selon les ordres du roi, étaient sans contredit des Samoyèdes; les Fetitzi, leurs idoles, étaient (nous l'avons déjà dit plusieurs fois) d'énormes masses rocheuses dressées sur le cap Bolvanskoy de l'île Vaigatch; quant à l'adoration du soleil —c'est une imagination de l'auteur. Les montagnes Paternoster ou bien constituent la côte orientale de Jougorskoï Schar, ou bien elles furent créés par la fantaisie de La Martinière".

Et voila, en somme, la meilleure étude sur le livre de La Martinière.

Les erreurs commises par Lütké lui-même seront indiquées par nous, en regard de la traduction du propre voyage de La Martinière. Maintenant nous pourrons dire, sans diminuer les mérites scientifiques de Lütke, qu'il a tort en ce qui concerne la Nouvelle Zemble: selon le géographe Blau, qui a tracé la carte de la Nouvelle Zemble pour l'Atlas Groeters, il place cette terre à dix degrès plus à l'est qu'elle n'est en réalité. Lütke a commis cette erreur grossière au début du XIX-ème siècle, après avoir effectué quatre voyages spécialement dans ces parages, voyages qu'il fit sans hâte, qui furent organisés scientifiquement, qui jouirent des moyens matériels les meilleurs et auxquels prirent part de savants techniciens, etc.

Après une telle bévue que peut-il reprocher à La Martinière? L'académicien K. M. Bähr a rectifié l'erreur de Lütke.

---

1) *Hakluyt*, p. 553.

Dans cette étude nous constatons aussi que Lütke s'est servi de quelques éditions postérieures, car on y parle de certains renseignements sur la Russie (entre autres des champignons, dont il n'est pas question dans les premières éditions), que La Martinière avait recueillis d'un colonel de ses amis. L'édition dont se servit Lütke était sans doute un volume de dimensions plus étendues.

Encore une fois, comme nous n'osons pas non plus soupçonner l'honnêteté de cet auteur, nous devons conclure que les dernières éditions du voyage de La Martinière étaient démesurément augmentées, comparativement aux premières, si un seul récit du colonel remplissait 12 feuilles imprimées (c'est à dire 192 pages). Berg se réfère même à l'édition de Leipzig de l'année 1711. Il est fort possible, qu'il s'agit là de quelque édition contrefaite et qui fut publiée plusieurs années après la mort de La Martinière et pour profiter de l'enjouement du public pour ce livre [1]).

Ce sont ces dernières éditions, les plus accessibles, qui furent entre les mains des écrivains qui se sont occupés de La Martinière.

S'il en est ainsi, on commence à comprendre la confusion qui s'établît aussi l'indignation, que provoquèrent plus tard contre lui les fables de La Martinière.

Et cependant si, pour le juger, on se reporte à *la première* édition de son livre, on constate que La Martinière, la plupart du temps, n'est pas du tout fautif.

Citons ici sur La Martinière une opinion encore postérieure et finissons-en avec cette question: si on examine avec attention et si on compare entre-elles les différents avis, on constate

[1]) On peut dire, s'il l'on considère l'époque où parût l'édition suivante du livre de La Martinière, que non seulement l'auteur lui-même pouvait être mort à ce moment-là, mais que son premier éditeur, Vendosme, l'était certainement. Sur l'exemplaire du livre de La Martinière qui appartient au Musée Historique de Moscou (Bibliothèque Tchertkoff, № A. $22^{5}/_{66}$), on peut lire curieuse suscription reproduit ci-après et dont on ne sait au juste, quand elle fut écrite (peut-être le fût-elle de la main du ci-devant Bibliothécaire, P. I. Barténeff?): „2-ème édition, 1676, également de Louis Vendosme, avec privilège royal, du $^{5}/_{III}$ 1671, lui donnant pour une durée de dix ans tous les droits de reproduction, de vente et de vulgarisation, sous quelle forme que ce soit et autant de fois qu'il le voudra". Et plus loin: „j'ai vu un exemplaire de ce livre chez Urbain qui porte la date de 1682 (Jean Ribou, Paris) et qui est imprimé avec les mêmes caractères que notre exemplaire. Le titre est recopié tel quel, ainsi que les dernières pages, à partir de la page 318 jusqu'à la fin; à la dernière page il est dit que le privilège du roi a été vendu à Jean Ribou *par la veuve* de L. Vendosme, en 1671; par conséquent les exemplaires non vendus en 1676 furent cédés à Ribou avec le droit de les revendre". Et comme les éditeurs avaient le droit de vulgariser les livres sous n'importe quelle forme et si l'on suppose que l'auteur était mort, l'éditeurs ne se gênèrent pas pour ajouter au livre original des épisodes que l'on pensait devoir „intéresser" le public et qui favoriseraient la vente du livre.

qu'un critique emprunte en général ses renseignements à un autre, sans se reporter en aucune façon à l'original du livre critiqué.

L'auteur anonyme, composant son article d'après quelques „sources françaises" inconnues (ainsi qu'il l'écrit lui-même dans sa préface), ne comprit grand chose dans La Martinière, et lui attribua ce dont il n'était pas coupable; il lui fait par exemple le même reproche, que lui avait fait Lütke d'avoir induit Buffon en erreur au sujet de la couleur exclusivement blanche des êtres vivant au pôle Nord, alors qu'au contraire La Martinière parle très distinctement des diverses couleurs des peaux, plumages etc.

Voici la note de cet auteur:

«La Martinière (1653). La compagnie de commerce, fondée en 1647 par le roi du Danemarck Frédéric III, envoya en 1653 trois bateaux pour faire le commerce sur la côte septentrionale de l'Europe. La Martinière s'embarqua en qualité de medecin sur l'un de ces bateaux; c'est grâce à la description qu'il en a faite, que ce voyage nous est un peu connu. Partis de Copenhague ils longèrent des côtes de la Suède et firent quelques relaches. Arrivés du cercle polaire le vent tomba, mais ils évitèrent le calme plat, ainsi que le raconte de La Martinière, en achetant aux riverains, pour 10 krones et une livre de tabac, du vent en trois noeuds, qui devait leur suffire jusqu'au cap Roussel. Le vent du premier noeud les conduisit à 30 milles au delà du terrible Maëlström, le second noeud leur fournit du vent jusqu'au cap Roussel. La Martinière raconte qu'à cet endroit leur boussole cessa de fonctionner à cause du voisinage de la montagne aimantée, de sorte que pendant deux jours, ils durent diriger leur bateau avec la seule aide de la carte. Quand ils défirent le troisième noeud ensorcelé, il s'éleva une telle tempête qu'ils leur sembla que le ciel voulait s'effondrer sur eux et les punir de ce qu'ils avaient eu recours à des sorciers. Leur bateau fut jeté sur les écueils et ils se sauvèrent à grand peine en debarquant sur le cap Vardhus.

«Pendant qu'on réparait leur bateau, ils allèrent faire du commerce avec les peuples voisins. Les Lapons, raconte La Martinière, se servent de rennes, auxquels il suffit de chuchoter quelque chose à l'oreille, pour qu'ils vous emportent comme des flèches où vous desirez. Tous les Lapons sont sorciers, et ont des diables domestiques sous forme de chats noirs. En Laponie tout le gibier est blanc: les ours, les loups, les renards et même les corbeaux sont blancs, comme des cygnes [1]).

[1]) Zamyslovsky cite l'opinion de Favre „que les pays du Nord excessivement froids causent toujours la blancheur (quod semper mater est albedinis), ce qui est

«Plus loin il décrit le voyage qu'il fit du côté de l'Orient. Ils arrivèrent à Pétchora et y achetèrent des fourrures qu'ils expédièrent par bateau; eux-mêmes partirent en Sibérie avec des rennes. En chemin ils rattrapèrent cinq hommes, habillés de peaux d'ours, „à la moscovite". C'étaient les exilés russes; parmi eux la Martinière reconnut une de ses anciennes connaissances, un colonel russe. Ceci nous fait soupçonner que La Martinière confit probablement ses descriptions d'après les récits du colonel et qu'il les compléta à l'aide de sa propre fantaisie.

«Après avoir tout décrit en détail, il termine par une dissertation géographique, digne de tout ce que La Martinière avait écrit auparavant. En somme on peut mettre ce voyage au même rang que ceux du Baron Mühlhausen. Nous mentionnons ici ce dernier, parce qu'il a induit en erreur beaucoup d'écrivains consciencieux et parmi eux Buffon" [1]).

En lisant tout cela, on est porté à d'écrier: ce pauvre Buffon!

Nous pouvons dire, à ce propos, que nous avons attentivement examiné quelques éditions de Buffon (nous regrettons de n'avoir pas pu trouver l'édition Sonnini, citée par Lütke) et malheureusement dans aucune d'elles il n'est question de La Martinière.

---

conforme à la philosophie", et les paroles de Middendorff, dans son Voyage au Nord et à l'Est de la Sibérie: „il est vrai que dans l'extrême Nord presque tous les animaux deviennent blancs en hiver.... la couleur des animaux s'accorde avec la couleur dominante des lieux où ils vivent" (voir page 285). Passons maintenant à l'avis de Herberstein sur le même sujet. „On parle d'un miracle, dit-il, en vertu duquel les animaux, de quelque race qu'ils soient, amenés dans la région de Vodskaya Piatina, perdent leur propre couleur et deviennent blancs" (voir page 301). C'est donc à tort que l'on reproche au seul La Martinière d'avoir donné de faux renseignements qui entraînèrent l'erreur de Buffon; d'autres que lui, avant et après lui et de plus autorisés qui lui, ont raconté les mêmes choses. Zamyslovsky renvoie encore à ce sujet à Brem qui, lui aussi, parle du changement de couleur du poil des animaux septentrionaux (voir Brem, I, 114). La Martinière doit-il être aussi tenu responsable des dires de Brem?

Remarquez encore que La Martinière ne dit jamais que dans le Nord tous les animaux sont blancs; au contraire, ainsi qu'on peut s'en rendre compte par la traduction ci-jointe, il distingue minutieusement un grand nombre de couleurs, tandis que Herberstein, non content d'affirmer que tous les animaux du Nord sont de couleur blanche, raconte, sans discuter le fait, que même les animaux qui sont d'une autre couleur, deviennent blancs, de quelque race qu'ils soient. Remarque de W. S.

1) „Au pôle Nord"—Voyages au pôle Nord et dans les régions antarctiques, de 1380 à 1869, traduits du français, complétés d'après Chamissot, Lütke, Hartwig, Middendorf, Wrangel, Mirtching, Swenske, Souterland, Kane etc., accompagnés de la carte du pôle Nord. S-t. Pétersbourg, typographie Kotomine. 1871. 8°. Page 391.

Il me semble que cet auteur a emprunté à Lütke et à Beckmann sa condamnation sévère. Voici ce que nous lisons dans ce dernier: „Il faut mentionner ici le voyage de La Martinière, qui, si on juge d'après son contenu, devrait être mis au rangs des voyages du genre de ceux de Mühlhausen etc., et qui, par conséquent, ne devrait pas mériter de trouver place ici; mais on ne peut pas le passer sous silence parce qu'il a été la cause des erreurs commises par un grand nombre d'écrivains, et même des plus estimés, tels que Vitsen, Buffon, de Brosse etc". Voyez „Litteratur der älteren Reisebeschreibungen" de *Beckmann*. I Band, p. 102—113. W. S.

Pourquoi devrait-on rendre La Martinière seul responsable des erreurs commises par savant écrivain, fût-ce Buffon lui-même (si tant est, que Buffon a commis ces erreurs)?

Pour finir, citons un autre exemple de la bonne foi allemande:

Hellwald, parlant de l'expédition danoise, à la quelle prit part La Martinière, indique brièvement la route suivie et les résultats obtenus, sans se permettre aucune critique. Mais plus loin, évidemment sous l'influence des mêmes mobiles, c'est à dire par suite de l'ignorance, où il est au sujet du voyage authentique, et en raison de la réputation de fausseté de notre auteur, il donne libre cours à sa fantaisie, chose impardonnable de la part d'un savant géographe contemporain.

Il écrit premièrement: „Le Français Martin *Brusen* de la Martinière est malheuresement l'indigne auteur de la relation de cette expédition". Mais d'abord *Brusen de la Martinière* (Antoine - Auguste) était une toute autre personne, puisque il portait les prénoms de Antoine - Auguste. C'était un compilateur de talent, né à Dieppe en 1662 et mort, selon les uns en 1749, selon les autres en 1757. Dans la même „Biographie Universelle", on peut trouver une bonne biographie de cet écrivain, contenant l'énumération de tous ses travaux et faite par Montigli. Notre auteur a donc accompli son voyage dix ans avant la naissance de l'innocent Brusen de la Martinière, condamné pourtant par un géographe allemand contemporain.

En second lieu, après avoir dit que La Martinière „fut le premier Français ayant publié une relation de l'expédition au pôle Nord", Hellwald, sans faire allusion à aucune erreur ni à aucune inexactitude, le caractérise comme suit: „mais son récit appartient à ce genre de voyages et aventures décrit par M-r. Mühlhausen" (voir „Dans la région des glaces éternelles", p. 383). Il est évident que Hellwald trouve plaisante cette comparaison spirituelle entre La Martinière et Mühlhausen, et il s'empresse de la reproduire au lieu de prendre la peine de lire ce que ce Français a écrit.

Tels sont les informations que nous avons réussi à trouver au sujet du livre de La Martinière.

Tout celà n'est qu'une suite de différents récits de voyages. Maintenant la science ne se borne plus à de semblables récits de voyages, non plus qu'à une simple critique de ce qui a été écrit par tel ou tel auteur.

Parmi matières qui font l'objet de la géographie historique, la première place est occupée par l'histoire de la colonisation et des

migrations des peuples, par l'éthnographie et par l'histoire des différents pays, étudiés au point de vue éthnologique.

La Martinière dans la mesure de ses moyens a, le premièr, contribué au développement de la géographie historique russe, et il nous semble que ses mérites ne doivent pas être méconnus.

Cependant, malgré le nombre d'éditions du livre de La Martinière (il en eut huit) et malgré que ces livres fussent écrits en français, qui était la langue la plus accessible, il est difficile d'expliquer, pourquoi l'ouvrage de La Martinière a été totalement méconnu des savants, nos contemporains, qui, d'autre part, ont prêté attention à des ouvrages beaucoup moins considérables dans le domaine de la science qui nous occupe.

Nous ne prenons pas sur nous de trouver l'explication.

Peut-être faut-il voir la raison de cet oubli dans le fait que chez nous, jusqu'aujourd'hui, la géographie historique n'a été que rarement étudiée d'une manière rationnelle, et que les savants qui ont assumé cette étude, ont accordé toute leur attention aux sources les plus proches,—comme par exemple aux annales, aux rapports et statistiques concernant les propriétés, à différentes sortes d'actes, de documents. Quant aux relations dues à des étrangers et aux descriptions des voyageurs, on entreprit l'examen seulement des plus importantes.

Quoi qu'il en soit, en dehors de ce qui est indiqué plus loin, on ne marque jamais le nom de La Martinière dans les travaux scientifiques russes traitant de la géographie historique. Naturellement, on ne peut s'attendre à trouver des renseignements sur notre auteur dans l'ouvrage très connu, s'occupant de la période la plus ancienne de l'histoire russe de *N. Barsoff*: „Précis de la géographie historique russe: Géographie des premières annales russes". (Varsovie. 1884. 2-ème édit.).

Mais il est très offensant pour la mémoire de notre auteur de ne rien rencontrer à son sujet dans l'ouvrage capital de E. E. *Zamyslovsky*: „Sigismund Herberstein et ses connaissances historico-géographiques" (St.-Pétersb., 1884), non plus que dans les travaux de S. M. Solovioff.

Citons encore quelques ouvrages de géographie historique, dans lesquels nous n'avons pas réussi à decouvrir le nom de La Martinière, et espérons que quelqu'un nous en indiquera d'autres, où l'on s'occupe de lui.

L'histoire de la colonisation fut étudiée par Firsoff, Perétiatkovitch (La Powolgié [bassin de Volga] depuis XVI-ème jusqu'au commencement du XVIII-ème siècle"), Iadrintzeff, Sokolovsky, Skal-

kovsky. Ogorodnikoff est, parmi ces auteurs et d'autres, celui qui, par les régions qu'il a explorées, se rapproche le plus de La Martinière (*Les rives Mourmanskoï et Terskoï* d'après le «Bolchoï Tchertioge), de même que *K. N. Bestoujeff-Rumine* par son ouvrage: „De la colonisation des grands russiens", mais tous les deux ne sachent rien de La Martinière.

N. Nadiéjdine, qui a, le premier, tenté de donner un aperçu général de notre géographie historique dans „L'essai sur la géographie historique du monde russe" (Bibliothèque de lecture, 1837, vol. XXII), ne fait pas non plus mention de notre auteur, et *I. D. Biélaeff*, dans son ouvrage „*Connaissances géographiques sur la Russie* aux IX-ème, X-ème, XI-ème et XII-ème siècles", n'est pas encore parvenu à l'époque de La Martinière. Il n'y a rien non plus dans les „Explications" annexées à „l'Atlas d'enseignement historique" de E. E. Zamyslovsky.

V. O. Klutchevsky, dans son ouvrage spécial: „*Récits des étrangers sur la Russie* (Moscou, 1866) ne dit pas un mot de notre auteur.

Dans tout le récit de son grand voyage, *Schrenk* n'a rien trouvé de plus à dire de La Martinière que se qui suit:

„Cette île (Varandaï) est la terre de Boranday du charlatan La Martinière, qui, ayant commencé ici son voyage commercial à travers toundras marécageux des Samoyèdes, a imaginé un conte, qui ne laisse même pas soupçonner la route suivie". Un point et c'est tout..... (Voir *Voyage au Nord-Est de la Russie d'Europe.* St.-Pétersbourg. 1855, p. 462).

Parmi ceux qui ont utilisé les écrits de La Martinière, citons d'abord *N. N. Kharousine.*

Dans son livre sur les Lapons russes, qui, selon nous, doit être consulté par tous ceux qui s'occupent de ce peuple, il cite souvent et longuement La Martinière, il fait même confirmer, par d'autres voyageurs, ayant exploré la Laponie, de nombreux renseignements donnés par La Martinière. Aussi Kharousine est-il presque reconnu comme l'unique savant contemporain, ayant „découvert" La Martinière et l'ayant fait connaître au monde scientifique russe. A titre d'exemple et pour montrer l'exactitude et la minutie du travail de Kharousine, j'indique les pages 61, 123, 161, 320 etc. Il faut seulement regretter que Kharousine n'ait pas réussi à trouver la première édition, la plus précise, selon moi, du livre de La Martinière, et qu'il ait été obligé de contenter, pour étudier notre auteur, de l'édition de 1682, ainsi qu'il apparaît dans ses citations.

II. Résumé de ce que l'on savait du Nord-Est de la Russie avant La Martinière.

Pour juger équitablement un explorateur, il faut rechercher ce que savaient ses prédécesseurs et ses contemporains des pays qu'il décrit lui-même.

Nous allons donc passer en revue les connaissances qu'avaient les Russes et les étrangers du Nord-Est de la Russie avant La Martinière.

Bien que cela puisse paraître étrange, il faut bien reconnaitre que les Européens songèrent à explorer les régions septentrionales de leur propre continent bien après avoir exploré les autres continents.

Si on ne tient pas compte des pêcheurs et marins hardis,—presque tous Norvégiens ou Russes,—qui naviguaient en tous sens sur la mer Glaciale, baignant leurs terres, il faut avouer que le premier Européen, qui explora le Nord de notre pays, fut Sir Hugue Willoughbi, en 1553.

Les riverains de la mer, les nôtres ainsi que les Norvégiens, découvrirent non seulement une quantité de terres et d'îles dans leur propre Océan, mais (ainsi qu'on l'a demontré) ils découvrirent aussi l'Amérique bien avant Christophe Colomb. Cependant la géographie historique ne peut pas tenir compte de ces découvertes, dues en grande partie au hasard et parce que rien n'en a été conservé, tout a été oublié. C'est la tempête qui entrainait partout ces audacieux navigateurs sur quelque rivage inconnu de l'immence Océan et les hardis marins ne songèrent alors qu'à rentrer sains et saufs dans leurs pays, puis là-bas, revenus au milieu des leurs, ils racontaient les désastres éprouvés, se souvenant eux-même confusément des rivages abordés et de ce qu'ils avaient vu.

Des légendes, des chansons furent composées pour glorifier les exploits de ces audacieux navigateurs; quant à des renseignements exacts, on ne peut en recueillir nulle part, et notre Nord, jusqu'au XVI-ème siècle, continua à demeurer inconnu.

Les rives les plus rapprochées étaient naturellement très bien connues des pêcheurs.

Les riverains de la mer connaissaient, par exemple, la Nouvelle Zemble et Groumante (Spitzbergen), ainsi que la route de la mer Blanche à Karskoë Moré et même plus loin,—jusqu'à Obi et Ienisseï.

Tout cela était également connu à Moscou; on prélevait des tmpôts, on construisait même des villes, comme Mangaséïa,—mais ioutes ces découvertes étaient loin d'être universellement connues;

le gouvernement moscovite les cachait même soigneusement et punissait sévèrement ceux qui divulguaient les routes.

Maintenant à l'aide de nos archives on peut reconstituer un tableau assez complet de nos connaissances sur le Nord de la Russie.

Cependant l'étude scientifique du Nord de notre pays date seulement de Willoughby.

C'est lui qui doit être cité le premier dans une étude scientifique fondamentale de la géographie du Nord de la Russie.

Cependant, encore en 1495, les deux Anglais, Jean Kabot et son fils Sébastian, enthousiasmés par la découverte de Christophe Colomb et encouragés par le roi Henri VII, qui leur avait accordé d'avance la possession héréditaire privilégiée de toutes les terres où ils arboreraient le drapeau britannique, pretendaient avoir „découvert" depuis longtemps notre Nouvelle Zemble.

Mais cela n'est rien moins que démontré, car, en réalité, les Kabots dirigèrent leurs explorations particulièrement vers le Nord-Ouest de l'Angleterre et non pas vers le Nord-Est, où se trouve la Nouvelle Zemble.

Le but de leur voyage était de découvrir une route de l'Inde. A l'ouest, ils rencontrèrent la grande terre qui porte le nom de *Prima-Vista*, et en firent une description qui se rapproche beaucoup de celle de notre Nouvelle Zemble.

Ils abordèrent ensuite le continent Américain, c'est à dire, les rives du Labrador, et cela même une année avant Christophe Colomb.

Cependant, tout ces renseignements ne se différencient pas encore beaucoup des contes et légendes, et n'ont pu servir de base à une science pratique.

C'est seulement en 1549 que Sébastian Kabot conçut le projet d'une nouvelle expédition pour la découverte d'une route de l'Inde, et il choisit la direction de l'Est.

Ce projet fut arreté en 1552 et toute une compagnie de marchands se forma dans le but de poursuivre sa réalisation.

On recueillit 6000 livres sterling et on put équiper trois vaisseaux; chacun de ces vaisseaux était accompagné d'un pink et d'un koutter (petit bateau à voiles), — par cela faisait donc, en tout, neuf navires.

A la tête de l'expédition on plaça sir Hugue Willoughbi, marin très connu et de noble origine. Les deux autres vaisseaux étaient commandés par Richard Chancellor et par le hollandais Cornélius Douréoute; expédition était, pour cette époque là, très bien organisée.

Cependant, dans les parages de Vardö, à l'endroit même où, cent ans plus tard, La Martinière faillit périr avec ses camarades, la tempête divisa la petite flottile, et Willoughbi, ainsi que ses deux vaisseaux qui se composaient de 70 hommes, périrent de froid et de faim dans une région isolée et déserte de la Laponie orientale. L'année suivante, des pêcheuvrs russes retrouvèrent dans la baie Nokouïevskoï les deux navires anglais, richement équipés et jonchés de cadavres gelés.

Le capitaine Willoughbi était couché dans sa cabine et tenant encore à la main un journal, dans lequel, apparemment, il n'avait cessé d'écrire jusqu'à ce qu'il eût perdu connaissance. La nouvelle de cette effrayante trouvaille fut transmise à Moscou par les caréliens riverains; le tzar Jean le Terrible donna l'ordre au woyéwode (gouverneur) de Kholmogory de dresser la liste de tout ce que contenaient les deux navires, et, l'année suivante, le tout fut remis à Chancellor, qui venait d'arriver en Russie en qualité d'ambassadeur anglais.

Les voyages de Chancellor et leurs résultats sont très connus, nous ne nous y arrêterons donc pas. Disons seulement que l'audacieux navigateur obtint d'importants résultats, qu'il réussit, par exemple, à nouer des relations amicales de commerce entre deux grands pays, comme l'Angleterre et la Russie. D'autre part il fît très peu pour la science géographique. Il est difficile d'ailleurs de lui en faire un grief: après avoir été, en effet, jeté par la tempête sur des rivages inhospitaliers et sauvé presque par miracle, il fut conduit au palais de Jean le Terrible et habita Moscou, entouré d'estime, mais étroitement surveillé par le tzar soupçonneux. Il partit chargé d'honneurs, mais sous la garde d'un émissaire du tzar. Il ne put donc parler que de ce qu'on avait bien voulu lui montrer et du peu qu'il pu apprendre, en questionnant les surveillants, qui l'entouraient.

Ce récit ressortit surtout á l'éthnographie; l'auteur y décrit le genre de vie des Russes de ce temps là; Chanslor put voir seulement ce qu'on voulut bien lui montrer.

Après avoir noué des rélations avec la cour de Moscou, comme ambassadeur de la reine Marie et son époux Philippe, Chancellor ne put donner suite à l'entreprise de Willoughbi: la découverte d'une route pour la Chine et pour les Indes.

On chargea de cette mission la même companie anglaise Kabot et on en confia le commendement à un autre navigateur éminent, Étienne Bouroug.

La companie loua un petit navire, et Bouroug partit le 29

avril 1556; le 2 juin il atteignait déja le 70° 15 degré de latitude nord.

Au bout de quelques jours, il aperçut la Nouvelle Zemble et le 31 il arriva en vue de l'île Vaïgatch où il rencontra plusieurs bateaux de pêche russes.

Les Russes lui apprirent que les habitants de cette contrée portaient le nom de Samoyèdes, qu'ils n'avaient pas de maisons et vivaient sous des tentes faites de peaux de rennes. Il parcourut l'île et put voir une masse d'idoles,—jusqu'à 300, — représentant des hommes, des femmes et des enfants; parmi ces idoles un grand nombre avaient la bouche et les yeux faits très grossièrement et teints de sang; quelques uns n'étaient rien d'autre que de vieux canots, ayant 2 ou 3 entailles. Bouroug séjourna en ces lieux jusqu'au 25 août, et il lui fut impossible d'aller plus loin; le 18 septembre il atterrit à Kholmogory, où il passa l'hiver, et en 1557 il retourna en Angleterre. Comme on peut le voir, les résultats de l'expédition de Bouroug furent très insignifiants. L'audacieux Chancellor, accompagné de l'ambassade du tzar Jean à la cour d'Angleterre, périt dans un naufrage avant d'atteindre son pays.

Parmi les voyages accomplis par d'autres européens, il faut citer ceux de Arthur Péte et de Jeakman. Tous deux partirent en 1580 de Parvitch, en Angleterre, et se dirigèrent sur Vardö, où ils séjournèrent jusqu'au 1-er juillet. Parvenus au détroit de Vaïgatch et pendant le traversée de ce détroit ils rencontrèrent une telle quantité de glaces qu'ils furent obligés de reprendre le chemin de leur patrie. Pendant le retour Jeakman et son navire disparurent sans laisser de traces, et seul Péte rentra sain, et sauf.

Nous arrivons maintenant à l'époque de William Barents (1594—1597) qui a tant contribué à la découverte de nos rivages inhospitaliers de Nord.

Sécouant le joug espagnol, les provinces Néerlandaises voulurent, à leur tour, participer aux avantages commerciaux, que leur promettait l'énigmatique Orient. D'une part, les commerçants de Middelbourg, ayant à leur tête Baltazar Moucheron, de l'autre ceux d'Enkheisen soutenus par les États généraux et le prince Maurice de Nassau, et enfin ceux d'Amsterdam, sous l'impulsion du célèbre cosmographe Plantius, équipèrent trois vaisseaux dans le but d'explorer le Nord de notre pays et de découvrir une route vers l'Orient. L'un de ces vaisseaux était commandé par Barents et les deux autres par Cornélius Nay et Brandt Isbrant. Ces deux

derniers devaient, suivant en cela l'exemple des Anglais, chercher un passage entre l'île Vaïgatch et le continent, tandis que Barents, sur le conseil de Plantius, devait naviguer plus aux Nord de la Nouvelle Zemble. [1])

Comme il m'est impossible d'exposer en détail les résultats de cette intérestante expédltion, je me contenterai d'énumérer les découvertes qui furent faites.

Au cours de son premier voyage, Barents reconnut la partie occidentale de la Nouvelle Zemble, longea les rives septentrionales découvrit, un grand nombre d'îles et leur donna un nom. Poussant toujours au Nord, Barents contourna l'île Croix, le cap Nassau et rencontra une telle quantité de glaces, qu'on n'en pouvait voir la fin du haut des mâts de son navire. Il reprit le chemin du Sud, et donna au cap, qui se trouve à. 70 degrès au-dessous du pôle, le nom de Cap Glacial. Après avoir découvert encore une quantité de petites îles, Barents retourna à Amsterdan.

L'année suivante, le prince de Nassau organisa une nouvelle expédition: le plus grand vaisseau était commandé par Barents, et le chef de l'expédition était Jacob Hemskerke.

Les navigateurs parvinrent à la Nouvelle Zemble et tournèrent vers le Sud, en essayant de passer le détroit de Vaïgatch, ce qui ne leur réussit pas (voir la note I du chapitre XLV). Barents rentra dans ses foyers l'automne de la même année. Nay et Isbrandt, qui s'étaient séparés de Barents, se dirigèrent vers l'Orient; en route ils abordèrent un grand nombre d'îles et de caps, mais n'arrivèrent qu'à 40 lieues du détroit Vaïgatch. Dans la suite Nay fut tué par un indigène.

N'étant pas satisfaits de ces résultats, les Hollandais organisèrent avec Barents et Hemskerke comme chefs, une nouvelle expédition, qui eut un sort des plus tristes. Ils durent passer l'hiver à la Nouvelle Zemble et au milieu des glaces infranchissables, à la suite d'avaries subis par le vaisseau, les Hollandais perdirent la plus grande partie de leur équipage: quinze hommes seulement parvinrent à s'échapper sur deux petits canots et à atteindre Kola.

[1]) A ce propos, notons que les savants et les voyageurs contemporains ont confirmé pleinerment l'hypothèse de Plantius d'après laquelle l'Océan devait être le plus facilement praticable précisement le long des rivages septentrionaux de la Nouvelle Zemble. C'est là, en effet, comme le demontra Nordenskioldt, que passe le courant assez violent du Golf stream et c'est dans la partie méridionale de la mer Carskoïè que s'amassent les glaces, qui l'obstruent ainsi que les passages qui y mènent. La justesse de la déduction de Nordenskioldt a été demmontrée récemment par un officier de notre flotte, Warneck, au cours de l'expédition organisée, l'année dernière, par l'explorateur Roussanoff; ce dernier est un ardent partisan d'une voiè de navigation qui contournerait précisement la pointe septentrionale de la Nouvelle Semble et ne traverserait ni les Chars, (*Шары*) ni la mer Carskoïè.

Barents fut au nombre des naufragés. Et ainsi cette île inhospitalière avait coûté la vie à plus précieux des victimes... à Barents, qui mérite d'être rangé parmi les savants les plus éminents et parmi les plus braves voyageurs.

A la suite de tels désastres cette expédition ne put naturellement pas donner de résultats très considérables.

Les voyageurs, ballotés au gré des vagues et des glaces, durent mener une vie nomade sur les rivages de la Nouvelle Zemble; sauf la côté ils ne virent rien, et tous leurs efforts tendirent exclusivement à échapper à faim, au froid et aux attaques des ours blancs. Le récit de cette malheureuse expédition plein de tragiques épisodes et l'exemple du sort de Barents eurent pour résultat d'enlever pour longtemps le désir aux plus audacieux navigateurs d'essayer de pénétrer les secrets de l'Océan Glacial.

L'audacieux Henri Hudson lui-même ne se décida pas à pousser bien loin dans ces latitudes; au cours de son premier voyage, en 1607, il ne dépassa pas le Spitzbergen et aussitôt qu'il eut rencontré au Nord les glaces sans fin, il retourna en Angleterre. L'année suivante, il alla jusqu'à la Nouvelle Zemble et essaya de pénétrer dans le détroit de Vaïgatch; il contourna le cap Nord, mais, de nouveau, ayant rencontré des glaces, il retourna en Angleterre. Ces deux expéditions ne fournirent aucun résultat profitable à le science. L'immortalité attendit Hudson dans l'autre partie du bord, baigné par la mer glaciale,—en Amérique. En 1612, le Hollandais Jean Cornelson de Horn tenta, sans succès lui aussi, de pénétrer vers l'Orient, plus au nord de la Nouvelle Zemble. L'unique résultat de ce voyage fut l'affirmation de Horne,—affirmation confirmée par la suite,—que la présence de glaces, constamment comprimées, constitue (entre la Nouvelle Zemble et le Spitzbergen) une zone impraticable.

Peut-être ces glaces ont-elles été la cause de l'erreur de La Martinière, qui soupçonna la présence non seulement de glaces impraticables, mais d'un véritable continent.

Il est impossible de passer sous silence ici les voyages suivants, du commencement du XVII-ème siècle, qui bien qu'ayant eu un caractère purement commercial et bien que n'ayant pas pénétré très avant dans notre mer du Nord, n'en concernent pas moins nos eaux.

Stéphan Benète (1603—1608) reçut de François Chérri la mission d'équiper un vaisseau et d'aller en Laponie, pour y vendre sa cargaison et, ensuite, pour essayer de trouver, s'il était possible, la mystérieuse route de l'Orient. Benète découvrit simple-

ment l'île Medviégi (qui nous était déjà connue auparavant) et il la nomma „île Chérri".

L'année suivante Benète fut envoyé en expédition par un autre armateur et prit terre sur la même île. En 1605 il séjourna de nouveau dans l'île Chérri. En 1608, se souvenant du profit, que les pêcheurs et chasseurs avaient retiré de l'expédition, on envoya de nouveau Benète dans l'île Cherri et l'armateur Villdenne lui-même partit avec lui; il rapporta en Angleterre les deux premiers morses vivants qu'on y eût jamais vus. La vue de ces animaux, très tranquilles et obéissants, étonna beaucoup le roi et la cour. L'expédition eut une conséquence inattendue: la compagnie pour le commerce avec Moscou, s'attribua non seulement la propriété de cette île, mais encore s'empara en 1611 du Spitzbergen, situé dans le voisinage, d'où elle chassa les pêcheurs de baleines espagnols, hollandais et français. Le celèbre Baffine, entre autres, prit part à cette usurpation. Il paraît bien que les prudents „moscovites" n'avaient pas tort du tout, lorsqu'ils prétendaient cacher aux étrangers leurs territoires et tenir secrète la route y conduisante... Par la suite les étrangers s'emparèrent du Spigbertzen, détruisirent dans ces parages presque toutes les baleines, et au XIX-ème siècle obtinrent même la reconnaissance de la „neutralité" pour ces territoires qui, pourtant, de toute ancienneté constituaient notre patrimoine et qui nous étaient reconnus sous le nom de Groumant depuis les temps dont le souvenir est perdu.

Voilà tout ce qui fut fait dans cette partie de l'Océan Glacial et tout ce qui en était connu avant l'époque de voyage de La Martinière.

Afin de caractériser le degré des connaissances que possédaient les contemporains de La Martinière (et même de quelques personnes qui ont vécu longtemps après lui), nous permettrons de citer ici un extrait de l'ouvrage de Hellwald:

„Les pêcheurs de baleine hollandais d'alors se vantaient même d'avoir, en poursuivant leur proie, pénétré les profondeurs encore mystérieuses pour nous jusqu'à aujourd'hui de l'extrême Nord, et passé à travers le pôle arctique, ou d'avoir au moins contourné celui-ci. Den Barringhton [1]) qui, en 1773, s'efforçait avec beaucoup de zèle de recueillir tous les documents concernant le pôle Nord, fait mention de six cas semblables. Le premier cas est celui d'un certain Dallier, qui raconte au Dr. Campbell, rédacteur de la description de voyages de Harris, que, cinquante ans auparavant, il

[1]) Savant explorateur du Nord et très digne de foi.

aurait atteint avec son navire jusqu'au 88° de la latidute nord; il y ferait chaud et il n'y aurait point de glaces. Le second cas est celui d'un Hollandais qui jura à Mr Grey, avoir atteint le 89° 30′ de la latitude nord, fait que Mr Grey, en 1663, raconta à son tour à Mr Oldenburg. Pour le troisième cas il faut se reporter au récit de Mr. Wetley. Ce dernier aurait appris lui-même de la bouche de trois pilotes hollandais que ceux-ci avaient entendu parler de quelque navire néerlandais, parvenu à 89° de latitude nord. Voici le quatrième cas: un certain Mr. Read rapporta à Barringhton, que 15 ans auparavant un certain Hans Derick aurait affirmé avoir, lui et cinq autres navires, atteint le 86° de la latitude nord. Quant au cinquième cas, il s'agit d'un capitaine, nommé Houlden, qui raconte en secret au roi d'Angleterre en 1678 ce qu'il a entendu dire par deux pilotes hollandais: ceux-ci auraient atteint le 89°, 20 ans auparavant; ils auraient ajouté qu'à bord des deux navires on avait tenu quatre itinéraires et qu'ils n'eussent pas coincidé qu'en quatre minutes. Le sixième cas est de tous le plus absurde, bien qu'il soit confirmé par une personnalité aussi autorisé que celle de Mr. Moxon, hydrographe de sa majesté le roi de Grande-Bretagne. Vingt deux ans avant que Mr Moxon n'ecrivît cette histoire, ce vieillard crédule entra un jour dans une brasserie d'Amsterdam pour y réparer ses forces en buvant une pinte de bière. Il s'assit à une table, autour de la quelle étaient dejà d'autres buveurs. A ce moment entra un homme qui réconnut, au milieu des hôtes présents, un de ses amis, matelot de la flottile grénlandaise; il se mit à l'interroger et s'attira cette prompte réponse: „Oh, dit l'ami, en vidant sa pinte de bière, nous sommes allés au pôle Nord et nous voilà revenus!“ Le bon Moxon fut extrêmement surpris en entendant cela; il lia aussitôt une conversation avec ces gens, afin de se persuader de la véracité de leurs dires. Le joyeux matelot lui affirma que non seulement ils avaient été près du pôle, mais qu'ils avaient même poussé deux degrès plus avant. Il est évident que les matelots hollandais se moquaient de l'étranger crédule, qui les interrogeait si ingénument. Ils lui donnèrent l'assurance qu'autour du pôle la mer est complètement libre, qu'on n'y peut voir de glace et qu'il y fait aussi chaud, qu'à Amsterdam en plein été. Et comme les matelots continuaient leur entretien, l'hydrographe royal jugea inopportun de les ennuyer plus longtemps de ses questions; il ajouta, cependant, foi pleine et entière aux paroles du matelot hollandais, car cet homme lui parut être trop simple, honnête et modeste pour être capable de le tromper. Moxon nota toute cette conversation

puis la publia en y ajoutant la carte et quelques notes, destinées à demontrer la veracité de ces propos de brasserie. Son article (*Joseph Moxon*, «A brief discourse of a passage by the Nord Pole to Japon» London, 1674, 4°) trouva beaucoup de lecteurs et eut une seconde édition en 1687. (Markham-Gaidos, page 63 и 55)". Reg. Hellvaldt, op. cit., pag. 367—368.

Il est évident que La Martinière, qui se montrait en général très sceptique (rappellons nous ses „révélations" sur les vertus médicales des pieds d'élan, de la corne de moncère, sur les causes de scorbut, sur l'apparition des âmes des trépassés prés des bords de l'Islande, sur l'anthropophagie des Samoyèdes etc. et ce en dépit des assertions des plus savants contemporains), pouvait très bien ne pas ajouter foi au récit du Hollandais Nay, qui fut pourtant authentifié par la suite. Comme il n'avait pas la confirmation par d'autres savants et voyageurs, de cet avis isolé sur la possibilité traverser le Jougorsky Char, la Martinière mit cette affirmation au rang des „fables hollandaises" susdites.

Dans ces conditions et avec des renseignements si peu contrôlés, on s'explique très bien que La Martinière, qui n'était ni un spécialiste ni un marin, ait pu de bonne foi refuser d'ajouter foi à tous ces récits et commettre lui même l'erreur de croire que Vaïgatch, la Nouvelle Zemble et d'autres îles, jusqu'au Groënland, formaient un continent.

Après avoir donné ce court aperçu des renseignements recueillis sur les expéditions martimes accomplis sous cette latitude, voyons maintenant ce que les voyageurs connaissaient de la terre ferme.

A l'époque de La Martinière on n'avait pas sur la Laponie suédoise et russe de données certaines ni sur les terres ni sur la mer. Dans les annales, les légendes et les chansons russes on trouve quelques indications plus ou moins fantastiques relatives aux Lapons contemporains et à leurs ancêtres „Soumi".

Les Règlements de Jaroslaf „sur les ponts", entre autres, font mention de „lopscaïa sta" (17-e); mais le Prof. *Wladimirsky-Boudanoff* pense qu'il faut lire „lohousscaïa". (Voir „Les Lapons russes" de Mr *N. Kharousine*, page 17).

Nous n'insisterons pas sur ce point, qui n'est d'ailleurs pas complétement éclairci. C'est au XIV-e siècle seulement que nous trouvons des renseignements detaillés dans l'ouvrage du moine Lazare: „en ce temps là les habitants, qui vivaient autour du lac Onéga, s'appellaient Lopplïanes et Tschoudes; c'étaient d'horribles hommes, qui mangaient des aliments crues. Beaucoup de chagrins,

de coups de blessures j'ai souffert de ces hommes, qui sont de veritables brutes feroces, m'ont fait endurer d'horribles tourments et m'ont infligés des coups et de cruelles blessures. Plusieures fois ils m'ont chassé de cette île aprés m'avoir battu et brulé ma cabane. Ces êtres maudits, agissaient eux-même sous l'influence du diable, se livraient à de pernicieux enchantements. Ils s'étaient etablis près de mon habitation, avec leurs femmes et leurs enfants, me faisaient de nombreuses misères et me disaient: «Moine! Quitte ces lieux!»... Ces mangeurs s'aliments crues avaient envie de me tuer et de manger mon corps..." (*Kharousine*, page 18).

Voilà l'origine des bruits, qui ont couru sur nos compatriotes de l'extrême Nord et qui en faisaient des antropophages.

Notons pourtant que non seulement ce pieux moine ne fut pas mangé par les Lapons, qu'il comparé à des bêtes, mais, au contraire, qu'il les chassa, dit on, lui-même de leurs villages, ou ils habitaient depuis longtemps. Il écrit plus loin: „ils quittèrent les biens et gagnèrent le rivage de l'Océan".

Le passage suivant des annales se rapporte à cette epoque: „Les gens de Novgorod allaient à la guerre au delà de la mer et de la rivière Polnaïa et ils prirent la ville de Ludérew au prince de Soumi". (1310).

D'ailleurs certains érudits contestent même, que le „Soumi" ait été l'ancêtre des Lapons.

Au XV-ème siècle, dans les limites du district actuel de Powéniez, on note sept cimetières, connus sous le nom de „*lopski*".

Dans les livres de recensement de Novgorod, des années 1500 et 1501 il est dit que, dans les limites du gouvernement actuel de St. Pétersbourg, les Lapons ont laissé des traces dans les noms de certaines localités: dans la ville d'Oriechek il y avait un „quartier des Lapons" (*lopscaïa*), où l'on comptait 72 feux; on fait mention du cimetière „sur le Lopez", et enfin,—du cimetière d'Egoriewsky-Lopsky.

En 1526 on signale des Lapons dans la baie de Kandalakcha; en 1530—sur les rivières de Kem et Chouïa, où actuellement il n'y a pas de Lapons.

En 1590 les Lapons sont signalés dans les bailliages de Kowda et Kérét, sur le rivage de l'Océan Glacial. A la fin du XVI-e siècle on trouve des traces des Lapons entre les rivières de Souma et de Nioukchia et autour de Wygozero.

Enfin, indiquons la mention, que fait de Paul Iowy des Lapons. (Voir la note du chapitre XI).

Les Suédois et les Norvégiens, qui vivaient dans le voisinage

des Lapons, ainsi que les Russes d'alors, les connaissaient sans doute bien. Mais, de même que pour les origines russes—les informations sur les Lapons étaient rarement écrites, on les faisait passer de bouche en bouche, et ces renseignements concernaient, pour la plupart, quelque route commerciale ou bien des arrangements administratifs.

Du XVI-e siècle on a deux documents sur les Lapons: le premier est une lettre *Damianus et Goës*,—„Deploratio Lappianae gentis", en 1540, adresée au pape Paul III, et qui accuse les „bircarlis" [1]) d'empêcher la propagation du christianisme parmi les Lapons.

Le second est un message, que le roi de Suède, Gustave I-e, adressa aux Lapons en 1559 et où il se plaint qu'un grand nombre d'eux n'ait pas encore embrassé le christianisme.

Au XVII-e siècle, sous Charles IX de Suéde, on trouve beaucoup plus de notices, parce que ce roi s'employa énergiquement à convertir les Lapons au christianisme et qu'il se mit à bâtir des églises en Laponie.

Nous arrivons enfin au fameux *Scheffere*, le premier qui donna, (en latin) une description assez dètaillée et circonstanciée de la Laponie, dans son livre—*Lapponia, id est religionis Lapponum et gentis nova et verissima descriptio.* (Francofurti, 1673, 4°).

La traduction en français de cet ouvrage fut imprimée à Paris en 1678. L'original parut donc deux ans après le livre de la Martinière, et presque vingt ans après son voyage.

Il est aussi évident, que notre auteur n'avait aucune source où il put puiser des renseignements sur la Laponie; et les relations, qu'il eût pu consulter, étaient écrites en suédois ou en norvégien, langues, qui étaient peu connues du reste de l'Europe, ou en russe, presque totalement inconnu. Et si La Martinière avait eu recours, par exemple à l'ouvrage de *Magnus* („De genitibus septentrionalibus"), c'eût été pis encore, car ce livre est un recueil de toutes les absurdes légendes de l'Extrême-Nord.

Occupons-nous maintenant de l'autre partie du voyage de La Martinière, de celle qui a trait à son expédition au nord-est de la Russie Européene et à l'ouest de la Sibérie.

Passant à la question des premiers renseignements historico-géographiques et aux ouvrages cartographiques relatifs à cette partie du voyage de La Martinière, nous ferons remarquer, d'abord, que les Européens occidentaux ont connu ces contrées assez tard.

[1]) Il est difficile de préciser qui étaient les „bircarlis", voisins des Lapons; il s'agit, probablement, de colons norvégiens établis sur le territoire de la Laponie.

D'autre part, les premiers voyages, (d'explorateurs,) occidentaux dans les profondeurs de l'Asie, dont nous ayons connaissance, se rapportent au XIII-e siècle et ne concernent que la zone moyenne de nos possessions asiatiques. Sur la carte vénetienne de 1457 on trouve notées diverses localités de l'Asie moyenne et l'Altaï y est marqué, mais la Sibérie y figure sous forme d'un ruban étroit entre l'Altaï et l'Océan du Nord. Les premiers informations sur la Sibèrie furent rapportés par des navires en route pour l'Océan Glacial, principalement du côté d'Archangel, et par des voyageurs, qui traversaient la Russie. Mais les renseignements, recueillis de cette manière, étaiént même au XVI-e siècle très confus; on peut en juger par deux cartes qui nous sont restées de cette époque. La première *d'Antoine Vide*, sénateur de Dantzig, publiée en 1555, fut dressée beaucoup plus tôt; avant elle même il en parut en 1544 une petite copie, jointe par Münster à sa cosmographie. Sur la carte de Vide, le fleuve Obi se divise en deux bras; les bords du bras droit il est fait mention de la „horde cosaque" (il s'agit des Kirghis-Kayssaks), et sur le bras gauche, correspondant à l'Irtyche, mention de la „horde Kalmouke"; au dessous de la jonction de ces deux branches figure un affluent considérable, sur lequel sont notées deux villes: plus au Nord, *Sibire* et, plus au Sud,— une autre ville qui doit être, *Tschingi* (*Tumene* ou Tchnighi-Toura). Sur le cours inferieur de l'Obi sont notés les *Obdors*, peuplades qui adorent la *Femme d'Or;* dont le nom russe est écrit en lettres latines, *Slata baba*. La seconde carte, qui est un peu plus détaillée, est celle de Herberstein, parue aussi vers le milieu du XVI-e siècle. L'Obi y figure aussi, mais il sort déja du vaste *Kitaï—Ozéro* et près de sa source est indiquée la capitale chinoise „*Koumbalyk*"; beaucoup plus bas, on voit le même affluent anonyme de l'Obï, sur lequel sont marquées deux villes—Tumene et une autre, plus près de l'Obi, nommée *Iérom*; plus bas se trouve, le bassin entier de la rivière de *Sossva* avec son affluent *Sygwa,* nommé Siboute; au confluent de la Sossva et de l'Obï est marquée une petite ville „*Obsky*": à l'embouchure de l'Obï figurent de nouveau les Obdors avec la Femme d'Or. Or, ce sont précisement ces lieux (aux environs de *Liapine—Gorodok*), qu'atteignit aussi La Martinière [1]).

„De ce que sur ces cartes, dit *Th. N. Bieliawsky*, („La Russie", édition Devrien, t. III, p. 203), on voit figurer plus en détail et

1) Nous laissons de côté les cartes publiées en 1614 par Gérard, d'après le „Grande Carte" (*Большой Чертежъ*) et de quelques autres, qui ne sont pas proprement relatives à la Sibérie.

plus exactement la partie septentrionale et moyenne de la Sibérie occidentale, il faut inférer, que les renseignements furent puisés en Russie. Les Occidentaux de ce temps—là ne possédaient que des informations très rudimentaires sur les habitants de la Sibérie: il semble que leur source de renseignements se bornait au récit novgorodien, du XV-e siècle sur „des gens inconnus de la terre d'Orient", qui renferme plus de récits fabuleux sur les „samoyades", différents des autres hommes au point d'avoir perdu toute face humaine, que de réels documents éthnographiques sur les habitants primitifs de la Sibérie. Néanmoins, on y trouve quelques indications sur le genre de vie des Samoyèdes, sur leur habitude de manger crue la viande de cerf et la chair de poisson; on y rencontre ainsi la description de leur aspect (figure plate, nez court), ainssi que des renseignements sur leur vivacité, leur agilité, sur leur adresse au tir, sur les cures miraculeuses, opèrées par les „chamans", sur le commerce muet, sur la mèthode ancienne de corroi des peaux, sur la course des cerfs et des chiens, sur le commerce des zibelines etc "

Quand la Russie eut soumis la Sibérie, on se mit, parallelement, à peupler et à esplorer cette contrée, les premiers essais ayant pour but d'apprendre à connaître la géographie de la Sibérie, appartiennent encore au XVI-e siècle et furent faits simultanément par des étrangers désireux de decouvrir à travers la Russie la route des Indes et de la Chine (voyage de l'anglais Yenkinson en 1558), et par des Russes, qui en 1567, allaient déjà „faire des reconnaissances dans les états des souverains inconnus": telle fut l'expédition en Chine des atamans *Pétroff* et *Elytcheff*. Mais à Moscou on redoutait beaucoup les tentatives des étrangers pour découvrir les routes de la Sibérie, et on n'y laissait pas parvinir les négociants étrangers (voir pour plus de détaîls, mon livre le „Nord de la Russie" M. 1894). C'est pourquoi dans les pays de l'Occident on est réduit jusqu'à la fin même du XVII-e siècle, pour ce qui concerne la Sibérie aux renseignements obtenus à Moscou, — or, nous savons que ces renseignements étaient inexacts en soi, et qu'en outre on les dénaturaient à dessein.

La seconde source de renseignements de l'Occident sur la Sibérie était constituée par les traductions des documents administratifs, composés sous forme d'articles contenant la description de la Sibérie, et fournis par les employés de l'état en Sibérie, mais ces documents sont obtenus à grand peîne.

C'est de cette manière que le Hollendais *Massa* recuillit des renseignements sur la Sibérie, qu'il publia dans la première moitié

du XVII-e siècle: „La description des terres de la Sibérie“ et „La relation sommaire des routes et des villes de la Sibérie“.

Je repète, que nous avons nous—mêmes commençé seulement au XIX-e siècle à connaître vraîment la Sibérie, et que, même à présent, nous ne la connaissons pas toute entière avec exactitude et certitude. Pour la clarté de ce qui va suivre, je me permettrai de présenter ici un court aperçu de littérature, tant russe qu'etrangere, qui concerne notre sujet et s'étend de la première moitie du XVII-e siècle au XIX-e siècle.

Le livre de *Vitsène* „Sur la Tartarie du nord et de l'ést“, publié en 1692, fut composé à l'aide des documents admistratifs.

An cours du XVII-e siècle le gouvernement russe organisa pour la Chine et la Mongolie une longue série d'expéditions, composées de cosaques et ayant un but à la fois commercial et diplomatique.

Nous trouvons des renseignements plus ou moins importants sur la géographie de la Sibérie, et surtout de la Sibérie méridionale, dans les documents administratifs relatifs à deux de ces expédiditions, celle de *Pétline* (1620) et celle de *Baïkoff* (1654); nous avons également un récit de voyage d'exploration en Chine, effectué par *Spaphary*, en 1675. Mais tous les renseignements contenus dans ces documents et dans ces descriptions, consistaient, pour la plupart, en une séche énumération de noms de localités.

Sur la Sibérie moyenne et septentrionale de ce temps—là, les informations scientifiques sont plus abondantes. La source la plus importante de renseignements est constituée par les narrations des annales.

Aux débuts de l'historiographie de la Sibérie nous trouvons encore, en 1622, l'archevêque *Cyrpien*, qui recueillit et nota des renseignements sur la campagne d'Iérmak.

Ces annales furent brulés, mais leur contenu se retrouve dans d'autres annales, qui nous ont été conservées, par exemple, celles du secrétaire *Savva Iéssipoff*, qui écrivit en 1634 et se réfère à un „écrit autérieur“, et celles de la ville de Kounghour,—écrites par *Siméon Rémézoff* (1650—1700).

Comme dans les derniérs récits il est beaucoup parlé de miracles et de choses, ayant un caractère ecclésiastique, il est à supposer qu'ils reproduisent une partie considérable des mémoires de l'archevêque Cyprien.

Les annales de Rémézoff contiennent en général peu de renseignements relatifs aux moeurs, aux usages, et aux traditions populaires. Les annales de *Stroganoff*, considérées comme des plus

anciennes, elles se distinguent heureusement des autres par leur clarté et leur logique, mais elle ont une tendance familiale très sensible. Nous avons encore des annales, écrites vers la moitié du XVIII-e siècle par *Tchérépanoff* chef des, postillons de Tobolsk, qui fut un homme très instruit pour son temps et qui possédait une grande bibliothèque.

Il paraît, anfin, qu'il existerait encore quelques manuscrits historiques, non publiés jusqu'à ce'jour. Toutes les narrations manuscrites concernant la Sibérie ont, en gènèral, été très peu étudiées par les critiques historiques. Rêcemment a paru, dans l'édition de la Commission Archéographique, un resumé des manuscrits sibériens.

En autre on trouve beaucoup de renseignements sur la moitié septentrionale de la Sibérie dans des cartes, des descriptions et les dessins, qui nous sont restés du XVII-e siècle. En dehors de la carte du tsarewtch Téodor Borisovitch *Godounoff*, publiée à Amsterdam en 1694, qui fournit un peu plus de renseignements que la carte de Herberstein du XVI-e siècle, on trouve encore dans le „livre de la Grand Carte" (la rédaction que nous en connaissons date de 1627) des renseignements assez détaillés et exacts sur les itinéraires de la Sibérie occidentale: non seulement y figure l'énumération des rivières les plus considérables, mais encore y sont indiquées aussi quelques dizaines de villes, des naturels du pays, dont il ne vit pour la plupart aucune trace. Ce livre renferme aussi toute une série d'autres cartes et descriptions des régions sibérinnes, qui sont dans les limites des possessions russes, par exemple, „une liste des villes et d'ostroghs (villages, entourés de palissades) sibériens", ébablie vers l'année 1640, „le Plan de toute la Sibérie" (dressé en 1668; de ce plan il ne reste qu'une copie, hâtivement faite par le Suédois Prütz la «Description de la terre nouvelle, c'est à dire du royaume de Sibérie» (1683), le „Livre graphique de la Sibérie" (1700) de *Rémézoff* etc.

De même que les narrations d'annales conservées, ces cartes et description, prèsentent plutôt un intérêt historique que géographique et fournissent les materiaux brutes pour l'étude de l'histoire de la Sibérie. La „Description de la Sibérie" de *Krijanitch*, parue vers le milieu du XVII-e siècle et la „Courte description du peuple d'ostiatsky" de *Grégoire Novitzky* (commencement du XVIII-e siècle), contiennent plus d'elements geographiques et ethnologiques. Les conditions, dans lesquelles se firent les explorations de la Sibèrie, furent bien changées dès l'avène-

ment au trône de Pierre le Grand; désormais, l'accés de la Sibérie fut largement ouvert aux étrangers et le gouvernement équipa lui même une longue série d'expéditions. En 1692, les tzars Jean et Pierre envoyèrent en Chine les Hollandais *Idèce et Brandt*, qui publièrent d'intéressantes relations de leurs voyages. Un peu plus tard, le savant *Messerschmidt,* fut envoyé specialement dans le but d'explorer la Sibérie, mais il ne parvint pas à publier les résultats de ses travaux de sept années, et ceux ci profitèrent en partie, par la suite, au fameux *Pallace.* Parmi les colloborateurs de Messerschmidt se trouvait aussi Strallenberg, qui séjournait alors en Sibérie comme captif, et qui publia, en 1730, sa description historico-géographique du Nord-Est de l'Europe et de l'Asie avec une excellente carte à l'appui.

Nous avons placé les autres renseignements bibliographiques, spécialement relatifs au voyage de La Martinière, plus loin, dans les notes, qui accompagnent la traduction.

Il est à remarquer que dans les récits de voyages des XVII et XVIII-e siècles, les auteurs ont donné beaucoup de renseignements de seconde main: ils n'avaient pas vu eux mêmes tous les lieux, qu'ils ont décrit. Cette remarque s'applique surtout à Idèce et à Brandt, et, en partie, à Pallace.

Conclusion.

Le but de la traduction de la *première* édition du livre de La Martinière, présentée par nous, est de faire connaître au lecteur l'ouvrage du voyageur, dui explora le Nord de la Russie au début de la seconde moitié du XVII-e siècle.

Le livre de La Martinière, nous l'avons vu, eut un grand succès à son époque, ce qui est démontré par l'abondence de ses éditions françaises et par les nombreuses traductions, dont on en fît dans les langues de presque tous les peuples de l'Europe occidentale.

Beaucoup d'écrivains et de savants l'ont cité et lui ont fait des emprunts, mais à la longue, ce livre eut un sort étrange: les uns l'oublièrent, les autres commencêrent à présenter son contenu comme un tissu de mensonges et de fables.

La cause en fut, à notre avis, que les écrivains en question ou bien ne se sont pas donné la peine de consulter l'ouvrage authentique de La Martinière et qu'ils en ont parlé seulement par oui-dire, ou bien qu'ils se sont referés à des éditions postérieures, parués après la mort de l'auteur.

Dans ces éditions posthumes—et je ne crois pas que La Martinierè ait jamais souhaité ces adjonctions—on introduisit des chapitres entièrement nouveaux et de nombreuses anecdotes, qui loin de rendre le livre meilleur, dénaturèrent, au contraire, l'édition originalé.

On se mit alors non seulement à accuser La Martinière d'avoir dónné de fausse informations, mais on en vint même à douter qu'il eût jamais visité les terres, qu'il a décrites.

Les uns supposèrent alors que tout le voyage avait été écrit sous la dictée de quelque exilé; les autres—et parmi eux même Eyriés, l'unique biographe de La Martinière qui nous soit connu, écrivivent ironiquement, que notre auteur avait décrit des peuples que lui „seul à connus".

Cependant, l'étude du livre de La Martinière, dans sa rédaction originale, nous a convaincus que beaucoup des renseignements, communiquées par notre auteur, ne sont point dûs à sa fantâisie, mais, qu'au contraire, nous nous trouvons en présence d'un observateur scrupuleux, qui écrivait sous la première impression tout ce qu'il avait vu au cours de ses rapides voyages à travers les pays décrits.

Les connaissances scientifiques, même dans les limites de la science de son temps, ont fait plus d'une fois défaut à La Martinière. De là les superstitions, qu'il nous rapporte et qu'il tient pour avérées, (il faut dire, pourtant, que notre auteur ne s'est pas rendu coupable de ces erreurs aussi souvent qu'on le lui reproche) de là sa persistante négation de l'existence d'un passage du nord-est, de là encore quelques autre pêchés contre la géographie.

Mais, à La Martinière a des excuses: en premier lieu, la rapidité même de son voyage, puis son l'ignorance complète des langues locales et l'impossibilité pour lui de trouver intérprête quelque peu tolérable; il faut aussi invoquer en sa faveur,—l'absence, à peu près complete, dans la littérature scientifique d'alors, de tous renseignement prècis sur la plupart des lieux que visite La Martinière (il fut précisement le premier Européens, qui mit le pied sur ces terres); enfin, il nécessaire d'ajouter que bien des renseignements, donnés par La Martinière non seulement avaient êté rapportés déjà avant lui, mais furent encore reproduit beaucoup plus tard, et que sur bien des points la science, même aujourd'hui, n'a pas pu décider.

Il faut signaler parmi les mérites positifs du livre de La Martinière, premièrement, celui d'avoir décrit simplement et sans détours la vie des régions mortes de l'Europe d'alors, des hommes ordinaires et, parfois, des sauvages. En ce temps là, il n'existait guère de telles descriptions, et les voyageurs, en visitant les terres peu connues, sous la surveillance de gouvernements soupçonneux, ne pouvaient voir, que ce qu'on voulait leur laisser voir. Tel fut, par exemple, le sort de Herberstein et de Chanslor. Or, La Martinière fut heureusement abandonné à lui-même, personne ne le guida, personne ne le surveilla et c'est pourquoi son livre est si intéressant pour l'ethnographe.

Quant à l'inexactitude qu'on lui attribue dans la transcription d'un grand nombre de noms géographiques, des peuples et des tribus qu'il voyait, une analyse plus scrupuleuse établit, au contraire, sa loyauté en cette matière: tous les peuples, qu'il a signalés, ont eu leur existence prouvée et tous les noms géographiques, qu'il a

employés, ont été cónfirmés. Il y a seulement deux noms, que nous n'avons pas pu vérifiér: celui de l'îlot de *Kildomovia* et celui du ruisseau insignifiant de *Borsaghatch*. Nous ne parlons, bien entendu, que des lieux, où La Martinière a été en personne; ses fantaisies géographiques, surtout à la fin du livre, sont et restent donc des fantaisies.

A part l'intérêt général qu'éveilla le livre de La Martinière,—fait démontré, je le répète, par les nombreuses éditions et traductions,—il n'est pas superflu de se demander si ce voyage n'eut pas des résultats pratiques, en dehors des profits que tira la Compagnie du commerce d'échange?

Les faits suivants nous permettent de répondre affirmativement à cette question.

On sait que nos voisins—Polonais, Livoniens et Suèdois—faisaient tout le possible, pour empêcher notre gouvernement de nouer des rélations régulières avec l'Europe Occidentale, et d'en recevoir des munitions de guerre et les artisans nécessaires. Le Danemark, pourtant, ne suivait pas cette politique.

Après avoir fondé la Compagnie du Nord, le roi Frédéric III ne se contenta pas, dit-on, des informations „rares", que lui avait procurées l'expédition, à laquelle prit part La Martinière.

On commença de nouer des relations plus ou moins durables; les Danois se mirent à fréquenter la Russie. Nous possedons les excellents „Mémoires de Ioust Ioul", tirées des archives d'Etat de Copenhague et publiées par *I. N. Stchérbastcheff* (M. 1900). Dans ces mémoires on peut suivre le développement des rélations russo-danoises de ce temps là.

On peut trouver d'autres renseignements dans „Les Actes Historiques et les lettres de Pièrre le Grand" (St. Pétersbourg, 1887, t. I). Il y est fait mention d'un certain *Boutman,* facteur danois et commissaire royal. Ce Boutman non seulement noua des relations commerciales régulières avec la Russie par Archangel, mais il organisa aussi des forges à la *Poghoste de Kije,* sur la rivière *d'Oustié,* auxquelles travaillèrent les paysans de Kije. Ce Boutman—prénommé partout Pierre,—s'appelait en réalité *André Bouténant von Rosenbousch* (ou Rosenbauche), et était commissaire du roi de Danemark.

Il vint en Russie à la fin du règne d'Alexis Mikhaïlowitch et, à en juger par son nom de famille, il a pu être aussi bien un français (Bouténant de Rosenbauche), compatriote de La Martinière. Il était l'ami des étrangers, qui entouraient Pierre: de Vinius, de Weide, de Crivette, de Brüss, et connut aussi très bien

les favoris russes, successifs de Pierre et de son père: Romadanowsky, Pléstchéeff, Striechneff, Apraxine, Golovine, Trubetzkoi, Kourakine, Répnine, Boutourline, Matvéieff, Golovkine. Pierre entretint avec lui une grande et intime correspondance et Bouténant lui rendit de nombreux services. Ce n'est pas ici le lieu pour nous d'exposer en détail la biographie de cet homme actif; nous n'avons voulu qu'indiquer une trace intéressante, laissée par la Compagnie du Nord, dont l'expédition fut décrite par La Martinière. Le lecteur, qui s'intéresserait plus spécialement à Bouténant, en peut trouver sur lui des renseignements remarquables dans l'excellent article du prof. *W. Th. Miller* („le Messager de l'Europe", 1909, t. X, pp. 680—698), qui contient aussi la bibliographie de la question Bouténant. Notons, d'autre part, comme une chose curieuse, que l'activité, deployée par Bouténant au Nord de notre pays, alla jusqu'à inspirer la poésie populaire, et que l'on composa sur lui chansons et histoires, où il était nommé *Boutman Kolybanowitch*. Bien que, encore une fois,—on ne puisse découvrir de lien direct entre La Martinière et Bouténant, il n'est pas douteux que l'ouvrage de La Martinière, où il décrit la Russie et les Russes avec assez de sympathie, a exercé une influence sur l'opinion publique de l'Europe occidentale, alors que, dans ce temps-là, les descriptions véridiques de notre patrie étaient si rares. Il faut considèrer comme un important résultat de cette expédition le fait qu'elle demontre la possibilité du commerce avec nous, ainsi que les avantages et la sécurité d'un tel commerce; d'autre part l'énergique refutation par La Martinière des fables sur l'anthropophagie de nos compatriotes d'autres races, fables qui ont cours même après lui, eut également une importance considerable. Ce fut la premiere expedition danoise, c'est elle, sans aucun doute, qui entraîna la creation en Russie d'un commissairiat officiel du rois de Danemark, dont Bouténant fut un des premièrs titulaires.

„Le français léger",—comme l'appellent les critiques,—fit plus, peut-être, pour le rapprochement de l'Europe occidentale et de la Russie avec son livre sincère et attrayant pour le publie d'alors, que tels traités savants et volumineux, mais incompréhensibles et inaccessibles à ce même public.

Son livre presente pour nous, Russes, un intérêt particulier, parce qu'il s'occupe, le plus souvent, des régions qui étaient (et sont restées jusqu'a présent même) les plus mystérieuses de notre patrie.

La Martinière visita, il y a plus de deux cent cinquante ans, telles contrées où à présent encore les voyageurs se comptent sur

les doigts, et décrit telles localités, qui n'ont guère decrites jusqu'a nos jours.

Ce n'est pas peu de chose que d'avoir „découverte" la route de la Pétchora à l'Obi, cette route même, au sujet de laquelle nous ne sommes pas parvenus jusqu'à aujourd'hui à nous mettre d'accord. Admettons que cette voie ait été connue des commerçants locaux longtemps avant La Martinière, de même qu'a présent elle est connue des trafiquants contemporains, il n'en reste pas moins vrai que des Européens, c'est La Martinière le premier, qui l'a décrite et plus tôt que les Russes eux-mêmes. A ce sujet vint de s'élever une vive polémique: les uns proposent de chercher l'acheminement vers les richesses de la Sibérie par une voie de mer,—par la mer Carscoïe, le long de ses bords septentrionaux; les autres démontrent la nécessité d'élaborer un projet, qui ferait passer une bonne route précisement par les lieux, que traversa La Martinière, et pense, en même temps, à employer le transport par terre et par mer, en utilisant les grandes rivières qui voisinent, la Pétchora et l'Obi.

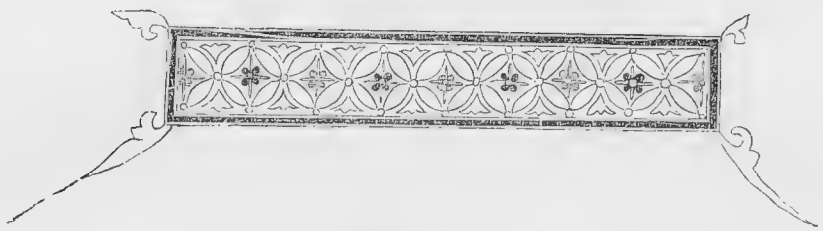
J'ai fait comme thèse la traduction du livre de La Martinière par délégation et avec le concours constant de mon maître vénéré Stéphane Kirowitch Kousnezoff, professeur à l'Institut Archéologique de Moscou.

Dans les notes jointes au texte, j'ai tâché, autant que possible par des citations empruntés à la litterature documentaire subsistante, d'expliquer les passages odscures de cette oeurve. Je suis redévable de la bibliographie et très souvenr des livres au-même S. K. Kousnesoff, et je me fais un devoir de lui en exprimer ma reconnaissance.

Sur la carte, qui accompagne cette étude, j'ai noté le chemin schématique de mer, parcouru par La Martinière. Il est évidemment impossible d'indiquer cette route avec exactitude, parce que notre auteur ne nous donne nulle part les mesures de latitude, ni de longitude.

W. N. Semenkowitz.

le 20 mars 1910.



УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аальзо, Аалезундъ—101.
Абевиль, городъ—7.
Австралійская фауна—81.
Адакъ, горы—74.
Аделунгъ—IV, V, VIII, XI, 123.
Акты Историческіе—XXXVII.
Акула, рыба—105, 106,
Алай Михалковъ, писецъ Печенгскаго монаст. св. Трифона (см. *В. С. Соловьевъ*, „Первобытное язычество“, стр. 502); его писцовыя книги—30.
Алексѣй, князь—начальникъ мѣхового приказа—154.
Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 10 марта 1629 г., царствовалъ съ 13 іюля 1645 г. по 29 января 1676 г.—XXXVII, 144, 150 и др.
Алжиръ и „Исторія Алжирскаго государства, Коки и Тетуана“, соч. Ламартиньера—82.
Алтай—XXXI.
Альбертъ Великій, какъ каббалистъ—104.
Альквистъ, финляндскій писатель—62.
Амстердамское изданіе книги Ламартиньера—III, 123—130.
Амстердамъ, г-дъ—XXV, XXXIII, 41.
Амуръ, рѣка—68.
Ангальтъ, о-въ—3.
Англія и англичане—XXII, XXIII, XXIV, XXVI, 172, 176.
Анна Ильинична, урожденная Милославская, жена Бориса Ивановича Морозова, сестра царицы Маріи Ильиничны, супруги царя Алексѣя Михайловича—132, 133.
Анракеинъ—XXXVII.
Араратъ, гора—110.
Ардашевъ, Н. Н. проф. Моск. Археол. Института—34.
Арій, епископъ—34.
Архангельскъ, городъ и Арханг. губ.—VIII, X, XII, XXXI, XXXVII, 15, 63, 66, 67, 75, 123, 163, 165.
Археографическая Комиссія—XXXIII.
Архивъ Министерства Юстиціи—30.
Астрахань, г-дъ—147, 153, 163, 165, 174.
Атлантическій океанъ—69
Атлымскія большія юрты—63.
Ацерби, этнографъ—20, 36.

Б.

Багусъ, г-дъ—2.
Бадьянъ, растеніе—VII.
Байкалъ, озеро—66, 67.
Байковъ, путешественникъ—XXXIII.
Балтійское море—1.
Барбье, его „Словарь анонимовъ и псевдонимовъ—122, 129.
Баренцъ, Уильямъ, мореплаватель—XXIV, XXV, XXVI, 79, 89, 111.
Барка, ея устройство и снаряженіе—52.
Баррингтонъ, Дэнъ—XXVII.
Барсовъ, Елпидифоръ Васильевичъ, писатель—56, 116.
Барсовъ, П.—XIX.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, писатель—XIV.
Бартэнъ, Луи де—104.
Баффинъ, мореплаватель—XXV.
Баччи (Вассу), писатель—104.
Бекманъ—XVII.
Бельгія—125, 126.
Бельтъ, Большой и Малый, проливы—3.
Бенэтъ, Стефанъ—XXVI.
Бергенъ, г-дъ—IX, 7.
Берхъ, Василій, писатель—IV, V, VI, VIII, IX, XI, XII, XIV, 117, 120.
Берингъ, мореплаватель—30.
Березовъ, городъ и Березовскій Округъ—61, 62, 63.
Березъ, писатель—110.
Бестужевъ-Рюминъ, проф.—XIX.
Биркарли, жители Лапландіи—XXX.
Бирюлькина, Е. Х.—179.
Блау, географъ—XIV, 41.
Боде, г-дъ—15.
Богданъ Матвѣевъ—173, 177.

Борисъ, царь—13.
Борисъ и Глѣбъ Морозовы—169.
Болвановскій Носъ, мысъ—XIII.
Большеземельскій берегъ—XIII.
Борандай (Borandaу), Борандія (Borandie), Борандайцы (Borandiens) и пр., область и жители—VII, VIII, X, XI, XII, XIX, 17, 27, 40, 41, 42—48, 50, 51, 58, 76.
Борсагачъ, ручей—XXXVI, 64, 71, 76.
Брандтъ, голландскій путешественникъ по Сибири—XXXIV.
Брасъ, де—XXVII.
Бременъ, г-дъ—7.
Бремъ, натуралистъ—XVI.
Брюзенъ де-ла-Мартиньеръ, Антуанъ-Августъ, неправильно сочтенный Гельвальдомъ за одно лицо съ П. М. Ламартиньеромъ—XVII, XVIII.
Брюнинъ, Корнэль де—115.
Брюсъ, графъ—XXXVII.
Буругъ, Этьеннъ, мореплаватель — XXIII, XXIV.
Бутманъ (Бутенантъ де Розенбошъ), или Розенбушъ, датскій комисаръ—XXXVII, XXXVIII.
Бутурлинъ—XXXVII.
Бѣлизна полярныхъ животныхъ—117.
Бѣлое Море—XXII, 15, 78.
Бѣлый Островъ—113.
Бѣлявскій, Ф. Н.—XXXII, 6, 33, 91, 115.
Боръ, К. М., академикъ—XIV.
Бѣлгородъ, г-дъ—169.
Бѣлоозеро—174.
Бюффонъ, натуралистъ—I, II, XII, XV, XVI, XVII.

В.

Вайгачъ и Вайгачскій проливъ—VIII, XI, XII, XXIII—XXVI, XXVIII, 78, 79, 80, 83, 84, 87, 108—113.
Валь-Русъ (Wal-Rus), нарвалъ—16.
Валей, самоѣдскій родъ—53.
Вандомъ (Wendosme), первый издатель книги Ламартиньера—XIV.
Варандей (см. Борандай)—XIII, XIX, 41, 53, 86.
Варгусъ, Вардегузъ, Варде, Вадсе, Варангенъ, Варангеръ — VI, X, XII, XVI, XXIII, XXIV, 15, 16, 20, 30, 31, 37, 39, 45.
Варнекъ, капитанъ—XXIV.
Василій III, царь—26, 168.
Вейде—XXXVII.
Великая Индія—84.
Великій князь Московскій или Царь Московскій—51, 52, 55, 56, 58, 111, 128.
Великовисошка или Виска, рѣка—53.
Вениаминъ, архимандритъ—33, 41, 53, 54, 74, 75, 76, 80.
Вёрё, о-въ—15.
Весако, самоѣдскій богъ—79.
Видъ, Антонъ—XXXI.
Вильгельмъ, императоръ германскій—95.
Вильденъ—XXVI.
Виллоуби, Гугъ, мореплаватель — XXI, XXII, XXIII.
Вильна, г-дъ, взятіе ея русскими—125, 167.
Виніусъ—XXXVII.
Висби, деревня—4, 5.
Виссеръ-Яга, рѣка—53.
Виска, Великовисошка, рѣка—53.
Витсенъ—I, VIII, XII, XVII, XXXIII, 54, 78, 115.
Витцора, Вичора (Witzora) и пр., г-дъ,—VII, X, XII, 51, 53, 54, 56.
Вичей или вичей, самоѣдскій родъ—53.
Вишера, рѣка—54.
Владимірскій-Будановъ, профессоръ—XXIX.
Вогулы, народъ—63.
Водьская область (пятина)—XVI.
Военно-Топограф. Отд. Главн. Штаба, карта его—41, 45.
Войкаръ, рѣка—64.
Волга—66, 159.
Вольно-Эконом. О во, книга его „Бесѣды о Сѣверѣ Россіи“—41.
Волисъ, писатель—104.
Вольмеръ, графъ—168, 169.
Воронинскія юрты—63.
Вотяки, народъ—36.
Выговскій монастырь—56.
Выгозеро—XXX.
Вымь, рѣка—61.
Вычегда, рѣка—67.
Вэтлей—XXVII.

Г.

Гавриловъ, Алексѣй Ивановичъ, воевода—62.
Гаклюйтъ (Hakluyt)—XIII.
Гамбургъ, г-дъ—7.
Гари, село—63.
Гаррисъ—XXVII.
Гарсія, каббалистъ—104.
Гартвигъ, писатель—XVII.
Гекла, вулканъ—95—97, 99—101.
Гёгстрёмъ, Петръ, авторъ книги о лопаряхъ—118.
Гельвальдъ, Ф. писатель—XIV, XVII, XVIII, XXVII, XXVIII, 30, 80, 94, 96, 99, 100, 107, 110, 114, 115.
Гельзингборгъ, г-дъ—3.
Гельсингёръ, г-дъ—1, 3.
Гемскерке, Яковъ, мореплаватель—XXV.
Генеральные Штаты—XXIV.
Генрихъ III, король Польши и Франціи—166.
Генрихъ VII, король Англіи—XXII.
Георги, этнографъ—19, 20.
Герардъ, картографъ—XXXI.
Герберштейнъ, путеш.—XIII, XVI, XIX,

XXXI, XXXIII. XXXVI, 26, 27, 28, 33, 60, 73, 74, 115.
Германія—7, 27.
Гермесъ Трисмегистъ, каббалистъ—110.
Герритсъ, Гессель, картографъ—41, 42.
Гетчинсонъ, геологъ—85, 89.
Глѣбъ или Улѣбъ, новгородецъ—78.
Глѣбъ Морозовъ—169.
Гоесъ и Даміанъ, проповѣдники—XXX, 13.
Годѣ, о-въ—15.
Годуновъ, Ѳедоръ Борисовичъ, царевичъ, его карта Россіи—XXXIII, 41.
Голландія—7, 126, 172, 176.
Головинъ—XXXVII.
Головкинъ—XXXVII.
Гольфштрёмъ—XXIV, 22.
Гондатти, Н. Л.—47, 79, 80.
Горн, мысъ въ Исландіи—96, 100, 101.
Горнафіордъ, Горафіордъ, замокъ въ Исландіи—100.
Горнъ, Янъ Корнельсонъ, фонъ—XXVI.
Городецкое озеро и Городецкій Шаръ—56.
Готеборгъ, г-дъ—2.
Граматинъ (Gramatin), дьякъ—133.
Грей—XXVII.
Гренландія—I, XI, XXVIII, 94, 107, 112, 114, 115.
Грибы, подъ сорты—177, 178
Грумантъ—см. Шпицбергенъ—XXII.
Гудзонъ, Генрихъ, мореплаватель—XXVI и Гудзоновъ Заливъ—117, 120.
Гульденъ, капитанъ—XXVII
Густавъ I, король Швеціи—XXX.

Д.

Далье—XXVII.
Даміанъ и Гоесъ, проповѣдники—XXX, 13.
Данія—XXXVII, 3, 7, 172.
Даниловскій, А., его карты—41, 44.
Двина Сѣверная, рѣка—41, 67, 73, 75.
Дежневъ, Семенъ—30.
Дейріардъ, П., картографъ—41, 43.
Демокритъ, философъ—110.
Деникъ, Гансъ—XXVII.
Джакманъ—XXIV.
Дженкинсонъ—XXXII.
Диксонъ—13, 34, 115.
Додо, птица—85.
Дронтгеймъ, Тронтгеймъ, г-дъ—IX, 7, 8, 9, 11.
Дронтъ, г-дъ—27.
Дуреутъ, Корнелій, мореплаватель—XXII.

Е.

Егорьевскій Лишскій погостъ—XXIX.
Единорогъ, Ликорнъ и пр—82, 85, 86, 102, 103; литература о немъ—120.
Елизавета, королева Англіи—114.
Елычевъ, атаманъ—XXXII.
Ельца, рѣка—74.
Енисей, рѣка—XXII, XXXV, 65.
Ермакъ Тимоѳеевичъ—XXXIII.
Еромъ, г-дъ—XXXI.
Есиповъ, Савва, дьякъ—XXXIII.

Ж.

Жаколью (Jacolliot). его книга о фетишизмѣ—81.
Желанный мысъ—108.
Желѣзныя Ворота, проливы—78.
Жераръ, о грибахъ—177.
Живописная Россія, журналъ—41, 74.

З.

Забѣлинъ, И. Е.—138.
Завалишинъ, Ипполитъ, декабристъ и путешественникъ—6, 56, 63, 74, 80.
Замысловскій, Е. Е.—XVI, XIX, 26, 27, 28, 33, 60, 73, 75, 76, 115.
Зеленая, рѣка—41.
Земля Попугаевъ—109.
Зимній мысъ—111.
Золотая Баба (Slata baba)—XXXI.
Зубатка, рыба—8.
Зуевъ, географъ и путеш.—109, 110.
Зыряне—63.

И. І.

Ивановъ, штурманъ—13, 41, 56, 8[illegible], 110.
Иванъ Великій, колокольня—154.
Иванъ III—61.
Иванъ Васильевичъ Грозный—XXIII, XXIV, 13, 26, 144, 147—151, 154, 168, 169.
Иванъ и Петръ, цари—XXXII.
Идесъ, голландецъ, путешественникъ по Сибири—XXXIV, 115.
Іевка, рѣка—41.
Іерусалимъ (старый)—110.
Изидоръ, каббалистъ—103.
Икра (Fekra)—160.
Илычско-Сосьвинскій путь—64, 66, 67.
Илычъ, рѣка—64—67.
Илья, русскій посолъ въ Голландію—142.
Илья Даниловичъ (Милославскій), государственный дѣятель—154, 170, 171.
Индія—XXII, XXIII, XXXII, 171, 176.
Іовій, Павелъ—XXX.
Іона, миссіонеръ на II. Землѣ—79.
Іосифъ Флавій, историкъ—105.
Иркутскъ, г-дъ—67.
Иртышъ, рѣка—XXXI, 66, 67.
Исбрантъ, Брандтъ—XXIV, XXV.
Искаръ, г-дъ—62.
Исландія—I, XI, XXVIII, 1, 8, 95, 96, 99 110, 101.
Испанія—XXIV.
Исторія Мавровъ—III, 123, 125.

К.

Каботъ, Иванъ—XXII.
Каботъ, Себастіанъ—XXII.
Казань, г-дъ—147, 163, 168, 169, 174.
Калмыки, народъ—164, 165.
Каменная, или Полая, рѣка—74.
Кампбэль—XXVII.
Кандалакская губа—XXX.
Канинъ Носъ, мысъ и Канинская Земля—41, 80.
Кардапъ, каббалистъ—104.
Карлейль, историкъ—126.
Карлъ IX, король Швеціи—XXX.
Карманкулы, селеніе на Н. Землѣ—89.
Карта пути Ламартиньера—XL.
Карскія Ворота, проливъ—69, 108.
Карское Море—XXII, XXIV, 41, 69, 79, 108—110.
Кастанья, Габріэль де, каббалистъ—105.
Каттегатъ, проливъ—1, 3.
Кельсіевъ А. И., этнографъ—19, 20, 25.
Кемь, рѣка—XXX.
Кенъ—XVII.
Кереть, волость—XXX.
Кіевъ (Chioff)—127.
Кижскій погостъ и кижскіе крестьяне—XXXVII.
Килопы (Kiloppes), народъ—X, XII, 25, 26, 27, 28.
Кильбургеръ—VII.
Кильдомовія, о-въ—XXXVI, 45.
Кипріанъ, архіепископъ Сибирскій—XXXIII.
Киркебаръ, г-дъ въ Исландіи—96—100.
Кирхеръ (Athanasius Kircher)—105
Китай—XXIII, XXXI—XXXIV, 158.
Китайская Мавританія—V, VII, XI.
Клаузій, Петръ, писатель—13.
Клименцы, олонецкій монастырь—56.
Klippe Fisch, зубатка, рыба—8.
Ключевскій, В. О., историкъ—XIX.
Книга Большому Чертежу—XXXIV, 62.
Кобальдъ (Kobold), демонъ—100.
Ковалевскій—86.
Ковда, волость—XXX.
Кола, г-дъ—VII, XXV, 29, 30, 33, 36, 42—44, 165.
Колва, рѣка—53.
Колдуны въ Лапландіи—12, 13.
Колтунъ, болѣзнь—167.
Колумбъ, Христоферъ—XXI, XXII.
Колуй (Колгуевъ), о-въ—41, 67, 69.
Кондинскіе остяки, К-ій округъ, К-ое село и пр.—61—63.
Кондратьевъ, И. К.—34.
Копенгагенъ, г-дъ—1, VIII, IX, XI, XV, 1, 2, 101, 102.
Корбишонъ, Жанъ—104.
Корельская Земля—26.
Коротневъ, А., профессоръ—94.
Кранцъ, его Исторія Гренландіи—107.
Крафордъ (Crafards), полковникъ—162.
Креста островъ—XXV.
Крестининъ, Василій, въ „Нов. Ежем. Сочиненіяхъ"—XII, 78, 86.
Крживицкій, его книга—82.
Кривецъ—XXXVII.
Крижаничъ, Юрій, описаніе Сибири—XXXIV.
Крымъ, г-дъ и великій ханъ Крымскій—154, 165.
Кудесъ, шаманскій бубенъ—14.
Кузнецовъ, Стефанъ Кировичъ, проф. Моск. Арх. Института—III, XXXIX, 122.
Кумбалыкъ, г-дъ—XXXI.
Куракинъ, князь—XXXVII.
Курбскій, князь Семенъ Ѳедоровичъ—62, 73.
Кушелевскій, путеш. по Сибири—64, 65, 113.

Л.

Лабрадоръ, полуостровъ—XXII.
Лазарь, монахъ—XXIX.
Ланды французскія—17.
Лапландія, Лопь, Лопари, Лапландцы—I, X, XII, XVI, XIX, XX, XXIII, XXIX, XXX, 13, 16, 17, 20, 22, 24—27, 31—33, 35—37, 39, 45, 107, 118.
Лапотскіе, московскіе дворяне—149.
Ларусъ, его Словарь—17.
Ларьюганъ, рѣка—64.
Лебедевъ и Норъ, путешественники—28.
Ледовитый Океанъ—XXVI, XXVII, XXXI, 41.
Ледяной Мысъ—XXV.
Левитовъ, И. С. писатель—69.
Лёзё, о-въ—3.
Лена, рѣка—65, 67.
Лербергъ, историкъ—62, 63.
Лестадіусъ—20.
Лещинскій Филоѳей, митрополитъ тобольскій—62.
Ливонскій орденъ—XXXVII.
Линдеманъ, Морицъ—114.
Линней, естествоиспытатель—20.
Лонъ, г-дъ—27.
Лира, рѣка—64.
Литке, мореплаватель—IV, IX, XIV, XV, XVII, 13, 41, 56, 60, 86, 96, 109, 112.
Ложкинъ, Савва, лоцманъ—112.
Лозьва, рѣка—67.
Лонца, рѣка—XXIX.
Лотарингскій дворянинъ, полковникъ, разсказывавшій Ламартиньеру о Россіи—XI, 58, 59, 123—125, 139.
Лофоденскіе острова—15.
Любекъ, г-дъ—7.
Людеревъ Градъ—XXIX.
Лѣтковщина, самоѣдскій родъ—86.
Ляга, рѣка—67.
Ляпинъ городъ и рѣка Ляпина—XXXI, 57, 61—65, 69, 73, 74, 80, 113.

Ляпино-Печерскій путь и волокъ—64, 68 (карта).

М.

Маврикій, принцъ Нассау—XXIV, XXV.
Маврицій съ, картографъ—54.
Магелланов проливъ—109, 110.
Магазины для храненія запасовъ—55, 56.
Магизмъ, происхожденіе отъ него религіи лопарей—80, 120.
Магнусъ, Олай—XXX, 14.
Макарій, патріархъ александрійскій—137—139.
Макензовъ, его книга „Сѣверъ Россіи"—VIII, 13, 30, 33, 38, 50.
Мальштромъ, морское теченіе—V, VI, IX, XV, 12, 14, 15.
Мангазея, г-дъ—XXII, 41.
Манджуры, религія ихъ, сходная съ лопарской—118.
Марія, королева Англіи—XXIII.
Марія Ильинична (Милославская), супруга царя Алексѣя Михайловича—133, 134.
Markham-Galdos—XXVIII.
Marre, de la, Dictionn. Économique—6.
Масса, голландскій путешественникъ—XXXII.
Матвѣевъ,—XXXVIII.
Матвѣй изъ Мѣхова, хронистъ—33.
Маточкинъ Шаръ, проливъ—69, 77, 113.
Медвѣжій островъ—XXVI.
Мезень, рѣка, г-дъ и самоѣды мезенскіе—42—44.
Мержевикъ,—41.
Мессершмидтъ, путеш. по Сибири—XXXIV.
Метродоръ, писатель—110.
Миддельбургскіе купцы—XXIV.
Миддендорфъ, путешественникъ—XVI, XVII.
Миллеръ, академикъ Всеволодъ Ѳедоровичъ—XXXVII.
Миллеръ, академикъ Гер. Фр.—63, 79.
Милославскій, Иванъ Павловичъ—134.
Милославскій, Илья Даниловичъ, тесть царя Михаила Ѳедоровича—133, 134.
Милькея, рѣка—64.
Мирчинъ, путешественникъ—XVII, XVIII.
Михалковъ, Алай (см. Алай Махалковъ).
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь—41, 168 и пр. (см. оглавленіе).
Моксонъ, географъ—XXII, XXVIII.
Молчановъ, священникъ—VIII, XII, 53, 54, 78.
„Монастырь", торговая контора въ Бергенѣ—7.
Монголія—XXXIII.
Монтильи—XVII.
Морозовъ, Борисъ Ивановичъ, боярин—132—134, 154, 168, 169, 170.
Морская лошадь (Wal-Rus), нарвалъ—82, 85, 86.
Мортилье, Габріель—6.
Москва, Московія, московиты и пр.—XXII, 7, 29, 34, 55, 56, 58, 147, 154, 155, 185, 171, 173, 175 и др.
Мотка, мысъ—26.
Моэстрандъ, маякъ—2.
Мудьюжный островъ—78.
Мужи, село—63.
Муксома, о-въ—78.
Мунго Паркъ, мореплаватель—79.
Мункусъ, г-дъ—62.
Муркосъ, профессоръ—137, 139.
Мурманское Море и Мурманскій Берегъ—X, XII, 11, 21, 22, 24, 29, 42—44, 69.
Мутная Губа, заливъ—109.
Мутная, рѣка—41.
Мушеронъ, Балтазаръ—XXIV.
Мѣдные и серебряные рудники короля датскаго—8, 9.
Мѣдная, рѣка въ Америкѣ—117.
Мылва, рѣка—67.
Мюллеръ—20.
Мюнстеръ, каббалистъ—103, 104.
Мюнстеръ, картографъ—XXXI.
Мюнгаузенъ, баронъ—XVII, 124 (въ текстѣ ошибочно Мюльгаузенъ).
Мякензи и Херинъ, путешественники по Америкѣ—117.
Мясной, о-въ—108.

Н.

Надеждинъ, Н., профессоръ—XIX.
Най, Корнелій, мореплаватель—XXIV, XXV, XXVIII, 108, 109.
Найна, самоѣдъ—113.
Нарвалъ, рыба—16 (см. Единорогъ, Вальрусъ и пр.).
Нарымскій Край—63.
Нассау, Маврикій, принцъ Оранскій (1567—1625)—XXIV, XXV, 109, 111.
Нассау, мысъ—XXV.
Нащокинъ, Аѳанасій—168, 171, 173, 175, 176.
Небольсинъ—74.
Немировичъ-Данченко, писатель—20, 30.
Несторъ, лѣтописецъ—78.
Нидерландскія Провинціи (штаты)—XXIV.
Николаисты и почитаніе русскими св. Николая—X, 32, 33, 34, 141, 165, 166.
Николай Венеціанецъ—104.
Новая Голландія—111.
Новгородъ—13, 33.
Новая Земля—I. VII, XI, XIII, XIV, XXII—XXVI, XXVIII, 8, 69, 76—79, 82, 86, 87, 89, 90, 94, 102, 107,—109, 111—114.
Новицкій, Григорій, авторъ „Краткаго описанія о народѣ остяцкомъ"—XXXIV.
Нокуевская губа—XXIII.
Норъ и Лебедевъ, путешественники—28.
Норвегія—I, XVI, 1, 4, 7, 18, 24, 80, 101.
Норденшильдъ—XXIV.

Нордъ-Капъ, мысъ—8, 12, 15,
Норфолькъ, графство—85.
Нотъ-озеро—119.
Нумъ, самоѣдскій богъ—80.
Нѣмецкое море—1,
Нюхча, рѣка—XXX.

О.

Обдорская Земля, Обдорскъ г-дъ—62—64, 80.
Обь, рѣка—VII, XXII, XXXI, XXXVIII, XXXIX, 41, 61—67, 74—76, 109, 110, 158, 159.
Огалинъ, его писцовая книга—54.
Одоевскій, князь Иванъ Васильевичъ—154.
Огородниковъ—XIX.
Олеарій—115.
Олень и лось, животныя—4—6, 19, 22—24, 160.
Ольденбургъ—XXVII.
Оне, д', путешественница—94.
Описаніе Сибири, Ю. Крижанича—XXXIV.
Оранецъ, деревня—63.
Орѣшекъ, г-дъ—XXIX.
Островъ Креста—XXV.
Остяки—ляпинскіе, обдорскіе и кондинскіе—61, 63, 80.

П.

Павелъ Алепскій, діаконъ, авторъ описанія путешествія патріарха Макарія—137.
Павелъ Іовій, путешественникъ—26.
Павелъ III, папа—XXX.
Павлова, М. А.—89.
Павловъ, А. П. профессоръ—89.
Паз-рѣка—118.
Пайасъ, озеро—119.
Пае-Неръ, горы—86.
Пай-Хой, горы—64, 78. 87.
Пай-Яръ, горы—74.
Паллассъ—XXXIV, 79.
Палтусъ (раффъ), рыба—38, 39.
Пашигородская рѣка (Ляпина)—57, 61.
Пашигородъ (с. Ляпино)—VIII, XI, XII, XIII, 56—58, 60, 61, 71, 73.
Пароротникъ (feugère), изъ котораго лапландцы дѣлаютъ платье—17.
Парадизъ, Луи, каббалистъ—103, 104.
Парвичъ, портъ въ Англіи—XXIV.
Париденопай, горы Уральской системы—110.
Парижъ, г-дъ—9, 27.
Парнасъ, гора въ Греціи—110.
Патеностеръ, горы—XI, XII, XIII, 84, 86, 87, 107, 109, 110.
Перевозный Носъ, мысъ на о. Вайгачѣ—108.
Перевозчики, животныя—163.
Перетятковичъ, проф.—XIX.
Персія—176.
Песчанка, рѣка—41.
Петъ, Артуръ—XXIV.
Петлинъ, казакъ—XXXIII.
Петръ и Павелъ, апостолы—166.
Петръ Великій — VIII, XXXIV, XXXVII, 62, 78.
Петровъ, атаманъ—XXXIII.
Печора, рѣка и городъ (Petzora)—VII, X, XI, XIII. XVI, XXXVIII, XXXIX, 42 — 44; 53—58, 64—67, 69, 71, 73—76.
Піанъ, болѣзнь—82.
Пигафетта, мореплаватель XVI в.—79.
Пингвинъ, птица—85, 87—89.
Письма Петра В.—XXXVII.
Питковъ Камень, горы—86, 87.
Плацій, географъ—XXIV.
Платонъ, философъ—110.
Плещеевъ—XXXVII.
Плиній—103.
Плѣхачевъ, казанскій дворянинъ—148.
Повѣнецкій уѣздъ—XXIX.
Поганческая губа, заливъ—41.
Полая, или Каменная, рѣка—74.
Полная, рѣка—XXIX.
Поло, Марко—103, 104.
Поляки и Польша—XXXVII, 7, 166—168, 171, 176.
Похороны у лапландцевъ—30—32.
Преображенское, село подъ Москвой, 173, 174.
Приказы московскіе—157.
Prima-Vista—XXII.
Прютцъ, его описаніе И. Земли—XXXIV.
Пустозерскій острогъ—XIII, 41—44, 53.
Пушкаревъ—20.
Пырковъ Носъ, мысъ—110.

Р.

Раффъ (палтусъ), рыба—38, 39.
Регули, мадьярскій путешественникъ—62.
Рейналь, аббатъ—VII.
Ремезовъ, Семенъ—XXXIII, XXXIV.
Реньяръ—19, 36.
Рибу, книгопродавецъ, издат. Ламартиньера—XIV, XV, 122.
Ридъ—XXVII
Рифейскія горы (Уралъ)—VIII, XI, 71, 73, 86.
Ровдуга и рогожа—54, 56.
Рожеръ, Этьенъ — амстерд. книгопродавецъ, издатель Ламартиньера—105, 121, 123, 130.
Романовскій, князь—XXXVII.
Роспись сибирскимъ городамъ и острогамъ—XXXIV.
Россомаха (glouton), животное—29.
Руанъ, г-дъ—I.

Рукселла, мысъ—IX, XV, 12.
Русановъ—XXIV.
Рущинскій, Л. П.—128.
Рѣки (вообще) Европ. и Азіатской Россіи—66.
Рѣпинъ, князь—XXXVII.

С.

Салтенсфіордъ, заливъ—15.
Самоѣсія, Самоѣдія, самоѣды и пр.—VII, XI, XIII, XXIV, 17, 20, 27, 33, 42—44, 54, 63, 71, 72, 76, 79, 80, 107, 111, 115, 158, 160.
Сани (нарты)—23.
Свенске, мореплаватель—XVII.
Семеновъ, В. П.—64.
Семеновъ—20.
Сена, рѣка—29.
Сибирь - VII, VIII, X, XI, XIII, XVI, XXXI—XXXIV, 17, 20, 27, 42—44, 48, 56, 58, 61, 64—67, 70, 114, 153, 158, 159, 161, 168.
Сибирскія Лѣтописи—XXXIII.
Сибиряковъ, А.—63, 65, 69.
Сибутъ (Сыгва), рѣка—XXXI, 61—63.
Сидоровъ, М. К., сибирскій общ. дѣятель—64, 67.
Сидъ и Сидуекюль, округъ и гора въ Исландіи—99.
Сифилисъ, болѣзнь—167.
Скальгольтъ, г-дъ въ Исландіи—99
Скальковскій—XIX.
Скипскій барашекъ, растеніе—124, 164.
Скорбутъ, болѣзнь—81.
Скоресби, мореплаватель—114.
Смеракату, демонъ—21.
Сова, птица—38, 39.
Соколовскій—XIX.
Солинусъ—104.
Соловецкіе о-ва—78.
Соловьевъ, С. М.—XIX.
Соловьевъ, Вл. С.—117—119.
Соль, лапландцы не употребляютъ ея—17, 28, 35, 38; крымскіе татары — тоже—164.
Сонинии—XVII.
Сосьва, рѣка—XXXI, 61—63, 66, 67.
Сочиненія Ламартиньера—I, V, 82.
Спасскій, Г. И —62.
Спаоарій—XXXIII.
Становье, рѣка—30.
Стафангеръ, мысъ—7.
Стекби, деревня—8—9.
Стёме, о-въ—15.
Стень—161, 163.
Стокгольмъ, г-дъ—58.
Столпохенъ, см. Толпосъ-изъ—73.
Сторе, маякъ—8.
Страбонъ, географъ—114.
Страленбергъ—XXXIV.
Стрѣшневъ, бояринъ—XXXVII.
Сума, рѣка—XXX.
Сумь, Суоми, Сумскій князь—XXIX.
Сургутскій округъ—63.
Сутерландъ—XVII.
Сухое море—78.
Сѣверный Ледовитый океанъ, море и пр.—22, 29, 84, 112, 113.
Сѣверный мысъ—26.
Сѣверная Торговая Компанія — I, XXXVII, 1, 3.
Сыгва (Сибутъ), рѣка — XXXI, 61—63, 73, 74.
Сиден, самоѣдскіе боги—79.

Т.

Тазовская Губа—63.
Тальзо, мысъ—101.
Тамбулъ (*Tambul*), г-дъ—VII, 158, 159 (Тобольскъ).
Татарія, татары—112, 164, 165, 168.
Татарское море — XII, 84, 87, 108, 109, 111, 164.
Теве—104.
Тиле, С. П. (*Tiele*, С Р.), его книга—81.
Тихій океанъ—65.
Толпосъ, Телпосъ - изъ, Столпохенъ и пр.—69, 71, 73, 74, 76.
Торней, Іоганъ, пасторъ, писавшій о лопаряхъ—118.
Тресковая губа, заливъ—41.
Троллы, дьяволы—100.
Трубецкой, князь—XXXVII.
Тулома, рѣка—29.
Тумень, фонъ—163.
Турнекъ, г-дъ и Т-ій округъ—62, 63.
Тыссен, самоѣдскій родъ—53.
Тюмень, г-дъ—66.

У.

У Полюса, книга анонимнаго автора—XV.
Уанойта, самоѣдскій родъ—53.
Улѣбъ, или Глѣбъ, новгородецъ—78.
Ульфельдтъ, Яковъ, путеш. по Россіи—116.
Уралъ, Каменный Поясъ, Рифейскія горы — VIII, 17, 62, 63, 64, 66, 67, 71, 74, 87, 108, 109, 112.
Уса, рѣка—63, 64, 74, 112.
Уставъ Ярослава—XXIX.
Усть-рѣка—XXXVII.
Устюгъ, г-дъ—62.
Ушатый, князь Петръ—62.

Ф.

Фавръ—XVI.
Фетиџо, истуканъ — XI, XIII, 76, 77, 79.

Филиппъ, мужъ королевы Маріи англійской—XXIII.
Филостратъ, писатель—103.
Финляндія—54.
Финскія шхеры—11.
Фохтъ, Карлъ, путешествіе его на сѣверъ—8.
Франція—172.
Фридрихъ III, король датскій—I, IX, XV, XXXVII, 1, 2, 3.
Фрисландія—111.
Фробишеръ, мореплаватель—114.

Х.

Хадако, самоѣдскій идолъ—79.
Хае, самоѣдскій богъ—80.
Хаіадея, или Вайгачъ, о-въ—80.
Ханъ крымскій—164, 165.
Харузина, В. Н. проф. Москов. Археол. Института—80.
Харузинъ, Н. Н. этнографъ—XIX, XXIX, 19, 20, 21, 29, 32, 76, 118, 119.
Хегъ, самоѣдскій богъ—79.
Херіъ и Мякензи, путешественники—117, 120.
Холмогоры, г-дъ—XXIV, 33.
Хотанзей, самоѣдскій родъ—53.
Христіанія, г-дъ—IX, 2, 3, 7, 18.
Христіанхавенъ, пристань—102.
Христоферъ Колумбъ—110.
Хырморъ, рѣка—74.

Ц.

Царевичъ (*czaroïdg*)—125, 133.
Царь Московскій, или великій князь—51, 52, 55.
Цигперъ—13.
Циклопъ—101, 102.

Ч.

Чай—VII.
Челюски самоѣдскіе, 91.
Чематъ, село—63.
Чепслеръ—XXII—XXIV, XXXIV.
Черепановъ, ямщикъ, сибирскій лѣтописецъ—XXXIII.
Черемисы, народъ—36.
Черкасскій, князь Яковъ—154.
Черкасы—малороссіяне—143, 168.
Черная, рѣка—41.
Черноморецъ, „Сѣверъ Россіи“ — VIII, XXXII.
Чертежъ всей Сибири—XXXIV.
Чертежная Книга Сибири—XXXIV.
Чинги, Чинги-Тура (Тюмень), г-дъ — XXXI.
Чудь, народъ—XXIX.
Чукотскій Носъ, мысъ—30
Чукчи, народъ—28, 30.

Ш.

Шагерёртъ, г-дъ—1.
Шамиссо—XVII.
Шараповы Кошки, о-ва—109.
Шары, проливы, ведущіе въ Карское море—XXIV.
Швеція—XXXVII, 3, 7, 171.
Шерри, о-въ—XXVI.
Шерри, Франсуа—XXVI.
Шефферъ, епископъ—XXX, 13, 14, 26, 28, 29, 36, 118.
Шлёттъ, замокъ—2.
Шпицбергенъ, о-въ—VII, VIII, XXVI, XXVII, 40, 94, 95, 112, 114, 115.
Шренкъ, А.—XIX, 53, 108—110.
Шультце, Францъ, книга о фетишизмѣ—81.
Шуя, рѣка—XXX.

Щ.

Щербачевъ, Ю. Н., перев., Записокъ Юста Юля“ XXXVII.
Щугуръ, рѣка—73, 74.

Э.

Эдуардъ, король Англіи—XXIII.
Эйріесъ (*Eyriès, E—s*), біографъ Ламартиньера—I, III—VI, 82, 129.
Энгельгардтъ, А. П., архангг. губернаторъ—19, 30, 33, 38, 39, 79, 89, 112.
Энкгейзенскіе купцы—XXIV.
Эпикуръ, философъ—110.

Ю.

Югорская Земля, Югрія, югорскіе князья—62, 74, 78.
Югорскій Шаръ, проливъ—XIII, XXVIII, 41, 44, 69, 108—110, 112, 113.
Юиль, г-дъ—62.
Юль, Юстъ, его Записки—XXXVII.
Юрубей, рѣка—63.
Юрубей Таганичъ, шаманъ—13.
Юрьевъ, Д., картографъ—67.

Я.

Ядринцевъ, Н. М., писатель—XIX.
Ялмалъ, полуостровъ—41, 65, 110, 113.
Янъ-Майенъ, о-въ—8.
Яренскій уѣздъ, Вологодской губ.—61.

Ѳ.

Ѳедоръ Борисовичъ Годуновъ, царевичъ — XXXIII, 41.
Ѳирсовъ—XIX.

Примѣчаніе: Въ Указателѣ приведены большею частію имена собственныя; что̀ касается *предметнаго* указателя, то его, отчасти, можетъ замѣнять *оглавленіе*, т. к. въ немъ подробно перечисляется содержаніе соотвѣтствующихъ главъ.

инв. 2397 пк
БАН СССР
ПК
III 452